

А. ВОЛЬСКИЙ · УМСТВЕННЫЙ РАБОЧИЙ

А. Вольский

УМСТВЕННЫЙ
РАБОЧИЙ

Умственный рабочий

А. ВОЛЬСКИЙ

УМСТВЕННЫЙ
РАБОЧИЙ

Международное Литературное Содружество

1968

Copyright by Inter-Language Literary Associates, 1968

Международное Литературное Содружество

Publisher: Inter-Language Literary Associates

New York — Baltimore

Printed in Germany

1968

JAN WACLAW MACHAJSKI
HIS LIFE AND WORK

BY ALBERT PARRY

JAN WACLAW MACHAJSKI: HIS LIFE AND WORK

By Albert Parry

He created one of the more interesting storms in Russia's revolutionary period from 1898 to 1918. Having built it up, he remained the eye of that storm for a goodly part of those twenty years. And he did this when, himself a revolutionary and an intellectual, he passionately declared and stubbornly repeated that revolutionary intellectuals should not be trusted by the non-intellectual proletarians in whose name they presumed to speak. A Marxist so much of his early adult life, he said that Marxists in particular should be distrusted.

He was a Pole, steeped in the culture of his country's Russian conquerors almost as deeply as in his native Polish thought, language, literature, and politics. His name was Jan Waclaw Machajski, pronounced Makhaisky. His fellow revolutionaries, whom he attacked so furiously, coined the derogatory, spiteful epithet *makhayevshchina* (Makhayevism) to degrade his ideas. To this day, the Soviet press occasionally revives this awful term at the least inkling that something like his argument may reappear anywhere in the Soviet Union, in whatever faint accents or camouflaged form.

According to the Russian records we have, he was born in the little town of Pinczow, the Province of Kielce, Russian Poland, in 1867. But his widow, Vera (also known as Roza Levin), wrote in the 1930s that he was born in Busk(o), near the city of Kielce, on December 27, 1866. The map shows Busko and Pinczow as two separate towns, but very close to each other. And if the widow in her memoir used the old Julian calendar, then Machajski's birthdate was January 8, 1867.¹

His father, Konstantin Machajski, a poor clerk, died early in Jan Waclaw's childhood, leaving a large family with barely any means of support. Jan Waclaw's mother took in boarders, and some of these were high-school students, most likely children of rural families that did not have such schools in or near their own localities. When Jan Waclaw himself entered the Kielce high school, he helped the family's meager finances by tutoring some of his mother's boarders, who were his classmates. By Vera's later testimony, he was bright enough to start such tutoring at the tender age of nine or ten.²

¹ L. Syrkin, *Makhayevshchina (Makhayevism)* (Moscow-Leningrad, 1931), p. 4, mentions Pinczow and 1867. N. N. Baturin (pseudonym of N. Zamiatin), in his essay "Pamiati Makhayevshchiny" ("Remembering Makhayevism") in the book *Sochineniya (Works)* (Moscow, 1930), p. 352, distorts the town's name to "Pindov." Mrs. Machajski's statements are quoted by me on the basis of her memoir on Machajski's early life (up to 1903), which manuscript (in Russian) is now in the files of Max Nomad of New York, to whose kindness in letting me consult it I am greatly obligated. My talks with Mr. Nomad about his old mentor, Machajski, were of much aid to me in the preparation of this essay.

² Vera Machajski's memoir.

On graduation from high school, Jan Waclaw enrolled at the University of Warsaw, first in the natural sciences, but soon transferring to its medical school. The future celebrated Polish novelist and short-story writer, Stefan Zeromski, was among his classmates both at the high school and at the University. In later years Zeromski would reminisce that, from the secret reading of forbidden radical literature in his high-school years, Machajski moved to outright revolutionary activities as a university student. His widow in her memoir placed the beginning of his conspiratorial work at 1888 when he was twenty-one. Essentially, this anti-Tsarist activity was patriotically, nationalistically pro-Polish. In part it consisted in educational work among Warsaw proletarians. Zeromski, who was a member of the same revolutionary group, described Machajski as a very able and convincing propagandist.³

Some of the group's literature came from Austrian Poland. In 1891, while trying to smuggle the books and brochures into Russian Poland, Machajski was arrested by the Austrian police. After four months in the Cracow prison he was expelled from the country. He moved to Zurich in Switzerland, the traditional center of political émigrés from Eastern Europe. He enrolled at the Zurich University, but devoted more time to émigré arguments than to study.

The arguments were between those Polish students who were more nationalistic than devoted to ideas of Socialism, and those who formed a group called "The Proletariat" and agitated for extreme radicalism. Machajski joined the latter. By this time he had forsaken his erstwhile Polish nationalism. He was now a zealous Marxist and an out-and-out internationalist. When in 1892 the news of a strike and bloody street clashes came from the great Russian Polish industrial center of Lodz, he wrote and helped print a flaming appeal to the Lodz textile workers to fight on against the Tsar and the capitalists "not a mere eight days, but until we achieve our demands, and then our friends, the Russian workers, seeing how helpless the Tsar is before the people's might, will wake up from their eternal slavery, will demand a reckoning from their own rich bosses, and together with the Polish working people will crush the Tsar, this greatest tyrant in the world."⁴

Crossing into Russian Poland with a shipment of the leaflet, Machajski never delivered it to the Lodz workers: he was arrested on the Russo-German border by the Tsarist police. According to revolutionary Russian sources, he was then a member of the Polish Socialist Party,⁵ founded in 1892 by Josef Pilsudski and a few other young revolutionaries. Pilsudski had that very year returned from five years of Siberian exile. Born eleven months apart, both Machajski and Pilsudski were 25 years old in 1892.

³ On the relationship between Zeromski and Machajski, see Max Nomad, *Dreamers, Dynamiters, and Demagogues* (New York: Waldon Press, 1964), pp. 35 and 133; also Marshall Shatz, "Jan Waclaw Machajski, the 'Conspiracy' of the Intellectuals," *Survey*, London, No. 62 (January 1967), pp. 45-46, quoting two Polish sources, one of them by Zeromski himself.

⁴ Vera Machajski's memoir.

⁵ Viktor Chernov, *Konstruktivnyi sotsializm (Constructive Socialism)*, I (Prague: Volia Rossii Publishing House, 1925), 99.

II

Machajski spent a total of three years in two Tsarist prisons, first at the Warsaw Citadel, next at the St. Petersburg *Kresty* ("the Crosses," then a brand-new jail built along a supposedly American model, in the form of two crosses), eighteen months in each, some of this time in solitary confinement. This was followed by a five-year term of exile to the Yakut Province in the desolate tundra and taiga of North Eastern Siberia. On reaching Yakutia, he learned that the town of Vilyuisk was the site of his exile.⁶

He was eager for further strengthening of his Marxist faith through talks with fellow-exiles and reading of whatever books he could find in Siberia. He considered himself extremely lucky: one of the exiles had managed to bring along a whole library of Socialist literature in several languages, and this Machajski began to devour.

He took part in the discussions and writings of the time on the latest sensation: the ideas of the German Social-Democrat, Eduard Bernstein, who in the 1890s and later undertook to criticize and revise Karl Marx by stating that class war was not at all inevitable, that a Marx-predicted social revolution was not in the offing, since the emergence of many small fortunes was taking the place of the extreme concentration of capital forecast by Marx, and that proletarians could improve their lives through labor unions and parliaments. The fiery revolutionary that Machajski was, he naturally joined those who ridiculed and attacked Bernstein.

Yet, almost in the next breath, Machajski himself was destined to become non-Marxist, nay, anti-Marxist, in a way all his own. According to his widow, already in his Zurich days he had assailed those of his Polish friends who would use the workers and the ideas of Socialism merely to win independence of Poland from the Tsar and then to run Poland for themselves, not for the workers and other masses. As Marshall Shatz points out, "this was his first lesson in the intelligentsia's 'exploitation' of Socialism for its own political purposes, a notion which subsequently became the cornerstone of Makhayevism."⁷ But this repudiation of all the radical intellectuals and their revolutionary protestations, not only Polish but also Russian, German, and the rest, came in his Siberian exile.

It was there, in 1898, that he wrote and hectographed the first of his three pamphlets, all three of which he entitled *Umstvennyi rabochii* (*The Intellectual Worker*). The second part of the series was written and hectographed in 1899. Some historical Russian sources insist that the third part was issued also in 1899 in Siberia, but more reliably Max Nomad says that Part III was printed (not hectographed) in Geneva, Switzerland, in 1904.⁸ It was about this time, in 1904, that Machajski began to use a literary pseudonym — A. Volsky.

⁶ Chernov (*ibid.*, I, 99) mistakenly stated that Verkhoyansk, farther North, was Machajski's place of exile.

⁷ Shatz, p. 46.

⁸ Max Nomad, "Machajski, Wacław," *Encyclopaedia of the Social Sciences* (New York: the Macmillan Company), IX (1933), 655.

In Siberia, in the late 1890s and early 1900s, at least the first two parts of Machajski's treatise were carried to Russian exiles wherever these settled. Leon Trotsky, in his captivity at Ust'-Kut on the upper Lena River shore, received and read all three parts, or so he recalled a quarter-century later. He said he liked the first part because in it Machajski argued, seemingly still as an orthodox Marxist, against Bernstein's revisionism and "opportunism." Trotsky and his fellow-exiles were, by Trotsky's own testimony, "much impressed by the facts and quotations" marshalled by Machajski in support of his attack on the soft line of the German Social-Democrat. Even the second pamphlet was "more of the same, although somewhat weaker." But the third and final pamphlet was not only "extremely weak," but, to Trotsky and other orthodox Marxists, sheer heresy.⁹

In fact, in all three — particularly as subsequently touched up by Machajski — we can see a definite and frank repudiation of Marxism, and a call for a yet stronger revolutionary line than Marx and Marxism had by then advocated. As Trotsky later recalled it, Machajski's ideas bordered on "revolutionary syndicalism"; at times, they were taken for sheer anarchism and even anti-intellectualism. Briefly, they may be summarized as follows:

Marxists and other self-professed revolutionary intellectuals only pretended to be fighters for the proletariat and other oppressed masses. Most, if not all, such intellectuals never really cared for the masses. They were only using the workers and other poor folk to advance themselves as intellectuals, as professionals, as managers, to positions of selfish prosperity and power.

Machajski further wrote that these Marxists and other would-be revolutionaries wanted to bring down the structure of private capitalism, not to usher in a paradise of equality, of justice for workers and farmers, but to put themselves into the seats of power after they had dislodged the private capitalists. Instead of private capitalists, these intellectuals were going to introduce state capitalism, he declared, with themselves as the self-aggrandizing bosses and sole beneficiaries of the new system. He called these intellectuals "a rising privileged class, fighting for a place in the sun against the old privileged classes, the landed owners and capitalists." They too, he said, had a kind of capital. This capital was their higher education, "the source of their actual or potential higher incomes."

And they were not going to surrender this capital for the common good as they implied or professed, as they protested or promised they would.

No, in reality they were going to use their capital — this higher education of theirs — to snare all the workers into a revolt against the owning classes, whose seats of power these Marxists and other intellectuals coveted. They did not mean Socialism, even as they preached Socialism.

⁹ L. Trotsky, "Vospominaniya o moyei pervoi sibirskoi ssylke" ("Recollections of my first Siberian exile"), *Katorga i ssylka (Hard labor and exile)*, Moscow, no. 5, 1923, pp. 91-95. See also Vera Machajski's memoir; and Nomad, *Dreamers, Dynamiters and Demagogues*, p. 165.

Thus we see Machajski as a unique prophet indeed. This Polish intellectual predicted with startling clarity and truth the regime into which the so-called Socialism of the Russian Communists has been transformed, not alone in Russia, but also in Poland, Hungary, Czechoslovakia, China, and all the other countries seized or influenced by them.

But what of the positive side of Machajski's argument? What did he propose in lieu of what the Marxists and other *intelligenty* preached? In brief, he would leave both action and triumph to workers only, and not a whit to intellectuals. The workers' action should consist of strikes and economic demands, which in due course would force the governments to retreat and create laws dictated by workers. The workers would compel the bourgeoisie to improve the workers' wages and living conditions to a point where the proletarian offspring would get higher schooling, too. And once everyone was truly educated, a thoroughly stateless and equal society would arise. There would be no have-nots in any sense whatever. Envy and strife would cease. All, all would be haves, and it would be mainly this equal access to education which would bring about the ideal egalitarian society. So said Machajski.

Most importantly, Machajski saw no special commanding role for his followers, his organization, even in the phase of transition from capitalism to his picture of paradise on earth.

He and his adherents would be governed by motives of pure altruism in contrast to the alleged selfishness of the Marxist intellectuals.¹⁰

III

His five-year Siberian exile term was up in 1900, and that summer Machajski was allowed to start for European Russia. But en route he was re-arrested. He was mistaken for Yury Steklov, the Social-Democrat and future Bolshevik editor of *Izvestiya*, who had recently fled from his Siberian exile. The error cleared up, there was nonetheless no freedom for Machajski, for at the time of his arrest dozens of copies of his hectographed pamphlets had been found in his luggage. Machajski's authorship of the pamphlets had apparently been known to the gendarmerie. Now,

¹⁰ In English, Machajski's text has so far been presented in a brief excerpt, "On the Expropriation of the Capitalists," in V. F. Calverton, ed., *The Making of Society, an Outline of Sociology* (New York: Random House, the Modern Library, 1937), pp. 427-436. An objective summary of Machajski's views is given by Marshall Shatz, *loc. cit.*, *passim*. Clear expositions of Machajski's doctrine, but in their spirit ranging from friendly to critical (at any rate, never truly objective), are given in Nomad's writings. The friendly tone is apparent in Nomad, *Rebels and Renegades* (New York: the Macmillan Company, 1932), pp. 206-208, 213, 239; also in the already cited biographical article in *Encyclopaedia of the Social Sciences*, IX, 654-655. The critical tone is evident in Nomad's *Dreamers, Dynamiters, and Demagogues* of more than three decades later, *passim*. My own book, *The New Class Divided* (New York: the Macmillan Company, 1966), pp. 7-8, states Machajski's philosophy insofar as it attacks the Marxist intellectuals of his time, but not his prescriptive program.

with the material evidence in their hands, the Tsarist authorities launched a new case against him.

He was jailed at Irkutsk, Central Siberia. The revolutionary exiles residing in that city, although opposing the sharp message of Machajski's *Intellectual Worker*, "were very friendly to him as a person."¹¹ They raised 5,000 rubles as his bond, and in 1901 he was released. He was allowed to live in Irkutsk in comparative freedom, although under police surveillance. At this time he was described by his foes as a possessor of "the zeal of a self-educated person and the self-confidence of a pedant,"¹² and by his friends as a well-built man of medium height, a thin beard on his energetic face lit by "the eyes of a Polish revolutionary fanatic."¹³ Even while they argued against his anti-intellectualism, his opponents among his fellow exiles did indeed like him. For, very much unlike his dour text, his speech was often gay and his manner at times smiling. Besides, he had something of a reputation as a skillful and accommodating cook, a hardy vodka-drinker, an eager chess-player, and something of a practical joker.

But Machajski soon also found some who agreed with his ideas. It was in the early 1900s, in his Irkutsk period, that he gathered around him his very first group of followers. These were a mixture of a few revolutionary exiles and some local workers, such as railroadmen, bakers, and printers. Many years later Machajski's widow recalled those Irkutsk faithful as Vera Gurari, A. F. Zholtkevich, Bronislav Mitkevich, Pavel Verkhoturov, a baker from the Ukraine named Chuprina, also "exiled workers Goltsobl, Zhenda, and others." They helped to provide illegal printing facilities; they placed their living quarters at the organization's disposal for its clandestine activities. In April 1902, under Machajski's leadership, they wrote and printed a May 1 leaflet calling upon the workers of Irkutsk to fight the educated ones and particularly the Socialist intellectuals of the time who, it was alleged, merely wanted to ensnare and exploit the proletariat. The leaflet, as Machajski's widow recalled it years later, "explained to the workers that May 1 should be the day of struggle for the workers' economic demands, and not of a demonstration for a parliamentary regime, for freedom to be enjoyed by the educated part of the society." The local intelligentsia, naturally, did not like that leaflet at all.¹⁴

Meanwhile the judicial investigation by the Tsarist authorities of Machajski's new offenses dragged on. His latest activities in Irkutsk must have been noticed, for in May 1903, when he was once more arrested, a number of his local collaborators were also apprehended. Three of them were sentenced together with him, to six years of exile each, to be spent in a distant part of Siberia, at Sredne-Kolymsk. Machajski would not be free before 1909, too long a wait after all the years already served as the Tsar's captive. He and his friends decided he must flee.¹⁵

¹¹ Vera Machajski's memoir.

¹² Chernov, I, 102.

¹³ P. A. Garvi (Garvy), *Vospominaniya sotsialdemokrata (Recollections of a Social-Democrat)* (New York, 1946), pp. 287-318.

¹⁴ Vera Machajski's memoir.

¹⁵ *Ibid.*

He found himself in a cell of the Alexandrovsky *Tsentral*, a notorious hard-labor prison and transfer point for political and other criminals, founded in 1873 at the village of Alexandrovskoye, some fifty miles northwest of Irkutsk. The opportunity to escape before being shipped farther north presented itself when, in their occasional softness and frequent ineptitude, his Tsarist jailers permitted Machajski to visit, under guard, a fellow exile in a neighboring village. On this trip Machajski had a companion, another political prisoner — P. A. Garvi, a Social Democrat, in his future American years known as Peter Garvy. On the visit to the village Garvi helped Machajski to flee by distracting the guard's attention while Machajski climbed out of the window and down a ladder placed at the right spot. The cheerful calm of both conspirators had no better illustration than a farewell wave of Machajski's hand over the window sill to Garvi as the latter sat in the next room drinking coffee with the unsuspecting guard.¹⁶

Traveling through Siberia and European Russia, Machajski safely reached and crossed the Western border. In the fall of 1903 he settled in Geneva. His fame had preceded him. The previous year, 1902, brought Trotsky — also a fresh escapee from Siberia — to London and his first meeting with Vladimir Lenin. It was on this occasion that Trotsky informed Lenin that in his Siberian exile he had been reading Machajski, and he explained to Lenin just what the Pole's ideas were.¹⁷ In time, some of Machajski's admirers thought they detected a cautious interest and perhaps even a hidden sympathy on Trotsky's part for certain of Machajski's arguments. They felt that Trotsky must have realized the justice of Machajski's criticism of the intellectuals' greed for power; hence, they said, his sneers about Machajski's premise — a defense mechanism on Trotsky's part, no doubt.¹⁸

The story of those who openly believed in Machajski's preachment, beginning as it did with the Irkutsk group of 1901-03, was continued in 1901-04 at the opposite end of the Tsar's empire — in Odessa. There, a few of his followers banded together into what they called "the Union of Workers' Conspiracy"; they seemed to be in contact with some local anarchists.¹⁹ The first copy of Machajski's hectographed work, "on thick, rough paper," appeared in Odessa as early as the winter of 1901. A worker, who was a talented Marxist and fiery revolutionary, one Kh. I. Trakhtenberg, brought this copy to his group, and apparently voiced some agreement with the Pole's premise. The group, chiefly proletarians who disliked intellectuals, now splintered away from the local Social Democrats and called themselves "The Workers' Will." Their theses were definitely those of Machajski. But later, following many angry arguments, the splitters rejoined the Social-Democratic organization of Odessa.²⁰

¹⁶ Garvi, pp. 287-318.

¹⁷ Trotsky, *Moya zhizn': opyt avtobiografii (My life: an essay in autobiography)*, I (Berlin, 1930), 167.

¹⁸ Nomad, *Dreamers, Dynamiters, and Demagogues*, p. 165.

¹⁹ Syrkin, p. 7.

²⁰ I. I. Genkin, "Sredi preyemnikov Bakunina" ("Among Bakunin's Heirs"), *Krasnaya letopis' (Red Annals)*, Moscow, No. 1 (22), 1927, pp. 188 and 190.

Similar groups of Machajski's followers, inspired by a more lasting opposition to intellectuals, were founded in Yekaterinoslav in the Ukraine and at Vilno and Belostok in the West. The Belostok group was particularly active. During the abortive revolution, St. Petersburg in 1905-06 and Warsaw in 1906 were sites of yet stronger groups of the "Makhayevtsy." The St. Petersburg organization was led by Vera Gurari and Rafail Margolin.²¹ Both were Jews, and Margolin was a young worker. It was interesting to note that many a young Jewish worker, although possibly with the traditional respect his race feels for education, did not trust the politics of those who had education, particularly if these happened to be Socialist politics.

IV

The going for Machajski's ideas was tough, however. One reason for the failure of Machajski's ideas to expand and consolidate their grip on Russia's workers was the fierce opposition to his startling sermon on the part of practically all the active revolutionary intellectuals of the time. Socialists of all parties and groupings were aghast at Machajski's teachings. They at once mobilized the entire corps of their theoretical publicists, orators, and agitators. The whole propaganda apparatus of the Socialist movement, be it Bolshevik, Menshevik, or Socialist Revolutionary, went into action against this new common enemy. The virulence of their attack was unprecedented.

The mildest of these anti-Machajski arguments had to do with so-called "economism": his opponents saw in some of his philosophy a clear — and deplorable! — kinship to the revisionism of Bernstein and other advocates of the need for workers' immediate economic improvement, the ideas Machajski himself had criticized in the first part of *The Intellectual Worker*.

His answer to the charge was that surely he stood for an immeasurably stronger revolutionary line of action than Bernstein and his ilk did. He called workers to the barricades, while the Bernsteinians did not. Those German revisionists, along with some of their timid Russian admirers, wanted to enhance the workers' lot through trade-unions and parliaments, but Machajski bristled with an aggressive anti-labor-unionism and anti-parliamentarism. To him, the trade union movement and the intellectuals' love for parliaments meant only soft jobs which intellectuals wanted for themselves at the expense of the gullible proletariat.

Some Socialists took a sober look at their own movement, and blamed themselves for whatever limited influence Machajski's ideas had achieved among certain declassed intellectuals, unemployed artisans, and restless workers of Russia (an influence that increased during the period of reaction that followed the revolution of 1905). In the 1920s, looking back, Communist commentators explained this success not as the result of the inherent quality of Makhayevism but as a temporary triumph-by-default.

²¹ Syrkin, p. 7.

The default, they said, was that of the non-Machajski-type Socialists of the post-1905 era. A Russian Communist wrote in 1926:

We must give justice to the Makhayevists: as demagogues, they managed to find the sickliest spot of our underground organizations. In their malicious campaign against the Socialist intelligentsia they superbly exploited the abnormal relationship in the underground between the intellectual center . . . on the one hand, and the working-class periphery on the other.²²

The Communist went on to explain that the intellectuals manning the underground headquarters surrounded themselves with the trappings of such rigid conspiracy that workers ceased to see them. Thus came the alienation used so cleverly by Machajski and his followers in their campaign. An effective answer would have been to bring enough proletarians into the underground committees, but this was not done at the time, not even by the most alert of the Bolsheviks.

Yet, there was more to Machajski's temporary success than this disappointment of Russia's proletarians with the professional revolutionaries, who, in 1905, had seemed so close to a victory which they were unable to deliver. Deeper-rooted than such disillusionment, there was the age-old resentment felt by the country's lower classes for the higher strata — for the better-dressed, for the educated, for "those who wear eyeglasses." As a Moscow publicist wrote in 1927, in its general premises Makhayevism "stemmed from the times of serfdom, from the peasant's distrust of his master, from the lower-class townsman's distrust of the professional intellectual, and, at that, to them the word 'intellectual' meant everyone who did not do heavy physical labor, and who wore a clean suit."²³

In time to come, during and after the revolution of 1917, it was sometimes indeed dangerous to wear a suit, a necktie, and eyeglasses: the lower classes suspected and hated you as their enemy by such small signs as these. From my personal experience in the Russia of those tumultuous years I well remember the risk we sometimes ran in wearing neat clothes and eyeglasses. This memory is amply supported in the available literature about the era. In late 1917, Sergei Pushkarev, a moderate Socialist, came home from the armed forces to be with his ill mother at her estate in the Kursk Province. The district commissar, "a tall and robust sailor, of bandit appearance and behavior, always with a revolver and a belt of cartridges," came to harangue the local peasants. He demanded that the Pushkarevs, deprived of their 620 acres, also be expelled from their rural home: "Listen, comrades! Why argue? Just look around. All of us here, toiling proletarians, are without eyeglasses, there is only one who has them . . ." And he pointed at Pushkarev accusingly.²⁴ The well-known Soviet writer Konstantin Paustovsky reminisced how in 1919 his mother and nearly blind sister walked across the south of Russia to join him in Kiev. As

²² Baturin, p. 354. Baturin's essay in *Sochineniya* is a reprint of his obituary of Machajski, which originally appeared in the Moscow *Pravda* for March 2, 1926 (no. 50).

²³ Genkin, p. 186.

²⁴ Sergei G. Pushkarev, "1917 — A Memoir," *The Russian Review*, XXVI (Hanover, New Hampshire, January 1967), 65-66.

a matter of caution, the girl removed her glasses. Paustovsky explained: "Everyone treated people in glasses suspiciously in those violent times. They thought them cunning enemies, and hated them ferociously."²⁵

Particularly in the first revolution, of 1905-06, this primitive hostility to the *odikastnye*, the eyeglass-wearing intellectuals, was strong among the plain folk. In the reactionary outbursts of street violence led by the hooligans, by the Black Hundred "patriots," and by the burly janitors and butcher-shop assistants, the targets and the victims were usually Jews and students, and often their telltale characteristics included their eyeglasses. Machajski was accused by his opponents of applauding the hoodlum enemies of Russia's intellectuals. He was charged with anti-intellectual hooliganism, and although there was never any actual political union between his followers (who after all counted in their ranks a number of intellectuals, Jewish or not) and the Black Hundreds, a common strain of distrust for intellectuals can be detected both among Machajski's adherents and the pogrom-bent ignoramuses.

Nor was there any actual alliance between Machajski's faithful and the so-called Zubatovtsy — the followers of Sergei V. Zubatov, who from 1890 to 1903 was chief of the Moscow security police, and who organized "legal" workers' groups to win the Russian proletariat away from the revolutionaries' influence. Yet Machajski's revolutionary foes pretended to see an affinity between his and Zubatov's appeals to the workers to improve themselves economically.²⁶

But another alliance could be, and was, proved by Machajski's foes — the alliance between his teachings and organization and those of the anarchists. Some anarchists of the era, and a few later researchers, thought they detected the influence of Michael Bakunin's writings upon Machajski. None could find any direct connection to Bakunin, less so an open acknowledgement of such a debt, in any of Machajski's texts. The alliance between Machajski's followers and the anarchists developed from the warm sympathy felt for him by the anarchists of his time perhaps more than from any of his own statements. While he attracted anarchists of various schools, he in fact attacked them — as he abused all the other faiths and causes. But they listened to him, and some finally came over to join him.

(In Russia, however, far removed from his immediate charisma, some of his followers would seek out anarchists, to establish a working contact with them, and then merge with them — more on the anarchists' terms than on their own.)

²⁵ Konstantin Paustovsky, *Povest' o zhizni (Narrative of my life)*, II (Moscow, 1962), 154.

²⁶ Such attacks on Machajski can be found in the already cited works of Baturin, Chernov, Genkin, and Syrkin, also in R. V. Ivanov-Razumnik, *Chto takoye makhayevshchina? (What Is Makhayevism?)*, St. Petersburg, 1908, *passim*, as well as the two articles on Machajski and his movement in *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya (Great Soviet Encyclopedia)*, XXXVIII (Moscow, 1938), 494, and 2nd edition, XXVI (Moscow, 1954), 544.

An outstanding case of Machajski's magnetism winning over an anarchist was that involving Max Nomad.

Nomad first heard of Machajski in 1904, shortly before Nomad moved from his native Austria to Switzerland, little suspecting that Machajski would "play a decisive role in shaping the course of my life."²⁷ Some Russian-Jewish anarchist workers in Vienna told Nomad of a group of rabid anarchists active in Odessa. They were called "the Irreconcilables," intent as they were on fighting the bourgeoisie with all possible weapons, but some of them went farther; being followers of one "Makhayev" (as many Russians mistakenly called Machajski), they swore to fight not only the capitalists but also the intellectuals, those hypocritical "wolves in sheep's clothing." Sixty years later Nomad was to reminisce:

It was all very hazy and confusing until I met him in Geneva a year later [1905]. He was thirty-eight at that time, but looked at least fifty. His ascetic face reminded me of the pictures of John the Baptist. They had not cut off his head; but the best years of his life had been spent in prison and Siberian banishment. Moreover, his entire life seems to have been one long chain of bad luck.²⁸

A Soviet commentator once described this post-Siberian period of Machajski's life as being full of woe. Having reached the safety of Switzerland, Machajski "was greatly destitute and felt himself forsaken by all."²⁹ But the reality of Geneva was quite different. In that fair city he was far from being alone, starving, and forgotten. He had his young wife with him, Roza Levin, also known under her revolutionary pseudonym of Vera, a fellow exile from the Siberian years. And, in Nomad's testimony, "a rich convert provided for their living expenses and the printing of Machajski's writings."³⁰

Followers and doubters, friends and opponents sought him out, and he overwhelmed all with his intense and bitter arguments. At his first meeting with Nomad, knowing that Nomad was an anarchist, Machajski ranted against anarchism and syndicalism so aggressively that Nomad was repelled, and would not discuss any issues with him for a long time after.

But Nomad had by then certain doubts about his own anarchist ideas. He began to read Machajski's writings — and presently was a "Makhayevist." He thought he had found the supreme truth in Machajski:

His revolutionary recipe for the destruction of the capitalist system and the emancipation of the working class was simplicity itself. A world-wide secret organization was to turn the spontaneous and scattered strikes for higher wages and

²⁷ Nomad, *Dreamers, Dynamiters, and Demagogues*, p. 35.

²⁸ *Ibid.*, p. 104.

²⁹ Genkin, p. 186.

³⁰ *Dreamers, Dynamiters, and Demagogues*, p. 105.

the demonstrations of the unemployed into world-wide general strikes and uprisings which would "dictate the law" to the governments, forcing them to take over the industries, to raise wages, and to provide public works for the unemployed.³¹

With the capitalists eventually gone from the face of the earth, equality of income would be brought about, and soon also education for all. "The ensuing elimination of the chasm between the educated and the uneducated would result in the establishment of a classless and stateless society." To young Max Nomad, with his anarchist views being thus revised, Machajski's solution. "sounded very plausible and truly in the interest of the horny-handed underdog."³²

The rich convert who helped to propagate Machajski's ideas was a young girl named Janina Berson, daughter of a wealthy St. Petersburg banker. She hated Tsarism and capitalism, but accepted money from her father to live well in Germany, Switzerland, and other pleasant foreign lands, and to help her radical friends in their plotting. Meeting Vera-Roza Machajski at the University of Berlin, she at once believed in Jan Waclaw's ideas, and from then on gave generously to support the Machajskis in Geneva. She devoted to the cause a large part of the allowance she received from her rich father. It was the money of Janina, or, rather, of her bankersire, that made the first printed edition of *The Intellectual Worker* possible and that financed the smuggling of these books into Russia. It was through Janina that Nomad had first met Machajski.³³

The bibliography of Machajski's works in his Geneva period is often stated in a rather contradictory manner. It is, however, certain that all three parts of *The Intellectual Worker* were reprinted on Janina's money in their original Russian, but with some meaningful revisions and additions by the author, in Geneva in 1904-05. Meanwhile the first Russian revolution created the temporary semi-free conditions which made it possible for Parts I and II to be reprinted in St. Petersburg in 1906. The publisher was one V. Yakovenko-Pavlenkov.

Machajski's widow in her memoir states that he published both *Bankrotstvo sotsializma XIX stoletiya* (*Bankruptcy of Nineteenth Century Socialism*) and *Burzhuaznaya revolyutsiya i rabodcheye delo* (*The Bourgeois Revolution and the Workers' Cause*) in Geneva in 1905. Max Nomad confirms this and adds that in St. Petersburg in 1906 the Russian edition of *The Holy Family* by Marx and Engels contained Machajski's "Primechaniya perevodchika" ("Notes by Translator"). In 1908 Machajski's *Rabodchii zagovor* (*The Workers' Conspiracy*) was published in Geneva,³⁴ and in this text he for the first time rather fully explored the problem of actual tactics to be followed by his adherents.

³¹ *Ibid.*, pp. 105-106.

³² *Ibid.*

³³ *Ibid.*, pp. 195-196.

³⁴ Vera Machajski's memoir, also Nomad's biography of Machajski in *Encyclopedia of the Social Sciences*, IX, 655, bibliography.

Machajski returned to Russia in 1906. But he was one year too late. The Tsarist forces were gaining the upper hand; revolutionaries were being arrested, deported to Siberia, and many hanged or shot. To avoid the net, Machajski returned to Geneva either late in 1907 or early 1908.

Nomad does not tell us precisely how long Janina's aid to Machajski lasted, nor is any other source definite on this point. He simply says: ". . . our money ran out . . . the game was up . . . in a period of general apathy and discouragement," which seems to have occurred sometime between 1906 and 1910. "So we decided to adjourn . . . and to keep body and soul together as best we could." This last problem was solved by Machajski in a rather humdrum manner: he went to Zakopane, a winter health resort in the High Tatra Mountains, Austrian Poland, where he made a living as a tutor. Wrote Nomad: "He had excellent references; Stefan Zeromski, Poland's most famous novelist, had remained his devoted and admiring friend ever since their school days, even though they did not share the same brand of radicalism." Perhaps Zeromski felt he had to repay Machajski somehow for modeling after him a revolutionary character in one of his novels whom he called Radek. (Many Austrian and Russian revolutionaries of the time, not knowing too much about the younger version of Machajski, failed to recognize him in Zeromski's Radek. Sharing this ignorance, Karl Sobelsohn, a Lvov-born radical, adopted the fictional hero's name for his own, and thus became Karl Radek.)³⁵

Nomad himself worked with Machajski until about 1910, when other and less violent ideas than Machajski's began to occupy him. Nomad would remain a radical but of a more contemplative type. He was also beginning to suspect Machajski of wanting precisely the thing Jan Waclaw was accusing the Marxists and other intellectuals of wishing and plotting for: power. In decades to come Nomad formulated this suspicion: ". . . if the movement led by Machajski's organization was strong enough to 'dictate the law' to the government, then it might also be strong enough to overthrow that government, whereupon the leaders of 'our' secret organization might seize power and establish their own dictatorship."³⁶ There was in Nomad, for years, enough of his original "pure" anarchism not to wish anyone's government, less so dictatorship, over people. And thus did Nomad, Machajski's most influential adherent, leave the movement.

In Russia, far more publicized than Max Nomad, Yevgeny Lozinsky was for a time considered Machajski's most articulate and active disciple. Lozinsky, also an intellectual, hardly ever acknowledged his spiritual debt to the master, but pretended to pursue an independent cause. His ideas, however, were in essence a striking echo of Machajski's arguments, and this was particularly clear from Lozinsky's two books on the intelligentsia and the achievements and prospects of the labor movement, published in St. Petersburg in 1907 and 1909.

But soon afterwards this apostle, too, left Machajski's fold.

³⁵ *Dreamers, Dynamiters, and Demagogues*, pp. 133 and 35.

³⁶ *Ibid.*, p. 203.

VI

Machajski was living in Paris and working in a bank when the news of the overthrow of Tsarism came in March 1917.

Within a few months, along with other political émigrés, he returned to Russia and again tried to write and publish. Always more radical than moderate Socialists, he accepted the Bolshevik takeover of November of that year, but with grave reservations, of course. In the summer of 1918, in Moscow, he published a little magazine *Rabochaya revolyutsiya* (*The Workers' Revolution*), which did not last beyond its first issue, in which he chided the Bolsheviks for being entirely too slow in expropriating the bourgeoisie. He felt that they, no less than the moderate Socialists who had preceded them, lived up to his forecasts: here was a new bureaucracy, composed of intellectuals and some so-called "advanced" workers, interested in their own newly-acquired power rather than that of the proletariat.

He took a minor editorial and research job with the Communists, nonetheless. At that post, as copy editor of *Narodnoye khoziaistvo* (*People's Economy*), later renamed *Sotsialisticheskoye khoziaistvo*, the journal of the Supreme Council of People's Economy, he worked quietly until February 19, 1926, when he died of angina pectoris.³⁷ He was then 59 years old. For the last eight years of his life, after the summer of 1918, he had been politically silent.

He died (as Marshall Shatz rightly notes) "peacefully but, ironically enough, as one of those 'intellectual workers' he had previously singled out as the foremost enemy of the working class."³⁸ And it was lucky for him that he did not live in the Soviet Union some ten years longer: he was not bothered by Stalin's secret police in the 1920s, for Stalin was then intent on badgering and removing bigger game than Machajski; but Machajski would have surely been purged had he survived into the 1930s, when hardly a single non-conformist — no matter how unimportant or obscure — was overlooked by the arresting and shooting squads.

Machajski's death was noted with some show of sympathy and sorrow in just one Russian publication. This was the periodical of the Russian anarchist émigrés in Paris.³⁹ The two obituaries in the official Soviet press (*Izvestiya* of February 24 and *Pravda* of March 2) were a curious mixture of sneer and grudging respect.

His widow in Moscow was allowed to exist unmolested, at the state's modest expense, on the official grounds that she had once been a fighter against the Tsarist regime. In 1934 Max Nomad, knowing that he would not be permitted by Stalin's government to re-visit the Soviet Union (for he had two years earlier published his

³⁷ A. Shetlikh, "Pamiati V. K. Makhaiskogo" ("In Memory of V. K. Machajski"), *Izvestiya*, Moscow, February 24, 1926.

³⁸ Shatz, p. 56.

³⁹ P. A. (rshinov), "Pamiati V. K. Makhaiskogo," *Delo truda* (*The Cause of Labor*), Paris, no. 11 (April 1926), pp. 5-8.

book *Rebels and Renegades*, which he was certain could not be liked by Stalin), arranged for Janina to invite Vera to visit her in France. Nomad and Machajski's widow spent this last meeting, reminiscing about the past and going over the fine points of Machajski's doctrine.⁴⁰ From this year dates Vera's invaluable memoir of Jan Waclaw's early life, penned in her miniature handwriting, now in Max Nomad's archives and made available by him to those researchers who come to his New York apartment with their questions on Machajski.

It was in 1933, the year before his trip to Western Europe, that Nomad published a brief appraisal of Machajski's life and work in *The Encyclopaedia of the Social Sciences*, and it was still a friendly view, despite the fact that he had not been the master's follower since about 1910. But from the middle 1930s on, certainly after his last talk with Vera, Nomad was increasingly critical of his former mentor.

Janina, an émigré from the revolution, eked out a sorry living in Western Europe in the 1920s and '30s, while her banker-father was a lowly clerk in Warsaw, the last of his fortune gone with the fall of Kerensky's government in November 1917. But Janina, though destitute, did not seem to be either regretful or bitter. She still spoke of her work with Machajski in tones of nostalgia, and she was glad to see Vera when Nomad arranged for their reunion in France in 1934.⁴¹

In official Soviet writings for the two decades up to Stalin's death in March 1953, Machajski's memory was attacked with increasing ferocity — on the rare occasions when it was at all mentioned. The vicious onslaught was kept up even in the relatively relaxed post-Stalin times. One year after Stalin's demise, "Makhayevism" was castigated as "counter-revolutionary" and "reactionary" in its "slander of the revolutionary intelligentsia." The aim of Machajski's teachings was described as "inciting enmity" between the intelligentsia and the working class. Yet this official statement of 1954 admitted that Machajski's ideas had some following in Red Russia as late as 1938.⁴² And even as late as February 1965 a high Kremlin propagandist writing in *Pravda* on the relations between the Party and the intelligentsia found it necessary to castigate "Makhayevism" once more, ostensibly as a long-outdated phenomenon.⁴³ But if outdated, why was it necessary to drag it out? Apparently the Party hierarchy was not too sure that the Machajski prediction was outdated or otherwise laughable.

The fact is that the hatred of the have-nots against the haves is today as current among the Russians as ever. Those lowly folk who feel they are barred from

⁴⁰ *Dreamers, Dynamiters, and Demagogues*, pp. 201-205.

⁴¹ *Ibid.*, pp. 195-201.

⁴² Unsigned, "Makhayevshchina," *Boľshaya sovetskaya entsiklopediya*, 2nd ed., XXVI (1954), 544. This Soviet encyclopedia, in both its editions (1938 and 1954), gives the year of Machajski's death incorrectly as 1927 instead of 1926. In my book *The New Class* *Divided I* unfortunately repeated this error of the Soviet encyclopedia.

⁴³ A. Rumiantsev, "Partiya i intelligentsiya" ("The Party and the Intelligentsia"), *Pravda*, February 21, 1965.

education still sullenly resent the educated. The Soviet press now and then finds it necessary to assure its readers, in reply to their querulous letters to the editor, that some day everybody will indeed be educated and that at that happy point there will be no distinction whatever between menial and mental workers — that in that blissful future there will be no such thing as menial work. There will be no workers — everyone will be an engineer!

Meanwhile, people who wear glasses are still suspect to the lower classes. Except that the old Russian word for them has changed. It is no longer *odkastyie*. The new eyeglass-wearing intellectual is called *odkarik*. But the bitterness, the distrust, the jealousy are still in that widely used term. That which Jan Waclaw Machajski discerned in the plebeian psyche of old Russia, and made his main premise, is still alive in the Soviet Union.

ОСЛЕПЛЕННЫЙ УТОПИЕЙ

Р. Н. Редлих

ПРЕДИСЛОВИЕ

ОСЛЕПЛЕННЫЙ УТОПИЕЙ

(О книге А. Вольского «Умственный рабочий»)

Р. Н. Редлих

Со времени, когда А. Вольский писал своего «Умственного рабочего», прошло больше 60 лет. За это время марксисты, обличению которых посвящен весь пафос Вольского, раскололись на два направления. Одни, — и по сей день называющие себя социал-демократами, — превратились в одну из партий современного демократического государства; полностью отказавшись от идеи мировой революции и диктатуры пролетариата, они, как и все другие, ведут борьбу за голос любого избирателя и стремятся войти в правительство и управлять государством, не меняя его социального строя. Другие, — переименовавшись в коммунистов-ленинцев, — захватили власть не только в России, но и во всей восточной Европе и, что может быть еще важнее, в Китае. Их идеология и политика исходят не столько из Маркса, сколько из Ленина, во время Вольского еще почти неизвестного. Развитие пошло не так, как предвидел Вольский. Но идея социализма жива и продолжает трансформироваться и действовать. И как раз в этом, думается, и заключен главный интерес его книги. Перед нами документ эпохи, прошедшей, но не изжитой, эпохи, до неузнаваемости искаженной и искажаемой коммунистической партийной историографией именно потому, что в ней коренится наше сегодня, потому, что она эпоха предреволюционная, эпоха, из которой вырос советский период русской истории.

Как «Наши разногласия» Плеханова, как почти все писания революционной интеллигенции того времени, как большинство сочинений Ленина, «Умственный рабочий» — произведение полемическое. Вольский ни с кем не согласен и не ищет ни с кем согласия. Дух отрицания владеет им вполне и без остатка. Он считает себя лишь бывшим марксистом: «Первоначальная попытка настоящего исследования оставаться в предпринятой критике марксизма на марксистской почве, могла быть лишь преходящим, начальным моментом этой критики.»

пишет он в предисловии (стр. 41).

В своей эмоциональной основе «Умственный рабочий» написан из отчаяния. И в этом смысле это страшная книга. «Оглянулся окрест себя, и душа моя страданиями человеческими уязвлена стала». Эта радищевская уязвленность неотпускающей болью живет в душе Вольского. Первый русский интеллигент перекликается с почти последним. И разница только в том, что Радищев «оглянулся окрест себя» и уви-

дел, а Вольский проштудировал Маркса и усмотрел, и не может избавиться от усмотрения. Зло конкретное, беспомощный грудной ребенок, брошенный в грязной избе (и мухи на нем!) у Радищева, у Вольского с помощью Маркса абстрагировано и поднято на принципиальную высоту:

«У пролетариата ограбили не только наследие всех веков, но и его способность пользоваться нормальным образом своим естественным органом — мозгом.» (стр. 150)

Сочувствие, сопереживание, жалость принимают у Вольского неконкретный, отвлеченный и доктринерский характер. Но это не значит, что их нет. Вольский не хочет примириться с тем, что

«Социалистического провидения нет, никаких, независящих от воли людей, законов развития общества нет. Нет сил природы, которые вознаграждали бы добрых угнетенных за их испытания и наказывали бы неправедных угнетателей за их злые деяния.» (стр. 332).

Ему горько, что

«Социалистическое вероисповедание не создает социалистического рая, а способствует лишь буржуазному прогрессу, народению тех новых молодых правящих классов, отсутствие которых вызвало его на борьбу.» (стр. 335)

Его возмущает, что

«Проходят годы, и марксистское провидение научных социалистов обнаруживает полное тождество с провидением всяких других жрецов и попов. Рабам буржуазного общества оно сулит счастье после их смерти; оно гарантирует социалистический рай их потомкам.» (стр. 328)

И не полемический задор, а горечь разочарованного романтика побуждает Вольского ко все новым и новым нападкам и на немецких, и на польских, и на русских социал-демократов, и на Бернштейна, и на Каутского, и на Плеханова, и на Кропоткина. В глазах Вольского они все слишком мало уязвлены страданиями «рабов современного общества». Они все изменники, они все предатели рабочего дела, они все слишком считаются с историей и слишком ценят культуру. Они все отказываются стать на

«единственный прямой путь к низвержению существующего строя неволи, единственный путь, свободный от компромиссов с буржуазным законом — подпольный заговор для превращения вспыхивающих столь часто и столь бурно рабочих стачек в восстание, во всемирную рабочую революцию». (стр. 329)

Заговорив о «всемирной рабочей революции», Вольский тотчас же вступает на путь фантастики. Бесполезно искать здесь у него уточнений? Бесполезно спрашивать, как должен осуществляться

его «свободный от компромиссов» «подпольный заговор». Он просто не задается этим вопросом. Как Бакунин, Ткачев и Нечаев, он абсолютизирует революцию, но, в отличие от них, он не ищет конкретного пути к ней, и лишь где-то впереди ему маячит стихийная всеобщая забастовка пролетариев, которая должна остановить всемирную историю грабежа. Однажды признав вслед за Марксом, что история есть история грабежа, он проклял историю. Его мысль антиисторична. Его революция есть

«восстание рабов современного общества против исторических законов, которые весь земной шар превращают для них в тюрьму.» (стр. 342)

Но мысль его и антикультурна. Полемизируя с анархистом Кропоткиным, который в отличие от социалистов отказывался признать борьбу основной движущей силой истории и утверждал, что человеческая культура и общественная жизнь есть результат солидарности и сотрудничества, обвиняя его в том, что

«Чем больше анархизм развивает свою науку, т. е., чем больше углубляется в тайны «солидарности», этого священного начала и абсолютного блага в природе и человечестве, тем больше и легче цивилизованное общество, эта тюрьма для рабов всех веков, выступает перед нами как проявление сотрудничества.» (стр. 347),

он утверждает, что цивилизованное общество отнюдь не лишено логики и здравого смысла, но, напротив,

«с неумолимой, непреклонной логикой оно строит в настоящий момент ту же тюрьму для рабов, как и сто, тысячу и две тысячи лет тому назад; оно обрекает, как и тогда, большинство человеческих существ, еще до рождения, на пожизненную неволю, на рабский ручной труд.» (стр. 350)

Обрекает и будет обрезать всегда, потому что

«Вульгарная история говорит нам, что подвиги самоотвержения и мужества совершали люди с первых же дней их общественной жизни. И с того отдаленного момента эта самоотверженность, пока она не достигла победы, всегда рекомендует себя и свои дела, как жертву в пользу всех ближних, в пользу всех человеческих существ. Но достаточно ей одержать победу, низвергнуть гнет, который несла она сама, и оказывается, что жертвы приносились исключительно в пользу очень незначительной среды, группы, класса; в пользу среды, строго ограниченной. Оставшиеся поработанными испытывают от недавних «самоотверженных» борцов тот же самый зверский гнет, что и от предыдущих властителей.» (стр. 260)

Дух Вольского — это дух отчаянного сомнения, которое принято называть «карамазовским». И сравнивать «Умственного рабочего» надо, конечно, не с писаниями благонамеренного фаталиста Плеханова и

учеными исследованиями Струве. И уж, конечно, не с целеустремленным фанатизмом Ленина. Оно напоминает скорее обращенный к Гегелю вопль неистового Виссариона Белинского:

«Кланяюсь Вашему философскому колпаку, но, со всем подобающим Вашему филистерству уважением, честь имею донести Вам, что если бы мне удалось влезть на верхнюю ступень лестницы развития, — я и там попросил бы отдать мне отчет во всех жертвах условий жизни и истории, во всех жертвах случайностей, суеверия, инквизиции Филиппа II и пр., и пр.: иначе я с верхней ступени бросаюсь вниз головой. Я не хочу счастья и даром, если не буду спокоен насчет каждого из моих братий по крови, — костей от костей моих и плоти от плоти моей. Говорят, что дисгармония есть условие гармонии: может быть это очень выгодно и усладительно для меломанов, но уже, конечно, не для тех, которым суждено выразить своей участью идею дисгармонии.»

К сожалению, здесь не место отыскивать корень русских сомнений в оправданности культуры и истории. Но мысль Вольского растет не только из Маркса, но и из этого корня. Его отталкивает утверждение «отца русского марксизма» Плеханова, согласно которому с появлением капитализма в России

«изменяется самый характер русской культуры, исчезает наш старый азиатский экономический быт, уступая место новому европейскому. Рабочему классу суждено завершить у нас великое дело Петра: довести до конца процесс европеизации России». (В брошюре против Тихомирова).

Вольский ненавидит европейскую буржуазную цивилизацию не меньше Константина Леонтьева, в отчаянии вопрошавшего, неужели

«апостолы проповедывали, мученики страдали, поэты пели, живописцы писали и рыцари блистали на турнирах для того только, чтобы французский, немецкий или русский буржуа в безобразной комической своей одежде благодушествовал «индивидуально» и «коллективно» на развалинах этого прежнего величия?»

Но если Константин Леонтьев, — этот единственный чистый эстет в России XIX века, — отвергал буржуазную культуру во имя «прежнего величия», во имя иной, менее расчетливой и более поэтической, как ему казалось, культуры, то Вольский враждебен не только современной европейской буржуазности. Он отвергает не просто капитализм, но любой общественный строй, построенный на эксплуатации, любое образованное общество, живущее за чужой счет. Он, как Лев Толстой, не принимает никакой культуры, если она не сделана доступной всем и каждому. Для него

«Пролетариат, путем своей мировой конспирации и диктатуры, достигнет господства над государственной машиной не для того, чтобы выводить из затруднения, из анархии и банкротства хозяйственный строй,

который не может справиться с переросшими его тесные имущественные рамки производительными силами...

Он будет стремиться к господству над властью для того, чтобы захватить имущество господствующего образованного общества, имущество ученого мира, для того, чтобы вырвать наследие человечества из рук владеющего им меньшинства. И упраздняя наследственную частную собственность и все частные фонды и средства воспитания, он принудит употребить конфискованное имущество на организацию общественного воспитания, на «обобществление знаний.» (стр. 221).

И если для Ленина очевидные факты эксплуатации и борьбы классов суть условия и средства для революции,* то для Вольского они проклятие, лежащее на мировой истории, та самая «слишком дорогая цена», которую отказывался платить за входной билет в царство счастья Иван Карамазов.

Сомнение Вольского носит всеобщий характер. А отчаяние его — метафизическое отчаяние.

*

Произведение Вольского смонтировано из нескольких отдельных рефератов. Оно недоработано, сумбурно, сыро. Оно перегружено мелкой, не всегда остроумной и сплошь да рядом несправедливой полемикой. Он и сам признает, что «Умственному рабочему» не хватает единства и цельности. Он сам пишет:

«Напротив, более ранние части сочинения заключают кардинальный недочет: в них автор все еще обнаруживает стремление вывести марксизм из его заблуждений на истинный революционный путь, стремление, оказавшееся в течение дальнейшего исследования совершенно утопическим.» (стр. 41)

Но из пучины разочарованного отчаяния, в которую, именно в ходе работы, он все глубже и глубже погружается, Вольскому видно многое, что осталось скрытым от взоров его, может быть и более талантливых и более образованных и уж, наверно, более благоразумных современников. Ему видно, что люди всех веков и народов меряются одной меркой и что разница между Марксом и Родбертусом по-существу вторична. И если бы он заметил незаметного еще в то время Ленина, он, вероятно, нашел бы, что и разница между Лениным и Победоносцевым в сущности тоже вторична. Повторяем: из пучины отчаянья, наполненной вовсе не Марксом, а «карамазовскими» сомнениями рус-

* См. хотя бы, может быть известную и Вольскому, его раннюю статью о задачах русских социал-демократов (1897 г.), где Ленин уже тогда говорит об агитационной «утилизации» любого экономического и политического вопроса (Собр. соч. т. 2, стр. 308).

ского XIX века, Вольскому видно, что невидимый ни Плеханову, ни Ленину, ни даже таким, вышедшим тоже из марксизма, ученым аналитикам как Струве, Булгаков или Бердяев

«неумолимо всплывающий факт принуждает нас приподнять закрывающий сущность движения социалистический щит и посмотреть на него реальными глазами, как на обыкновенные исторические будни.»

Этот факт — зарождение властвующего класса в недрах самого социалистического движения. Контуры его Вольский еще не может, правда, рассмотреть и полагает, что этим классом будет все то же буржуазное «образованное общество». Но то, что в основе новой общественной структуры, к которой стремится социализм, будет лежать принцип коллективной собственности, он видит ясно. Заслуга его мысли в том, что он первый это увидел.

Вольский думает, что отошел от Маркса. Но основы марксовой картины мира усвоены им навсегда. Как и для Маркса, история есть для него история грабежа, а культура — надстройка над этим грабежом, лицемерие, «щит, закрывающий сущность» явлений. Ход его мысли понятен только из Маркса. И Вольский ошибается, полагая, что

«первоначальная попытка исследования оставаться в предпринятой критике марксизма на марксистской почве, могла быть лишь преходящим начальным моментом этой критики.» (стр. 41)

Напротив, «Умственный рабочий» — это попытка применить к марксизму марксистский метод, додумать его в его же категориях и вскрыть материальную базу, которой он служит оправдывающей надстройкой. Но дадим слово самому Вольскому.

«Социализм XIX столетия, вопреки утверждению всех верующих в него, не есть нападение на основу строя неволи, существующего на протяжении веков в виде всякого образованного общества-государства. Он нападает лишь на одну из форм этой неволи, на господство класса капиталистов. Даже в случае его победы он не упраздняет векового грабежа: он уничтожает лишь частное владение материальными средствами производства — землей и фабриками, он уничтожает лишь капиталистическую эксплуатацию». (стр. 44 и 326)

«Экспроприация класса капиталистов вовсе не означает экспроприации всего буржуазного общества. Одним упразднением частных предпринимателей современный рабочий класс, современные рабы не перестают быть рабами, осужденными на пожизненный ручной труд; стало быть не исчезает, а переходит в руки демократического государства-общества создаваемая ими национальная прибыль, как фонд для паразитного существования всех капиталелей, всего буржуазного общества. Последнее, после упразднения капиталистов, остается таким же как и раньше господствующим обществом, образованным правителем, миром белоручек,

остается владельцем национальной прибыли, которая распределяется в виде столь же приличных, как и ныне, «гонораров» «умственных рабочих» и, благодаря семейной собственности и семейному укладу жизни, сохраняется и воспроизводится в их потомстве.» (Стр. 44 и 326).

Оба эти места кажутся Вольскому настолько важными, что он повторяет их дважды, в начале и в конце книги. Центральная же часть всей работы, «Научный социализм», посвящена обоснованию этого положения на основе 2-го тома «Капитала» и политической экономии Родбертуса. Разобравшись в экономической теории Маркса и сравнив ее со взглядами Родбертуса, Вольский приходит к выводу, что

«Эксплоатацию рабочего класса в современном обществе Маркс раскрывает в пределах отдельного капиталистического предприятия. Это, так сказать, ревизия счетов капиталиста, определение суммы неоплаченного труда — прибавочной стоимости, которая получается, если из суммы, вырученной капиталистом от продажи товаров вычесть ту сумму, которую он затратил на приобретение «объективных и субъективных факторов». В этих то пределах, в сфере отдельного капиталистического предприятия, а не в сфере всего капиталистического производства, Маркс устанавливает все экономические понятия и категории для своего учения и затем, когда это нужно, целиком переносит их на общественное хозяйство. Таким образом, именно при ревизии счетов отдельного капиталиста, взимание всей стоимости, созданной рабочим сверх стоимости необходимых для него средств существования, называет категорически эксплуатацией.» (стр. 170-171).

«Благодаря указанному возвеличению категорий индивидуального капиталистического хозяйства и перенесению их целиком на все капиталистическое производство, общественный постоянный капитал получил от Маркса такое право на существование, какого у него нет.» (стр. 199)

«Возмещение стоимости общественного капитала и есть вручение национальной прибыли всем эксплуататорам рабочего класса... Это не два явления, которые можно разделить; нельзя уничтожить одно из них — прибыль эксплуататоров, оставляя при жизни другое — общественный постоянный капитал.» (стр. 204)

Не будем судить, в какой мере Вольский прав в своей критике «Капитала». Думается, что в противоположность Булгакову и Струве, дело для него вовсе не в экономической теории, а в тех выводах, которые из нее вытекают. Заблуждение Маркса для Вольского не просто заблуждение. Оно подсказано Марксу классовым интересом «умственных рабочих» и носит характер роковой неизбежности. В результате этого «заблуждения», экономическая, как раз наиболее научная, часть марксизма, с вытекающей из нее проповедью обобществления средств производства, оказывается лишь орудием классовой борьбы, лишь средством для захвата власти «умственными рабочими», «всем образован-

ным обществом», средством для дальнейшего прогресса все той же буржуазной культуры и все той же буржуазной эксплуатации. Вольскому важно, что

«Чем выше национальная прибыль, тем больше потребительский фонд привилегированного образованного общества. Не только капиталисты заинтересованы в эксплуатации пролетария и размерах прибыли, но и все образованное общество. Ибо рабочий эксплуатируется не для праздной жизни лишь горсти капиталистов, а для паразитного существования всего образованного общества производителей «нематериальных благ». (стр. 212)

«Переход средств производства в руки общества без нарушения всех остальных священных прав собственности есть социалистический идеал «умственных рабочих», образованного общества. К этому то идеалу социал-демократия в своем развитии сводит цель пролетарской борьбы, превращая этим социализм в государственный социализм. Экономическая доктрина Маркса ... вполне приурочена к этой цели.» (стр. 221)

Повторим еще раз: Вольский напрасно думает, что ему не удалось остаться «на марксистской почве». Удалось. Ибо он отказался вовсе не от марксизма, а только от той непоследовательности, с которой марксисты (включая и Маркса и Энгельса) решаются утверждать, будто в противоречии со всем, что было до них в истории, их (и почему то именно только их) учение содержит всю полноту истины и ни миллиграмма лицемерия, будто все истины относительны и продиктованы классовым интересом, и лишь истина марксизма абсолютна и основана на научном познании. Нет, для Вольского как раз и сама «научная» часть идеологии марксизма точно такая же надстройка и точно такое же лицемерие. Точно так же, как идеология буржуазной демократии, толкуя о всеобщем равноправии, служит классовым интересам капиталистов, так и марксизм, толкуя о всеобщем счастье в коммунистическом обществе, подготавливает новую форму эксплуатации. Критика мировой социал-демократии сводится поэтому для Вольского к разоблачению ее скрытых исторических целей, к обличению ее лицемерия, к раскрытию ее материального базиса, ее классовых интересов, прикрытых шитом пышной фразеологии об освобождении угнетенных. Задача «Умственного рабочего» разоблачить ту общественную силу,

«скрыть которую составляет первую задачу марксизма, — классовый интерес образованного общества в момент развития крупной промышленности, интерес класса привилегированных наемников». (стр. 223)

И с этой позиции Вольский видит, что

есть нечто глубоко роковое во всем развитии социал-демократии. После каждой победы у нее оказывается плод как будто не тот, который ожидался, чем больше, согласно своей формуле, она приближается к своей цели, тем более, в ее собственном сознании, цель от нее отдалая-

ется. Чем больше она готовится к делу, тем больше это дело не похоже на первоначальный план». (стр. 75)

Вольский отрекается от марксизма во имя его «первоначального плана». И во имя этого «первоначального плана» он продолжает мерить жизнь общества марксистской меркой. А прилагая ее к самим марксистам, устанавливает, что если

«вот эту то мерку обычную для исторических будней факты заставляют применить к анализу души русского революционера. Тогда социалистические, пролетарские и т. п. фразы перестанут нас обманывать и затушевывать прямой смысл этого «социалистического» движения.» (стр. 260-261)

*

Вольский думал и писал до того, как Ленин и ленинизм привлекли к себе внимание общественной мысли. Для Вольского Ленин всего лишь один из ортодоксальных марксистов. Большевизма Вольский не предвидел и его новый господствующий класс, «образованное общество», ничем и никак не отличается от буржуазии. Его внимание было устремлено на процесс «обуржуазивания» социал-демократии, на то самое «социал-предательство», против которого боролся и Ленин. Он ориентировался целиком на то самое развитие социал-демократии, которое уже в его время привело Мильерана в правительство, а немецких социалистов устами Либкнехта заставило объявить уже в 1895 году, что

«при господстве всеобщего избирательного права мы (социал-демократы) спокойно можем сказать о себе: "мы единственная партия порядка в Германии"». (См. "Die Zeit", №№ 36-37).

Ошибка Вольского в том, что он считал эту линию развития единственной, не ожидая, повидимому, что, став «партиями порядка», социал-демократические партии, во имя соучастия в государственной власти, откажутся не только от всемирной революции рабочих и диктатуры пролетариата, но и от последовательной национализации всех средств производства. Усмотрев, что новый эксплуататорский класс будет господствовать на основе коллективной собственности на средства производства и жить за счет национального дохода, он не понял, что это возможно лишь вне рамок всеобщего избирательного права и буржуазно-демократической государственности. Он говорит о государственном социализме, не видя при этом, что экономическая монополия неизбежно влечет за собой политическую диктатуру, «культ личности» и бесправие не только «ручных», но и «умственных» рабочих.

Вольский видел развитие в перспективе первых годов нашего века. Он уже видел, что социалисты работают вовсе не на рабочий класс, а на себя. Но он не видел, что «новый молодой правящий класс» не будет буржуазией и не будет никаким «образованным обществом»,

что он выйдет из недр той из социалистических партий, которая окажется делить с кем-либо власть и, захватив не только экономическую, но и политическую монополию, поставит «образованное общество» «умственных рабочих» себе на службу.

Мысли Вольского не хватило историософской глубины. Он не понимал, из какого корня сам вырос, и не видел, что «мерку, обычную для исторических будней» (европейских) к «душе русского революционера» приложить нельзя. Он полагал, что развитие социал-демократии в России будет таким же, как и на Западе. Ленина он проглядел и большевизма он не предвидел.

«Новому классу» правителей и эксплуататоров социалистического общества будет посвящена другая книга. И напишет ее другой «бывший» марксист, бывший вице-президент социалистической Югославии Милован Джилас. Идею ее нетрудно выразить в нескольких недлинных цитатах:

«Новый класс утверждает свою власть, привилегии, идеологию и обычаи на основе особой формы собственности, собственности коллективной, которой этот класс распоряжается от имени общества и народа.» (стр. 63)

«На практике эти собственнические привилегии нового класса проявляются в исключительном праве политической бюрократии распределять, на основании принадлежащей ей партийной монополии, народный доход, устанавливать заработную плату, направлять экономическое развитие страны и распоряжаться национализированным и другим имуществом. Таким, собственно, и представляется положение рядовому гражданину, считающему коммунистических бюрократов богатыми людьми, людьми, которым нет надобности работать.» (стр. 63)

«Лишить коммунистов их прав собственности значило бы уничтожить их, как класс. Заставить их отказаться от этой их привилегии, ради того, чтобы рабочие могли участвовать в прибылях, приносимых их трудом, как это делается в результате стачек и социального законодательства в капиталистических странах, значило бы лишить коммунистов их монополии, распространяющейся как на собственность, так и на идеологию и государственную власть.» (стр. 64)

«В коммунистических странах... участие в правительственной власти равнозначно владению, пользованию и распоряжению почти всем народным имуществом. Те, кто захватывает власть, захватывают привилегии, а значит косвенным образом захватывают и собственность. Вследствие этого, при коммунизме стремление к власти или к политике, как профессии, характерно для всех тех, кто хочет вести паразитическую жизнь за счет чужого труда.» (стр. 65) (Все цитаты взяты из издания Прегер, Нью-Йорк, 1958 г.)

Разбор того, к чему в самом деле пришло коммунистическое движение и в чем и прав и не прав в своем анализе Джилас, не входит, однако, в нашу задачу. Вернемся к Вольскому.

Переиздавая «Умственного рабочего», мы знаем, что переиздаем книгу, во многом неверную и устарелую. Но нам кажется, что именно эта книга исключительно характерна для породившей ее среды и эпохи. И мы рассматриваем ее, как документ, раскрывающий перед читателем мечтания и борения тогдашней левой интеллигенции. В «Умственном рабочем», как в зеркале, отразилась среда, о которой современный русский читатель вынужден судить едва ли не по одному Ленину. И не беда, что именно Ленин в ней не отразился. Тут то и видно, что Ленин в то время никому еще не казался величиной.

Как и многие крупнейшие представители русской мысли (назовем здесь хотя бы Струве, Булгакова и Бердяева), Вольский прошел через марксизм, но ушел из него не вправо, а влево. Вольский отрекается от марксизма не в силу его ошибок, а во имя его «первоначального плана» спасения угнетенных рабов. Ему

«ясно, что социал-демократическая политика несостоятельна не потому, что, как говорят анархисты, — несостоятелен план коммунизма о захвате власти для господства пролетариата, а потому, что социал-демократия не в состоянии его выполнить; социал-демократия не желает мирового господства пролетариата, она отрекается от этого дела.» (стр.78)

«Вся историческая роль социал-демократии состояла, казалось, в раскрытии утопичности социалистического движения.» (стр. 114)

«Казалось»! Ибо Вольский вовсе не склонен признать, что утопичность «первоначального плана» теперь раскрыта и неосуществимость его доказана. Нет, напротив, раз социал-демократия, начиная с самого Маркса, начиная с изложенной в «Капитале» научной своей основы, встала на ложный путь и отрекается от рабочего дела, значит надо выполнять его без социалистов и Маркса.

Вольский додумал марксизм марксистским же методом и во имя марксовой же первоначальной цели. И обнаружив, что как теория научного социализма, так и практика мировой социал-демократии лишь очередной самообман и лицемерие стремящегося к власти нового эксплуататорского класса, вернулся к утопическому радикализму Бакунина, Нечаева и Ткачева. Вольский теперь надеется, что

«вопреки формулам социализма истекшего столетия, вопреки формулам и социал-демократическим и анархическим, рабочему классу предстоит новая эпоха борьбы, эпоха всемирных рабочих заговоров, диктующих, посредством всемирных рабочих стачек, законы государственной

власти. В этой новой эпохе борьбы, ведущейся исключительно за требования ручных рабочих (чисто-экономические требования), рабочие, с расширением своего заговора и своих восстаний, совершат экспроприацию не только капиталистов, но и всего образованного общества, всех потребителей доходов, превышающих доход рабочего. На место современной семейной собственности они завоюют возможность для каждого человеческого существа родиться равным с другими владельцами богатств и цивилизации, приобретать своим рождением право и материальные средства на одинаковое для всех проведение детства и юности, на равное воспитание и образование.» (стр. 45)

Нам думается, что Вольский искренне верил в свою утопию. Полемический склад ума далеко не обязан препятствовать такой вере. Напротив, дух отрицания человеческой истории и культуры и сведение всех мировых вопросов к единственному вопросу о несправедливом угнетении рабочих ведет к такому отчаянью, из которого утопическая вера, этот чисто умственный «прыжок из царства необходимости в царство свободы», пожалуй, единственный выход. Вольский переносит этот прыжок за пределы марксистской науки. Он лишает свою мировую революцию «научной» причинной неизбежности, но тем более подчеркивает её целенаправленный, нравственно-императивный характер. Эмоционально-волевой фон социалистического движения, ярко выраженный как раз у русских революционеров немарксистского склада, готовность пожертвовать чем угодно во имя великого свершения, во имя революции, переживаемой, как преображение всего, что было доселе, как романтический прыжок в фантастическое царство счастья, как отрыв от исторической реальности, выражены у него очень ярко.

В своей полемической деструктивной части книге Вольского нельзя отказать в убедительности и силе. Лицемерие социалдемократической революционности вскрыто им исчерпывающе.

Бесспорна и интуитивная сила переживания, позволившая Вольскому догадаться о «новом господствующем классе», использующем социализм, как форму своего властвования.

Но ничего конструктивного, положительного, обнадеживающего чтение «Умственного рабочего» не дает. И это не случайно. Потому что, наивной утопией о «всемирном подпольном заговоре ручных рабочих», Вольский сам закрыл себе путь к дальнейшему критическому анализу.

Написав, вернее смонтировав из отдельных статей и рефератов свою единственную книгу, он посвятил все свои силы и время распространению изложенной в ней идеи и попыткам создания организации. Его творческое развитие остановилось, и, публикуемые здесь в качестве приложения, статьи из единственного, выпущенного им летом 1918 года,

номера журнала «Рабочая революция» — могут служить этому свидетельством.

В России в то лето ведь установилась уже диктатура большевиков. Ленин, Бухарин и Троцкий уже властвовали над большевистской партией. «Культура» еще не было, но ЧеКа уже применяла к «врагам революции» свой «красный террор», а контуры ленинского учения были уже намечены.

Вольский их не заметил. Большевики остались для него фракцией социал-демократии. Его беспокоило, что

«источники богатств, где прибыль непосредственно выкачивается из рабочих, за очень малыми исключениями, остаются собственностью капиталистов. Советская власть не решается посягнуть на эту собственность и лишь ищет отговорку, чтобы оттягивать как можно дольше экспроприацию промышленников. Таким образом, основа буржуазного хозяйства, капиталистическая промышленность не нарушалась: буржуазный строй не переставал существовать.»... «После февральского буржуазного переворота рабочая плата сильно повысилась и завоеван восьмичасовой рабочий день. После октябрьской революции рабочие не получили ничего».

Вольский сразу и хорошо понял, что большевистская власть вовсе не власть рабочих. Но что она такое, он думал, что заранее знает и потому не пытался понять. Ослепленный собственной теорией, он был убежден, что, как и все социал-демократы, большевики представители «умственных рабочих», заинтересованных в «дальнейшем прогрессе буржуазного общества». Вольский предвидел нехарактерный для большевизма НЭП, но не предвидел характерную для большевизма сталинщину. Вероятно он даже не дал себе труда основательней присмотреться к Ленину и вникнуть в основы его учения.

Совершенно правильно усмотрев, что марксизм никакая не идеология пролетариата и убедившись, что социал-демократы с неизбежностью перерождаются в одну из буржуазно-демократических партий, он пришел в отчаяние и, как утопающий за соломинку, ухватился за утопию всемирного рабочего заговора, заслонившись ею как щитом от прозрения в ту действительность, которая уже при его жизни начала осуществляться в лице Ленина и его партии; он не разглядел того, что уже за полвека до «Умственного рабочего» и Октябрьского переворота выразило себя в пророчестве Герцена:

«Социализм разовьется во всех фазах своих до крайних последствий, до нелепости. Тогда снова вырвется из титанической груди революционного меньшинства крик отрицания и снова начнется смертная борьба, в которой социализм займет место нынешнего консерватизма и будет побежден грядущей, неизвестной нам революцией».

Гипноз антибуржуазного утопизма помешал Вольскому разглядеть, что эта «неизвестная нам революция» будет направлена не против буржуазного общества, а против большевизма и порожденного им нового класса партийных эксплуататоров. Революция Вольского, несмотря на все его разочарование в Марксе, это все еще антибуржуазная, пролетарская социалистическая революция.

Книга Вольского не только иллюстрация к традиционному русскому вопросу о цене культуры и прогресса. Книга Вольского — свидетельство того тупика, в который зашел уже к 1905 году русский революционный радикализм.

А. ВОЛЬСКИЙ

УМСТВЕННЫЙ
РАБОЧИЙ

ЧАСТЬ 1

ЭВОЛЮЦИЯ
СОЦИАЛДЕМОКРАТИИ

Новое издание с предисловием и приложением

ЖЕНЕВА

1905

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Эволюция социалдемократии» выпускалась уже два раза в России, но в очень ограниченном количестве экземпляров и в очень несовершенном техническом исполнении (на нелегальном гектографе и мимеографе).

В настоящее время эта брошюра может быть издана вновь только с особым предисловием. Последнее оказывается необходимым по следующим поводам.

Во-первых, сочинение написано очень давно, в 1898 г., и для читателя требуются разъяснения, почему заключающаяся в брошюре полемическая критика социалдемократической практики, критика момента столь отдаленного и столь непохожего, в особенности в России, на настоящее состояние движения, почему эта критика, хотя повидимому и очень устарелая, не лишена интереса и в настоящий момент.

Во-вторых, сочинение написано в ссылке, в отдаленной местности Восточной Сибири, где не могло быть и речи о детальном и всестороннем разборе подвергнутых критике положений социалдемократической теории и практики, не могло быть и речи о всех необходимых для сочинения справках. Но главный недочет предлагаемой брошюры, вызывающий необходимость новых, хотя бы самых беглых, пояснений, заключается в следующем.

Точка зрения, на которой автор стоит в настоящее время, только в *р а б а т ы в а л а с ь* на протяжении предлагаемого читателю сочинения. И только в «Заключении» брошюры она высказана в главных своих чертах. Напротив, более ранние части сочинения заключают кардинальный недочет: в них автор все еще обнаруживает стремление вывести марксизм из его заблуждений на истинный революционный путь, стремление, оказавшееся в течение дальнейшего исследования совершенно утопическим.

Такие места читатель сам заметит, но не лишне будет прибавить, что брошюра была составлена из отдельных рефератов, вошедших в состав ее не в той очереди, в какой были написаны. Так, например, наиболее ранними являются две первых статьи о русском социалдемократическом движении.

*

Первоначальная попытка настоящего исследования оставаться в предпринятой критике марксизма на *м а р к с и с т с к о й* почве, могла быть лишь преходящим, начальным моментом этой критики. Дело в том, что «Эволюция социалдемократии» раскрывает марксистский

«оппортунизм» раньше его выступления в виде бернштейнианства, стало быть еще в период его развития под маской «революционной ортодоксии»; раскрывает его не только у будущих вожakov ревизионизма, но и у самых беспорочных ортодоксов. Стремясь затем, ввиду таких наблюдений, отыскать источник социалдемократического оппортунизма, нельзя было не установить его зародышей и основ у самих основателей научного социализма, и не только в их позднейших сочинениях, не только в явно оппортунистических статьях Энгельса 90-х г. г., но и в образцах марксистского революционизма, таких, как «Коммунистический Манифест».

Понятно, что критика, доведенная хотя бы только до этого пункта, уже отрезывала всякую возможность признания какой-либо программы, пытающейся «удержать», либо «возродить» «первоначальную чистоту» социалистического учения вообще и научного социализма, как наилучшего его выражения, в частности. Поэтому от решивших не двигаться с места ортодоксов, которые как раз тогда объявили войну бернштейнианцам, «Эволюция социалдемократии» не ожидает никакого результата в смысле «очищения пролетарской армии от оппортунизма».

Провозглашением неприкосновенности марксизма объявлялись неприкосновенными и элементы оппортунизма, заложенные в его основах. Реформизму грозила не смерть, а приговор произрастать, как и раньше, втайне, под покровом старых революционных фраз.

Только что отмеченная точка зрения в развитии предлагаемой читателю критики все еще являлась позицией лишь временно занимаемой автором «Эволюции социалдемократии». Такая точка зрения не означает еще окончательного разрыва с марксизмом. Напротив, она все еще допускает и ожидает его развития, ибо, открыв в Марковом учении «элементы оппортунизма», она готова признать их лишь «ошибкой» и все еще наряду с ними видит в принципах научного социализма подлежащую развитию основу «пролетарского учения», основу «современного революционного» «социализма».

На этой позиции позволительно еще ожидать, что известная часть марксистского лагеря, там в особенности, где он возник недавно, под давлением потребности освободить радикально «пролетарскую армию» от бернштейнианских, оппортунистических элементов, что такая марксистская фракция увидит, наконец, всю бесплодность ортодоксальных планов поражения бернштейнианства путем превращения в окаменелость «пролетарского учения», и, признав социалистическое учение еще незаконченным, решит развивать научный социализм в направлении революционном, прямо противоположном ревизионизму. Но такие ожидания — одна сплошная иллюзия. Бернштейниада не вызвала

ни у одного, даже самого беспорочного ортодокса, ощущения, что в старой «пролетарской» науке заложены, повидимому, какие-то использованные бернштейнцами недочеты. Напротив, — когда целая масса безгрешного марксистского воинства провозглашает вдруг открытую защиту буржуазного строя, коренное истребление зловерных предрассудков о будущей насильственной экспроприации и окончательное утверждение социалдемократического учения, как формулы буржуазного прогресса, — этот невероятный скандал в непогрешимой с.-д.-ой церкви, по замечательной логике ортодоксов, служит лишь новым, наиболее сильным доводом безошибочности научного социализма.

Марксизм, а так как он лучшее выражение социализма XIX века, — то вместе с ним и весь современный социализм решил сделаться религией, безошибочным социалистическим откровением, хотя бы заключенный в этом откровении план освобождения порабощенных не осуществлялся целые столетия и тысячелетия, беспорочным пролетарским евангелием, хотя бы все грабители признали его, как в свое время учение Христа, освящением прогресса их господства.

Но в таком случае немислима наивная вера, будто социализм истекшего столетия родился и живет ради единственной цели скорейшего низвержения современного строя неволи. Утопичны стремления, проявляющиеся еще на более ранних страницах «Эволюции социалдемократии», вывести из «заблуждений» современный социализм, «спасать» его «от компромиссов» и «буржуазных сетей». Является, наконец, задача более реальная: объявить нападение на общественную силу, тщательно скрывающуюся в социалистическом движении, для которой примирение социализма с существующим строем является не ошибкой, а естественным интересом, неотвратимым стремлением. Решение этой задачи в «Заключении» настоящей брошюры намечается следующим образом:

Искомая общественная сила есть образованное общество в его новейшей формации; растущая армия умственных рабочих, интеллигенция, впитывающая в себя с прогрессом цивилизации средние слои общества, мелких капиталистических собственников; армия привилегированных «наемников» капитала и капиталистического государства, находящаяся в антагонизме с последними при продаже им своих знаний, выступающая поэтому в известные моменты этой своей борьбы, как часть антикапиталистической пролетарской армии, как социалистический отряд; потребитель национальной прибыли, в то же время, владелец всей цивилизации, защищающий, как и всякий другой класс собственников, это свое имущество — результат векового грабежа, — от нападения ручных рабочих.

Сообразно имущественным интересам и планам этого новейшего господина вырабатывалась формула социализма прошлого века.¹

«Социализм XIX ст., вопреки убеждению всех верующих в него, не есть нападение на основу строя неволи, существующего на протяжении веков, в виде всякого цивилизованного общества — государства. Он нападает лишь на одну из форм этой неволи, на господство класса капиталистов. Даже в случае его победы он не упраздняет векового грабежа: он уничтожает лишь частное владение материальными средствами производства — землей и фабриками, он уничтожает лишь капиталистическую эксплуатацию.

Упразднение капиталистической собственности, т. е. частного владения средствами производства совсем не является еще упразднением семейной собственности вообще. Между тем, этот-то именно институт обеспечивает вековой грабеж, обеспечивает только имущему меньшинству и только его потомству владение всеми богатствами и трудом веков, всем наследием человечества, всю культуру и цивилизацию. Этот именно институт осуждает большинство человечества рождаться неимущими, рабами, обреченными на пожизненный ручной труд.

Экспроприация класса капиталистов вовсе еще не означает экспроприации всего буржуазного общества. Одним упразднением частных предпринимателей современный рабочий класс, современные рабы не перестают быть рабами, осужденными на пожизненный ручной труд; стало быть не исчезает, а переходит в руки демократического государства-общества создаваемая ими национальная прибыль, как фонд для паразитного существования всех грабителей, всего буржуазного общества. Последнее, после упразднения капиталистов, остается таким же как и раньше господствующим обществом, образованным правителем, миром белоручек, остается владельцем национальной прибыли, которая распределяется в виде столь же приличных, как и ныне, «гонораров» «умственных рабочих» и, благодаря семейной собственности и семейному укладу жизни, сохраняется и воспроизводится в их потомстве.

Обобществление средств производства обозначает лишь упразднение права частного владения и распоряжения фабриками и землей.

Своим нападением на фабриканта социалист ни в малейшей мере не затрагивает «гонорара» его директора и инженера. Социализм истекшего столетия оставляет неприкосновенными все доходы белоручек, как «заработную плату умственного рабочего», объявляет интеллиген-

¹ Вторая часть «Умственного рабочего», вышедшая под заглавием «Научный социализм», специально занимается развитием последнего положения. Но так как вторая часть имеется пока в очень ничтожном количестве экземпляров, то здесь приводятся главные ее выводы, сформулированные вкратце в одном месте печатающейся третьей части.

цию «незаинтересованной, непричастной к капиталистической эксплуатации». (Каутский).

Современный социализм не может и не хочет упразднить векового грабежа и неволи.

Вопреки формулам социализма истекшего столетия, вопреки формулам и социалдемократическим, и анархистским, рабочему классу предстоит новая эпоха борьбы, эпоха *всемирных рабочих заговоров, диктующих, посредством всемирных рабочих стачек, законы государственной власти.*

В этой новой эпохе борьбы, ведущейся исключительно за требования *ручных рабочих* (чисто экономические требования), рабочие, с расширением своего заговора и своих восстаний, совершат *экспроприацию не только капиталистов, но и всего образованного общества, всех потребителей доходов, превышающих доход рабочего.*

На место современной семейной собственности они завоюют возможность для каждого человеческого существа *рождаться равным с другими владельцем богатств земли и цивилизации, приобретать своим рождением право и материальные средства на одинаковое для всех проведение детства и юности, на равное воспитание и образование.*

Лишь с экспроприацией современного образованного общества падают устои векового грабежа и неволи рабочих масс.²

*

Соц-д-ия, та самая, которая так громко возвестила о своем рождении, как об окончательном разрыве со всякими идеалистическими и религиозными течениями истории, именно соц-д-ия, и прежде всего ее первообраз — германская соц-д-ая партия, выразила религиозную роль социализма наиболее полным всесторонним образом.

Изобретя в своей «пролетарской» науке социалистическое провидение, соц-дем-ия в своей практике научила рабочие массы терпеливо выжидать наступления социалистического рая и в коммунистических молитвах благословлять буржуазный прогресс.

В строгом соответствии с тем, как росла соц-д-ия, как число ее приверженцев поднималось с сотен на тысячи, с тысяч на миллионы, в той же самой мере, в сознании всех соц-д-ов «конечная цель» все более и более уходила в даль веков и наконец стала в мраке будущего совершенно исчезать и расплываться.

² Ниже мы перепечатаваем из другого нашего издания несколько страниц, в которых брошен взгляд на развитие соц.-д.-ии последних лет. Эта цитата послужит для читателя не только дополнением того очерка развития соц.-д.-ии, который сделан в «Эволюции», но и поправкой того утопизма, которым еще проникнута брошюра.

Никакой рост соц-д-ии не в состоянии удержать марксистской «конечной цели» благополучно странствующей в сфере мечтаний о загробной жизни.

Апокрифической, «объективной», «от воли людей независимой» «катастрофе промышленности» так и суждено, при буржуазном прогрессе удаляться с каждым днем в бесконечность.

И хотя бы силы и численность мировой социал-демократии во сто крат возросли, единственным результатом этого развития будет прогресс классового строя, некоторые завоевания в области политических форм и полная буржуазная благонадежность социал-демократии.

Тогда то наступит тот желанный момент, который грезился в предсмертных мечтаниях основателю научного социализма,³ тот момент, когда соцдемократия из «партии порядка» становится партией правительственной, — партией изучившей в совершенстве искусство управлять строем грабежа и неволи рабочих масс.

Ревизионизм не представляет собою какого-либо искажения или вырождения соц-д-ой мысли. Напротив, он естественный шаг в ее развитии, необходимая ступень к выработке соц-д-ого самосознания.

Но ревизионистская «ересь» формулировала итоги и перспективы соц-д-ого движения слишком откровенно, слишком поспешно, а потому и легкомысленно, и обнаружила этим самым непонимание сложности соц-д-их задач и их осуществления. Т о л ь к о за эту излишнюю откровенность и несдержанность ревизионисты подверглись столь жестоким нападкам со стороны марксистской ортодоксии.

Ибо, что касается основных программных выводов ревизионизма, то какой же ортодокс посмеет отвергать их?

— Насильственный способ борьбы, вооруженная революция допустима лишь против сил, мешающих учреждению и развитию современной демократической свободы...

— Заговор, насилие, революционное нападение на свободный демократический народ — безумие...

— Насильственное преобразование общества в духе экономического равенства, насильственная социалистическая экспроприация — абсурд...

— Соц-д-ия осуществит свои цели путем реформы, как выражение свободной народной воли в демократическом государстве...

Какой же ортодокс, хоть бы соединял в себе всю пролетарскую пылкость Бебеля, весь непреклонный революционизм старого Либкнехта, всю марксистскую чистоту Каутского, Плеханова и Геда, какой же ортодокс может отвергнуть хоть одно из вышеприведенных ревизионистских положений, после того, как целыми годами все — ученики — выработывали эти соц-д-ие аксиомы в беспрестанной героической борь-

³ Энгельс в Предисловии к Марксовой «Классовой борьбе».

бе со всякими «истериками насильственного переворота», со всевозможными анархистами?

Хотя для нападения на реформистскую «ересь» объединились в действительности все вышесказанные соц-д-кие добродетели, однако же от этого союза благочестивых не суждено было пострадать, как известно, ни одному еретiku.

Нападение правоверных соц-д-ов на «ересь» имело целью лишь научить бернштейнианцев сдержанности и прекратить их до скандальности откровенную болтовню о том, что выработанная пролетарская практика представляет собою лишь формулу буржуазного прогресса.

Естественно, что в результате победоносной борьбы ортодоксов с ревизионистами, планы последних нисколько не пострадали, а создалось лишь такое положение, при котором ревизионисты приобрели возможность все свои планы проводить под флагом марксистской ортодоксии.

При помощи одной «красной» резолюции Дрезденского съезда германская соц-д-ия, заключавшая только что, по крайней мере, столько же приверженцев ереси, сколько и правоверных, моментально очищается, становится вновь вся сплошь самой ортодоксальной, самой революционной. Не исключив ни одного из оппортунистов, она тем не менее с тех пор не включает больше ни малейшей доли «реформистского оппортунизма». Этот замечательный способ удаления из партии всяких бернштейнианских элементов так прост и вместе с тем так радикален, что под ним с таким же удовольствием подписывается Бернштейн, как и Бебель.

Счастливо удавшийся в Германии способ возрождения и очищения соц-д-ой партии, послужил последнему социалистическому международному конгрессу превосходным средством облачить всю грязь, выросшую за последние годы на «красном социалистическом знамени», в белую, чистую одежду вечно беспорочной пролетарской партии Германии.

Амстердамский конгресс, кроме того, постарался наглядно показать, что для «торжества социализма», одинаково дороги и марксистская ортодоксия и ревизионизм. Это два необходимых элемента социалистической церкви, дополняющие друг друга. Еще раз обнаружилось, что всякая горячая ссора между этими двумя, якобы непримиримыми, полюсами соц-д-ого движения, предвещает, как во всяком счастливом супружестве, лишь более горячее и скоро предстоящее примирение. Чем с большим жаром Бебель и Жорес отлучали накануне друг друга от социалистической церкви, тем с большей любовью, в следующем заседании конгресса, они призывали друг друга к единению *ad maiorem gloriam* социалистического знамени.

Что означает вся эта комедия, разыгрываемая на глазах верующих всего мира, все наглое бахвальство ортодоксов, все их лживые уверения в своей непримиримости по отношению к изменникам ревизионистам?

Эта та самая атмосфера бесстыдной фразы, ханжества и усыпляющего обмана, в которой создавались все церкви, все религии.

Демократический буржуазный строй ортодоксы возлюбили не в меньшей мере, чем жоресисты и дальнейшее его развитие они, наравне с последними, считают уже осуществлением «царства свободы и справедливости». Но им дано большее, чем ревизионистам понимание того, с какими трудностями связан этот буржуазный прогресс, а главное, его распространение на весь земной шар. Они понимают сколь сильное давление должны произвести для этого на консервативные силы современного строя пролетарские массы. Если рабочие массы лишит социалистической религии, если в них поколеблется уверенность в том, что их участие в развитии «политической и промышленной демократии» есть единственный и несомненный путь в социалистический рай, то, одинаково дороге и ортодоксам и ревизионистам цели соц-д-ии, т. е. буржуазный прогресс, не осуществятся.

Поскольку выступление Бернштейна было покушение на самое социалистическую религию, на безошибочное марксистское евангелие, лишь постольку ортодоксам предстояло обуздать бернштейнианство и привести его в самосознание.

Соц-д-ат должен, конечно, понимать, что, как это показал Бернштейн, в системе марксизма сделалось фразой многое — «горсть магнатов капитала», всемирная всеисцеляющая «катастрофа промышленности», «насильственная диктатура пролетариата» и т. п. Но горе ему, если он забудет, что в эти фразы должны верить непоколебимо те массы, которым в борьбе за буржуазный прогресс, в буржуазных революциях предстоит быть пушечным мясом.

Соц-д-т должен, подобно Жоресам, вкладывать всю свою душу в буржуазный прогресс и его нужды, но он обязан также поучиться у ортодоксального архиучителя — Каутского жонглерскому искусству превращать эти нужды в «чисто пролетарские» и «социалистические».

Соц-д-т может развивать и истолковывать свое марксистское учение даже до полного его согласия со всеми современными учеными мыслителями; но он не имеет права заикнуться о «кризисе марксизма» и забыть о том, что марксизм есть откровение, в котором не может чего-либо не быть, которое не может заключать что-либо в основе неверное.

Естественно, что эту сущность соц-д-их стремлений и следующую из нея сложность программы, социалисты хуже понимают во французской республике, нежели в германской империи. Но лучше всего и скорее всего соц-д-ая программа понята там, где учреждению буржуазного рая с вкусными плодами его прогресса мешает такая громадная сила, как русское самодержавие, где соц-д-ам приходится не только «довершать» «покинутое буржуазией дело свободы», но и самим

собственноручно проделать буржуазную революцию с самого ее начала.

Несмотря на молодость Р. С. Р. П., в России раньше, чем где-либо в Европе, возникло бернштейнианство (раньше появления Бернштейна — реформиста) и раньше, чем везде оно «совершенно» исчезло, превращаясь благополучно в сплошную ортодоксию.

Русский соц-д-изм, как массовое явление, родился как бернштейнианство. Революционер в России согласился стать соц-д-ом лишь тогда, когда даже для немецких министров и прокуроров стало несомненным, что соц-д-ия — противник насильственной рабочей революции, что она, как партия буржуазного прогресса, является во всяком конституционном государстве «партией порядка».

Русский соц-д-изм родился как легальный марксизм. Учителями нынешних ортодоксов были известные теперь вожаки русской либеральной буржуазии, предвосхитившие все пункты ревизионистской программы. Главным и первым пунктом этого пролетарского учения была целесообразность, желательность и законность капиталистического прогресса и вера в тредюнионистского рабочего, как его носителя.

Восприняв таким образом соц-д-изм, как формулу буржуазного прогресса, русский революционер формулировал одновременно с этим социализм, как идеал, как религию, вдохновляющую на этот прогресс и освящающую его.

Для превращения русских бернштейнианцев в ортодоксов не понадобилось потом вовсе никакого их перевоспитания, понадобилось лишь ощущение возможности и близости столь желанной буржуазной революции и вытекающее отсюда сознание необходимости внести в русские рабочие массы революционную непримиримость по отношению к самодержавной власти и непоколебимую ортодоксальную веру в социалистическое провидение, предначертания которого указывают, что единственный и несомненный путь в социалистический рай скрыт в «всероссийской конституции».

*

Русскому революционному движению предстояло глубоко вникнуть в сущность современного социализма и ярко осветить его историческую роль. Социализму XIX столетия, как формуле буржуазного прогресса, как религии рабов буржуазного строя, в России суждено проявить все свое могущество и силу, представить шедевр своего искусства — *буржуазную революцию в XX веке*. Осуществить эту черту либерализма в Российской империи, после целого века *рабочей борьбы* в цивилизованном мире, после *июньских дней*, в самом фокусе рабочих волнений, — это задача, достойная самых ловких в истории политиков, самых неутомимых проповедников, краснобаев и жонглеров мысли и слова. При

запавшем уже в душу пролетария сознании, что строй политической свободы есть лишь строй укрепленного господства буржуазии, лишь более прочная тюрьма для рабочих масс, — завлечь при таких условиях рабочие массы в борьбу на жизнь и смерть за укрепление собственной неволи, превратить небывалые в истории восстания рабочих в войну либералов с царем за обеспечение буржуазному обществу конституционного рая, — это громаднейший труд, труд не одного поколения, труд целой плеяды ученых, литераторов, политиков, целых легионов рабочих воспитателей, проповедников. Эту роль современного социализма лучше всех выполняют представители наиболее последовательного, наиболее умного выражения социализма — марксисты.

Русская соц-дем-ия упорно, непоколебимо, не смущаясь упреками невежд, преследует это назначение революционного социализма. В последние годы она доставляет все более и более блестящие доводы своих неопенимых заслуг перед буржуазным обществом. Ныне вся Россия знает, что революционный социализм, просвещенный безошибочной «пролетарской» наукой марксистов, является надежнейшим и вернейшим слугою буржуазии.⁴

В конце 90-х годов соц-д-ия только начала свою первую фазу развития — фазу экономического маскарада. Первым с-д-ам, самым горячим политикам, самым лучшим борцам за политическую свободу, для вовлечения в либеральную революцию рабочих масс, для приобретения их доверия, для установления за собой пожизненного звания пролетарских представителей пришлось нарядиться в ненавистное им платье экономистов, борющихся исключительно за узкие интересы рабочего, за «пятак». ⁵ В этот период социемократия служит еще у русских революционеров предметом дешевых шуток по поводу мизерности ее революционизма. Но кто же станет вскармливать революционаризм в борьбе за чужое дело, в стачечной борьбе рабочих за их экономические требования?

Вот когда началось собственное кровавое дело, когда само общество заговорило смелей о своих обидах, когда вся русская интеллигенция сообразила, наконец, что социалдемократы все время воспитывали рабочих в ее слуг, когда студентам так легко удалось призвать себе на помощь рабочих и этим положить начало внеклассовому объединению и единоклубной борьбе за общенациональное освобождение России, — тогда даже социемократические оппортунисты провозгласили сразу тер-

⁴ Это поняли в настоящее время даже русские плутократы, и бакинские нефтепромышленники уже взяли на свое иждивение в числе других и соц.-д.-их агитаторов. (см. Искра № 91).

⁵ Этот то маскарад автор «Эволюции» в наиболее ранних своих статьях принял за проявление прямых намерений русских с.-д.-ов и в политической эксплуатации рабочих готов был тогда обвинять одних лишь «народовольцев», совращающих с истинного пути безгрешных соц.-д.-ов.

пор и восстание, и русская соцдемократия, поставлявшая до тех пор одних осторожных постепенцев, моментально преобразилась вся в революционную ортодоксию.⁶ Но терять голову от достигнутых уже успехов и объявлять уже прекращение соц-д.-ой будничной работы перевоспитания рабочих масс в духе либеральных идеалов — могли лишь с.-д-ие недоросли из «Рабочего Дела». Ведь не эксплуатация незначительных рабочих батальонов студентами для завоевания университетской свободы, есть задача с.-д.-ии. Эксплуатация всех рабочих масс в интересах всего буржуазного общества, долженствующего вскоре стать антицарским, единение всех классов населения в борьбе с царизмом — вот задача русского революционера, поставленная с классовой точки зрения.

Когда в 1903 г. вспыхнуло громадное движение Юга, с.-д.-ия безошибочно определила ту позицию, которая должна была занять в нем революционная буржуазная интеллигенция. Провозгласить в этот момент восстание не было никакого резона; русскому революционеру незачем погибать в вооруженной уличной борьбе, раз массы борются пока не за него, не за его либеральный рай, а за себя; нечего проявлять особенный энтузиазм, раз движение поднялось в Баку и Одессе за чисто рабочие требования. Классовая точка зрения пролетариата советует в такие моменты не увлекаться черезчур, не горячиться попусту, чтобы, при виде кровавых расправ со стачечниками за их рабочие требования, не забыть об обидах, наносимых царским правительством образованному обществу, не забыть о национальном горе всей угнетенной России.

Бурная экономическая стачка для сознательного пролетария должна быть моментом хладнокровного перевоспитания чувств и стремлений рабочих. Именно, при свисте царских пуль всего легче вытравить в массах стремление всеобщим восстанием пошатнуть непосредственно свою неволю каторжного труда, заставить их забыть о своих грошах и помнить лишь о самой чистой «свободе», которая уж очень просто формулируется потом, как стремление к конституции. Пока это еще не сделано, пока массы бунтуют и готовы жечь и грабить буржуазную собственность, приходится устраивать лишь мирные демонстрации, проповедывать уважение к частной собственности, организовать, как в Баку, социалдемократическую охрану.

Но поскольку во время массовой рабочей забастовки удастся устроить демонстрацию с антицарскими знаменами, митинги с политическими речами, завершающиеся столкновением с царской полицией, постольку уже получается основание убеждать всех, и пролетариат прежде всего, что рабочие сами боролись за свободу слова, сами счи-

⁶ Характеристику этого момента читатель найдет в майском воззвании, помещенном в виде приложения к настоящему изданию.

тают самодержавие главным своим врагом, что движение в общем является протестом против царизма, эпизодом буржуазной революции.

Нащупывая, таким образом, во время рабочих восстаний 1903 г. свой собственный путь, путь направлений пролетариата в буржуазную революцию, русская соц.-д.-ия приобретенный ею опыт привела в связь с практикой западноевропейских социалистов. Она вспомнила идеальные, с ее точки зрения, бельгийские стачки прошлого и текущего десятилетия, так ловко устроенные соц.-демократами с исключительно либеральным требованием всеобщего избирательного права; она заметила, что может использовать и пропаганду анархистов всеобщей стачки в виду того, что последние ничуть не настаивают на, безусловно негодной для соц.-дем.-ии, *исключительно* экономической стачке, а наивно приглашают ее повторять почаще хотя бы «революционную» стачку бельгийских соц.-дем.-ов. Наконец, оба течения германской соц.-д.-ии, и беспорочная ортодоксия Каутского, и буржуазный ревизионизм Бернштейна одинаково высказались в пользу всеобщей стачки, как средства защиты и завоевания буржуазного прогресса, доставляя таким образом для российских ортодоксов неопровержимый довод истинности выработанной ими пролетарской практики. В таком же смысле, как известно, высказался и Амстердамский конгресс. Зловредная утопия до тех пор, пока имеет в виду чисто рабочие претензии, становится безошибочно верным пролетарским путем борьбы, если требует удовлетворения общенациональных нужд современного общества. Таким образом, русская соц.-дем.-ия из недавнего решительного противника «стачкизма» сделалась очень горячим сторонником «политической», «революционной» стачки.

Происшедшая в конце лета прошлого года всеобщая стачка в Италии показала, что не существует никакой социалистической партии, никакой анархической фракции, которая умела бы, которая хотя намеревалась бы превращать бурно вспыхивающую по всей стране стачку в рабочую революцию. Напротив, сущность современного социализма такова, что под его руководством восстание рабочих целой страны становится безопасной для буржуазии демонстрацией и проходит без малейшего нападения на ее собственность, на ее имущественные права, без малейшего завоевания рабочих.

В том направлении социализма, которое выразила соц.-дем.-ия в своем развитии, как «единственная партия порядка» в демократическом государстве, как партия демократической буржуазной законности, — в этом основном характере современного социализма не видоизменяют ничего даже и «самые крайние» социалистические течения. Анархисты, — которые параллельно соц.-дем.-ому подготовлению социализма — «пролетарскому» преобразованию парламентов и муниципалитетов, решили готовить к коммунистическому общезжитию самих рабочих и призывают их к саморазвитию и самосовершенствованию, —

влекут рабочих к той же утопии, что и соц.-дем.-ия — к мирному, на глазах полиции, подготовлению «социальной революции». Как бы широко ни разливались, как бы бурно ни начинались возмущения рабочих масс, современный революционный социалист, как верный слуга либерализма — направляет это возмущение в сторону той или иной пустой утопии. Отклоняя таким образом реальное нападение масс на имущество буржуазии, обеспечивая этим безопасность современного строя, оказанным на правительство давлением «рабочей демонстрации», предоставляют власть подстерегающим ее радикалам для развития буржуазного прогресса.

Вот эта то роль современного «революционного» «социализма» составляет предпосылку и гарантию российской буржуазной революции.

Когда самодержавие, очутившись в очень затруднительном положении, разрешило прошлым летом либеральному обществу помечтать, — русские социалистические издания всех фракций одинаково поняли свою задачу, придать обществу смелости, т. е. убедить его и гарантировать основательнее, чем когда бы то ни было, либеральную сущность всех течений современного революционного социализма. Собравшихся в Петербурге земцев заклинали опереться на народ, на его уличные демонстрации, перестав, наконец, пугаться социалистических и «пролетарских» фраз, которые пишутся на знаменах и прокламациях единственно с целью удержать в боевой готовности рабочие батальоны, давно ожидающие того великого счастья, когда либеральные господа используют, наконец, их горячую любовь свободы для спасения и конституционного оздоровления великой болеющей родины, всероссийской империи.

Соц.-д.-ая партия прибегла к наиболее успешному способу окончательного искоренения в обществе недоверия к сознательному, соц.-дем.-ому пролетарию. Либеральным господам дана была возможность на их банкетах осмотреть вблизи и ощупать рабочих — воспитанников материалистической классовой школы марксистов. Им дана была возможность убедиться непосредственно, на живых экземплярах, что система воспитания классовой борьбы против всей буржуазии, развития классового сознания и непримиримого антагонизма со всем буржуазным обществом ведется в высшей степени успешно. Ученики величайшей честью для себя считают стоять хотя бы у порога банкетной залы, хотя бы через закрытую перед ними дверь ее выразить свою солидарность с либеральной буржуазией. Они восприняли все ее патриотические заботы, все мечтания и идеалы и тверже всякого либерала знают, что «единственный виновник всех наших бед — самодержавие» и «единственный спаситель — сам народ, сами его либеральные

представители». (Заявление соц.-дем.-их депутатов в комиссию Шидловского).

Наибольших усилий стоило соц.-д.-ии доказать обществу необходимость особой, самостоятельной партии пролетариата для успеха либерального преобразования «родины».

Соц.-д.-ия поставила себе задачей пролетариат, — которому никакая конституция, никакие демократические республиканские свободы освобождения еще не дают, пролетариат, который при всех этих политических формах все еще остается революционером, — организовать в боевую армию общества, в его настоящую гвардию, долженствующую выступить в бой по первому призыву соц.-д.-ии. Для этого необходимо предоставить пролетариату под руководством соц.-дем.-ии полную обособленность и самостоятельность. Если только либеральное общество перестанет попусту пугаться соц.-дем.-ии, то увидит, наконец, что никто так не понимает и не защищает интересов его и буржуазной революции, как именно она; что она есть неразрывная часть этого общества, взявшая на себя специальную задачу воспитать пролетариев в боевую армию прогрессивной буржуазии; что оно не должно больше колебаться в признании полной обособленности и самостоятельности пролетарской, соц.-д.-ой партии. И общество несомненно поймет, что соц.-дем.-ая партия, только при своей формально полной обособленности сумеет увлечь пролетариат в борьбу за все по очереди пункты либерализма. Лишь поскольку соц.-дем.-ия не будет принуждена компрометировать себя различными демократическими блоками, — у пролетариата составитя довод и представление, что он, даже в тот момент, когда служит простым пушечным мясом за осуществление любой мечты либерализма, остается на своей пролетарской, классовой позиции, в антагонизме со всем буржуазным обществом, и лишь постольку у него может создаться необходимая иллюзия, что за либеральную программу в буржуазной революции он борется не по чьему либо внушению, не за интересы своих врагов, а по собственному сознанию необходимости, в интересах своего собственного освобождения. Либеральное общество убедится, что передача исключительного права воспитания пролетариата такому опытному специалисту в этом деле, как научный социалист, обойдется ему гораздо дешевле, чем предоставление его случайным демагогам и авантюристам. Раз пролетариат борется самостоятельно и добровольно за буржуазный прогресс, как за собственную необходимость, он будет бороться даже совсем безвозмездно, «бескорыстно». Либеральное общество получает от соц.-дем.-ой пролетарской партии несомненнейшую гарантию в этом — она беретя удержать полную обособленность и настоящую боевую готовность пролетариата лишь до момента полного освобождения либераль-

ного общества, лишь до завоевания всеобщего избирательного права, которое она с этой целью формулирует, как *исключительно пролетарское требование*.

*

Всеми указанными усилиями революционного социализма старается воспользоваться либеральное общество, после того, как царское правительство грубо прервало его «весенние мечтания».

Но первый акт буржуазной революции обязан своею импозантностью еще и случайному обстоятельству, придавшему много смелости русскому либералу, дав ему гарантию безопасности русских рабочих масс. Рабочее население столицы находилось целиком в ловушке, устроенной царским патриотом, превращавшимся под влиянием «весенних» напевов в патриота либерального, или, точнее говоря, соединившим эти два чувства, которые он вселил в душу петербургского стачечника.

Девятое января показало всю пустоту взводимых на соц.-д.-ию упреков, будто она мешает вооруженному восстанию против царизма. Соц.-д.-ия не только первая призвала рабочих к вооруженной борьбе, но и сама приняла в нем участие, ибо она в этот день дождалась, наконец, буржуазной революции в чистом виде. Массы повторяли вместе с гапоновской петицией: первое наше требование — конституция.

Накануне 9-го января петербургский соц.-д.-ат, как и всякий русский революционер ждал одного из двух одинаково дорогих ему исходов — или некоторого удовлетворения петиции, на что, впрочем, надеялись мало, — или нового злодеяния царизма, окончательного крушения веры в царя, которое бросит рабочие массы в объятия либерального общества.

Поэтому, имея возможность некоторого непосредственного влияния на требования стачечников, петербургские социалдемократы ни на минуту не подумали ослаблять либеральную царскую ловушку Гапона преждевременным разрушением иллюзий, которое могло бы вызвать в рабочих колебание и расстроить столь счастливо сложившуюся у попа комбинацию, в которой все рабочие массы столицы пойдут к Зимнему дворцу с прямым требованием конституции.

Равным образом социалдемократия не проявила в январские дни ни малейшей доли доктринаризма, в котором ее беспрерывно упрекают — ее несколько не смутили православные кресты и иконы. Напротив, центральный орган заявил, что социалдемократия ничего не имела бы против, если бы вовлечению рабочих масс в буржуазную революцию, наряду с крестом, помогли и генеральские эполеты и чиновничьи кокарды.

Точно также ей не помешали никакие доктринерские стремления к чистоте самой программы.

Петиция, продиктованная Гапону петербургскими либералами на их рабьем языке монарших лакеев, петиция, мечтающая о прямом дополнении вековой веры русских рабов в царя, «поставленного» «на счастье народу», верой западно-европейского раба в своих «народных представителей», творящих его волю, — эта петиция без колебаний была признана соцдемократической программой, тем безошибочным пролетарским знаменем, под которым должна возгореться борьба по всей России.

Впрочем, не только соцдемократия, но все современные социалисты восхищены были блеском первого акта буржуазной революции в России. Все социалистические течения без исключения, даже самые «страшные» из них — анархисты всех стран — с умилением встретили тот успех, которым увенчалась Гапоновская ловушка.⁷ Уже по этому одному можно было предвидеть, как это и случилось в действительности, что весь современный революционный социализм, во всех своих оттенках, в полном согласии со всей европейской прессой либеральной буржуазии, не согласится ни за что признать в российских событиях чего либо другого, кроме повторения происходившей давно на Западе борьбы за политическую свободу, что он, как борец за буржуазный прогресс, будет до конца усматривать лишь борьбу с царем, как бы ни разрозная в России рабочая борьба с самой буржуазией.

Блеск российской буржуазной революции очень скоро померкнул. Произошло нечто сразу подрезывающее крылья и ей самой и ее строителям социалистам. Вопреки буржуазным формулам и согласным с ними формулам социалистическим, скоро возникло, наряду с социалистическими демонстрациями, такое широкое, упорное стачечное движение с чисто рабочими требованиями, какое редко видела история западно-европейских рабочих движений.

Европейские социалисты тем не менее глубоко, повторяем, убеждены, что правдивая характеристика настоящего момента давалась скорее в докладах фабрикантов русскому правительству, утверждавших, в свою очередь, вслед за искровскими социалистами, что рабочие недовольны не столько экономическими условиями фабричной работы, сколько общеполитическими неустройствами государства.

Российские социалисты очутились снова в неприятном положении. Они стояли, жалуются бундовские «Последние Известия», перед необходимостью растрачивать свои драгоценные для буржуазии силы в простой экономической рабочей борьбе. В самом деле — может ли быть что-нибудь печальнее для социалиста, как получить взамен столь долго ими подготовляемой буржуазной революции «узкую экономическую

⁷ Русский анархический орган «Хлеб и Воля» попытался, с помощью своего древнего наречия, перекозырять всех, называя Гапоновскую петицию прямо «народной правдой».

стачку». Социалисты ведут самую отчаянную борьбу с полицией, напр. в Варшаве, несут массу жертв, но лишь до тех пор, пока они надеются отвоевать национальные права польскому обществу или хотя бы польской аристократии, но погибать в экономической борьбе рабочих, когда они при свисте пуль пытаются отвоевать лучшие условия труда, это для современного революционера безусловно ниже его социалистического достоинства.

Взрыв повсеместной экономической борьбы, на место непосредственного баррикадного боя, о котором размечтались все революционеры после 9-го января, обрекал снова социалистов на участие в чужом деле, на постепеновщину и осторожность, на заботу о «пределах революционного действия» (заявление бюро комитетов большинства Р. С. Р. П.), об охране буржуазной собственности, обрекал их, одним словом, на антиреволюционизм в такую минуту, когда восстают рабочие массы по всей России, принуждал их обнаружить перед правительством собственную беспомощность и основной свой антагонизм с рабочей революцией.

Это бессилие революционеров придает, понятно, царскому правительству уверенность даже в самом затруднительном положении, ободряет его к упорной неуступчивости и самому наглому авантюризму.

Все общество приходит в крайнее негодование и стоит перед вопросом о полном низвержении царской власти. Но об этом революционеру можно было мечтать лишь в первые дни после январьского воскресенья. Экономическая стачка подрезала ему крылья и в данном пункте.

В самом деле, если нападение петербургских рабочих на Зимний дворец с требованием конституции послужило сигналом к массовым экономическим забастовкам по всей России, то ниспровержение царской власти усилило бы в бесконечно большей степени претензии рабочих, и гражданская война, виновником которой либерал считает одно самодержавие, разгорелась бы во сто крат сильнее.

В провозглашенном на баррикадах временном правительстве, как предостерегает товарищей Парвус в своем предисловии к брошюре Троцкого, русские рабочие получили бы гораздо большую долю, нежели французские рабочие в февральской революции. Это, в свою очередь, усилило бы претензии и надежды рабочих, которые могли бы потребовать — о, ужас! — осуществления «программы максимум».

Если социалдемократы решают в такой момент уйти со сцены, то они этим, понятно, предоставляют поле деятельности тем самым охранителям, которых ныне хотят низвергнуть.

Перед грозящим, как и на Западе, «неприятным эпилогом» буржуазной революции теряют смысл надежды, что буржуазное общество решится, хотя бы под руководством социалдемократии, на ниспровер-

жение царской власти; колеблются все мечты «Вперед» о «демократической диктатуре пролетариата и крестьянства». Совершенно пустой мечтой является и Ленинский заговор, даже не для демократических диктатур, а для наибольшего давления на самодержавие.

Ввиду направленных против общества массовых забастовок, заговор большевиков обречен, раньше назначения самого восстания, установить «границы революционного действия». Ввиду рабочих бунтов за «пятак», этим бедным заговорщикам остается лишь разить царя грозным кличем: «недалекий» час восстания *еще не пробил* и, во избежание действительного рабочего восстания, превратить его в привычный майский праздник, объявленный на этот год «праздником восстания». Но в таком случае стоит подумать о том, не лучше ли, по примеру «Искры», подождать и предоставить окончательное нападение на самодержавие какому-либо демократическому генералу.

Итак российская буржуазная революция и ее главные творцы и руководители социалдемократы после 9-го января так же, как и раньше, обречены пока на то, чтобы созданным ими революционным давлением на царское правительство получить от него *дарованную* свободу, конституционное укрепление Всероссийской империи, осуществление программы «Освобождения». От одних заявлений социалдемократов, что они «требуют республики» «непрерменно и немедленно», т. е. надеются получить с высоты престола вместе с всеобщим избирательным правом даже и республику, дело, конечно, не переменится.

Как бы ни сложились развивающиеся ныне в России события, *рабочее дело* заключается в той экономической борьбе, которую ведут сами массы наперекор всем демократическим и социалистическим формулам и программам; в той борьбе, которая действующими социалистическими партиями встречается, как необходимое зло, как средство завлечения и удержания рабочих масс в буржуазной революции; в той экономической борьбе, которая касается *исключительно условий наемного, ручного труда*, — труда рабов современного общества.

Как бы ни сложились развивающиеся ныне в России события, *рабочее дело* требует *сосредоточения* всей революционной силы масс на росте *экономических требований и расширения стачечного движения*, на освобождении этой борьбы от расставленных против нее социалистических сетей, которые успешнее, чем либеральные и демократические проповедники, опутывают ум рабочих баснями о народоправлении и свободах демократических государств.

Рабочее дело диктует стремление к всероссийской экономической стачке, превращению ее в рабочую революцию, в единодушное нападе-

ние на буржуазное общество и его государственную власть с конкретными, подлежащими немедленному осуществлению требованиями, — оно диктует организацию *рабочего заговора* для этой цели.

Такое движение в силах вызвать и присоединить к экономической борьбе рабочих борьбу безработных за *немедленное обеспечение их от голодовок*, стянуть в крупные центры для этой борьбы все голодающие массы российских городов и деревень.

Такое движение на высшей ступени своего развития, в момент крупных восстаний и завоеваний рабочего класса, в состоянии найти отзвук, всколыхнуть западноевропейских рабочих, усыпленных мирной социалистической проповедью, и положить начало рабочей революции в цивилизованном мире.

А. Вольский

Женева,

Апрель 1905 года.

ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИАЛДЕМОКРАТИИ

I

Ученый мир, в лице своих наиболее передовых представителей, сделал в последнее время величайшее открытие. Отнесшись со свойственным ему благородством к претензиям рабочего класса, рассмотрев с беспристрастием учение, считающееся наиболее точным выражением стремлений пролетариата, он не только не нашел в нем никаких переворотных планов, а напротив, в его основе он открыл вернейший залог дальнейшего эволюционного развития современного строя, надежнейшее обеспечение от потрясений, от катаклизмов, от революций.

«Появление Карла Маркса, говорит радикальный немецкий профессор, составляет решающий поворот в данном движении, так как он поставил это движение на почву совершенно иного мировоззрения, исторического понимания. Переворот состоит в том, что идеалистическая точка зрения заменяется реалистической, и, таким образом, по отношению к социальному движению, идея революции уступает место идее эволюции: дух 19-го века вытесняет дух предшествовавшего столетия... Этот реализм... обращается к интересам, а не к любви, не к справедливости. Он убивает, по крайней мере принципиально, всякий утопизм и революционизм». (Зомбарт, Социальн. движ. 19 ст.).

Какое великое открытие! И, главное, как оно мило, жизнерадостно! Это настоящий бальзам для души филистера, столь долго и столь жестоко удручаемой красным призраком.

Но, если «новая истина» столь дорога для «просвещенной» Германии, то для русского «передового» человека она просто не оценима. Вдохновленный ею, русский апостол учит читателей «Нового Слова»: «Первая попытка начертать историю развития современного общества, теорию капиталистической эволюции в знаменитом «Манифесте» Маркса была проникнута глубоко эволюционным духом, и если в ней далеко уже не все соответствует современной действительности, то именно потому, что эта действительность не походит на условия 40-х гг. Конвульсивный характер развития промышленности уступил место другому, еще недостаточно определенному, но существенно иному. Пролетаризация народных масс оказалась — не только не тождественной с их пауперизацией, но, по своему социальному значению и политическому смыслу, глубоко от нее отличной, даже противоположной».

И в глубоком пророческом экстазе апостол восклицает: «Социальная катастрофа, которая в 40-х гг., по объективным материальным условиям производства, казалась столь близкой, теперь не то чтобы отдалилась, а просто-напросто исчезла из реалистического поля зрения, как старое представление о геологических катаклизмах исчезло из геологической науки». («Новое Слово», 97 г., 12 кн., Струве о Цюрихском конгрессе).

Читатель «Нового Слова» только что вынес не особенно приятное впечатление от чтения статьи о голодовке, помещенной в той же книжке журнала. Новая истина сразу выводит его из грустного настроения. Убедительно, при помощи таких красных авторитетов, она доказывает ему, что конвульсия русского хозяйственного строя, сметающая чуть ли не ежегодно сотни тысяч людей с лица земли, совсем не конвульсия, что миллионы пауперов, которых создает этот строй, вовсе не пауперы. С уверенностью, не допускающей никаких сомнений, она ручается ему в том, что эти миллионы совершенно не в силах загрязнить стройное «эволюционное» развитие современного строя, не в силах загрязнить даже в такой мере, в какой, к несчастью, английские и другие пауперы 40-х гг. загрязнили эволюционную чистоту автора Ком. Маниф.. Как же, спрашивается, русскому западнику нового типа не воодушевляться этой величественной истиной, не почувствовать к ней величайшей благодарности?!

С той же уверенностью апостол возвещает: «Социально-политический радикализм сроднился с идеей эволюции, он привык думать и аргументировать эволюционно; наоборот, представители близорукого консерватизма все более и более попадают в сети пагубной веры в политические и социальные чудеса. На двух именах из политического мира Германии можно иллюстрировать нашу мысль. Эволюционную идею в германской политике представляет Бебель, «революцию» — король Штумм и все те, от высших до низших, кто вдохновляется его идеями».

Новая истина, таким образом, по ее собственному признанию, покоится на том явлении, которое известно как оппортунизм социалдемократии. Сущность новой истины и состоит в увековечении этого явления. Склонность к увековечиванию настоящего характеризует определенного сорта мыслителей. Предки настоящих любителей вечных явлений проповедывали вечность, неизменность строя, в котором жили; настоящие их потомки, принужденные признать необходимость некоторого развития современного строя, пытаются отвоевать хоть вечность «эволюционизма», как естественной и единственно возможной формы мышления социально-политического радикализма. Их благородные усилия в этом направлении обещают успех, и работа не трудна дается. Социалдемократия в своем оппортунизме так далеко заходит, что радикальной буржуазии нужно лишь поощрять и охранять

крайние его проявления и лишь слегка «очищать» (Зомбарт) их от «традиционных революционных фраз». Несколько примеров, за которыми, прибавим, не далеко ходить, подтвердят только что сказанное нами.

Вышеприведенная иллюстрация, рисующая Бебеля эволюционистом и Штумма революционером, конечно, не выдумана. В 95 г. Либкнехт в следующих словах пояснил венским радикалам («Die Zeit» № № 36, 37) значение всеобщего избирательного права: «Государство, поставившее у себя честно всеобщее избирательное право, обеспечено от революции... Всеобщее избирательное право есть социально-политический барометр, который не создает непогоду, а показывает ее... Барометр функционирует вместе с тем, как клапан безопасности. Нетерпеливому пролетарию, думающему игроучи разрушить государство, цифры показывают, что сотням тысяч товарищей противостоят миллионы иначе думающих. Это удаляет мысль о насильственной революции и принуждает к мирной пропаганде и организации — к практической деятельности... Не было и нет никаких государственных изменников в Германии, по крайней мере, никаких снизу, никаких заговорщиков, никаких анархистов, и этим мы обязаны всеобщему голосованию, всеобщему избирательному праву и выучке, какую оно нам дало. Немецкая социалдемократия, поднятая до высоты фактора в управлении и законодательстве, из году в год становилась практичнее и обдуманнее в своих поступках, и вследствие этого, — сорвем же наконец маску с лицемерия! — она навлекла на себя гнев и страх заговорщиков реакционеров. Эти господа знают не хуже нас, что то, что они называют незаконностью социалдемократии, есть тенденциозная ложь. Наша законность опасна им, как некогда заговорщикам бонапартистам во Франции, которые свои самые сокровенные мысли высказали в отчаянных возгласах: «законность убивает нас». Враги всеобщего избирательного права — враги государственного порядка, настоящие люди переворота. И это наилучшее свидетельство для всеобщего избирательного права, самый прочный бастион против переворотных стремлений всякого рода. Немецкая социалдемократия, — хотя мы никогда не отрицали и не можем отрицать своего революционного характера, может в настоящее время, при господстве всеобщего избирательного права, спокойно сказать о себе: *мы единственная партия порядка в Германии*».

Буржуазный радикализм, для обоснования своих положений, может из социалдемократической литературы последнего времени черпать не мало свидетельств вроде вышеприведенного. Если его упрекнут в том, что он обыкновенно пропускает такие заявления, как последняя из фраз Либкнехта: «мы никогда не отрицали и не можем отрицать нашего революционного характера», то он не без основания ответит, что партия, называющая себя революционной и одновременно единственной партией порядка, понимает, очевидно, свой революционизм довольно своеобразно.

Но, скажут нам, социалдемократия иногда все же ясно подчеркивает свой революционный характер. Так, например, Каутский в своем журнале «Neue Zeit» 93-94 г., № 12, пишет:⁸

«Мы революционеры не только в том смысле, в каком революционна паровая машина. Социальное преобразование, к которому мы стремимся, может быть достигнуто только посредством политической революции, посредством завоевания политической власти борющимся пролетариатом. И определенная государственная форма, в которой только может быть осуществлен социализм, есть республика, и именно в самом обычном смысле слова, т. е. демократическая республика».

Ко всем этим красным словам буржуазный радикализм привык и почему-то не смущается ими. Что касается «республиканских потребностей», то таковые он очень уважает, но думает, что их сущность можно удовлетворить без коренного переворота.

«Завоевание политической власти борющимся пролетариатом» намекает, правда, на неприятную для буржуазии вещь: диктатуру пролетариата, но Каутский спешит пояснить, что это дело происходит на наших глазах в форме парламентской борьбы социалдемократии, а эта последняя проявляется все более, как борьба за «участие в законодательстве».

Буржуазный радикализм невыразимо рад, что неприятная вещь выражается в форме такой приятной и безобидной действительности. Это подает ему надежду, что исчезнет даже и воспоминание о какой-то мировой диктатуре. Он не может не сочувствовать глубоко такой метаморфозе. Лишь бы только это дело удержалось. Тем более, что это ведь дело «оживления парламентаризма» для борьбы с реакцией, дело «вспрыскивания новой жизни» (Каутский) не только в центральные законодательные органы, но и в самые гнилые ландтаги. А такое дело позволяет надеяться на спокойное удовлетворение «республиканских потребностей» общества даже при существовании немецкого абсолютизма.

Тот же Каутский в той же самой статье говорит дальше в главе «Революция и Анархизм»: «...Из двух противников тот более всего будет удерживать хладнокровие, кто чувствует себя сильнее другого. Напротив, кто не верит в себя и в свое дело, тот слишком легко теряет спокойствие и самообладание. Во всех странах современной культуры пролетариат есть тот класс, который более всех верит в себя и в свое де-

⁸ Каутский отвечает здесь своему товарищу Кнорру, который в катехизисе для немецких рабочих поучает их тому, что «революция есть историческое понятие и часто она средство реакции, а не прогресса... Социалдемократия понимает под революцией не восстание народа против правительства, но преобразование социальных отношений... Величайшую революцию совершила сила пара... Социалдемократия не есть ни антимонархическая, ни республиканская партия». Каутский, оценивая эти взгляды автора, говорит: «национал-либералы могли бы пожелать себе такого Кнорра».

ло. Для этого ему не нужно предаваться никаким иллюзиям: ему нужно только проследить историю последнего периода, чтобы убедиться, как он повсюду беспрестанно прогрессирует; ему нужно только проследить современное развитие, чтобы почерпнуть в нем уверенность, что его победа неотвратима. Политическое положение пролетариата позволяет ожидать, что он будет пытаться так долго, как только возможно, довольствоваться применением вышеупомянутых «законных» методов борьбы...»⁹

«Опасность, что это стремление не будет осуществлено, лежит, главным образом, в нервном настроении господствующих классов... Политики господствующих классов по большей части находятся уже в таком настроении, что им не остается ничего другого, как все поставить на одну карту. Они желают вызвать гражданскую войну из боязни перед революцией. Социалдемократия, напротив, не имеет никакого повода быть сторонницей подобной политики отчаяния. Она, напротив, имеет повод стараться, чтобы взрыв бешенства господствующих, если уж он должен быть неизбежен, был, по крайней мере, отдален возможно дальше, чтобы он наступил лишь тогда, когда пролетариат делается достаточно сильным для того, чтобы это нападение было последним, и опустошения, которые оно может повлечь за собой, и жертвы, которых оно может стоить, были по возможности меньше»¹⁰

«Интересы пролетариата требуют сегодня беспрекословнее нежели когда-нибудь, чтобы избегалось все, что способно вызвать бесцельно господствующие классы к политике насилия».

Буржуазный радикализм очень сочувствует высказанному в вышеприведенных словах Каутского желанию германской социалдемократии удержать настоящую ее политику законных и мирных средств, как единственно верную и соответствующую интересам пролетариата. Но он ждет доводов, что социалдемократия сумеет это сделать. Он ждет гарантии, что социалдемократия сумеет удержать свою политику, несмотря на могущее возникнуть по этому делу недовольство в ее собст-

⁹ В означенном месте Каутский поясняет: «...так называемый мирный метод классовой борьбы ограничивается невоенными средствами: парламентаризмом, стачками, демонстрациями, прессой и т. п. средствами давления. Когда от социалдемократии требуют революционного образа действий, то она не способна понять этого требования иначе, как только в том смысле, что ее убеждают приступить к военным средствам, к вооружению, к немедленной постройке баррикад и т. д. Каутский не хочет видеть, что так называемый "мирный" метод классовой борьбы, проповедуемый социалдемократией, не только исключает "военные" средства, но и ограничивает "невоенные", как стачки, демонстрации, прессу... ограничивает теми рамками, которые допускает закон, распространяя в умах утопию, по которой законными средствами в конституционном государстве пролетариат может достигнуть полного освобождения».

¹⁰ Комментарий ко всему этому утопическому и фантастическому рассуждению читатель найдет ниже.

венных рядах и в рядах пролетариата других стран, с которым она связана традициями интернационала.

Социалдемократия своею историей 90-х гг. эти гарантии уже представила.

В этом отношении прежде всего было знаменательно отношение германской социалдемократии к мировой манифестации 1-го мая. В 91 г. в Штутгартском журнале «*Neue Zeit*» так рассуждали о первой майской демонстрации 90 г.: «Этот смотр во всех странах удался сверх ожидания, кроме одной страны, которую можно назвать родиной социалдемократии, кроме Германии. Но это случилось, конечно, не по слабости партии. Агитация в пользу выборов (20 февраля 90 г.) заняла не только все силы и сделала невозможным более продолжительное приготовление к майскому празднику, но кроме того, избирательная победа низвергла старый режим и поставила у кормила правления новый, которого нельзя наперед ни узнать, ни отгадать. Закон против социалистов сделался невозможным. Должно ли на его место явиться обычное право, или же военный суд? Это был вопрос, на который 1-ое Мая должно было дать ответ. И что предполагалось, как демонстрация, могло казаться вызовом буржуазии, которую 20 февраля выбило из колеи... Ввиду такого положения дел нужно придать майскому празднику как можно менее агрессивный характер... Армию, которая только что одержала кровавую победу, нельзя упрекать, если она тотчас же не примкнула к хорошо устроенному праздничному шествию... Праздник благодаря успеху сделался постоянным праздником мирового пролетариата, а устраивается ли он 1 Мая или в первое майское воскресенье, это не важно... Майский праздник означает решительный разрыв с анархизмом, а также и с тред-юнионизмом. Требование 8-ми часового рабочего дня есть обращение к законодательству за ограничением эксплуатации... Но там, где пролетариат конституирован как особая партия, независимая от буржуазных партий, там... пролетариат имеет своей задачей не только стремление к реформам в рамках современного общества, но завоевание политической власти. Хотя манифестация в пользу 8-ми часового рабочего дня сама по себе не революционна, но при данных условиях она сделалась смотром для тех масс, которые движутся в русле международной социалдемократии».

Из приведенных слов «*Neue Zeit*» видно, что с одной стороны врожденный страх перед всяким «анархизмом», с другой — великие парламентские победы не позволяют немецкой социалдемократии понять все громаднейшее значение, какое имел призыв Парижского конгресса к мировой майской демонстрации. Предложение манифестации 1 Мая исходило не от официальной социалдемократии. Оно было заимствовано из Америки, где рабочие уже несколько раз устраивали массовые стачки на 1 Мая. Идея майской манифестации связывалась, таким образом, с идеей о массовой стачке. Но генеральная стачка всех

стран — это ведь анархия! Социалдемократия поэтому уже в Париже прежде всего имела в виду, чтобы демонстрация не была «анархистской» и имела «как можно меньше агрессивный характер».

Поэтому парижская резолюция говорит, что в этот день должны быть устраиваемы демонстрации и предъявляемы властям требования. Несмотря на это массы, примкнувшие к демонстрации, «в такой степени, как никто не ожидал» (из той же ст. «Neue Zeit»), демонстрировали большей частью в форме стачки. Но немецкая социалдемократия, объяснив себе, что это лишь «праздничные шествия» и подача петиций властям за ничтожную реформу в настоящем строе, а значит вовсе не революционное дело, с высоты своих парламентских кресел гордо заявляет: Ради реформы в современном строе (8-ми часового рабочего дня) мы не можем подвергать опасности нашей организации, стремящейся не только к реформам, но и к преобразованию всего строя,¹¹ мы ради этого не можем терять той доли политической власти, которую они завоевали. Майская демонстрация есть лишь смотр, праздник и т. д., между тем как наше дело есть непосредственное социалистическое дело — доля диктатуры. Майская демонстрация — праздничное шествие, наша парламентская борьба — кровавая победа.¹²

И вот немецкая социалдемократия, руководитель социалистической мысли в мире, поступает в этом деле по примеру консервативных английских союзов: она переносит демонстрацию на воскресенье, желая этим удалить даже возможность забастовки. Она не желает вызывать «бесцельно ярости господствующих классов». На Берлинский партийтаг 92 г. является австрийский социалдемократ Адлер, рассказывает о том, какое воодушевление создает в Австрии майская демонстрация, как она призывает к сознательной жизни самые глухие уголки, создавая в них организации, и просит от имени пролетариата Австрии празд-

¹¹ Рассуждение социалдемократического органа в этом месте должно быть в особенности интересно для тех, кто уверен, что всякая революционная оппозиция против социалдемократии может покоиться только на следующем принципе: вредно всякое завоевание пролетариата в настоящем строе, вредно всякое улучшение в экономическом положении тех слоев рабочего класса, которые этого достигнуть могут. В данном случае сторонником этого «анархического» принципа заявил себя... самый солидный социалдемократический орган.

¹² Читатель, конечно, видит, что здесь перед ним одно пустое фразерство. Ведь именно майская демонстрация не только что может быть скорее названа кровавой борьбой в сравнении с невинным голосованием, но и действительно таковою была в некоторых местах. Но откуда же происходит это фразерство? Повторяем, что это объяснимо только тем, что социалдемократия действительно воображает, что чем больше у нее кресел в парламенте, тем больше кусок диктатуры этого кровавого дела. С другой стороны, как показывает фраза — «празднуем ли мы 1-ое мая или первое майское воскресенье, это все равно» — от германской социалдемократии совершенно далека мысль, чтобы от нее могла кем-либо и когда-либо потребоваться «анархическая» всеобщая стачка. Каутский, конечно, не замечает, как в данном случае политика «законных и мирных средств» ограничивает «невоенное» средство борьбы — мировую стачку.

новать 1-ое мая посредством стачки. В ответ на это Бебель объяснил ему, что майская стачка может иметь такое громадное значение только в тех странах, где пролетариат лишен политических прав, а значит в Германии она не нужна. Партейтаг чуть ли не единогласно отклонил просьбу австрийских рабочих. На международных конгрессах в Брюсселе (91 г.) и Цюрихе (93 г.) европейские социалисты стараются разъяснить германским всю важность майской манифестации и проводят резолюции в смысле обязательного для всех стран празднования посредством стачки. Германские социалдемократы заявляют, что это значит насилловать волю немецкого пролетариата (Бебель), что вследствие этой постоянной критики германской тактики и принуждения против воли подчиняться тактике других стран, международные конгрессы могут совсем опротиветь германским рабочим вместо того, чтобы быть конгрессами международного братства. (Бернштейн в «Neue Zeit» после Цюрихского конгресса). И только, когда, благодаря поведению немецкой социалдемократии, все воодушевление майской стачки пропало и наступило разочарование, так как отклик масс не находил сознательного выражения и развития дела, только после нескольких лет споров с европейскими социалистами немецкая партия признала (впервые, кажется, на Бреславльском партейтаге 95 г.), что стачка есть наилучшая форма празднования, но вместе с тем добавила, что ее нужно избегать там, где она могла бы нанести ущерб организации.

Кажется с первого взгляда совершенно непонятным, каким образом все обстоятельства этого дела не заставили немецкую социалдемократию глубоко призадуматься над своей политикой и критически рассмотреть ее основу. Ведь в самом деле, что же значит это явление: интересы европейского пролетариата входят в резкую коллизию с интересами «сознательного, социалистического» германского пролетариата. Если майская демонстрация такая, какую она была, так сильно повлияла на рост движения в Австрии, если в Польше она всколыхнула до глубины рабочий класс, если везде на ее зов являлись массы, которых никто не ожидал, то майская демонстрация, в которой бы сразу приняли участие в форме стачки сотни тысяч немецких рабочих, могла бы, неизмеримо усиливая значение демонстрации во всей Европе, всколыхнуть и русские рабочие массы, и такие явления как Петербургская стачка ускорить на несколько лет. Но это усиление солидарной акции европейского пролетариата, достигавшееся участием в стачке и германской социалдемократии, нанесло бы одновременно ущерб пролетарскому делу, так как уменьшило бы успех германской социалдемократии, которая непосредственно стремится к завоеванию политической власти для преобразования всего строя (см. вышеприведенные мнения социалдемократического органа «Neue Zeit», а именно: стачка вызвала бы усиление исключительных законов, а тогда немислим был бы прогресс парламентских завоеваний).

Эта путаница, это мнимое противоречие пролетарского дела с самим собою проистекает из того, что немецкая социалдемократия с понятием — «завоевание пролетариатом власти для преобразования капиталистического строя» — оперирует, как утопист, не такой, конечно, утопист, который не создает ничего, но такой, который создает не то, что говорит. Этим понятием она окрещивает дело, которое по самой своей природе не может вместить его. Свои парламентские завоевания она отождествляет с достижением господства пролетариата и рассуждает так: чем больше голосов, депутатов, тем ближе захват власти. Поскольку социалдемократия это делает, поскольку, значит, смотрит на утопию, как на нечто вполне реальное, постольку она необходимо должна создавать совсем не то, о чем поет утопия, не завоевание пролетариатом власти в Берлинском парламенте, а нечто другое — германский прогресс при помощи рабочих масс. И это дело, а не дело германского пролетариата входит в коллизию с делом мирового пролетариата. Этот-то германский прогресс социалдемократия предпочла усилению дела мирового пролетариата.

Было время, когда германские социалдемократы смотрели на свою избирательную борьбу несколько реальнее, а именно, как на агитацию, а не утопично, как на завоевание политической власти для пролетариата. В 1869 г. Либкнехт так объяснял значение избирательной борьбы берлинским рабочим: «Социализм не теоретический вопрос, а вопрос силы, который нельзя решить ни в каком парламенте, а только на улице, на поле сражения, как и всякий другой вопрос силы... Правда, в периоды застоя может принести некоторую пользу поддержание в каком-нибудь парламенте слабого огонька свободы, ярко светящего среди господствующей кругом ночи... И если народ, если вооруженные «рабочие батальоны» стоят у ворот парламента, тогда может, пожалуй, брошенное с трибуны слово, подобно электрической искре, зажечь сердца и дать сигнал к освободительному делу... Но в настоящее время мы, слава Богу, не в периоде хронического застоя и, к сожалению, еще не накануне дела, бьющего ключом из недр народных масс... Революция совершается не по высочайшему соизволению начальства: социалистическая идея не может быть осуществлена внутри современного государства; она должна низвергнуть его, чтобы иметь возможность воплотиться в жизнь... Но предположим, что правительство из чувства силы или расчета не делает употребления из своей власти и что удастся выбрать в рейхстаг социалдемократическое большинство, что составляет предмет мечтаний некоторых фантазеров-политиков. Что должно тогда делать большинство? Теперь наступает момент преобразования общества и государства. Большинство принимает мирового значения решения, рождается новый мир, но... ах! — отряд солдат гонит социалдемократическое большинство из храма, а если эти господа не соглашаются спокойно удалиться, то несколько солдат уводят их в участок,

где они имеют полную возможность пораздумать о своем *донкихотском деле*. «Это место — поясняет Либкнехт на суде 72-го года о государственной измене — относится к тому *нелепому взгляду* г. ф. Швейцера (председателя Лассальянского союза), по которому рабочие, если только они агитируют ловко и аккуратно, каждые три года подходя к избирательной урне, могут действительно достигнуть мало-помалу большинства в рейхстаге, и тогда социальная революция готова». («Суд о государств. измене», стр. 449-451).

Увы! «нелепый взгляд» Швейцера, «прихвостня Бисмарка», сделавшись в настоящее время официальным взглядом германской социалдемократии, безошибочной формулой социалистического дела в мире. С точки зрения Либкнехта 70-х годов, — он видно тогда не вполне еще «был очищен от анархизма» — взгляды Либкнехта 90-х годов, образчик которых читатель видел на стр. 63, суть мечтания социалистического «фантазера-политика», «донкихотские затеи».

Мы очень далеки от того, чтобы утверждать, что немецкой социалдемократии в 90 г.. достаточно было возвратиться к своей первоначальной точке зрения, для того чтобы сохранить свою пролетарскую чистоту. Наряду с такими революционными проявлениями, как выше-приведенная речь, мы можем найти у того же Либкнехта уже тогда все элементы оппортунизма современной социалдемократии. То революционное настроение, которое видно в его смелой проповеди берлинским рабочим, носило очень преходящий характер. Оно проявилось тогда у некоторых немецких марксистов, как реакция опасности, грозившей от высоко вздымавшихся волн немецкого шовинизма, на котором Бисмарк так успешно строил всегерманскую казарму и который захватил даже организованных немецких рабочих из лассальянского союза. Этот революционизм свидетельствовал лишь о том, что немецкая социалдемократия не желает примириться с *Бисмарковским* государством.

Во время существования исключительных законов, партия старалась удержать тот взгляд на свою парламентскую борьбу, который высказан в предыдущей речи Либкнехта. Еще за три года до знаменательной парламентской победы 90 г. партейтаг в С.-Галлене решил единогласно: «Партейтаг держится того мнения, что впредь так же, как и раньше, отношение партии к парламентской деятельности депутатов рейхстага и ландтагов должно остаться таким же, как было до сих пор. Как и до сих пор главное значение нужно придавать критической и агитаторской стороне, а положительную и законодательную деятельность нужно вести только под тем условием, что при настоящей группировке партий и при современном состоянии экономических отношений не будет возбуждено никакого сомнения и никакой иллюзии на счет значения этой положительной деятельности в парламенте для классового положения рабочего класса, как в политическом, так и в экономическом отношении».

Конечно, уже такая резолюция сама по себе «возбуждает» некоторые «сомнения и иллюзии насчет значения парламентской деятельности». Это уже не ясная речь Либкнехта 69 г., прямо заявлявшая, что «социализм есть вопрос силы и не может быть решен ни в каком парламенте». Но все же еще удерживается прежняя тактика, и, во время прений по этому вопросу на С.-Галленском конгрессе, Бабель 80-х годов самым резким образом нападает на Бебеля 90-х годов. «Кто думает, говорил он тогда, что на современном парламентском конституционном пути могут быть достигнуты конечные цели социализма, тот или их не знает, или он обманщик». Но что самое главное, старые руководители партии понимали тогда вполне грозящую партии опасность оппортунизма. Если бы мы, так заканчивал свою речь Бабель, провели в рейхстаг (при последних выборах) еще большее число депутатов (нежели при предыдущих), так что от нас зависело бы склонение весов в целом ряде относительно неважных вопросов, то он считал бы такое *заманчивое положение в высшей степени опасным*. Стремление к компромиссам и к так называемой практической деятельности так возросло бы, вероятно, в наших рядах, что наступил бы раскол (Отчет партии на С.-Галленском партейтаге).

Как противовес резко усилившемуся в партии оппортунизму явилась в то время группа *молодых*. В 90-х годах наступает решительный момент. Социалдемократия проводит в рейхстаг превышавшее всякие ожидания число депутатов (20 февраля). Положение становится «заманчивым», «в высшей степени опасным». Соблазнительная перспектива легализоваться, отдать себя в ведение «обычного права» увлекает всю почти партию. Но для этого нужно дать буржуазии гарантию, что для партии далеки всякие идеи об анархических генеральных стачках, что она обычным правом злоупотреблять ни в коем случае не будет.

Социалдемократия своим отношением к майской демонстрации, изменяя требованиям международной солидарности, показала ясно, что она в этом отношении партия столь же «зрелая» и «не легкомысленная», как английские тред-юнионы, что она «единственная партия порядка». Компромисс, повидимому, приносит плод — уничтожение исключительных законов, и ободряет к дальнейшим шагам в том же духе. «Стремление к компромиссам растет и ведет к расколу», как предсказал Бабель. «Молодые» нападают резко на оппортунизм, призывают партию не отступать от революционного знамени. Но Бебели, которые еще так недавно указывали на серьезную опасность от растущих элементов оппортунизма, теперь ничего не видят просто потому, что положение их самих «соблазнило», что они сами создают теперь оппортунизм, охраняя и украшая его социалдемократической утопией о захвате власти в берлинском парламенте для преобразования строя. На Эрфуртском партейтаге в 91 г. они не признают за «молодыми» никакого права на существование и отделяются от них обычным в таких случаях упрехом,

что они лишь честолюбцы, завидующие авторитету старых вожаков. «Молодые» видят себя вынужденными удалиться с партийтага и известны с тех пор под именем «независимых» и «новой анархии», служа на будущее время страшнейшим пугалом для всякого протеста, могущего возникнуть внутри социалдемократии. Тут же, на том же партийтаге, сейчас же после ухода «молодых», поднялся Фольмар, служа как бы зловещим предзнаменованием того, в какую сторону придется теперь решительно повернуть всей партии. Он требовал дальнейшего логического шага. Он настаивал на том, чтобы партия сознательно стала развивать свою парламентскую деятельность, не как протест, не как агитацию, как было до сих пор, но как положительную законодательную работу, направленную к проведению всех возможных реформ для улучшения положения пролетариата. Весь партийтаг объявил тогда взгляд Фольмара ересью, рекомендуя примирение с буржуазным государством, совсем и не подозревая, что эта «ересь» по необходимости будет находить все больше сторонников в партии. Реальному взгляду Фольмара партийтаг не умел уже противопоставить ничего, кроме утопии. Зачем нам стремиться к реформам, когда после нескольких побед вроде прошлогодней, мы захватим власть и преобразуем весь строй сразу? (Известно, что в это же время Энгельс, опираясь на рост социалдемократических голосов, предсказывал германской социалдемократии в ее парламентской деятельности окончательную победу с концом текущего столетия). Фольмар улыбнулся в ответ на такие убеждения и не только не думал отчаиваться в своих планах, а напротив, уверенный в победе, стал их очень горячо и широко развивать в партии.

А утопия, по необходимости, с каждым днем бледнела. Пусть читатель посмотрит на нее теперь, как она представляется спустя два года в статье Каутского, выдержки из которой приведены выше, на стр. 64-65. Она писана в конце 93 г. Несмотря на то, что одержана новая, очень крупная победа в парламенте, яркие надежды на близкий окончательный захват власти исчезли. Напротив, пролетариат сам, говоритесь там, должен стараться отдалить насколько возможно окончательное столкновение, так как он не подготовлен к нему. Утопия создает здесь какую-то невероятную психологию обеих борющихся сторон: пролетариата и буржуазии. Пролетариат уверен в победе; ему достаточно рассмотреть для этого эволюцию последнего времени, чтобы вести себя с хладнокровием. (Такого настроения ожидает Каутский от безработных голодных масс!). Напротив, буржуазия желает столкновения, приведена в отчаяние и готова все поставить на одну карту. (Каутский старается указать здесь причину усиливающихся в Европе реакционных попыток господствующих классов). Но, спрашивается, зачем буржуазии делать такие отчаянные шаги, если пролетариат (для Каутского ведь социалдемократия несомненно — сознательный пролетариат) уверяет ее

самым искренним образом, что он не готов, что он сам будет стараться отдалить столкновение, одним словом, предоставляет ей пока господство? Зачем господствующим классам в виду такого положения бессмысленно ставить все на одну карту? — Потому, отвечает утопия, что настоящий социалдемократический способ борьбы «законными средствами» безошибочен, что растущее число депутатов в рейхстаге — прямой и непосредственный путь к диктатуре, и этого то метода пролетарской борьбы в особенности боится буржуазия. Таким образом, утопия, потеряв яркие надежды на скорую победу, делается для пролетариата лишь усыпляющим средством, носит уже консервативный характер и не допускает развития новых форм борьбы, выставляя прямо невероятное положение, что успехи социалдемократии в избирательной борьбе являются страшнейшим оружием против буржуазии, просто в отчаяние ее приводящим.

Но под крыльями усыпавшей умы утопии росла и крепла трезвая политика Фольмара. К ней он сразу привлек всю баварскую партию, заставляя ее действовать сообразно своим взглядам в баварском ландтаге. Вопреки принятому в социалдемократии принципу, баварская партия подает там голос за принятие государственного бюджета целиком. На Франкфуртском партийтаге 94-го года все авторитеты партии: Бебель, Либкнехт, Каутский — требуют от партийтага выражения баварцам своего порицания за нарушение принципа партии. «Принцип должен победить, а не оппортунизм», говорил еще тогда Бебель. Но Фольмар одной своею речью, встреченной громкими рукоплесканиями, склоняет партийтаг на свою сторону и выходит победителем. Таким образом, если партийтаг 91-го года (в Эрфурте) определил, что Фольмар стремится к примирению с государством, то партийтаг 94-го г. (во Франкфурте) показывает, что против этого стремления партия не в силах бороться и принуждена признать его.

Это служит сигналом, с одной стороны, к проникновению в партию явно непролетарских элементов, так нагло выступавших на прошлогоднем Штутгартском партийтаге, с другой — ко всеобщему повороту к «трезвой» политике. Бебель спешит сделать переход от необещающего успеха «принципа» к обещающему большие победы оппортунизму. Он проповедует компромисс не только с «прогрессивными» стремлениями общества, но, вместе со всей аграрной бреславльской комиссией защищает компромисс с ретроградными аграрными мечтаниями, приводя этим в восторг всех русских народников. Он считает своей обязанностью собственноручно перечеркивать прежние свои резолюции, опирающиеся на «принцип». Так как в Кельне (93 г.) он был автором резолюции, отклоняющей участие в прусском ландтаге, то в Гамбурге (97 г.) он счел необходимым перечеркнуть ее и написать новую, рекомендующую самое живое участие в этом деле.

Так как в 93 г. он провозглашал чистоту принципов, по которым

пролетариату нет нужды двигать вперед буржуазные прогрессы, то теперь ему необходимо устанавливать принцип оппортунизма, по которому пролетариат обязан помогать всякой либеральной оппозиции. (Его статья в «Neue Zeit», 96-97 г., № 46).

За это постоянное самоотречение весь европейский радикализм забрасывает его комплиментами: «талантливый политик», «опытный вожак рабочего класса» и т. п. И Бебель, конечно, не замечает всего лицемерия и всей пошлой лжи в этом прославлении его «здравой» тактики.

Что касается Либкнехта, то его статья, выдержки из которой приведены на стр. 63, показывает, что он уже в 95 г. также старался всецело проникнуться фольмаровским «реализмом».

В 97 г. на Цюрихском конгрессе о законодательной охране труда мы видим уже Бебеля и Либкнехта вполне солидарными с оппортунизмом Фольмара. Все вместе заботятся о том, чтобы над «партийными разногласиями» — между социалдемократами, с одной стороны, и социальными реформаторами и клерикалами, черпающими свое вдохновение из папских энциклик, с другой, — «царило нечто вроде того, что в средние века называлось божьим миром»,¹³ — значит совершенно иначе, чем на международных социалистических конгрессах, где социалдемократия не может вынести даже присутствия своих социалистических противников. Поэтому на конгрессе социальных реформаторов немецкие социалдемократы стараются своею умеренностью превзойти даже несоциалистических депутатов конгресса так, что это не нравится даже г-ну Струве. Резолюция о неотложности уничтожения домашней промышленности отклоняется именно немецкой социалдемократией и заменяется более умеренной резолюцией Фольмара. По вопросу об обязательном посещении школы социалдемократические представители стоят не за наивысшее требование, какое было поставлено, не за обязательный школьный возраст до 16-ти лет, как требуют английские представители, а за предложение комиссии об обязательном школьном возрасте до 15-ти лет, дабы остаться в «Божьем мире» со всем социально-реформаторским конгрессом.

И Каутский согласен с новым течением политики зрелости. Следующими словами ободряет он Бебеля в его работе перечеркивания своих собственных резолюций: «Прежняя политика воздержания от компромиссов с либеральной оппозицией, которую мы легкомысленно причисляли к «одной реакционной массе», имела смысл «пока мы чувствовали себя, как Ганнибал у ворот нового общества, для завоевания которого достаточно одного или двух «ударов». Такой зрелой партии, как наша, нечего бояться компромиссов». (Франкфуртская Газета, 11

¹³ Заключительная речь Либкнехта см. «Новое Слово» 97 г. XI, ст. Струве о Цюрихском конгрессе.

сентября 97 г.). Да ведь, наконец, прибавляет Бебель: «вся наша политическая деятельность в рейхстаге, в ландтагах, в общинных представительных органах вынуждает нас беспрестанно к компромиссам. Отрицательная политика, сторонниками которой мы когда-то хотели быть, опровергнута фактами последних 30-ти лет». (Там же, 17 авг. 97 г.). Всему этому подводит итог Бернштейн: никогда в истории никакая цель, сознательно поставленная, не воплощалась в той чистой форме, к какой стремились добивавшиеся ее люди, а всегда в форме компромиссов. И если социалдемократия хочет быть партией реального дела, а не туманной доктрины, то она должна наконец понять, что только путем сотрудничества с все новыми и все более широкими общественными группами могут быть осуществлены ее цели. («Neue Zeit», 96-97 г., № 34).

Есть нечто глубоко роковое во всем этом развитии социалдемократии. После каждой победы у нея оказывается плод как будто не тот, который ожидался. Чем больше, согласно своей формуле, она приближается к своей цели, тем более в ее собственном сознании цель от нея отдалается. Чем больше она готовится к делу, тем больше это дело не похоже на первоначальный план. Чем больше она приобретает сил, тем более видит она себя вынужденной входить в сотрудничество с другими общественными группами, так что наконец она, самостоятельная партия, принуждена устраивать агитацию в пользу буржуазной оппозиции (в прусский ландтаг). На свои первоначальные революционные усилия она начинает смотреть с таким скептицизмом и непониманием, как старец на свои юношеские увлечения.

II

Первые победы социалдемократии были провозглашены, как новое революционное изобретение в борьбе рабочего класса (Энгельс). Захват пролетариатом власти производится очень просто, гладко, плавно, без всяких скачков, без поражений, безошибочно. Пролетариат, организованный, как особая политическая партия, пользуется законными избирательными правами и завоевывает законодательные учреждения. Для этого нужна только «нефальсифицированная» «народная воля» в виде всеобщего избирательного права и достаточная ступень хозяйственной эволюции. Несмотря на то, что формула эта, как способ захвата власти пролетариатом для уничтожения классового господства, оказалась, как выше указано, утопией на своей родине, несмотря на это, она была провозглашена изобретением для всеобщего употребления во всех странах цивилизованного мира. Цюрихский международный социалистический конгресс 93 г. принял ее от германской соц.-демократии в качестве безошибочного критерия, отличающего повсюду пролетарское движение от непролетарского. Он выражен в той резолюции

конгресса, в силу которой из него исключались анархисты и независимые всяких оттенков. Резолюция гласит: «Допускаются на конгресс все рабочие профессиональные союзы; затем те социалистические партии и союзы, которые признают необходимость политической акции. Под политической акцией нужно понимать пользование рабочими партиями политическими правами, законодательной машиной или стремление их завоевать для содействия интересам пролетариата и для завоевания политической власти». На упрек Домела-Ньювенгауса, что Маркс, автор «Манифеста» был бы возмущен этим шагом конгресса, Бернштейн отвечает (в «Neue Zeit»), что именно эта резолюция совершенно согласна с духом Маркса-коммуниста. Однако, между путем, о котором мечтали коммунисты времен революции 48 года, и тем, который указывает цюрихская резолюция, существует чуть ли не пропасть.

Пролетариат стремится к завоеванию политической власти, говорит Коммунистический Манифест, *для своего господства*, для того чтобы при помощи этого господства освободить себя, уничтожая классовый строй — государство. В то время, когда демократы, по низвержении настоящего режима, спешат *окончить* революцию, ограничивая свое дело освобождением «народной воли», пишет Маркс в самый горячий момент революции, в 50 г., в воззвании Коммунистического Союза, коммунисты объявляют революцию *«непрерывающейся»* («Neue Zeit»). Это значит: когда демократы выражают «народную волю» в демократических учреждениях и правах, в которых только может проявляться для них воля различных слоев населения, коммунисты стремятся к диктатуре пролетариата, а значит не подчиняются «народной воле», в какой бы демократической форме она не выступала перед ними. Они не думают судьбу пролетариата ставить в зависимость от эволюции этой демократической «воли большинства» (как думает соц.-демократия), а желают выразить волю пролетариата помимо этого национального большинства. Они ставят судьбу пролетариата исключительно в зависимость от его *силы*. Они не думают выразить волю пролетариата в правах и законных функциях классового государства (как замышляет социалдемократия), напротив, в эти права и функции они предполагают «насильственное», «деспотическое вторжение» воли пролетариата.

Из этой коммунистической идеи о господстве пролетариата в настоящей политике социалдемократии, как она формулирована в вышеприведенной резолюции цюрихского конгресса, не осталось ничего, кроме голой фразы: «завоевание политической власти».

Резолюция ставит «завоевание политической власти» на одинаковую ступень с «завоеванием и пользованием политическими правами и законодательной машиной для содействия интересам пролетариата», т. е. с делом социальных реформ в области труда на почве современного строя. Вследствие этого, социалдемократическое «завоевание политической власти» совершенно потеряло весь тот характер, который заклю-

чается в идее коммунистов: завоевание политической власти для господства пролетариата. Оно превратилось в громкую фразу, играющую в резолюции лишь роль украшения для очень простого дела: проведения социальных реформ; вот почему резолюция старалась избегать даже слов: завоевание власти для *преобразования современного строя*.

Английские тред-юнионы, как известно, давным давно старались завоевать для себя политические права. Но от их «политической акции» не получилось, конечно, ни малейшей доли «господства пролетариата». Мало того, рабочие избиратели в своем пользовании политическими правами английской демократии оказались лишь пешками в руках либералов, которые умели им внушить даже свое манчестерское учение о невмешательстве государства в дело «свободного» договора о найме.

Резолюция открывает двери для всяких социальных реформаторов, наделяя их при этом именем социалистов. Она не могла бы закрыть дверей даже перед клерикальными опекунами рабочих, в случае если бы они явились на конгресс. Не удивительно, если вскоре оказалась, как мы видели (стр. 74), возможность жить в «Божьем мире» с подобными элементами.

Резолюция конгресса 93 г. утверждает неизбежно одно из двух: или всякая политическая акция рабочих союзов, а значит и вышеупомянутая политическая акция тред-юнионов и политика клерикальных рабочих союзов есть шаг на пути к коммунистическому завоеванию государства, нечто, повидимому, совсем уже невероятное, или завоевание политической силы, к которой стремится социалдемократия, не представляет коренного отличия от деятельности, направленной к достижению реформ в современном строе, а вследствие того коренным образом разнится от революционных планов коммунизма.

Цюрихская резолюция покоится на положении, что современный строй, конечно, в его демократических формах, предоставляет пролетариату права (ею имеются в виду избирательные права), пользуясь которыми, а значит исправляя законные функции демократического государства, он освобождает себя. Ясно, что для резолюции конституционное государство не есть уже только орган господства буржуазии над пролетариатом, как для «Коммунистического Манифеста»; оно вознеслось в некотором смысле над классами, предоставляя и пролетариату права для его блага. По мере прогрессирования этого нового «познания» о сущности государства делается излишней и революционная диктатура пролетариата — его господство. Цюрихская резолюция и не желает этого господства, она старается стремление к диктатуре выразить в законных функциях современного строя, она старается примирить революционные стремления пролетариата с «народной волей». И это примирение цюрихская резолюция конструирует не как возможный или желательный факт, а как *необходимость*. Создается таким образом *формула* социалистического дела, единственно возмож-

ная и общеобязательная: за свое освобождение пролетариат может бороться только пользуясь политическими правами демократического государства.

Где бы не пробуждались новые силы пролетариата и в какой бы степени они ни пробуждались, им дано уже назначение. Возникает и усиливается в Англии новое рабочее движение, борьба необученных рабочих, создавая социалистическое пролетарское движение, — формула определяет: они проснулись для того, чтобы пользоваться политическими правами английской демократии. Да, да, рукоплещут контр-революционеры фабианцы: слава Богу, движение направилось в конституционные каналы. — Майская демонстрация вызывает в Польше ряд массовых стачек, охватывающих целые фабричные районы. Из формулы ясно, что польские рабочие требуют политических прав. Патриоты поясняют, что эти права может им дать только независимое польское государство, и вот польский пролетариат борется за восстановление Польши. Формула создает здесь программу «Польской Социалистической Партии». Вообще же в неконституционных государствах, как Россия, с точки зрения формулы, как бы физически не может ни расти, ни даже возникнуть социалистическое дело. Ведь оно может быть выражено только в форме пользования рабочим классом политическими правами. Стало быть, до их завоевания рабочее движение должно развиваться лишь настолько, насколько это нужно для «конституции». Как удобна здесь такая формула для буржуазного радикализма, будет показано впоследствии более подробно.

Цюрихский конгресс, открывая свою резолюцию настежь двери всем консервативным стремлениям, какие только могли бы явиться от имени рабочих, облегчая им доступ, — удаляет все более горячие элементы, которые протестуют против социалдемократического оппортунизма. Мы видели, что протест этот вполне основателен; более того, он исторически неизбежен; но отсюда, конечно, еще не следует, что и всякий девиз, под которым он производится, основателен.

Из предыдущего ясно, что социалдемократическая политика несостоятельна не потому, что, как говорят анархисты, — несостоятелен план коммунизма о захвате власти для господства пролетариата, а потому, что социалдемократия не в состоянии его выполнить; социалдемократия не желает мирового господства пролетариата, она отрекается от этого дела.

Социалдемократия с беспомощностью смотрит на то, как ее громкий план завоевания политической власти для господства пролетариата жизнь жестоко сводит на простое «участие рабочего класса в законодательстве и управлении страной». (В таких простых словах объясняют русским рабочим «коммунистический захват власти» все прокламации и газеты русских социалдемократов). Но участие рабочего класса в законодательстве и управлении современным строем, если только

оно «настоящее», «искреннее» участие, или, если становится таковым (как напр. у «реалистических» элементов германской соц.-демократии 90-х годов), является лишь помощью буржуазному обществу в деле управления капиталистическим хозяйством, в деле его развития и благополучия, в деле пышного преуспеяния буржуазного прогресса, одним словом, является лишь более или менее радикальной оппозицией в составе прогрессирующей «народной воли». Это «участие» очень легко и просто может расти; для этого нужно только, чтобы оно поскорей становилось именно «искренним». Такое «искреннее» участие рабочего класса буржуазное общество принимает с распростертыми объятиями. Рабочий класс оставляет тогда планы о своем господстве, которое оказывается излишним, раз возможен рост «настоящего» участия в законодательстве и управлении. Таково развитие соц.-дем.-ской формулы: в целом оно создает следующий парадокс, лежащий в основе формулы: растущее «участие рабочего класса в законодательстве и управлении» внесет в кодекс, выражающий господство буржуазии над пролетариатом, параграфы, обеспечивающие за пролетариатом права на его господство над буржуазией.

Права пролетариата на его господство растут независимо от соц.-демократической формулы и подсчитываются не числом избранных парламентских депутатов и муниципальных чиновников. В то время, когда соц.-дем.-ская формула убаюкивает пролетариат сладкими словами: растущее «участие рабочего класса в законодательстве и управлении» есть завоевание власти для его освобождения, — будничная жизнь пролетария говорит ему другое. Дело пролетария-раба, приговоренного современным строем к каторжной работе, к беспрекословному при ее исполнении, повиновению велениям господствующего и управляющего буржуазного общества, классовое дело пролетария может быть только делом борьбы, делом возмущения против такого строя. Будничная жизнь пролетария разбивает внушенные буржуазией призрачные мечтания о том, как пролетариат в демократическом государстве может управлять и издавать законы. Будничная жизнь показывает пролетарию, что сущность современного строя заключается именно в том, чтобы существовало привилегированное, благовоспитанное меньшинство для управления и бесчисленная невежественная серая масса для каторжной работы. Когда этой каторжной работы для пролетария нет, то, так как он рожден только для нея, ему незачем существовать: ему разрешается умереть голодной смертью. Это сущность, это экономическая основа современного строя. Функция управления, как хозяйственным процессом, в тесном смысле, так и всю «жизнью нации» есть исключительная монополия благовоспитанного общества, господствующих буржуазных классов, не только собственников промышленного и торгового капитала, но и привилегированных наемников капиталистического государства: политиков, журналистов, ученых и всех «бла-

городных» профессий. Эта монополия неразрывно связана с основой современного строя, покоящейся на принципе частной наследственной собственности. Необходимые для функции управления (в широком смысле слова) знания, наука составляют исключительное владение буржуазных классов, в полное распоряжение которых поступает весь «национальный доход», национальная прибавочная стоимость, взимаемая капиталистами, доставляя только привилегированному меньшинству возможность приобрести эти знания, эту науку, это «умение руководить всею национальною жизнью». Какие бы перемещения ни происходили в «политической и иных надстройках» над этой экономической основой, большинство населения-пролетариат оказывается «от природы» приговоренным к рабскому, не смеющему рассуждать, труду. Демократизация капиталистического общества не в силах подкопать этой основы, этого отношения между правящим высшим обществом и служащим ему рабски пролетариатом. Демократизация капиталистического общества выражает прежде всего рост привилегированного общества, более «справедливое» распределение национальной прибавочной стоимости между различными слоями буржуазного общества. Утопично думать, что пролетариат, упражняясь в демократических учреждениях, подрывает у буржуазного общества его монополию управления, проистекающую из экономической основы современного строя (частной наследственной собственности), что он будет поочередно в современном строе завладевать различными функциями управления, пока не сделается правящим наравне с привилегированным обществом. Утопично при помощи законных перемещений в «надстройке» современного строя, составляющих вместе с тем нормальные отправления его основы, стремиться к уничтожению самой основы.

Экономическую основу современного строя, отношение господствующих классов к служащему у них пролетариату может *подрывать только революционная* борьба пролетариата, для которой нет никаких готовых выражений, никаких готовых схем в законных функциях буржуазного общества, как бы оно демократично не было. Экономическую основу эксплуатации и господства буржуазии может *уничтожить только господство* пролетариата, только его «деспотическое нападение на право собственности» (Коммун. Манифест).

III

Для своего освобождения, путем «деспотического нападения на право частной собственности», «Ком. Манифест» призывает пролетариев всех стран соединиться.

Но рядом с этим известным заключительным возгласом мы находим в «Манифесте» некоторые положения, сильно ограничивающие

его значение. К таким принадлежат следующие два положения: 1) «Коммунисты стараются везде связать и соединить демократические партии всех стран...» 2) «Первый шаг к рабочей революции есть возвышение пролетариата в класс господствующий, завоевание демократии».

Протекая со времени издания «Коммунистического Манифеста» историческая эволюция проявила мировой характер пролетарского дела в далеко высшей степени, нежели предполагали издатели «Манифеста». Она вычеркнула оба вышеприведенные положения, как «устарелые». (В предисловии к изданию «Манифеста» 72 г. Маркс говорит, что некоторые его места «устарели». Мы, конечно, не думаем утверждать, что это относится к приведенным строкам).

Первое из двух приведенных положений «Манифеста» вычеркнуто собственною рукою тех, кто их написал. Его вычеркивает Марксово воззвание «Союза Коммунистов» в 50 г., о котором упомянуто на стр. 76, его вычеркивают некоторые страницы «18-го Брюмера», самым резким образом нападающие на неестественный союз социалистов с демократами во Франции в 49 году. Наконец, факт основания Интернационала явно свидетельствует о том, что его основатели принуждены бросить окончательно все планы о соединении демократических партий и соединять непосредственно пролетарские силы.

Второе из вышеприведенных положений: «Первый шаг в рабочей революции есть возвышение пролетариата в класс господствующий, завоевание демократии» — находится очевидно в теснейшей связи с первым. Раз вычеркивается первое, второе претерпевает коренную модификацию. Но социалдемократическая политика, как в виде утопической формулы о достижении господства пролетариата путем законной избирательной борьбы, так и в виде ее «зрелого реализма» социальных реформаторов, покоится именно на том, что не допускает никаких модификаций в этом положении «Манифеста». Она считает это положение чем-то вроде вечной истины для борющегося пролетариата.

«Первый шаг в рабочей революции есть возвышение пролетариата в класс господствующий, завоевание демократии». Значит, по «Манифесту», пролетариат, завоевывая демократию, тем самым делается классом господствующим.

Не прошел и год с того времени, как эти строки Манифеста» были написаны. Парижский пролетариат завоевывает демократию и притом самую идеальную демократию — «социальную республику». И что же оказывается? При этой новой политической форме его стремления являются столь же противозаконными, столь же стремлениями бунтовщика, как и при предыдущей. «Социальная республика» не делает еще из него господствующего организатора общественной жизни; он теперь столь же борющийся революционер, как раньше, ибо его стремления, немудимо развиваясь, тяготеют к одному: к деспотическому нападению на право «частной собственности», которое защищает «социальная рес-

публика». Что завоевание пролетариатом демократии совсем еще не означает «возвышения его в господствующий класс», этому научила его та же самая любезная демократия, устроившая ему на улицах Парижа «достопамятную» резню в июньские дни. Она показала пролетариату, что его враг — не только владельцы капитала, не только монархическая плутократия, оппозиционная «прогрессивная» промышленная буржуазия, «революционное» мелкое мещанство, но и целая масса *привилегированных наемников* капиталистического государства: адвокатов, журналистов, ученых. В июньские дни его покинули, как неблагодарного бунтовщика, даже те, кто так недавно пел ему песенки об «организации труда» и «рабочих ассоциациях». Стало быть, действительность проявила антагонизм между буржуазией и пролетариатом глубже, чем он указан в «Манифесте». Это антагонизм не только между капиталистами и их рабочими, но между всем «республиканским» обществом и пролетариатом. И с тех пор история стала все более и более расширять пропасть между делом демократии и делом пролетариата.

Неполное познание классового антагонизма в современном обществе авторы «Манифеста» обнаружили и в низкой оценке мирового значения этого антагонизма. В странах со слабо развитою капиталистической промышленностью, какою была, ко времени появления «Манифеста», Германия, они считали и классовый антагонизм так мало развитым, что воображали, будто немецкая буржуазия сыграет роль французской буржуазии конца прошлого столетия, что, вопреки явному антагонизму классовых интересов, смело поведет она немецкий народ на борьбу за общее дело Германии, — уничтожение абсолютного феодального режима,¹⁴ что немецкая демократия, вдохновленная самими коммунистами, учредит немецкий конвент. Поэтому они считают возможным для себя, как для коммунистов, заняться пока судьбою германской демократии, «не скрывая однако своих «коммунистических планов», по которым буржуазная революция для них только пролог для рабочей революции. Они стараются, после взрыва революции 48 г., подбадривать немецкую буржуазию в ее борьбе с феодализмом,¹⁵ пытаются «погонять вперед этот класс» (Меринг), когда его охватывает страшное беспокойство при виде грозных классовых противоречий во Франции и рабочего движения в Германии. Коммунисты издают во время революции «орган демократии» и вообще определяют себя, как «наиболее радикальное крыло демократии». Они указывают пути «револю-

¹⁴ «Немецкая буржуазия вместе со своим господством неизбежно должна создать такие общественные и политические условия... которые затем рабочие обратят, как оружие против самой буржуазии». (Коммунистический Манифест).

¹⁵ «Между буржуазным и феодальным обществом, говорил Маркс на суде 48 г., между обществом знания и обществом веры не может существовать мира, их материальные нужды обуславливают борьбу на жизнь и смерть». (Меринг. «История немецкой социалдемократии»).

ционной Германии» и в вопросах внешней политики изобретают для нее революционные войны.¹⁶ Они организуют *демократические* конгрессы и *демократические общества*, в которых рабочие участвуют наравне с предпринимателями.¹⁷

Конечно, все эти условия «погнать вперед» буржуазное общество остались без результата. Демократия способна воодушевляться социализмом, но только до тех пор, пока он выступает перед ней в утопической форме. Но в то время «деспотическое нападение пролетариата на право частной собственности» выражалось уже не только в виде коммунистической идеи, а в очень конкретной форме — в лице Парижского пролетариата, нападающего на *демократическую* палату и героической борющейся против *республиканской* Франции. После подобных фактов никакая ловкая проповедь не в состоянии склонить демократию к устройству конвентов, даже в странах с «недоразвившимся капитализмом».

В таком-то виде представляется эта попытка коммунистов «напасть врасплох» на немецкую буржуазию; в своей «исповеди» Энгельс говорит о ней, как об «ошибке».¹⁸ Но «ошибка» коммунистов 48 г. заключалась не в «преждевременном стремлении к социальному преобразованию», как думает Энгельс 90-х гг., а в отсутствии у них реального стремления к этому делу в самый решительный момент (весь первый год революции). «Ошибочная» попытка «застигнуть врасплох» буржуазию заключалась в тщетных усилиях коммунистов склонить немецкое буржуазное общество к установлению для себя демократии, из которой коммунисты намеревались устроить господство пролетариата. Все разочарования, которые пережили в то время немецкие коммунисты, они пережили не как коммунисты, развивающие классовый антагонизм, а как демократы, развивающие свою деятельность вопреки этому антаго-

¹⁶ В «Новой Рейнской Газете» — «органе демократии», издававшемся Марксом в Кельне во время революции, говорится: «Только война с Россией есть война революционной Германии, война, в которой она может смыть свои грехи прошлого (восстановить независимую Польшу) и победить своих собственных автократов». В Голштинском споре с Данией «право Германии против Дании есть право цивилизации против варварства, прогресса — против инертности» (там же). Тогдашнее «революционное» берлинское правительство исполнило это патриотическое желание «левого крыла демократии»; оно хорошо понимало, что для усмирения «революционной Германии», для отвлечения беспокойных элементов из их революционного центра, нет лучшего средства, как такого рода «революционные» походы.

¹⁷ Иные коммунисты, вследствие этого противоречивого отношения, какое они заняли во время революции, напр. вышедший из школы Маркса Борн в Берлине, руководя вспыхнувшим вдруг рабочим движением, бесцеремонно смешивают сознательно учение Маркса с французским утопическим социализмом. Меринг прибавляет по этому поводу: эта программа (Борна) была однако «вполне соответственная ступень сознания для (неразвитого) немецкого пролетариата к востоку от Эльбы».

¹⁸ Написанное Энгельсом предисловие (в 95 г.) к Марксовой «Классовой борьбе во Франции», в котором он говорит об ошибках своей «революционной молодости», так понравилось Зомбарту, что он назвал его «искренней предсмертной исповедью раскаивающегося коммуниста».

низму. Таким образом все их разочарования только подтверждают их познание о непроходимой пропасти между буржуазией и пролетариатом, пропасти, которую вмещает даже «не вполне развившийся» капиталистический строй.

Но современная социалдемократическая историософия судит обо всем этом как раз наоборот. Немецкую буржуазию, испуганную событиями во Франции, «тем более нужно было погонять вперед для обеспечения тех прав, в которых нуждался пролетариат для своей политической организации. Завоевание этих прав было историческим призванием буржуазии, но, вместе с тем, ее тайным планом было отречение от них из страха перед пролетариатом». (там же стр. 361).

Как видит читатель, та выше очерченная политика коммунистов, согласно которой они решают год, два года заботиться о демократии, а затем только перейти к коммунистической деятельности, эта политика социалдемократической историософии еще теперь, спустя полвека, не только не кажется неестественной и утопичной, а напротив служит ей образцом. Для этой оппортунистической историософии совсем недоступна та простая логическая мысль, что коммунист «погонять вперед буржуазию», «уничтожать ее тайные планы» может с успехом только в том случае, когда он успокаивает буржуазию, т. е. для этой цели нарочно сам отсрачивает свое собственное дело.

Но социалдемократический историософ находит у Маркса и ошибку. «Все, в чем погрешил этот орган (издаваемая Марксом «Новая Рейнская Газета»), можно свести в конечном счете к одной ошибке, проходившей в то время красной нитью через всю деятельность Маркса и Энгельса. Она заключалась в том, что европейская классовая борьба представлялась им стоящей на гораздо высшей ступени развития, чем та, которой она в действительности тогда достигла» (Меринг, там же). Какое же заключение остается сделать верному стороннику социалдемократической историософии из познания этой ошибки? Только тот оппортунистический вывод, что немецкие коммунисты должны были на время еще более оставить в стороне свой коммунизм, еще «искреннее» и усерднее успокаивать струсившую немецкую буржуазию.

Что должны были делать немецкие коммунисты с первого же дня революции, или, по крайней мере, со времени июньского восстания в Париже, принужден был показать вскоре сам Маркс. Год спустя после начала революции, когда пропала всякая надежда на немецкую демократию, Маркс перечеркивает всю свою предшествовавшую деятельность в качестве крайнего немецкого демократа, как бесплодную. Он бросает смешанные демократические общества, которые сам создавал, бросает, как состоящие из антагонистических элементов, ведет с этих пор пропаганду непосредственно для пролетариата, основывает рабочие организации и готовится к общегерманскому рабочему конгрессу. Но уже было поздно: наступил белый террор. Маркс эмигрирует и восстанавли-

ет Союз Коммунистов, повидимому показывая этим, что его не следовало закрывать и на время революции. Тогда-то он пишет упомянутое на стр. 76 воззвание, требующее полного разрыва с демократами.

Правда, соц.-демократия может объяснить все эти шаги Маркса исключительным положением дел в то время, может видеть в них, с одной стороны, ответ на белый террор, а с другой — результат очень правдоподобной в то время иллюзии, что революционное движение в Европе немедленно возобновится. И последующая «политика» Маркса допускает подобного рода объяснение. Подвергши, при описании французской революции («18-ое Брюмера»), суровой критике компромиссы парижских социалистов с демократами, он, однако, описывая одновременно и германскую революцию («Револ. и контррев. в Германии.»), не делает даже ни малейшего намека на несостоятельность политики немецких коммунистов, а значит, и своей, — в течение первого года революции. Таким образом, вышеприведенные положения «Манифеста» остаются, повидимому, в силе, хотя история и обнаружила их несостоятельность и показала всю неполноту их познания классового антагонизма между буржуазным обществом и пролетариатом.

Еще к концу 50-х г.г. Маркс и Энгельс заботятся о судьбах «германской демократии» и принимают участие в выработке для нея разумной внешней политики (см. у Меринга.). Но действительность, опять таки, облекает в реальную форму не это дело, а возглас «Манифеста»: «Пролетарии всех стран соединяйтесь». Без непосредственной агитации коммунистов международное движение пролетариата само является в середине 60-х г.г. перед Марксом и настоятельно требует формулировки. Действительность, одним словом, постоянно подтверждает и развивает пролетарскую сторону программы коммунистов 40-х г.г., разбивая неумолимо их демократические мечтания: немецкая демократия передает исполнение своего революционного завета в руки... Бисмарка.

Первый шаг в рабочей революции в другом месте «Манифеста» выражен еще в следующих словах: «Ближайшая цель коммунистов — та же самая, что и всех остальных пролетарских партий: образование пролетариата в класс, низвержение господства буржуазии, завоевание политической власти пролетариатом». А к этому месту еще и такое пояснение: «Хотя и не по содержанию, но по форме борьба пролетариата против буржуазии есть вначале национальная борьба. Пролетариат каждой страны должен естественно прежде всего справиться со своей собственной буржуазией». До революции 48-го года, пока предполагалось, что «завоевание демократии есть возвышение пролетариата в класс господствующий», предполагалось вместе с тем, как видно из приведенного, что пролетариат каждой страны может «сам справиться со своей буржуазией», что рабочие в границах нации могут «низвергнуть ее господство». В это время «завоевание политической власти пролетариатом» представ-

лялось просто в форме завоевания демократии. Но революция 48-го года разбила эту иллюзию. Выросшее само собой международное движение пролетариата в начале 60-х г.г. ясно указывало, что это дело есть акт мировой и требует развития мировой акции пролетариата для своего осуществления.

Но Генеральный Совет Интернационала в некоторых случаях, по видимому, поручает его выполнение опять таки национальным организациям.

«Наши статуты ставят, без всякого сомнения, перед всеми нашими ветвями в Англии, на континенте и в Америке ясную задачу создавать не только очаги для боевых организаций рабочего класса, но и содействовать в соответственных странах всякому политическому движению, которое способствует достижению нашей конечной цели — экономической эмансипации рабочего класса» (Прокламация Совета Интернационала, май 70 г. Цитировано по «Суд о государственной измене», стр. 864).

Конференция Интернационала в Лондоне в 71 г. стоит на той же точке зрения и поясняет, что участие пролетариата в политической жизни отдельных стран, в качестве особой политической партии, согласно с основным положением Интернационала: «Завоевание политической власти сделалось великою обязанностью рабочего класса».

Очевидно Интернационал Маркса все еще стоит на вычеркнутых историей положениях «Манифеста». Он, очевидно, воображает, что «пролетариат каждой страны должен раньше всего справиться с своей собственной буржуазией», что он это может сделать, что он отдельно в каждой стране может низвергнуть буржуазию, стать господствующим классом, завоевать политическую власть. Он все еще целиком принимает то положение, по которому завоевание демократии есть господство пролетариата.

Итак, в то время, когда международное движение рабочих выросло совершенно самостоятельно для реальной акции реального выражения политики пролетариата, стремящейся к захвату власти, Генеральный Совет Интернационала такой акции проявить не был в состоянии. На этой почве и выросло сепаративное движение бакунистов. Оно в особенности усиливается после коммуны, которая застала врасплох Интернационал и обнаружила полную его нежизнеспособность, ибо Интернационал не оказал коммунарам никакой помощи.¹⁹ Сделай тогда Интернацио-

¹⁹ В протесте против поведения Интернационала во время Коммуны, вышедшем в Лондоне в 72 г. и подписанном Вайяном и др. коммунарами, говорится: «Интернационал считали могущественным, ибо на него смотрели, как на представителя революции. Между тем он оказался боязливым, неединодушным, играющим в парламентаризм. Его устав и деятельность, выразившаяся в конгрессах депутатов, сделали из него скорее парламентское, нежели боевое учреждение... До сих пор, несмотря на манифесты и резолюции, различные оттенки Интернационала очень ловко воздержались от вооруженной борьбы. Лишь несколько его сторонников, по собственному

нал хоть малейший революционный шаг, он подорвал бы в корне бакунинскую оппозицию.

Бесспорно, что Бакунин вначале со своею анархической проповедью обращался к буржуазным радикалам «Лиги мира и свободы». Несомненно также, что в его альянсе была, в особенности вначале, масса непролетарских элементов. Но несмотря на это, фраза, которой отделяется от «сепаратистов» отчет Гаагской комиссии по поводу дела Бакунина, подписанный Марксом и Энгельсом, фраза, громко провозглашавшая, что это интрига, устроенная буржуазией для разрушения Интернационала, не более, как простая увертка от сложного, непосильного дела. Если Марксу можно было, конечно, совсем не считаться с наивной программой Бакунина об уничтожении государства по декрету в первый день революции, а также с не менее наивной его теорией о построении социалистического общества на основе «прирожденного человеку чувства солидарности», то он не имел права третировать протест против своей политики многих десятков тысяч рабочих всех романских стран, Бельгии и Голландии, которые пошли за Бакуниным. Этот протест выражал, конечно, совсем не то, что о нем говорили его анархистские вожаки. Он не был выражением порицания той централизации, которую Маркс поставил в Интернационал на место единственно будто-бы спасительного федерализма. Нет, это был протест против того, что централизм Интернационала не представлял собою никакого революционного содержания; протест возник не потому, что руководящий орган состоял из «якобинцев», готовящихся господствовать по низвержении современного строя, как утверждал Бакунин, а потому, что он не состоял из революционеров, из «коммунистов, представляющих на практике наиболее решительную, наиболее вперед идущую часть рабочих партий всех стран» (Коммунистический Манифест).

В этот период Маркс, повидимому, противопоставлял ускользящему из его рук «сектантскому» движению разных стран континента образцовую партийную жизнь английских тред-юнионов и «зрелость», как в экономической борьбе, так и в тактическом участии и отношении к прогрессивным политическим течениям (см. в отчете Гаагской комиссии Интернационала циркуляр Генерал. Совета, а также статью Бернштейна в «Neue Zeit», 96-97 г., № 17). Но скоро ему пришлось разочароваться в этой «зрелости». Вот что он говорит о политике тред-юнионов в своем письме к Либкнехту, во время русско-турецкой войны:

«Английский рабочий класс, при господстве коррупции, падал с 1848 г. все ниже, деморализировался все более и наконец дошел до того, что составляет лишь хвост великой либеральной партии т. е. своих собст-

почину вступили в ряды борющихся... Не желая стать решительно на сторону коммуны, он приговорил себя к самоубийству». (Цитировано по Лавелз: «Современный социализм» — в польском переводе. Стр. 183).

венных угнетателей, капиталистов. Им руководят исключительно продажные вожаки профессиональных союзов и агитаторы. Эти мошенники подняли страшный шум *ad maiorem gloriam* царя освободителя, следуя примеру Гладстона, Брайта..., а между тем и не ударили пальцем в пользу собственных братьев, приговоренных владельцами рудников Южного Уэльса к голодной смерти» (Либкнехт. «Должна ли Европа сделаться казацкой?»).

Этот плачевный результат «участия» английского рабочего класса в «политической жизни своей страны», участия, еще недавно по Марксу, столь «образцового», доказывал неопровержимо следующее: «великое дело» «захвата пролетариатом государственной власти» не есть, однако, дело настолько простое, чтоб оно могло стать вполне «ясной задачей» только потому, что Интернационал написал в своих статутах: «Завоевание политической власти пролетариатом сделалось великой обязанностью рабочего класса». Этому дела нельзя было решить простой пересылкой его национальным организациям, с указанием, что «по характеру борьбы рабочего класса его экономическое движение неразрывно связано с политической деятельностью» (Резолюция конференции Интернационала в 1871 г.).

Мы видели, как немецкая социалдемократия исполняла это поручение, «стараясь завоевать в своей стране власть для пролетариата, независимо от ее состояния в других странах». При этом развитии соц-д-ия фатально теряет идею о господстве пролетариата.

Соглашаясь, по совету либералов и демократов, признать «устарелыми» идеи «Манифеста» о «деспотическом нападении пролетариата на право собственности», о «насильственном перевороте» всего строя, она не допускает ни в одной букве видоизменения вышеприведенных положений «Манифеста», касающихся отношения к демократии. А так как демократия осуждена на беспрестанное гниение, то соц-д-ия должна стать наследницей всех демократических «заветов».

И своим наследством соц-д-ия гордится. Но владение им обходится очень дорого. Меринг, рассказывая о деятельности Лассалья накануне его разрыва с прогрессистами, говорит:

«Как Маркс и Энгельс в 48 г., так и Лассаль в 62 г. примкнул к крайнему крылу буржуазного движения. Несмотря на все горькие опыты, которые Лассаль сделал в дни новой эры либерализма, он твердо держался взгляда, который руководил им в 50-х г.г.: не нападать на буржуазный класс, не ослаблять, но усиливать его и погонять вперед, пока есть еще какая-то надежда, что он исполнит свое историческое призвание и покончит с реакцией феодализма и абсолютизма... Даже если бы попытка (подогнать буржуазию) казалась совершенно бесплодной, ее должно было однако сделать. Пока прогрессистская партия не показала на-

глядно перед народом, что она не может и не хочет решить поставленной перед ней задачи, не было никакого смысла махнуть на нее рукой».

И, очевидно, до бесконечности нельзя будет никогда, по этой с.-д.-ой формуле, «махнуть рукой» на буржуазную оппозицию. Ведь всякий раз, «как ни бесплодной может казаться» данная попытка подогнать буржуазию, — ее «должно сделать». Сколько ни будет таких бесплодных попыток, они не в состоянии изменить формулу. Пролетариат на вечные времена впрягается этой формулой в демократическую колесницу. Он может сделать революционный шаг только тогда, когда он этим не ослабляет буржуазной оппозиции, или, другими словами, дальнейший революционный шаг разрешается пролетариату только тогда, когда это в интересах крайнего крыла демократии.

Поясняя эту формулу, Бебель говорит в «Neue Zeit» (№ 46, 96-97 г.):

«Если буржуазия, — является ли ее политическим представителем национальный либерализм, или прогрессистская партия, или, как ее теперь называют, свободомыслящая партия, уже десять раз показала себя политически ненадежной, малодушной и бесхарактерной, как по отношению к правящим сферам, так и по отношению к рабочему классу, то это нисколько не изменяет нашей обязанности поддерживать ее в одиннадцатый раз, в том случае, если она борется с большим для нас злом».

Это, очевидно, обязанность раба, не смеющего отнестись непочтительно к дешевому благородству своего господина.

Так как демократия с каждым днем все более и более примиряет свою оппозиционную природу с защитой «престола и отечества», то с.д.-тия, приковавшая дело пролетариата к «демократическим заветам», тоже благополучно легализируется, стараясь стать «единственной партией порядка». «Там, где государство честно поставило всеобщее избирательное право, оно обеспечено от революции» (Либкнехт, см. стр. 63.). И там, как говорит Фольмар, с. д. будет «проявлять свою силу только в согласии с волей народа». «Завоевание политической власти для пролетариата есть завоевание демократии». Но так как в Швейцарии, напр., несомненно уже существует демократия, то там, собственно говоря, уже господствует пролетариат «в согласии с волей народа», а потому Швейцария, говорит Либкнехт на Цюрихском конгрессе 67 года, «представляет собою государство будущего в миниатюре».

Со времени пролетарского восстания против «республиканской Франции» (48 г.) европейская демократия беспрекословно решила занять по отношению к существующему строю такое положение, какое вообще занимала либеральная оппозиция, — положение законной борьбы. Ей ни в каком случае нельзя расшатывать государственных устоев. В какой бы самодержавной форме не выступало государство перед ней, она не осмелится нападать на него для его низвержения, как она еще мечтала в 40-х годах. Ее «республиканские» мечтания, потребности

«свободы» могут осуществиться лишь в форме законных уступок. Она и может стремиться самое большее к тому, чтобы получить для себя подарки законным путем, не ослабляя государственных основ. В этом смысле она и эскамотирует пролетарское революционное движение, передавая ему свои «заветы». Но природа этих заветов такова, что никогда ни к каким революциям привести не может. Демократические революции в национальных рамках перестали иметь в цивилизованном мире всякий смысл. Даже в стране со столь мало развитым капитализмом, как Россия 70-х г.г., где есть как будто все данные для чисто политической революции, революционное движение уже не выступает под открыто демократическим флагом, а принуждено, чтобы возникнуть и удержаться хоть несколько лет, принять социалистическую оболочку. Маркс, смотря на это движение, принужден оставить в стороне промежуточные для «неразвитой страны» демократические ступени и подумать о «скачке» для нее так, чтобы русская революция была сигналом для «рабочей революции» на Западе; очевидно, в этом лишь случае он ожидает для русской революции настоящего успеха. (Предисловие Маркса к русскому изд. Коммунист. Манифеста 82 г.). Лишь только исчезла окутывавшая движение оболочка утопического социализма, по своей природе недолговечная, пало и само революционное движение, не будучи в состоянии создать чисто политической революции. Возникшее вновь движение в 90-х г.г., несмотря на возросшие «демократические потребности свободы» у русского общества, не в силах без колебаний и прямо идти навстречу революции в России до тех пор, пока не поставит сознательной целью пролетарской революции.

Когда французской демократии 70 года нужно было не более, как занять место абсолютизма, павшего вовсе не под ее ударами, а под ударами прусской армии, она и этого уже не могла сделать, потому что неожиданно (неожиданно и для Маркса) пришла на очередь непосредственно и потребовала решения немедленно пролетарская революция. Таким образом, в то время, когда соц-дем-ая формула указывает все на «первый шаг в рабочей революции — завоевание демократии», история непрерывно готовит элементы и силы для «деспотического нападения» на буржуазное право собственности. Эта формула, просто по своей природе, сводя все эти силы к демократизации государства для пролетариата, — не в состоянии создать для них достаточного выражения, не в состоянии дать понятия об их размере. Она лишь способна обуздывать их.

Идея коммунистов 40-х годов о господстве пролетариата, чтобы быть достаточным выражением этих растущих элементов, должна по необходимости выйти наконец из тесных для нее демократических и национальных рамок.

Соц-дем-ия пыталась создать политику пролетариата на основании того принципа, согласно которому рабочие, организуясь в политичес-

кую партию, должны составлять партию самостоятельную, о с о б у ю от всех других национальных партий. Этот принцип, который соц-дия не только не сумела осуществить, а напротив, превратила в настоящее время в политику открытых компромиссов, этот принцип означает: в то время, когда всякая другая партия своею политикой выражает отношение данного слоя населения к данной государственной форме, пролетариат своею политикой выражает нечто высшее, чего не может сделать ни одна национальная партия. Его политика выражает в данном месте отношение мировой силы пролетариата к международному «братству» буржуазии. Поэтому то первое условие для основания самостоятельной партии пролетариата в странах, где лишь начинается стихийное рабочее движение, заключается в точном познании выросшими сознательными силами пролетариата этого м и р о в о г о отношения и в сообразной с этим постановке политики пролетариата в этой стране или, выражаясь иначе, политика самостоятельной партии пролетариата сообразуется прежде всего с «экономикой» всего мира, а не того или другого уголка его.

Пролетарская революция есть революция в цивилизованном мире. Захват власти пролетариатом есть акт мировой. А стало быть и его сознательное подготовление может быть выражено только как международное дело, которого никаким образом не уложишь в национальные рамки: последние всегда для него будут Прокрустовым ложем. В этих рамках оно лишь превращается в утопию вроде с. д.-ой формулы, становящейся фатально, как мы видели, лишь прикрытием для «участия рабочего класса»... в буржуазных прогрессах.

Самостоятельная «политика» пролетариата есть сознательное проявление единой мировой воли, следующей из тождества интересов пролетариата всех стран, а стало быть воли высшей, чем какая бы то ни было демократическая «народная воля», не могущей по своей природе подчиняться ей, а, напротив, по сущности своей, могущей только господствовать над ней, а потому призванной диктовать свою волю национальным законодательным органам, уничтожая классовое господство — государство.

Мировая организация пролетариата, его международная конспирация и единодушная акция, как одного целого, вот единственный путь к его господству, к его революционной диктатуре, организация захвата политической власти.

Мы видели, как с. д.-ая формула подорвала в корне призыв парижского конгресса к мировой майской демонстрации, эту робкую попытку выразить возросшие силы мирового пролетариата в совместной солидарной акции. Подобным же образом действовала в этом деле формула и впоследствии.

Так как с. д.-тии приходилось на международных конгрессах наталкиваться на неприятности и критику с анархистской стороны, то

эти конгрессы становятся все реже и реже. Вместо этого с. д.-ия, как мы видели, принимает участие в социально-реформаторском конгрессе, на который раньше не соглашалась. Из среды немецкой с. д.-ии слышатся голоса (Ауер), что конгрессы следовало бы заменить съездами парламентских депутатов.

Поставленные на очередь на Цюрихском конгрессе 93 г. вопросы о мировой организации пролетариата и о мировой стачке почему-то не обсуждаются. В Лондоне в 93 г. удалось поставить на обсуждение конгресса предложение отдать на рассмотрение всех рабочих союзов вопрос о мировой стачке. Но даже это, столь скромное требование, — «отдать на рассмотрение», — отклонено, так как известно ведь, что генеральная стачка — утопия, и не следует даже разговаривать о подобных вредных вещах.

Впрочем с. д.-ая политика признает генеральную стачку, но только в одном случае. Она должна, во-первых, вестись в национальных рамках. Раз массовая стачка переходит через границу из одной страны в другую, она становится тут же утопическим предприятием. Затем, генеральная стачка может выставить только политические требования, демократизацию государственного строя, может быть предпринята только в защиту или для завоевания «народных прав». Так, например, Бельгийская массовая стачка за расширение избирательного права совершена в духе с. д.-ой политики. Тут допускаются даже кровавые столкновения.

Когда австрийская с. д.-тия выставила требование всеобщего избирательного права, широко агитировалась идея о всеобщей стачке. Но лишь только австрийские профессиональные союзы согласились присоединиться к общей забастовке, но с тем условием, чтобы стачка была предпринята вместе с тем и за 8-ми часовой рабочий день, возмущение среди с. д.-ии сразу исчезло: стачка показалась ей в таких условиях неосуществимой.

Итак, незаконное, с точки зрения современного строя, средство борьбы — генеральная стачка — не утопична, если предпринята за освобождение, или более справедливое выражение «народной воли»; если же дело касается непосредственных требований рабочих, как сокращение рабочего дня во всех отраслях производства, то такое требование скорее всего, как уверяет с. д.-ия, достигнется в самом парламенте. Но сколько раз ни ставилось это требование — 8-ми часового рабочего дня — в европейских палатах (напр., в 1896 г. в Париже, Берлине), на его стороне оказывалась лишь горсть социалистических депутатов, и его осуществление возможно здесь разве в минуту «с. д.-ого большинства», значит... совсем не скоро.

Эта двойственная политика по отношению к генеральной стачке не означает стало быть ничего другого, как установление принципа, по которому непосредственное революционное давление рабочих масс до-

пускается для демократизации государственного строя, но не допускается для удовлетворения непосредственных нужд рабочих. Но демократизация, расширение «народных прав», означает прежде всего допущение к управлению более широких сфер «интеллигентного» общества. Игра классового интереса «крайнего крыла демократии» во всем этом очевидна.

IV.

Вся выше намеченная эволюция с. д.-ии, конечно, очень поучительна для буржуазного радикализма. Он давно перестал пугаться красного словечка с. д.-ого «завоевания пролетариатом политической власти». Он давно стал питать сладкую надежду, что с. д.-ое ведение этого дела позволит легализовать его. С. д.-ия дала ему достаточно гарантий того, что она будет во что бы то ни стало удерживать свою политику законных и мирных средств. Вследствие этого, буржуазный радикализм заявил себя другом с. д.-ии и возымел благородный план производить с с. д.-ой политикой ту же операцию, что и с трэд-юнионской политикой. После легализации английских трэд-юнионов он признал необходимость профессиональной борьбы в решении классовых противоречий между капиталистами и рабочими, признал за трэд-юнионами «право войны» на этой почве для блага цивилизации, прогресса и с помощью «зрелой» политики профессиональных союзов, враждебной всяким «социалистическим утопиям», старался истреблять социализм.

Подобным образом он ныне признал за рабочими право на легальное представительство своих интересов в качестве особой национальной партии. Он признает легальную политическую борьбу с. д.-ии для того, чтобы с тем большим успехом, с тем большею силою и яростию нападать на революционное прошлое с. д.-ии, стараясь склонить ее к отречению от него, стараясь оторвать ее современную политику от революционной основы.

Этой игры с. д.-ия не замечает и давно идет на удочку. Мы видели, как Бебель, при взгляде на всю историю партии, старается доказать, что она есть сплошь развитие компромиссов. Либкнехт, когда ему напоминают его революционную агитацию 60-х г.г., старается показать, что это была лишь тактика, что настоящее положение так изменилось, что такая «тактика» ныне немыслима. Когда, говорит он, их было в парламенте два, три человека, было тактично вести отрицательную политику, ныне она не имеет смысла. Но отсюда следует, что чем более с. д.-ических представителей, тем более с. д.-ия должна по необходимости удаляться от этой «тактики», от революционной тактики.

Когда на конгрессе 93 г. Домела Ньювенгауис призывает немецкую с.- д.-ию остаться на революционной почве и выражать, как никогда, в

парламенте лишь протест, — Бернштейн отвечает ему после конгресса в «Neue Zeit»:

«От нас требуют бессмысленной кастрации своих сил, нас хотят свести на ступень секты. Там, где социализм представляет молодое движение, где у его сторонников недостаточно средств и возможности заинтересовать на продолжительное время в своих стремлениях народные массы, там социализм по необходимости должен принять характер утопического или утопирующего. Этот период и мы, немцы, прошли во время молодости нашего движения»... Но теперь «мы требуем для себя права не позволять нашим благомыслящим друзьям одевать нас в наряд паяца только потому, что он кажется им воплощением фальсифицированной чистоты социалистической этики».

Революционная проповедь Либкнехта (см. стр. 69), учившая немцев, что социализм, как вопрос силы, нельзя решать законным парламентским путем, — есть лишь «наряд паяца» времен молодости соц-д-ии.

Английский тред-юнионистский политик смотрит на социалистические планы рабочих континента, как на неподходящую для «зрелых» английских рабочих детскую забаву, смотрит с такой же гордостью и презрением, как Бернштейн на революционное социалистическое движение. Мало того, прославившийся своею борьбой с с-д-ией, проф. Адлер, оценивая историческое значение революционного социализма, говорит, что он играл роль средства для того, чтобы привлечь к политической жизни массы, погруженные во мрачное невежество. Далеко ли ушло от такого объяснения вышеприведенное объяснение Бернштейна?²⁰

Получив достаточно доводов в пользу того, что с. д.-ия имеет

²⁰ Читатель, пожалуй, заметит, что на последнем прошлогоднем Штутгартском партийтаге произошло, в некотором смысле, отречение от Бернштейна, теоретика оппортунизма. Этим «отречением» буржуазный радикализм не смущается. Вот что говорит о результатах Штутгартского партийтага «Frankfurter Zeitung», орган буржуазной демократии: «Те, которые ожидают развития социалдемократии в том смысле, что ея центр тяжести все более будет передвигаться с революционной стороны к реформаторской, не ошиблись... Кто слышал или читал речи Гейне, Пейса, Греденауэра, Ауэра, Фольмара — может быть удовлетворен. Мы держимся того взгляда, что эта поппибилистская группа неизбежно отодвинет ей противостоящую другую так, что фактически она определит направление с.-д.-ой политики». И о всем настоящем историческом моменте буржуазная газета рассуждает следующим образом: «Действительного господства буржуазии в Германии еще никогда не было. В 60-х годах мы стояли на верном пути к этой цели, но тогда вдруг пришлось буржуазии бороться на два фронта — против феодализма и против подымающегося нового врага ее, против с.-д.-ии, в то время действительно революционной... Большая часть буржуазного общества, испуганная нападением рабочих батальонов, бросилась охотно в объятия феодалов. На этом месте мы еще стоим и сегодня. Итак, ныне дело не в изыскании средств и путей, как осуществить утопию государства будущего, но в выполнении того, чего не успела сделать либеральная буржуазия — демократизация государства»... И с уверенностью газета заключает: «Из всего видно, что социал-демократия находится на хорошем пути, и если она должна будет его покинуть, то это

большое желание стать «единственной партией порядка», буржуазный радикализм почувствовал некоторую симпатию и к теоретической основе с. д.-ии, к марксизму. Он приступает к новым исследованиям Маркса, постоянно комментируя его учение современной политикой с. д.-ии, как настоящей ученицы Маркса. При помощи поправок, внесенных самими несомненными учениками, он открывает настоящий «дух» учения Маркса (Струве). При этом оказывается, что Маркс, давая разрешение проблемы, выставленной революционным социализмом, не успел однако вполне «освободиться» от некоторых его «фраз и идей», которые в сущности не согласны с «духом Марксова учения». Это особенно относится к «коммунистической крыше», приставленной Марксом лишь искусственно к своему учению, но не связанной с ним органически... «Прогноз Маркса для ученого не обязателен» (Струве). Неизбежность коммунистического строя вообще ведь доказать нельзя, можно

будет наверно не ее вина, но вина тех, которые верят предрассудку, что они могут уничтожить соц-д-ую партию силою и исключительными законами».

Свою уверенность буржуазный орган черпает из того, что упомянутая им группа «поссибилистов» действительно не слаба. Это явные непролетерские элементы. Они советуют примирение не только с буржуазным государством, но даже с настоящим германским правительством, в форме своей политики компенсации, рекомендуемой согласиться на пушки, дабы взамен получить «народные права». Они, таким образом, оппортунисты даже для оппортуниста Бебеля. Эти господа все «новые люди», вступившие в ряды соц-д-ии только после того, как она стала легализироваться. (Они сами заявляют это с гордостью).

Им мало, что комитет соц-д-ой партии при последних выборах упомянул в своем манифесте о «конечной цели» лишь в нескольких строках. Они хотели бы иметь «программу акции», в которой было бы совсем вычеркнуто социалистическое введение, ибо «проповедь о конечной цели легко создаст окостенение», а «пророк скоро становится скучным попом». Для них «движение — все, конечная цель — ничего». Отцом этой «поссибилистической» группы является на конгрессе Фольмар. Но если Пейссов республиканцы Либкнехты считают нужным удерживать и предостерегать, то Фольмару они ничего сказать не смеют. Поэтому Фольмар, чувствуя свою силу, не считает нужным соблюдать даже соц-д-ое приличие (Вот некоторые из его сентенций на конгрессе: «Если бы коммунары, вместо того, чтобы бороться на баррикадах, пошли спать, они тем оказали бы социализму совсем неплохую услугу... Для нас не могло бы случиться большего несчастья, как если бы вдруг, совершенно неожиданно нам досталась власть»).

Что касается «отречения» от Бернштейна, то отрекающиеся от него — Каутский, Либкнехт, Бебель — совсем и не думали, и не проявившаяся «глубокая» разница во взглядах их с Бернштейном мешала этому последнему и впредь оставаться «теоретиком соц-д-ии».

Поэтому то, когда Плеханов, принимая это отречение всерьез, удивляется после конгресса, почему германская соц-д-ая партия не «хоронит» окончательно Бернштейна, человека, который в своих статьях, к великой радости всей «реакционной массы», «хоронит социалистическую партию», Каутский упорно повторяет ему, что Бернштейн именно этими статьями оказал услугу соц-д-ии, обратив ее внимание на новые явления исторического развития (Отдает ли себе отчет Плеханов в том, что Бернштейн, самый доблестный воин соц-д-ии в борьбе с анархизмом и независимыми, стал «хоронить» революционный социализм не только в последних своих статьях, но, между прочим, как видел читатель на стр. 94, уже в 1893 г., и

доказать разве лишь «неизбежность коммунистического идеала», говорит Зомбарт. (Михайловский удовлетворен).

Маркс таким образом благополучно «очищен». Наука, пропустив его теорию сквозь тончайший фильтр своего беспристрастного, стоящего выше всех земных споров, анализа, получает в результате чистую, как слеза, марксистскую истину, общеобязательную для всех без исключения партий (и Кареев удовлетворен!), значит даже для прогрессивных государственных мужей.

Эта истина доказывает целесообразность и полную законность современного строя, несомненную желательность и спасительность его развития для всех без исключения слоев населения. Капитализм, развиваясь, поднимает из мрака и невежества целые народные массы, вводит их в культурную жизнь человечества, заставляет их для защиты своих классовых интересов принимать все большее участие в политической жизни, в решении национальных задач, развивает тем самым общечеловеческий прогресс и цивилизацию и разрешает вместе с развитием этого участия противоречия капиталистического строя.

Какие успехи прогресса и культуры обещает такая благополучная эволюция классовой борьбы, такое счастливое соотношение общественных сил!

С каким усердием будет работать общественная наука, раз она знает, что ее содержание ей во всяком случае сполна обеспечено, что трудящиеся миллионы, несмотря на постигающие их бедствия, доставляют ей это содержание с полной готовностью и уверенностью в своем растущем счастье, ибо ведь и наука с своей стороны стоит за законную защиту интересов рабочего класса.

вся соц-д-ия питалась этой духовной пищей, не подозревая в ней ничего противоречащего принципам социализма. Именно на Бернштейне воспитались русские соц-д-ты, которые теперь не станут одобрять Плеханова за его критику проникшего в ряды соц-дем-ии оппортунизма).

Крайне характерен, для оценки отношения всей немецкой партии к «ереси» Бернштейна, следующий факт. Либкнехты, заявляющие на партийтаге о «глубокой» разнице во взглядах с Бернштейном, тут же, при решении практического вопроса, делают то, что угодно Бернштейну. Бернштейн был инициатором участия в выборах в прусский ландтаг. Выставив этот проект еще в 93 г. в Кельне, он встретил тогда единодушный отпор со стороны партийтага. Но за пять лет, протекших с Кельнского партийтага, он привлек к своему проекту всю партию. Штутгартский партийтаг, отрекающийся от его «теории», принимает одновременно с этим его «практическое» требование «сотрудничества с другими общественными группами», предоставляя отдельным округам право голосовать за буржуазную оппозицию. Либкнехт, еще в 97 г. отклонявший это участие, в Штутгарте отказывается от оппозиции в тот самый момент, в который заявляет о глубокой разнице во взглядах с Бернштейном.

Проявившееся на Штутгартском партийтаге и нападающее на психистов левое крыло партии (Шенланк, Цеткина, Люксембург, Парвус), с одной стороны, пока очень немногочисленно; с другой стороны, удовлетворяясь на партийтаге голым заявлением Каутского о разнице во взглядах с Бернштейном, обнаруживает этим самым неособенную силу своей оппозиции.

С.-д.-ия глубоко тронута таким великим беспристрастием науки. На всю операцию очищения Марксова учения радикальными учеными она смотрит, как на проникновение пролетарской идеологии в официальную науку.

То, что в «Манифесте» выражается в понятии «насильственного переворота», «деспотического нападения пролетариата на право собственности» — беспрестанно совершалось после издания «Манифеста» в продолжении всего полувека, только в другой форме, говорит Мейнинг, — в форме мирных завоеваний с. д.-и... Предсказание Маркса есть предсказание лишь морфологическое, а не хронологическое, поясняет Лабриола... Пролетариату достаточно просмотреть развитие последнего периода, чтобы почерпнуть уверенность в беспрепятственном прогрессе своего дела, говорит Каутский... (стр. 65). Политическое положение пролетариата — продолжает он в той же статье — требует от рабочего класса, как можно долее сохранить свой настоящий метод борьбы законными средствами... Но политика, подхватывает радикальная наука, говорящая уже на марксистском языке, есть только надстройка над экономикой, стало быть, э к о н о м и ч е с к о е положение пролетариата, не только рост его нравственной силы, но и рост его действительного благосостояния заставляет пролетариат отклонить окончательное столкновение. Неотвратимая неизбежность, следующая из «неумолимых исторических законов», не есть неизбежность «катастрофы», «резкого падения», а неизбежность нормального развития капиталистического строя с неизбежной борьбой пролетариата, разрешающей капиталистические противоречия.

Ничто не в состоянии видоизменить этого установившегося нормального развития современного строя. Если Маркс доказывает, что растущая армия безработных, растущая неотвратимо из потребности прогрессирующего капиталистического строя, сделает невозможным его дальнейшее существование, то теперь справедливая к рабочему классу наука показала, что эта Марксова «идея» не связана с духом его учения и составляет лишь рудиментарный след давно минувшего бунтарского социализма.

В течение трех последних десятилетий рабочий класс возложил все свои надежды на науку, говорит Рейхесберг, и наука не обманула этих надежд.

Вероятно, рабочему на Западе не придется уже голодать, благодаря этому верному заступничеству науки. Вероятно почтенный профессор надеется нас скоро известить о том, что всюду в цивилизованном мире вместо рабочих домов выстраиваются, — при участии науки, конечно, — великолепные «народные дома», в которых все незанятые «осадки» населения промышленных городов живут в полном довольстве.

О нет! Это был бы совсем ненаучный метод. Наука никогда так

поверхностно не лечит общественных недугов. Она всегда схватывает глубже. В данном случае «социальная наука» познала всю ошибочность мнения, утверждающего «будто пролетаризация есть вместе с тем и пауперизация» (Струве, см. выше стр. 62). Она доказала, что «осадки» совсем не принадлежат к рабочему классу, пролетариату. Это совсем особый класс — л у м п е н п р о л е т а р и а т, состоящий преимущественно из лентяев и «полууголовных субъектов». Как свидетельствует сама с. д.-ия, этот класс не может иметь никакого голоса в решении «социального вопроса». Ему противостоит т р у д я щ и й с я пролетариат. (Наука любит, когда рабочий трудится). Это она е г о никогда не обманула. Так, она беспрестанно уверяет его в немедленном введении, с ее помощью, нормального рабочего дня и всесторонней охраны его труда, забрасывает его комплиментами за его прогрессивность в борьбе за культуру и свободу, комплиментами, особенно учащающимися тогда, когда «левому крылу демократии» нужно отвоевать у реакционеров участие в «управлении», т. е. в умножающихся общественных синекурах.

Английский рабочий до сих пор знал, что если, потеряв работу, он не найдет ее раньше исключения из профессионального союза, если опасно заболел, или состарился, то, вступая в рабочий дом, он теряет, по кодексу своей страны, право голоса. Теперь он может утешаться тем, что это кодекс всего цивилизованного мира, что, по приговору новейшей социальной науки, он в упомянутых случаях переводится в ряды особого нерабочего класса и всею своею судьбою не может оказать никакого влияния на направление классово-борьбы рабочих.

Значит, те проклятия, которые иногда доносятся до ушей гуманитарной науки из-за ограды рабочих домов и некоторых кварталов промышленных городов, те стоны, которые она может услышать у слоняющихся по улицам бродяг, совсем не должны смущать ее: они не могут повлиять на ход событий.

Нищета, вырождение, проституция, каторжный труд детей — совсем не спутник к р у п н о й капиталистической индустрии. И этот факт ясно доказывает, что они достойные недоразвившихся капиталистических форм. Достаточно сравнить современную Россию с Западом, чтобы увидеть, что русские повальные голодовки результат недоразвития капитализма в этой отсталой стране. Они, вероятно, сразу бы исчезли, если бы управление Россией перешло из рук царской реакции, попов и жандармов в руки русских ученых, которые дали бы полный простор развитию отечественного капиталистического прогресса.

Промышленные «осадки» среди блеска городов цивилизованного мира, ужасное положение сельского пролетариата всех стран, обрекающее его на нищету и невежество средневековых рабов, возмутительный гнет сельских рабочих в Венгрии, хронический голод в Италии, повальные голодовки в Индии и России, открытый грабеж, зверства и истязания дикарей капиталистическими цивилизаторами, — все это н е к а

питалистические отношения, не капиталистические «противоречия». Ясно, что этот особый некапиталистический мир не может доставить пролетариату ни одного довода в пользу необходимости его «деспотического нападения на право капиталистической собственности». «Трудящийся пролетариат не только не желает этого нападения, но напротив, дисциплинируя рабочие массы в профессиональных и политических союзах, обеспечивает цивилизацию от насильственных, грубых взрывов черни, как в этом уверяет нас соц-дия» («Neue Zeit», 97-98, № 8-й, примечание редакции к ст. Бернштейна: «Толпа и преступление»).

Все вышеуказанные открытия внули новейшей социальной науке неоспоримую и весьма утешительную истину о невозможности никакого социального катаклизма. Спокойный величественный облик современной гуманитарной науки, приобретенный ею вместе с новыми социальными открытиями, лишь изредка слегка омрачается мыслью о том, сколько штыков, тюремщиков, международных шпионов, травящих анархизм, участвовали в установлении научной истины.

V

В утопические мечты соц-дии о решении капиталистических противоречий мирной, законной борьбой пролетариата не укладываются с самого начала два явления: анархия и возрастающие попытки европейской реакции.

Несмотря на все проповеди соц-дии, анархия, как протест против соц-д-ой политики, не исчезает. Соц-дия, как мы видели выше, приняла цюрихской резолюцией 93 г. самые решительные меры, дабы не проникла на международные конгрессы ни малейшая доля «анархического яда». И, несмотря на это, лондонский конгресс (96 г.) принужден был согласиться на присутствие анархистских представителей рабочих: в их числе оказалась половина депутатов рабочих союзов Италии и Франции, не говоря уже о большинстве голландской рабочей партии. Проклятая анархия! — она просто компрометирует социализм. Если бы не анархия, как далеко подвинулось бы дело парламентского большинства, дело убеждения европейской демократии быть справедливой к пролетариату!

Но наиболее для соц-д-ого оппортунизма досадны «не настоящие анархисты». От «пропаганды делом» он отделяется очень просто. Это все, по его уверениям, проделки полиции. «В анархических покушениях единственный политический элемент представляют агенты провокаторы» (Каутский, «Neue Zeit», 93-94 г., № 13), и это мнение соц-дия распространяет даже после покушений Вальяна и Казерио. Нападая на различных «независимых», соц-дия старается прежде всего обнаружить их непоследовательность, лицемерие, упрекает их в том,

что они лишь «замаскированные» анархисты. Она бы уже скорее хотела их увидеть «настоящими» анархистами, которые, как известно, скоро погибают.

Что касается увлечения рабочих масс анархизмом, то Каутский — спрятав на этот раз в карман все свое миросозерцание материалиста, — заявляет, что

...«бывают времена, когда более значительные пролетарские массы предаются анархической фразе... как бы из потребности опьянения. Религию назвали морфием народов, — анархизм можно назвать их алкоголем» (там же).

Что означает анархическая и социалистическая оппозиция рабочих против соц-д-ой политики — это показывают прошлогодние события в Италии, где рабочие массы так любят «опьяняться» алкоголем — анархизмом.

Прошлогоднее восстание итальянского пролетариата показывает всю вздорность соц-д-ой политики в качестве мирового рецепта.

Буржуазия нагло смеется над «страшнейшим оружием» пролетариата — «мирным методом борьбы», над «соц-д-им завоеванием власти законным парламентским путем».

За последние годы дело завоевания соц-д-ого парламентского большинства заметно росло в Италии: несмотря на это, оно не было в силах погнать итальянское буржуазное общество даже к капиталистическому прогрессу. Рядом с постоянным совершенствованием этого «страшнейшего оружия революции» буржуазия устраивает одну за другой итальянские панамы, празднует беспрепятственно свои оргии господства и приводит к голодной смерти целые массы.

Соц-д-ий ученый в своем кабинете пишет: «Пролетариату всех культурных стран достаточно проследить развитие последнего периода, чтобы увидеть, как повсюду он прогрессирует» и, сообразно с этим, вести себя в своей борьбе «с хладнокровием» (Каутский, см. выше, стр. 65).

Миланские повстанцы говорят этому ученому, что его благоразумные советы — лишь жестокое издевательство над голодающими массами:

«Красные щеки» наживает партия пролетариата своею законною борьбою, — говорит Энгельс и убеждает итальянских рабочих следовать указаниям мирной политики германской соц-д-ии. Миланский рабочий с высоты баррикад отвечает, что достояние пролетария — *morte blanca*, голодная смерть.

Итальянские рабочие своей многолетней борьбой приобрели себе целую массу пекущихся о них идеологов, социалистических депутатов, журналистов, агитаторов, и все эти интеллигентные силы ничего не сделали во время прошлогоднего восстания для того, чтобы отчаян-

ные взрывы голодных масс перешли в сознательную пролетарскую революцию. Напротив, когда во время восстания все итальянское общество с ужасом ожидало призыва комитета железнодорожных рабочих (союз насчитывает около 70 тысяч человек) ко всеобщей стачке, значит — шага, который нанес бы правительству страшный удар, — этого призыва не последовало, и руководящий орган железнодорожного союза дал этим правительству возможность подчинить всех железнодорожных рабочих военной дисциплине.

Итальянские социалисты умеют бороться за свободу Греции: в 1897 г. они образовали легионы, отправляющиеся на войну с турками. Но они не способны стать во главе борющихся голодных масс.

Европейская соц-д-ия, со своей безошибочной политикой, беспомощно смотрела, как поочередно были подавлены все отчаянные взрывы итальянского пролетариата.

Соц-д-ая премудрость умеет советовать голодающим безработным массам лишь особенную с.-д.-ую добродетель — «терпеливое выжидание» (Дашинский на съезде в Штутгарте), присоединяя к этому фразы негодования против беснующейся буржуазии. Резолюция Штутгартского съезда говорит по поводу итальянского восстания: «Преследования, которым венгерское и итальянское правительства подвергли сторонников с.-д-ии и другие оппозиционные направления, вызывают по своей жестокости и гнусности ужас всех честно мыслящих людей... Партейтаг обращает внимание всех честных людей на эти отношения».²¹

До тех пор, пока новое революционное направление борьбы пролетариата не даст сознательного выражения тем «противоречиям» современного строя, которые социалдемократия преспокойно оставляет в стороне, анархия, этот «алкоголь» масс, неизбежна, как их стихийное выражение, как голый протест против насилия и утопии законной борьбы, протест, которого не в силах уничтожить никакими средствами даже те слои рабочего класса, которые «организовались в партию с.-д-ой мирной политики».

Подобно тому, как рост «страшнейшего оружия» с.-д-ии, — парламентских голосов — не был в состоянии предотвратить оргий итальянской буржуазии, точно так же и во всей Европе он не в силах уничтожить реакционных попыток. Аппетит реакционеров, наоборот, возрастает.

В Германии Вильгельм со всею реакцией становится все нахальнее. Немецкая с.-д-ия старается поразить его, выставяя против него буржуазную оппозицию в прусском ландтаге; она не замечает, что именно такие шаги придают смелость реакции, так как сознательный

²¹ «Демократы» — (ныне социалдемократы) — «веруют», говорит Маркс в «18 Брюмера»: «в те трубы, от грома которых пали стены Иерихона».

немецкий пролетариат, думавший было недавно о перевороте всего современного строя, доводит свое дело до устраивания агитации в пользу буржуазных радикалов.

Во Франции, согласно указаниям с-д-ой формулы, социалисты объявляют себя защитниками республики и «совсем не врагами армии». Формула заставляет защищать силу, которая травила коммунаров на улицах Парижа. Что же удивительного, что во французской республике неистовствует ныне милитаризм не в меньшей степени, чем в любой сильной монархии, что монархическая партия подымает теперь голову, осмеливаясь строить даже прямые заговоры. При этом — к великой радости господствующих классов — карты так перемешиваются, что социальный вопрос как будто воплощается в деле Дрейфуса, и «революционным защитником народных прав» является Золя, которого с этим званием и поздравляют брюссельские социалисты.

В Англии с-д-ая формула ставит перед социалистами мудреную задачу: при существовании установившихся веками двух «великих партий» создать самостоятельную рабочую парламентскую партию, как первое условие для прогресса социалистического дела. Мучаясь над разрешением этой задачи, английские социалисты все более замечают, что между ними и крайними радикалами оказывается небольшая разница. Самым сильным социалистическим направлением является ныне в Англии антиреволюционный буржуазный социализм фабианцев. И здесь формула выставляет, как первое дело пролетариата, охрану демократии, и потому... вожак английской соц-д-ии, Гейндман, считает необходимым для защиты своего отечества — наиболее передовой в мире страны — увеличение английского военного флота. И опять таки, что же удивительного в том, что у английских консерваторов усиливаются империалистические мечтания и стремления к военным захватам.

Итак, на отречение соц-д-ии от «деспотического нападения на буржуазное право собственности», на ее благородные усилия разрешить «капиталистические противоречия» обязательно мирными «цивилизованными» средствами борьбы, действительность отвечает усиливающимся неистовством западно-европейской реакции. «Демократизация» мира, ожидаемая от «искреннего участия» соц-д-ии в официальной жизни Европы, не ослабляет вековых органов господства, вековых орудий гнета и насилия: она, напротив, позволяет им более, чем когда-либо, усиливаться и вооружаться.

VI

В течение последнего десятилетия и в границах российского государства окончательно установилось соц.-д.-ое направление классовой борьбы пролетариата. Здесь образовались три партии: Польская Социал-

листическая партия, Обще-Еврейский Рабочий союз и Российская Социалдемократическая партия.

Все эти три организации старались быть строго марксистскими, строго соц.-д.-ими; они ни разу не задумались над проблемой спора западноевропейской соц.-д.-ии с ее социалистической оппозицией, никогда не осмеливались на какую бы то ни было критику соц.-д.-ой программы действия, а слухи о проникновении оппортунизма в западноевропейскую соц.-д.-ию считались ими всегда лишь анархистскими сплетнями.

А между тем эти три организации, все строго марксистские, строго соц.-д.-ческие, не могли здесь установиться иначе, как в форме компромисса между делом пролетариата и делом «крайнего крыла» буржуазного общества.

*

Польское привилегированное общество после восстания 63 г. оставило, казалось, раз навсегда всякие планы старой шляхты о восстановлении Польши. Быстрый рост польского капитализма в эту эпоху, вследствие открывшихся восточных рынков, удовлетворял буржуазное общество. Передовые ряды его своею т. н. «программой органического труда» ставили себе целью развитие отечественной культуры, науки, прогресса. Конечно, не вполне приятно положение, в котором порядочная доля «национальной прибавочной стоимости» перепадает в карманы обрусителей и царизма. Но польское привилегированное общество должно было мириться с ним потому, что возникшая тогда партия польского рабочего класса, партия «Пролетариата» стала угрожать, по видимому, самому существованию прибавочной стоимости. Польскому радикализму приходилось защищать привилегированное общество от угроз польского пролетариата. Отказавшись на время от вопроса о распределении «национальной прибавочной стоимости» между польским обществом и «завоевателем страны», он с усердием травил «космополитов-социалистов».

Но дело сразу приняло другой оборот после того, как на смену «Пролетариату» (партии революционного марксизма) пришла польская соц.-д.-ия. Польские социалисты в лице соц.-д.-ии провозгласили утопичность непосредственного стремления к социальному перевороту. В ту же самую минуту проснулся к новой жизни польский патриотизм. Как некогда польская шляхта призывала весь польский народ на борьбу с деспотизмом за свободу для того, чтобы восстановить свое непосредственное господство над рабом — мужиком, так и в настоящее время буржуазное польское общество начинает мечтать о восстановлении Польши для водворения своего непосредственного господства над рабом — пролетарием, для исключительного пользования — без раздела с абсолютизмом и обрусителями — теми богатствами, которые создает

раб-пролетарий для самостоятельного управления всем процессом эксплуатации польского рабочего класса. (Это несколько не мешает тому, чтобы польская плутократия и аристократия стремились к примирению с царизмом).

Польские соц.-д.-ты (создавшие затем «Рабочий Союз») развивают рабочее движение, классовую борьбу фабричных рабочих с их непосредственными эксплуататорами — капиталистами за улучшение условий труда. Они «отрекаются от политики», т. е. они не считают нужным формулировать той цели, к которой стремится классовая борьба. При таких обстоятельствах польский патриотический радикализм пытается направить по своему руслу борьбу польского пролетариата. Устанавливая все более идею борьбы польского народа с «завоевателем страны», он старается показать, что классовая борьба рабочих — лишь доля этой «великой общенациональной» борьбы. Зародившиеся в половине 80-х г. чисто патриотические организации находят большой отклик в особенности среди польской учащейся молодежи. Здесь то, для включения классовой борьбы рабочих в общенациональные цели, создаются самые разнообразные комбинации между двумя началами — «патриотизмом и социализмом». Появляются различные оттенки польского «национального социализма». Несмотря на все разнообразие, они все имеют одну общую черту: социализм у них не борьба за интересы, а за идеи. Поэтому весь этот «национальный социализм» в этот период — антимарксистский. Он ни за что не хочет признать принципа «классовой борьбы», нападает на грубый исторический материализм за то, что он не признает никакой роли за «идеями». «Национальный социализм» имеет свою нелегальную литературу, но действует почти исключительно в сфере интеллигенции.

В течение этого времени польские с.-д.-ты, как сказано выше, «отрекаются от политики», предоставляют ее патриотам и все более исчезающим остаткам «Пролетариата». Они считают возможным значительную часть своей деятельности развивать при помощи легальных изданий; некоторые из них мечтают даже о развитии чего-то вроде легального тред-юнионизма в русской Польше. Но вот раздается призыв парижского конгресса к майской демонстрации; горячо подхватывается он остатками «Пролетариата»; усиленно развивают они агитацию в пользу массовой стачки и принуждают самих с.-д.-ов приняться за устройство празднования 1-го Мая. Рабочие массы широко откликаются на призыв. В 92 г., в ответ на несколько прокламаций, разбросанных лодзинскими с.-д.-ами, поднимается на 1-го Мая все рабочее население города. Рабочие выставляют определенные требования, и стачка продолжается целую неделю. Мало того, поднимаются и все фабричные окрестности Лодзи. Перед таким неожиданным для польской с.-д.-ии фактом она теряет голову и не в состоянии дать никакого выражения

переросшему ее планы движению: она не издает даже ни одной прокламации во время стачки.

Вот тогда то польский патриотизм начинает говорить от имени польского пролетариата. Польское рабочее движение показывает, что общественное развитие Польши достигло гораздо высшей степени, чем в России. Партия «Пролетариата» напрасно приковала революционное движение Польши к революционному движению России. Польский рабочий только теряет от этого, ибо он связывает свое дело с судьбою движения в совершенно отсталой стране.

«Раньше геройская когорта русских революционеров заслоняла нам фон, на котором они действовали: теперь мы убедились (так объясняет генезис П.П.С. "Przedswit" в 1894 г.), что наш рабочий несомненно перерос русского, что структура русского общества гораздо ниже... И сами русские революционеры (продолжает "Przedswit") стали теперь иначе ставить дело: говорится уже не о революции, а о "Земском Собрании". В этом отношении были согласны и народолюбцы, и соц.-д.-ты и "Свободная Россия"... Пока была речь (так говорил "Przedswit" еще в 92 г.) об уничтожении русского государства, дело само собой шло хорошо. С момента же образования конституционной монархии в России надо подумать о конституционных гарантиях, а самой сильной гарантией будет отделение Польши в границах ее революционного очага».

Под этим революционным очагом разумеется не только собственно Польша, но и «тяготеющие к Польше страны», как Литва, Малороссия; в особенности Литва, связанная с Польшей исторической традицией совместной борьбы с царизмом во время шляхетских восстаний, одним словом, — «завоеванные у нас земли». Подобного рода соображения при тогдашнем затишье в русском революционном лагере увлекают всех польских социалистов в конце 92 г. (Сам идеолог русского революционного движения — Плеханов — благословил этот новый поворот). Они сближаются и объединяются во имя лозунга «независимой Польши». Таким образом, создается «Польская Социалистическая Партия» (П.П.С.).

Но одно это признание польскими социалистами целесообразности требования от имени польских рабочих «независимой Польши» — вводит в их ряды явно непролетарские элементы. В особенности среди эмиграции, и именно среди признанных польских социалистов начинает пышно расти польский шовинизм. Заграничный орган нового «пролетарского» направления старается превзойти в шовинизме всех патриотов. Этот поворот радует даже шляхетских эмигрантов 63 г.. Они раньше даже в самых смелых своих мечтаниях не воображали, что к мирозерцанию «классового социалиста» («walkoklasisty») удастся привить когда-нибудь мечтания о «Польше от моря до моря» и весь багаж национальной традиции. Действительность превзошла их ожидания.

К первому мая 93 г. издается за границей брошюра (с надписью, конечно, — «Пролетарии всех стран соединяйтесь!»), в которой намечена новая программа: для польского пролетариата действительно необходимы: 8-ми часовой рабочий день и «независимая Польша». Свобода для него может наступить лишь тогда, когда последний москаль будет прогнан из Польши.

Эти растущие шовинистские элементы отталкивают варшавских рабочих. Объединение разрывается. Протестующих рабочих соединяют в отдельную партию польские соц.-д.-ты. Они только теперь спохватились, что «политики» рабочего класса никому передавать нельзя. Они думают поправить теперь дело выставлением требования русской конституции. Но весь дальнейший ход подпольной жизни в русской Польше при такой постановке дела оказывается идущим против них. Соц.-д.-ие рабочие начинают замечать, что им все более недостает «интеллигентов», что все социалисты, революционные энтузиасты, бывшие пролетариатцы, когда то больше нежели соц.-д.-ия боровшиеся с польским патриотизмом, теперь в П.П.С.

Польские соц.-д.-ы начинают проигрывать дело и перед судом соц.-д.-ой Европы. Судьба их очень поучительна в данном случае для правоверного сторонника соц.-д.-ой политики. Польская соц.-д.-ая эмиграция 94 и 95 гг. старается быть верною, даже так сказать, каждой букве политики немецкой соц.-д.-ии. Она в спорах соц.-д.-ии с «независимыми» признает безошибочным каждое слово Каутских. Она, конечно, стоит целиком за цюрихскую резолюцию, исключаящую из конгресса всякую социалистическую критику соц.-д.-ии. Но вот эта же самая резолюция (завоевание политических прав, как первое условие социалистического дела) вводит на конгресс польских «соц.-патриотов», как представителей польских рабочих, организует их в национальную польскую секцию конгресса, которая исключает вернейших последователей Каутского — польских соц.-д.-ов. Они не были допущены ни на цюрихский, ни на лондонский конгрессы. Мало того. Заграничная представительница польского соц.-д.-изма, Люксембург, верующая, конечно, в безошибочность немецкой политики, критикует накануне лондонского конгресса в «Neue Zeit» П.П.С., как партию «социал-патриотов». Каутский на это отвечает, что настоящий соц.-д.-тизм в Польше представляет именно П.П.С., а Люксембург со всеми польскими соц.-д.-ами играет в руку русскому абсолютизму:

«Противники П. П. С. предохранены, пожалуй, от того, что бы погрязнуть в мелко-мещанском национализме, но за то подвержены гораздо большей опасности — служить палачам Польши. Антинациональный оттенок польских социалистов предпочитает подвергнуться опасности помогать царю, нежели опасности помогать мелко-буржуазной демократии».

Одним словом, самый настоящий соц.-д.-т — Каутский определил, что настоящая соц.-д.-ая партия в Польше не может иначе конституироваться, как компромисс пролетарского дела с делом патриотического радикального общества.

После этого пропала бесследно «антинациональная соц.-д.-ия». В Варшаве ее организации остались без «интеллигентов». Патриоты успели убедить остатки этих организаций примкнуть к П.П.С.. Только некоторые соц.-д.-ты, как напр. та же Люксембург, начали наконец задумываться над оппортунизмом в рядах западно-европейской соц.-д.-ии, и на Штутгартском партейтаге (98 г.) мы видим ее на левом крыле немецкой партии борющейся против POSSИБИЛИЗМА Фольмаров и Бернштейнов.

Вместе с основанием П.П.С. среди польских революционеров окончательно прекращаются споры о роли идеи, принципа классовой борьбы и т. д. Очевидно все эти философские рассуждения со стороны антимарксистов имели целью направить при помощи «идеи» классовое движение рабочих масс в сторону «восстановления Польши». Раз эти требования удовлетворены, раз «классовая борьба» и исторический материализм признают идею — общенациональные стремления — нечего против них более спорить. Те же самые люди, что недавно нападали на Марксов материализм (напр. Лимановский в своей истории социализма) находятся ныне в рядах строго-марксистской П.П.С.

«П.П.С., включая в свою программу стремление к восстановлению Польши, свела этим к нулю значение патриотической партии, ибо отняла у нее единственный *raison d'être*» («Przedswit», 93 г.).

Как легко, подумаешь, разоружить буржуазию! Нужно поставить только пролетариату требования, выставяемые буржуазными партиями, и они при помощи такого простого фокуса сразу убиваются.

«Социализм, читаем мы дальше, есть стихийная сила. Идеи, которые в руках других партий являются лишь пугалом воробьев, — оплодотворенные социализмом — становятся могущественным оружием».

Несчастный социализм! В настоящее время ему все приходится оплодотворять отживающие идеи — он наследник демократии и ее сгнивших заветов, он «вспрыскивает новую жизнь и возводит снова на трон парламентаризм» (Каутский); он оплодотворяет шляхетскую ветошь — «Польшу от моря до моря».

Но П. П. С., конечно, никогда не признает, что выставив требование независимого польского государства, она тем самым приняла в партию непролетарские элементы. Нет, она приняла только идею и показала, что эта идея — интерес пролетария... Польские социалисты, ставя тре-

бование "восстановления Польши", руководятся не какой-либо абстракцией, а реальными интересами рабочего класса. Заграничный бюллетень П.П.С. говорит:

«Мы всегда сохраняли непримиримое отношение партии "Пролетариата" к патриотам, имея в виду, что независимость Польши может и должна быть завоевана только для пролетариата и только через пролетариат».

И в самом деле, кто может хоть на минуту усомниться в том, что независимое польское государство, т. е. новая политическая форма классового господства польской буржуазии над пролетариатом, не будет служить исключительно интересам польских рабочих. Странно только, что у того же издателя «Бюллетеня», ожидающего независимой Польши только для пролетариата и только от пролетариата, печатается одновременно патриотическая брошюра, в которой убедительно разъясняется, что восстановление Польши будет результатом кооперации демократической и рабочей партий («Program narodowy»). Интересно также, что патриоты, к которым П.П.С., по уверениям «Бюллетеня», сохраняет самое «непримиримое отношение», питает к П.П.С. самую дружелюбную склонность, вероятно, вследствие своей буржуазной наивности. «Насчет будущности П.П.С. мы разделяем все надежды, которые возлагает на нее "Przedswit", говорит патриотический нелегальный орган «Walka», призывающий на борьбу польское общество, ксендзов и др.

В 94 г. «Przedswit», обсуждая вопрос о том, может ли русская конституция быть достаточной гарантией «свободы», пишет:

«В России наступит большая перемена по достижении конституции, но перемена эта будет для нас пагубна. Для царизма все равно, служит ли ему цензор поляк или русский, но для русского интеллигента, который ищет местечко для своего сына, это две различные вещи. Из этого проистекает полное исключение поляков из правительственных мест. Но l'appetit vient en mangeant; поэтому за правительственными местами пришел черед железным дорогам, более значительным банкам, наконец, даже местам рабочих при общественных постройках. Многочисленное польское население в Литве и Малороссии также пользуется специальной опекой русского правительства. Что же будет, когда на место презренного царизма явится могущественная либеральная буржуазия, видящая в поляках врага, который конкурирует с ней на этой "искони русской земле" — тогда только мы можем ожидать настоящих оргий национального гнета, гонений и т. п.».

Все это место очень наглядно показывает, как «надежнейшая гарантия», — независимая Польша требуется только во имя классовых интересов польского пролетариата.

Но мы просим читателя не забывать, что при всем этом П.П.С.

есть партия чисто соц.-демокр. Она более чем какая-либо другая соц.-демокр. партия предохранена от всяких вредных анархистических течений. В «Przedswit'e» (сентябрь 97 г.) читаем:

«Анархистов, бунтарей теперь вовсе нет в социалистических партиях; ныне все идут от *этапа к этапу*, разрешая один за другим практические вопросы. Это метод "марксистского соц.-дем. или действительного классового поссибилизма"».

Для чего «Przedswit'y» нужна такая соц.-дем. правоверность, видно из следующего:

«Известная перестройка государственных границ может быть этапом к полному уничтожению границ, подобно тому, как известное классовое соотношение, достигнутое при помощи известной податной реформы, есть этап к полному уничтожению классов. Поэтому мы должны создать минимальную программу отношений между государствами — союзы, территориальные образования, подробности колониальной политики и пр. Такова классовая поссибилистическая политика. Детали этой политики далеко еще не выработаны, но основной принцип таков: пока государства, преследующие политику территориальных захватов, будут в состоянии нападать на другие нации; пока пролетариат какого-либо государства не в состоянии обезоружить надлежащим образом свое реакционное правительство, напр. русское, до тех пор пушкам реакции придется неизбежно противостоять пушки революции».²² До окончательной выработки этой международной политики пролетариата, можно руководствоваться пока следующими тезисами: «1) изолирование России в международной политике, подкапывание под ее основы и обезоруживание ее, как главного оплота реакции. Отсюда следует восстановление Польши... 2) Ввиду приближающегося союза всех континентальных государств под эгидию России против Англии, — содействие Англии, как стране выше всех стоящих по культуре, наиболее близкой к социалистическому строю».

Как видит читатель, в органе заграничного союза польских социалистов возрождаются дипломатические мечтания польских повстанцев о направлении революционных пушек Европы против реакционных пушек России. Над этими мечтаниями нахально ставится надпись: классовый социализм, марксизм и т. д. П.П.С. впитала в себя явно непролетарские элементы патриотического буржуазного общества, — их потребности, мечтания, идеи назвала классовым пролетарским социализмом и получила, таким образом, целую массу настоящих соц.-дем. идей, принци-

²² «Przedswit» думает, что «есть случаи, когда война необходима... и тогда не только не нужно противиться ей, но даже нужно принуждать государство начать кровавую пляску, а в случае его отказа, пользоваться этим, как доказательством того, что оно не в состоянии защищать интересы народа» (Отчет о Гамбургском партийном съезде).

пов и проч. Польский патриотизм, пользуясь затишьем в подпольной жизни России в начале 90-х г.г., при одновременном росте рабочего движения в Польше, успел внушить польским социалистам убеждение, что в то время, как Польша находится накануне национальной революции, в России будет обязательно расти все большая реакция, а, ввиду такого положения, Польша является «наиболее выдвинутым на восток постом европейской революции», а П. П. С. — «крайним отрядом международной социалистической армии».

Дальнейший ход событий все больше ослабляет надежды на польскую революцию, обнаруживая пустоту всех патриотических фраз, и вместе с тем развивает рабочее движение в России. Но П. П. С. не перестает утверждать, что растущие в России революционные силы «годны лишь в качестве помощника в нашей борьбе за независимость, но на их самостоятельную акцию мы рассчитывать не должны». «Сепаративная политика» П. П. С., утвердившаяся до пробуждения русского движения, ни на иоту не видоизменяется даже после таких фактов, как петербургская стачка (1896 г.). Польский патриотизм окончательно облекся у П. П. С. в марксистский соц.-дем. мундир и выставил свое дело, как дело международного социализма.

Полемизируя с Общеврейским Рабочим Союзом, «Przedswit» говорит:

«Задачей международного социализма является ослабление во что бы то ни стало могущества царизма. Поэтому польские, русские и прочие социалисты, борющиеся в пределах России, должны всеми силами ослаблять своего величайшего врага, содействуя всему, что только может нанести вред официальной России. Так как правительство видит, и вполне справедливо, величайшую опасность для себя в центробежных стремлениях сепаративных "окраин", то социалисты всеми силами должны содействовать этим стремлениям. Только таким образом социалисты в России исполнят свою обязанность по отношению к международному пролетариату».

Эту идею «международного социализма» «Przedswit» в другом месте (сентябрь 96 г.) поясняет следующим образом:

«Написав на своем знамени требование независимой польской республики, П. П. С. по необходимости должна искать в России союзников, которые равным образом стояли бы на сепаративной почве. Есть в России несколько национальностей, которым выгодно было бы оторваться от России. С ними то мы должны войти в более близкие отношения. Мы должны отыскать среди финляндцев, балтийских немцев, эстов, латышей, украинцев, армян, грузин и т. д. партии или группы, среди которых можно было бы привить проповедываемую нами идею политического сепаратизма».

Таким образом, социалисты в России могут исполнить свою обязанность по отношению к международному социализму, только разви-

вая расовые различия и кристаллизуя их в политические программы. Эту обязанность лучше всего сознает, понятно, П. П. С., и потому она свысока смотрит на всех других социалистов в России, которые никак не могут добраться до этой квинтэссенции международного социализма. П. П. С. считает поэтому первым своим долгом защищать эту именно «международную» идею и строго выдерживать свою сепаративную политику для спасения пролетарской идеи в России. Она находит нужным держать «под своим контролем движение в завоеванных у Польши землях», требует от русской партии «обязательства, не входить в сношения без ее ведома ни с какой революционной организацией в Польше или в Литве, за исключением таких литовских организаций, которые при агитации употребляют исключительно литовский язык», т. е. за исключением таких, которые защищают социалистический сепаративный принцип (Резолюция IV съезда П. П. С.). Так как организация Литовской соц.-дем., очевидно, не защищает в достаточной мере этот принцип, то она объявляется ненужной.

Мы уже упомянули выше, что действительность все более разбивает яркие надежды на польскую революцию за независимое государство. П. П. С. изговливает, конечно, бесчисленные брошюры и статьи о том рае, который несет с собою польская республика. Она уверяет польские рабочие массы, что это будет обязательно «республика народная... это будет наше господство, господство польского народа... никаких угнетателей, никакой власти... Будет народная палата и прямое законодательство... всякий закон обязательно утверждается всем народом. Эта палата будет единственным правительством... никакого императора, ни короля, ни князя не будет» (Брошюра П. П. С. для сельского населения, 96 г.).

Однако, рабочие массы как-то не очень воодушевляются этим апофеозом независимого польского государства. Польские рабочие чуть не каждый год выступают то здесь, то там целыми массами и говорят по своему (Лодзь 92 г., Ченстохова 94 г., Белосток 95 г., Домброва 97 г.). Они ставят определенные, свои рабочие требования и ни разу не заговорили до сих пор патристическим языком, ни разу это движение не приняло характера патристической демонстрации. «Przedswit» беспрестанно повторяет, что каждый такой факт, как напр. Домбровская резня 97 г. является «кирпичом для здания независимой Польши; он упрекает товарищей центральной организации в самой Польше в том, что они не отвечают надлежащим образом на запросы самих масс: «массы де эти проявляют своими взрывами полную готовность бороться за независимую Польшу, а организаторы движения еще ни разу даже мельком не призадумались над подготовлением для этой цели вооруженного сопротивления». Но польские социалисты, непосредственно руководящие рабочим движением, хорошо знают, что их заграничный орган предается только мечтаниям. Действительность, по-

видимому, и здесь, на польском обществе, этом «вечном революционере», показывает, что революция, борьба на жизнь и на смерть со старой властью — может быть только борьбой мирового пролетариата, выросшей не из «сепаративного начала», а из единой международной акции.

Для полноты картины считаем нужным отметить еще и следующую черту. Те агитационные издания (брошюры и органы) П. П. С., которые предназначены для непосредственной экономической борьбы рабочих с капиталистами, популяризирующие теорию взимания прибавочной стоимости, — ни на йоту не отступают от экономического научного анализа Маркса. Польский патриотизм П. П. С. оперирует стало быть не извращением экономической науки Маркса, как она представлена, напр., в «Капитале», а его полным признанием. Вот почему никакая соц.-дем. партия не уличает П. П. С. в нарушении принципа.

*

Мы видели, что П. П. С., этот «крайний восточный форпост европейского социализма», этот «крайний восточный отряд революционной Европы» — неумолимо учила всех социалистов России тому, что в этой варварской стране первым делом международного пролетариата должно быть разрушение во что бы то ни стало русского деспотического государства; что самым опасным движением для русского абсолютизма является «сепаративное движение окраин», стремящихся оторваться от русского государства; что, ввиду этого социалисты отсталой России могут исполнить свою обязанность перед мировым пролетарским движением, лишь развивая эти грозные для абсолютизма сепаративные стремления.

Кто мог предполагать, что этим «социалистическим учением», выросшим исключительно на почве патриотизма польской демократии, проникнутся, согласно указаниям П. П. С., и другие социалисты России? Литовские социалисты-евреи в начале 90-х годов, так же, как и П. П. С., пришли окончательно к заключению, что в столь отсталой стране, как Россия, невозможно развить рабочее движение в пролетарское социалистическое движение, в дело революционно-пролетарского социализма. Возможно лишь профессиональное рабочее движение во имя минимальных требований, возможна лишь тред-юнионская борьба отдельных профессий. По их мнению, такой вывод неизбежно следует из их собственного опыта, который показал всю неуспешность пропаганды в рабочих кружках академического социализма, сторонниками которого они до тех пор были. Отложив в сторону социализм, как непонятную вещь для литовского еврейского рабочего и ремесленника, они и приступают к развитию тред-юнионского профессионального движения, поучая всех, что о социализме можно го-

ворить разве лишь в форме указания мельком на то, что когда-нибудь не будет ни богатых, ни бедных, ни капиталистов, ни рабочих.

Но они — «не тред-юнионисты». Они стремятся формулировать и политические задачи рабочего класса. Когда П. П. С., при своем основании, упрекает их в том, что они, руссифицируя еврейские массы в Литве, играют на руку русскому абсолютизму, русскому деспотическому централизму, то им больно слышать такой упрек, ибо и они, как и П. П. С., убеждены в безошибочности «социалистического принципа, по которому — первое дело пролетариата в России — это уничтожение, во что бы то ни стало, абсолютизма». Если еврейский пролетариат — этот «авангард русского рабочего движения», проявил полную неспособность к восприятию и развитию социалистического дела, то тем более нельзя ожидать развития этого социалистического дела, революционного социализма, в самой России, еще более отсталой, еще более удаленной от западной Европы. А между тем, «первое дело пролетариата — уничтожение во что бы то ни стало абсолютизма». Это положение становится все более непоколебимым. Но этому «первому делу» симпатизируют и непролетарские слои населения. И как прекрасно воспользовалась этой симпатией П. П. С.. Выставивши требование независимой Польши, она ведь так успешно увеличила свои революционные силы за это «первое дело пролетариата». Можно стало быть для успешного проведения «первого дела» рабочего класса пополнить его «недоразвившиеся» интересы интересами других общественных групп. И еврейские социалисты, несмотря на то, что они прекрасно видят весь растущий в рядах П. П. С., их столь отталкивающий, шовинизм, ставят себе за образец П. П. С.: они в «политике» вступают на ту же почву, что и она. Они начинают защищать интересы «еврейского народа»; они воюют с юдофобами, стараясь убедить их в том, что еврейский кулак вовсе не хуже русского. (Брошюра по поводу смерти Александра III). Они требуют для еврейских средних классов возможности подыматься по лестнице привилегированного общества, чему мешает антисемитская политика самодержавия. И они убеждают еврейский пролетариат в том, что требование гражданского равноправия евреев выставлено ими только ради интересов пролетария, точно так же, как П. П. С. утверждает, что «независимая Польша» только для пролетариата и должна быть зовоевана только пролетариатом.

Таким образом, Общееврейский Рабочий Союз» оказал неменьшие заслуги, чем П. П. С. в великом открытии того неocenенного до толе значения, которое играет в деле международного пролетариата выставленное П. П. С. «сепаративное начало», проистекающее из интересов нации. Здесь, правда, очаг национальной традиции не горит такими блестящими огнями, как в Польше, и поэтому идеологи движения не могли добраться до тех высот соц.д.-ого POSSIBILITY, до которых дошел смелый польский патриот, создавая принципы дипло-

матии международного «классового» социализма (стр. 108). Но тем не менее соц.-д.-ий POSSИБИЛИЗМ и здесь сделал в своем роде шаг вперед: еврейский патриотизм вынудил низвести соц.-д.-ое мировоззрение до кругозора даже литовского ремесленника; потребовал еще более утвердить в уме «классового социалиста» принцип «научного движения от этапа к этапу»; еще дальше отодвинуть в «туманную даль веков» «конечную цель», так чтобы непосредственное к ней стремление сделалось для «классового социалиста» несомненной утопией.

VII

Российская Социалистическая Партия (Р. С. П.) установилась окончательно всего год тому назад. Перед нами только одно ее официальное издание — ее «Манифест». Но и эта краткая формулировка основных положений партии наглядно показывает, что Р. С. П. поставила дело пролетариата на ту же почву, на которой оно поставлено в Польше, т. е. на компромисс между интересами рабочего класса и «революционными стремлениями» крайних рядов буржуазного общества.

«Как движение и направление социалистическое, Р. С. П. (говорит Манифест) продолжает традиции всего предшествовавшего революционного движения в России; ставя главной из ближайших задач партии в ее целом, завоевание политической свободы, соц.-д.-ия идет к цели ясно намеченной еще славными деятелями старой «Народной Воли».

Если русские соц.-д.-ты когда-либо полагали, что они первые создают в России социалистическое движение пролетариата, если они доказывали, что «основа» прошлого социалистического движения («народ») ни к чему не годна и может создавать и создала лишь утопические фантазии, то Манифест Р. С. П. говорит им ясно, что они ошибались, ибо Р. С. П. «продолжает традиции всего предшествовавшего революционного движения в России» и продолжает эти традиции именно «как движение и направление социалистическое».

Вся историческая роль социалдемократии состояла, казалось, в раскрытии утопичности прошлого социалистического движения. Социализм прошлого движения основывался на целом ряде фикций, учила она постоянно.

Самобытные устои русского хозяйства, как элемент будущего социалистического строя — фантазия, ибо эти устои лишь неразвившаяся форма индивидуалистического строя. Русский «социалистический народ» — обыкновенная демократическая фикция, ибо русский народ, как и всякий другой, состоит из двух противоположных общественных сил, пропасть между которыми все более расширяется. Все

прошлое социалистическое движение — утопично, потому что оно стремилось скрыть классовые противоречия в народе и его классовую борьбу... Утопично стремление достичь неклассового строя при помощи «критической мысли», интеллигенции, потому что эта «критическая мысль» является достоянием буржуазии, и новый строй, полученный при помощи ее, есть строй классового господства. Утопично стремиться к неклассовому строю путем захвата власти революционерами, для передачи ее народу, ибо власть единого русского народа есть власть буржуазии.

Разбив одну за другой все фикции прошлого социалистического движения, соц-д-ия заявляет себя теперь наследницей этого ниспровергнутого ею же утопического социализма. Неужели социалисты антинародники пошли в среду пролетариата для того, чтобы затем объявить себя продолжателями народнического социализма? Неужели они были «столь узкими», защищавшими «интересы горсти» только для того, чтобы принять впоследствии традиции национального русского «широкого» социализма? Разве таких результатов на самом деле ожидали русские марксисты-революционеры от своих усилий развить классовое самосознание пролетариата?

Однако, невозможно даже предположить, чтобы авторы Манифеста вдруг решили воскресить народнический социализм. Что же в таком случае означает их объявление себя продолжателями прошлого социалистического движения? Оно показывает, что несмотря на всю многолетнюю деятельность соц-д-ии, социализм в России остается на том же уровне, на котором он находился у старых народовольцев; что, несмотря на разившуюся классовую борьбу русских рабочих, цель движения та же, что и у старого народовольчества — завоевание политической свободы, как первой задачи социализма в России. А так как русский рабочий мог бы, пожалуй, усомниться в том, чтобы возможно было «ясно» начертать цель его движения в то время, когда еще совсем не существовало его классовой организации; чтобы могла быть начертана «ясная цель» социалистами-утопистами, даже не предполагавшими, что в России придется раскалывать «народ»; то русской соц-д-ии пришлось назвать в Манифесте прошлое революционное движение социалистическим и настолько неутопическим, что оно было в состоянии начертать «ясную цель» современному классовому движению.

Таким образом, согласно всей истории соц-д-тии и Манифесту, вместе взятым, прошлое социалистическое движение было утопичным, за исключением одного выработанного им положения, той народовольческой аксиомы, по которой первое дело социализма в России — завоевание политической свободы. Эту аксиому народовольцы неустанно твердили марксистам революционерам, требуя, чтобы всякие вновь пробуждающиеся силы рабочего класса были немедленно на-

правлены на борьбу с абсолютизмом. Некоторое время со-д-ты старались, казалось, не поддаваться искушению, но народовольцы, как видно, одерживают победу. Целью нового «самостоятельного движения пролетариата» является все та же старая цель прошлого революционного периода. Развивающееся рабочее движение должно поставить своей задачей не развитие пролетарского социализма в России, а осуществление цели, поставленной старыми народовольцами. Манифест и старается раньше всего разъяснить все дело именно сторонникам прошлого революционного движения, дабы лишить всякого смысла их оппозицию соц.-дем-изму. Он объясняет им, что хотя рабочее движение и проходило непонятные для народовольца стадии («первые шаги русского рабочего движения и русской соц.-дем.-ии не могли не быть разрозненными, в известном смысле случайными, лишенными единства и плана»), «эти рабочие организации сознательно или бессознательно всегда действовали в духе соц.-дем.-их идей», а стало быть, как теперь выясняется, во имя той же «намеченной еще народовольцами цели». т. е. во имя уничтожения абсолютизма.

Р. С. П. является, стало быть, раньше всего организацией объединения т. н. «революционных сил страны». В этом отношении она вполне сходна с П. П. С. Осуществляются мечтания представителей старого революционного миросозерцания, конечно, не в предполагаемой ими форме. Что же получает русский пролетариат? Фактом утверждения Р. С. П. он не вынуждает русское общество к новой уступке, не делает никакого шага вперед, а прежде всего входит в переговоры с обществом.

До сих пор, какими мелкими кусочками ни давалось русскому рабочему добытое западноевропейским пролетариатом классовое самосознание, как туго ни шло соц.-д-ое движение, — оно все-таки было п о с т у п а т е л ь н ы м. Сначала рабочему давались научно-популярные истины с целью повысить его культурный уровень; затем ему подносился академический социализм с целью сделать его достоянием весь научный аппарат русского марксизма, причем ему удалось услышать и не одно горячее слово западно-европейского пролетариата; наконец ему помогли и прямо начать непосредственную борьбу с эксплуататорами. Но лишь только он к ней приступил, как Манифест Р. С. П. подает ему благоразумный совет: стой, подожди немного, — кое-что надо «закрепить». Как будто уж так быстро бежали вперед в последнее время, что устали ужасно... Русскому пролетариату даже в его подпольной жизни нельзя, повидимому, развиваться свободно, без всяких «закреплений». Неужели авторы Манифеста думают, что в русском буржуазном обществе отсутствуют силы, классовый интерес которых заключается в том, чтобы удержать и закрепить самосознание русского рабочего на данной ступени? Никогда пролетариату не приносило никакой пользы какое бы то ни было «закрепление». Успеха своему делу

он может ждать только от непрерывного движения вперед. И в данном случае закрепление нужно не ему, а кому-то другому.

«Своим установлением Р. С. П., как говорит Манифест, окончательно закрепляет переход русского революционного движения в новую эпоху сознательной классовой борьбы... Социалдемократия идет к цели, ясно намеченной еще славными деятелями старой "Народной Воли". Но средства и пути... иные. Выбор их определяется тем, что она сознательно хочет быть и остаться классовым движением организованных рабочих масс».

Итак, все «классовое движение организованных рабочих масс» сведено к роли средства для давно установленной народовольческой цели, на чем оно и «закрепляется»; все существование и развитие русской соц.-д-ии имело как будто лишь тот смысл, чтобы открыть новый путь для продолжения прошлого революционного движения, а именно народовольчества. Все дело пролетариата в России, дело борьбы с буржуазным строем, которое, казалось, начинала развивать соц.-д-ия, сведено к роли нового средства и нового пути для осуществления народовольческого «идеала». «Закрепление» проводится, таким образом, в угоду народовольчеству. И народовольчество в самых разнообразных своих оттенках, вплоть до «национальной» Партии Народного Права, своим переходом в ряды соц.-дем.-ии выкажет полное признание программы Р. С. П. и станет все более ценить всю услугу, какую оказала Р. С. П. делу обновления народовольчества.

Народовольчество — дело низвержения абсолютизма во имя освобождения всего русского «социалистического народа» — в последние два десятилетия само постепенно отказывалось от всех народнических утопических мечтаний и тем не менее оно существовало и развивалось, как направление «социалистическое», потому что выражало реальные потребности в «свободе» русского передового общества. Для последнего народовольчество позднейшего времени потому и было удобнейшей формой выражения своих классовых интересов, что оно называло его потребности потребностями несомненно социалистическими и отвечающими интересам всех трудящихся масс, а всякий нелегальный протест против абсолютизма несомненно борьбою за социализм.

Р. С. П., как наследница «Народной Воли», эту специальную функцию народовольчества, — стремление к удовлетворению потребностей «свободы» русского передового общества, — укрепляет и развивает с помощью всего соц.-дем.-ого пошибилизма и его фразеологии. Если народовольческая идея, в своей борьбе с идеей соц.-дем.-ой, сводила все свое содержание к тому положению, что политическая свобода есть основное условие русского социализма, то та же народовольческая идея, оплодотворенная соц.-дем.-измом, заявляет уже на европейском языке научного социализма, что «политическая свобода — основное условие свободного развития русского пролетариата».

та и его успешной борьбы за частичные улучшения и конечное освобождение» (Манифест). И так как Р. С. П. твердо убеждена, что «освобождение рабочего класса может быть только его собственным делом и будет неуклонно сообразовывать все свои действия с этим основным началом международной социалдемократии», то она, согласно с этим «основным началом международного социализма», утверждает, что «нужную ему политическую свободу русский пролетариат может завоевать себе только сам» (Манифест).

«Основное начало международного социализма доходит в лице Р. С. П. до такого совершенства, что начинает само себя отрицать. — "Освобождение рабочего класса", его "конечная цель" — социальный переворот "может быть только его собственным делом"» — вот какую идею пыталось выразить это «начало». Но осуществление этого принципа, конечно, немислимо, раз в деле достижения «посредствующих стадий» пролетариату насильно закрываются глаза на те оппозиционные слои современного буржуазного общества, «бок о бок с которыми пролетариат борется» до тех пор, пока завоевывает лишь частичные улучшения. «Начало» стало быть, должно раскрывать те буржуазные силы, которые прячутся под пролетарским знаменем и настойчиво уверяют пролетариат, что данное завоевание на почве современного строя приобретает им только для себя. В русском государстве, где прогрессивное общество чувствует такую настоятельную потребность к «свободе», социалистический социалдемократизм признал нецелесообразной эту тактику международного социализма, дабы не ослаблять революционного настроения рабочего при нападении на абсолютизм соображением, что «политическая свобода» нужна и некоторым врагам пролетариата. Таким образом, Манифест Р. С. П., при помощи слишком уж прозрачных натяжек в толковании «начал социализма», натяжек, подсказываемых классовыми интересами русского радикального общества, — благополучно дошел до той почвы, на которой, путем той же софистики, поставили дело пролетариата П. П. С. и О. Е. Р. С. (Независимое польское государство только для пролетариата и через пролетариат. — Гражданское равноправие евреев только для еврейского пролетариата). Итак, в этом отношении между этими тремя организациями полное тождество.

Укрепив, таким образом, народовольческую идею, по которой борьба с абсолютизмом в России есть борьба социалистическая; обновив ее новыми доводами, Манифест Р. С. П. и по отношению к условиям вообще социалистического дела в современной России, принимает и подкрепляет лишь указания народовольцев. Возможность развить в современной России рабочее движение в социалистическое пролетарское движение, стремящееся непосредственно к своей конечной цели, авторы Манифеста отвергают следующими народовольческими соображениями: еще старыми народовольцами «ясно намечена цель движе-

ния» в России, и еще тогда выработана жизненным опытом аксиома, что при существующих политических условиях социалистическое дело невозможно, так как русский пролетариат

«совершенно лишен того, чем спокойно и свободно пользуются его заграничные товарищи: участия в управлении государством, свободы устного и печатного слова, свободы союзов и собраний — словом, всех тех орудий и средств, которыми западно-европейский пролетариат улучшает свое положение и вместе с тем борется за свое конечное освобождение, против частной собственности и капитализма, за социализм» (Манифест).

Как видит читатель, народовольческая формула счастливо совпала с формулой западно-европейской соц.-дем.-ии 90-х годов. Единственный путь развития социалистического дела, указываемый соц.-д-ой формулой (пользование политическими правами и законодательной машиной) в России, в этой отсталой стране, так давно уже познан еще старыми народовольцами, понимавшими социализм не как узкое дело пролетария, а как широкое дело русского народа. Резолюция Цюрихского конгресса (93 г.), обрекающая в Польше социализм на компромисс с патриотами, в России воскрешает народовольческую аксиому, как единственную тактику пролетариата, пишет ее на знамени русской социалдемократии. Но здесь соц.-д-ая формула, оплодотворенная народовольчеством, отбрасывает окончательно ненужную фразу о «завоевании пролетариатом политической власти» и, ничуть не стесняясь, рассказывает пролетарию утопические сказки о том, как «участие в управлении, предоставляемое ему конституционным государством, является средством его окончательного освобождения. Мало того, конституция не только средство для окончательного освобождения рабочего класса, но и единственное средство. Так как Россия не конституционное государство, то русский пролетариат и "лишен совершенно всех тех орудий и средств, которыми западно-европейский пролетариат... борется за свое конечное освобождение против частной собственности и капитализма, за социализм"» (Манифест). Стало быть, до тех пор, пока в России нет конституции, до тех пор вся классовая борьба пролетария может вестись только за конституцию, до тех пор немислимо пролетарское социалистическое дело в России, до тех пор просто физически невозможна борьба пролетариев за конечную цель. Россия, таким образом, опять спасена: хотя и на время, но зато несомненно предохранена от пролетарской революции. Счастливая страна! Как долго предохраняли ее от грубого пролетарского социализма ее освященные веками родные устои! Хорошее то было время! Но и теперь может быть спокойно буржуазное общество. Хотя и началась классовая борьба рабочих, но отсталость все еще спасает: благодаря существованию самодержавия, стремления пролетариев к конечному

освобождению немислимы; их классовая борьба благополучно вводится в рамки борьбы за общенациональное дело, за конституцию.

«Пробуждение классового самосознания русского пролетариата (говорит Манифест Р. С. П.) и рост стихийного рабочего движения совпали с окончательным развитием международной социалдемократии, как носительницы классовой борьбы и классового идеала сознательных рабочих всего мира».

Мы знаем уже, как приятно сложилась история. Пока западно-европейская соц-д-ия все еще угрожала в большей или меньшей степени социальным переворотом, пока ей не удалось установить своей настоящей политики мирных и законных средств, до тех пор не существовало в России другого социализма, кроме народнического и другого марксизма, кроме марксизма Михайловских и Николай-онов, марксизма, который не нуждался в пролетариях, испорченных наносным капитализмом детей русского народа; марксизма, у которого социальное преобразование фигурировало под самой безобидной формой развития и укрепления «основ» и «устоев». И только после того, как западно-европейская соц-дем-ия решительно объявила себя сторонницей законных средств, отвергла окончательно планы приготовления социального переворота; только после того, как соц-дем-ий POSSIBILITY поднялся до высоты народовольческой аксиомы, только тогда русское буржуазное общество допустило интеллигентов в рабочую среду для пропаганды социалдемократической классовой борьбы. Но чтобы молодые люди не увлеклись и не уничтожили всех выгод, какие Россия черпает из своей отсталости, их сопровождал непрерывно раздающийся по всей России, громкий народнический вой и ругань против «грубых материалистов». Русские соц-д-ты, как ни издевались над этим воем, приняли его, однако, в соображение: они поняли, что общество требует от них ясного отчета в том, до какого именно предела они думают играть с огнем, и надежной гарантии того, что движение дальше известного предела не пойдет. И эту гарантию получает русское буржуазное общество в Манифесте Р. С. П. воскрешением народовольческой аксиомы. Как ни широко станет разливаться по России настоящее рабочее движение, его цель — конституция.

Точь в точь такую гарантию получило несколько лет тому назад от польских социалистов польское передовое буржуазное общество фактом конституирования пролетариата в П. П. С. с основным требованием польского государства. Мы видели, как после этого исчез антимарксистский протест в рядах радикального патриотического общества.

Русское передовое общество, получив от марксистов вышеуказанную гарантию, повидимому, начинает проявлять подобное же отношение. Антимарксисты достигли цели: раз марксистский материализм, классовая борьба признают идею «общественных нужд» — рус-

ского народа, — зачем же бороться против такого марксизма и такой классовой борьбы? Горячие споры прекращаются, страсти укладываются. Успокаивается и Михайловский и довольно откровенно разглашает тайну всего похода анти-марксистов против грубого материализма. Недавно еще, — говорит он, — можно было полагать, что европейское рабочее движение угрожает всей мировой цивилизации, — теперь оказывается, что рабочие борются за культуру и цивилизацию. И Михайловский постарается сделаться «другом непосредственного производителя».

*

С тех пор, как установилась Р. С. П., открыто говорить о компромиссе, положенном в ее основу, не полагается, точно так же, как о компромиссе с патриотами в программе П. П. С.. Компромисс этот прикрыт фразеологией соц-дем-ого POSSИБИЛИЗМА и прячется под щит мнимой самостоятельности русского рабочего класса, которую ему обеспечивает Манифест Р. С. П.

Но для того, чтобы осуществить компромисс, до окончательного установления Р. С. П., поневоле приходилось говорить о нем. Брошюра Аксельрода «К вопросу о современных задачах и тактике русских социал-демократов», изданная «Союзом русских социал-демократов», откровенно требует компромисса между делом русского пролетариата и делом «образованных высших классов», между классовыми интересами рабочего и «общенациональными нуждами» России. Те соображения, которые Аксельрод высказывает в этой брошюре, являются одним из мотивов, побудивших партию принять именно ту программу, какая указана в Манифесте. Интересно посмотреть, насколько и каким образом программа Р. С. П. отвечает этому открытому требованию компромисса.

С первого взгляда может показаться, что упомянутая брошюра Аксельрода и Манифест Р. С. П. стоят на прямо противоположных точках зрения. По Манифесту, русская буржуазия, повидимому, совсем примирилась с абсолютизмом, и все дело завоевания политической свободы падает на «крепкие плечи» русского рабочего. Аксельрод напротив видит «огромную революционную силу» в образованных высших классах, в оппозиции земств, городских дум и «либеральной печати». Он даже предполагает, что будущим освободительным движением России, при неудачной тактике русских социал-демократов, могло бы, пожалуй, руководить русское буржуазное общество вполне самостоятельно, втягивая в свое движение русских рабочих, наподобие западно-европейской буржуазии; — это одна из тех двух перспектив возможного общественного развития, которые рисуются перед глазами Аксельрода. Она для него, должно надеяться, нежелательна. Но при надлежащей тактике русской социал-демократии, русский рабо-

чий класс может стать во главе освободительного движения: «революционизируя земства, городские думы», «развивая эти зародыши конституционной жизни в России», «защищая общенациональные нужды», он, таким образом, по убеждению Аксельрода, достигает своей полной самостоятельности. Только такие две перспективы рисует себе современный идеолог русского рабочего класса: или пролетариат втягивается, как составной элемент в буржуазные прогрессивные партии, или он сам сознательно руководит и заведует всем буржуазным прогрессом. Как увидим дальше, и вся Р. С. П. не в состоянии даже вообразить себе другого выхода, кроме этих двух Аксельродовых перспектив.

Потеряв всякую способность смотреть на дело пролетариата в России в его движении, видя в нем лишь то, что определилось, что было, а не то, что зарождается, что неизбежно будет, Аксельрод рассуждает так: защищать исключительно экономические интересы рабочих и ничего более не видеть, кроме сферы отношений труда и капитала, это значило бы попасть на русской почве в «узость», в «доктринерство» первых социал-демократов. Рабочее дело сделалось бы узко профессиональным делом улучшения условий найма и труда горсти фабричных рабочих; освободительное движение было бы всецело буржуазным, велось бы под буржуазным знаменем. Но можно попытаться, рассуждает Аксельрод, создать и самостоятельное движение пролетариата. Так как организовать пролетариат в самостоятельную партию, во имя его собственной конечной цели, в настоящий момент — утопия (поссибилистический соц-дем-изм отрезал всякий путь к действительно самостоятельному делу пролетариата в России), то можно мыслить лишь такую самостоятельность рабочего класса: соц-дем-ия становится во главе всех оппозиционных и революционных сил русского общества, объединяет и сосредоточивает их в одной общей борьбе против абсолютизма; она становится тогда передовым отрядом всей революционной армии, заключающей в себе всевозможные элементы «русской демократии». Только на такую «самостоятельную» роль может претендовать пролетариат в России, и она полагается ему, как неотвратимый результат отсталости России, ее некультурности и пр. и пр. В конце концов у Аксельрода получается довольно курьезное рассуждение: и в рабочем классе, и в буржуазном обществе налицо революционные силы; ergo, если эти силы будут идти отдельно друг от друга, пролетариат будет пешкой в руках буржуазии: если они объединятся, получится самостоятельное движение пролетариата. Вопрос о том, играть ли социалдемократии руководящую роль в русском движении, или стать одним из революционных течений, предстал и потребовал решения не только от Аксельрода, но и от русской соц-д-ии вообще. Но Аксельрод, желая ярче осветить эту проблему, довел ее лишь до ее логического конца. Ему нужно было прежде всего подчеркнуть наличность и вне соц-дем-ии революционных течений. Но он

уже давно обманут силой этих несоциалдемократических «революций», уже давно в своих взглядах вступил с ними в компромисс, который успел его уже вполне деморализовать. Он уже называет революционной всякую либеральную оппозицию земцев, декламирует, как либерал, о благородстве «образованных высших классов» в России, отличных по своей природе от тех же классов на Западе, ибо в России «они сами заражены разрушительными стремлениями, с которыми борются западноевропейские высшие классы». Он поэтому указывает на земства, городские думы, на эти «зародыши конституционной жизни в России», как на источник революционных социалдемократических сил. Так как существование тако́го источника революционной силы для многих русских социалдемократов, даже согласных вполне с пошиблизмом Аксельрода, покажется невероятным, то и сама проблема брошюры «К вопросу о задачах и т. д.» может показаться несуществующей. Она, однако, вполне конкретна и состоит в следующем:

Русские социалдемократы в начале текущего десятилетия, указывая беспрестанно русским революционерам на «новую революционную силу» в России, русский пролетариат, не решаются, однако, создавать непосредственно революционного выражения классовых интересов пролетариата, этой новой силы. Такое дело кажется им невыносимым при настоящем общественном развитии России. Марксизм они воспринимают не как формулировку революционных стремлений пролетариата и его классовых интересов, а, прежде всего, как *научную теорию*. В своей деятельности они, повидимому, первым делом стараются не обидеть русской отсталости: им поэтому приходит в голову поднимать в нелегальных кружках культурный уровень рабочего. Перейдя к агитационной работе, они забывают о пропаганде социализма, о формулировке политики рабочего класса и мечтают о тред-юнионизме. За все это время они с пренебрежением смотрели на развивающиеся подле них революционные течения в «обществе», как на неиграющие никакой роли. Но скоро они с удивлением заметили, что эти течения растут. А росли они вот по какой причине: из всей деятельности с-д-и революционеры антимарксисты могли заключить, что если в лице русской с-д-и русский пролетариат приобрел силы, которые познали его историческую роль и выводят его на историческую арену, то отсюда еще не следует, что эти сознательные силы выражают то́лько его классовые интересы, не позволят русским революционерам и передовой интеллигенции пользоваться русским рабочим, как средством для «ясно намеченной народолюбивой цели». Эта то надежда на возможность пользоваться русским пролетариатом, выводимым на сцену русскими соц-дем-атами, для удовлетворения потребностей в «свободе» русского общества, усиливает нелегальную деятельность революционеров-антимарксистов, не признающих классовой борьбы до тех пор, пока последняя не сведена в русло общенациональной борьбы за кон-

ституцию. Дело происходит точь-в-точь, как в Польше (стр. 103-104). POSSИБИЛИЗМ соц-д-ии ободряет антимарксистов в их революционной деятельности, как в Польше патриотов, позволяет им расти и принужден наконец сам признать в них революционную силу. В России все эти революционные течения идут под знаменем прошлого революционного движения. Народовольчество служит им самым удобным плащом. В них оно окончательно выветривается от всякого социалистического содержания: весь их «социализм» состоит в пропаганде той идеи, что социалистическое дело и обязанность всех русских трудящихся масс, значит, и организующихся рабочих, есть борьба с абсолютизмом. Наконец, как крайнее проявление этой эволюции народовольчества, является «Партия Народного Права». Она даже и не считает нужным назвать себя социалистической, напротив, убеждает «спрятать красное знамя социализма», ибо борьба с абсолютизмом «отодвинула все другие общественные вопросы на второй план» (см. ее Манифест, 1894 г.). Она не заявляет никакой претензии на представительство трудящихся масс, а только на традиции прошлого революционного движения, на защиту общенациональных интересов. Соц-д-ий POSSИБИЛИЗМ сделал возможным в России существование либералов-революционеров.

Вот тут-то явилась перед русскими соц-д-тами настоящая потребность выяснить и установить свое отношение к этим другим революционным течениям. Это именно и есть Аксельродова проблема. Проблему эту стал решать еще «Петерб. союз борьбы за осв. раб. класса» при своем развитии; ее решила окончательно Р. С. П. при своем основании.

Как же она ее решила? Против желания Аксельрода? Никоим образом. Аксельрод несомненно удовлетворен решением, данным Манифестом. Аксельрод взывает к объединению революционных сил страны и требует, чтобы социалдемократия стала во главе их. Русская соц-дия нисколько не думает отклонять от себя почетной роли объединительницы. Так как все несоциалдемократические революционные течения шли под знаменем прошлого движения, то Р. С. П. в своем Манифесте целью своею ставит цель народовольцев, называет себя продолжательницей прошлого революционного движения, для того, чтобы привлечь к себе все конспирирующие против абсолютизма оппозиционные элементы. Таким образом, уже этим шагом исполнено требование открытого компромисса, требование защищаемое Аксельродом.

И все широкие планы компромисса вполне осуществимы на основе Манифеста Р. С. П.

Аксельрод требует, чтобы русская соц-дия сделалась «наиболее решительным и передовым борцом за общенародные интересы и прогресс», чтобы поставила себе задачей оказывать «воздействие и в крестьян-

яньстве и среди высших классов, которым приходится терпеть от... отсталого общественно-политического строя России...».

«Но для воздействия на эти слои отнюдь нет необходимости, чтобы соц-дем-ты отправились действовать в их среде. Задача приобретения приверженцев и союзников среди непролетарских классов решается, прежде всего и главным образом, характером агитационно-пропагандистской деятельности в среде самого пролетариата». Эта задача "требует расширения объема агитации и пропаганды вопросами, представляющими собою те узловые пункты, в которых сходятся и переплетаются интересы как пролетариата, так и других классов, угнетаемых и теснимых абсолютизмом и покровительствуемой им капиталистической буржуазией. Но эти вопросы оказываются... самими существенными... для пролетариата. Следовательно, подчеркивая и выдвигая их, наша пропаганда и агитация будут наиболее целесообразны и с точки зрения, имеющей в виду исключительно развитие политического сознания рабочих". Вообще нужно "раздвинуть рамки своей деятельности и повести атаку хотя и под классовым знаменем пролетариата, но во имя и в защиту всех угнетенных и обездоленных"».

Аксельрод, стало быть, несмотря на свое требование компромисса со всеми «друзьями прогресса» в России, не предлагает ничего такого, чего бы русская соц-д-ия уже не делала. «Друзья прогресса», входя в дружбу с соц-д-тами, и не думают требовать от них отречения от агитационной работы в рабочих массах; они не хотят, чтобы соц-д-ты «отправились действовать в их среде», совсем наоборот, они желают только, чтобы соц-д-ты довели до сведения рабочих о тех страданиях, которым подвергаются «друзья прогресса» со стороны абсолютизма.

«Соц-д-ческая тактика», доказывает далее Аксельрод (построенная на только что указанных соображениях), «будет на каждом шагу обнаруживать общенациональное значение нашего рабочего движения... По мере роста ее (социалдемократии) значения и популярности, как наиболее решительного и передового борца за общенародные интересы и прогресс, либеральным слоям придется все более и более считаться с потребностями и стремлениями пролетариата». Их «легальные усилия и средства... будут непосредственно служить и на пользу создания условий, благоприятствующих политическому развитию и организации рабочих в оковах деспотического государства».

«Тактика, построенная на этих соображениях» — ликует Аксельрод, — «уже принята отчасти соц-д-ией. Стачное движение в какие-нибудь два года поставило зашевелившиеся рабочие слои и их организационный авангард лицом к лицу с абсолютизмом и успело уже выдвинуть перед ними на очередь вопрос о политической свободе. Этим самым соц-д-ое движение вступило на такую почву, которая должна привлечь к нему всех истинных друзей прогресса в России, как бы от-

рицательно они не относились к теориям и окончательным целям социалдемократии».

Тут уже Аксельрод говорит не только о своих пожеланиях, а о фактах, и эти факты, как оказывается, вполне отвечают тем планам, которые начертал компромисс. Когда, во время Петербургской стачки, «друзья прогресса» убедились, что «организационный авангард» рабочих *даже не пытается развить и усилить чисто экономических требований стачечников* и притом совершенно не отличается той «узостью», которою были заражены первые соц-дем-ты, когда он именно выдвигал и широко пропагандировал во время волнений рабочих не какие-либо «отдаленные цели социализма» (Аксельрод), а требование политической свободы, т. е. тот «узловой пункт», который выражает общенациональные интересы, тогда соц-дем-ты приобрели вдруг симпатию всего прогрессивного общества, и у рабочего класса сразу оказалось несметное количество друзей.

Ничего, стало быть, особенно нового Аксельрод не требует. Нужно лишь продолжать все в том же духе. Но Аксельрод не уверен, прониклись ли этим духом в достаточной мере все русские соц-дем-ты и будет ли в этом духе создана программа новой партии, объединяющей все местные группы. Он подозревает присутствие в соц-дем-ках ряда сторонников стачечного движения и опасается, как бы оно не выродилось в нового рода бунтарство. Желая предохранить партию от этой беды, он горячится, начинает говорить языком, каким говорили до сих пор самые ярые противники марксизма, и производит вообще такое впечатление, как будто народовольцы выбрали его своим представителем при редактировании программы соц-дем-тии. Он припоминает все грехи соц-дем-ов (доктринёрство кружков саморазвития, политический индифферентизм и пр.) и доказывает, что первые их шаги были поставлены совсем не в духе первоначальной программы «Группы Освобождения Труда» (1885 г.), которая ведь вполне была свободна от узости сторонников стачечного движения, от того недостатка, вследствие которого движение и организация определяются «самодовлеющими интересами пролетариата».

На все это авторы Манифеста отвечают: Успокойтесь: «первые шаги соц-дем-ии не могли не быть разрозненными и лишенными плана». Но теперь незачем и вспоминать о прежних грехах: дело теперь обстоит совершенно иначе. Манифест с самого начала до самого конца только и трактует о «том узловом пункте, в котором сходятся и переплетаются» интересы различных слоев народа и который выражает общенациональные нужды.

Р. С. П. воплощает в жизнь Аксельродову перспективу самостоятельности рабочего движения, этой призрачной самостоятельности, основанной на объединении разнообразных «революционных» сил, на компромиссе. Если те, которые были до сих пор настолько «узки», что

хотели защищать интересы «горсти рабочих», теперь решили выражать и общенациональные интересы; если они признают, что их цель, это — «ясно поставленная еще старыми народолюбцами цель движения», т. е. уничтожение абсолютизма, то, в свою очередь, те, которые до сих пор стремились исключительно к этой цели и вовсе не думали претендовать на представительство рабочего класса, теперь могут смело признать, что они собственно соц-дем-ты и стоят на той же классовой почве. Лишь по недоразумению первые соц-дем-ты не были народолюбцами, лишь по недоразумению они отрицали традицию народничества целиком. По тому же самому недоразумению «Народное Право» метало громаы и молнии против «классовой точки зрения». Ныне все борющиеся с абсолютизмом силы отождествляются, и над каждой из них ставится надпись: «социалдемократия».

Решив впитать в себя все силы, развивающиеся в настоящий момент в подпольной жизни России, Р. С. П. начинает приобретать уверенность, что в ее рядах будут все те, кто конспирирует против абсолютизма, а вне ее — лишь легальная оппозиция либералов. Но так как Р. С. П. есть несомненная выразительница интересов пролетариата в России, то отсюда следует ясная, как Божий день, истина: только пролетарий борется за политическую свободу и представительное правление, все же буржуазное общество примирилось с азиатским режимом. «Нужную ему политическую свободу русский рабочий завоеует себе только сам» («Манифест»). Это основной принцип, на котором, по Манифесту Р. С. П., должно покоиться все соц-дем-кое движение в России; тот же самый принцип, та же самая истина, которая открыта в Польше П. П. С. и гласит так: только интересы пролетария создают революционное стремление к независимому польскому государству.

Аксельродова проблема о такой тактике соц-дем-ии, которая бы приняла во внимание наличность и в пролетариате, и в русском буржуазном обществе революционных сил для борьбы за «свободу», благополучно разрешается этим принципом, столь благоприятным для всех «истинных друзей прогресса» и все же «чисто пролетарским». Этот принцип, таким образом, во всех отношениях в высшей степени ценен и удобен: с одной стороны он делает возможным осуществление всех широких планов компромисса, даже сотрудничества соц-дем-ии с «высшими классами образованного общества (Аксельрод), как бы отрицательно они не относились к теориям и окончательным целям соц-дем-ии»; с другой стороны, он удовлетворяет и... «основному началу международного социализма, по которому — освобождение рабочего класса должно быть его собственным делом». Русский пролетариат «выдвигает и подчеркивает общенациональные нужды», но тем не менее он вполне самостоятелен, ибо за их удовлетворение борется... «только сам».

Если народолюбцы, народоправцы и вообще сторонники традиции

прошлого революционного движения вполне основательно считают Манифест Р. С. П. окончательной уступкой им со стороны социалдемократии, то, с другой стороны, русские соц-дем-ты глубоко уверены в том, что в настоящий момент они достигают важного пролетарского завоевания: они принуждают своих революционных противников признать принцип классовой борьбы. Р. С. П. спешит обеспечить за собой эту победу, и поэтому Манифест «закрепляет переход русского революционного движения в новую эпоху сознательной классовой борьбы». Победа достается таким же простым приемом, как и в Польше. П. П. С., как мы видели, утверждает: поставив требование независимого польского государства, раньше защищавшееся только патриотами, мы отняли у партии демократов — патриотов всякий *raison d'être*. Назвав русскую соц-дем-ию продолжательницей прошлого революционного движения, может точно так же сказать теперь о себе Р. С. П., мы тем самым «вводим все движение в новую эпоху сознательной классовой борьбы».

Русские революционеры принуждены отречься от принципов утопического социализма. Но они давно уже постепенно сами это делали, пока, наконец, продолжательница прошлого революционного движения, Партия Народного Права, не отказалась от принципов всякого социализма: она старалась достигнуть лишь «цели, ясно намеченной старой Народной Волей».

Но ведь русские революционеры принуждены не только отречься от старых принципов, но и признать новый принцип «классовой борьбы». Они это и сделают, но только потому, что классовая борьба признала предварительно их принцип и объявила себя *средством* по отношению к нему. Они принуждены признать не классовую борьбу пролетариата с его планами социального переворота, а классовую борьбу рабочих, подчиненную их общенациональной цели, т. е. принуждены признать ту только ступень классовой борьбы, которую установили в России соц-дем-ты, те только требования русских рабочих, которые формулировал их «организационный авангард». Но этот последний проявляет, как всякому хорошо известно, неподражаемую осмотрительность и осторожность, как будто зная, что он ведет работу именно для ясной «общенациональной цели». Все прокламации и листки, издаваемые социал-демократами во время стачек, свидетельствуют о том, что «организационный авангард» считает своим делом выставлять и формулировать лишь такие требования, какие успели зародиться в среде самой рабочей массы, и не слышавшей никогда о тех требованиях, которые заявляет пролетариат в цивилизованном мире. «Организационный авангард» и не думает вовсе доводить до сведения стачечников эти требования и тем усиливать и повышать их непосредственные требования. Во время волнений рабочих, хотя бы они достигали таких размеров, как

петербургские, ни разу не упоминается в этих прокламациях даже мельком о тех «правах пролетария», которые пропагандирует революционный социализм. Мало того, в момент борьбы, «организационный авангард» и словечком не обмолвился о том, что целые миллионы требуют ежегодно на Западе 8-ми часового рабочего дня. Какое познание своих прав приобрели стачечники благодаря существованию «организационного авангарда»? — Только сознание прав на сокращение рабочего дня и обуздание хищнической эксплуатации в размерах немногим более тех, какие установил царский фабричный закон. Эта классовая борьба не тронула ни на иоту, даже не показала того, что она угрожает основе буржуазного строя. И вся Россия возразовалась: конечно, у рабочих есть соц-д-ий «организационный авангард», но ведь он никаких социалистических переворотных планов не питает. Для всех ясно, что он так и хочет оставить борьбу в тред-юнионистских рамках. Но право на такую классовую борьбу признает за рабочими и всякий социальный политик, кроме разве уж совершенно отъявленного ретрограда. Эти права признает даже Слонимский в тех своих статьях, в которых он истреблял социализм, в надежде получить вещественную или невещественную награду от абсолютизма за это служение отечеству. Манифест Р. С. П. требует от сторонников традиции прошлого революционного движения признания такой именно ступени классового сознания рабочего — ничего сверх этого; — на этой ступени он «закрепляет» движение. Народоправцы и народовольцы знают, конечно, хорошо, что к такой ступени классовой борьбы рабочих английским либералам удавалось прицепить всевозможные «прогрессивные политики».

Но это еще не все. «Организационный авангард» рабочих (напр. Пет. Союз, Б. за О. Р. К.) показал, что то «сознательное классовое движение», которое представляет собою соц-д-ия, не только не соединяется с усилением требований рабочих масс путем социалистической пропаганды, не только позволяет «организационному авангарду» удерживать для себя познание силы и прав мирового пролетариата, но и допускает прививать уму рабочих ту буржуазную проповедь, которую английские либералы прививали уму тред-юнионистов. «Петербургский Листок» (январь 97 г.) считает такую пропаганду вполне целесообразной и потому утверждает, что русские рабочие требуют свободы союзов, дабы достичь «права, как равные с равными договариваться и вступать в переговоры с фабрикантами». Тут уже «сознательное классовое движение» вплотную подошло к «ясно намеченной народовольческой цели», и притом к тому ее изданию, которое выражало Народное Право. Подобно тому, как Нар. Пр. заявляет, что «представительное правление на основе всеобщего избирательного права будет гарантией экономического обеспечения личности», так и соц-д-ческий «Петербургский Листок» учит русских рабочих, что они достигнут равенства с фабрикантами, получив право стачек и союзов («право устра-

ивать забастовки, как устраивают свои стачки керосиновозоводчики, сахарозаводчики и проч».)

«Сознательное классовое движение» требует, чтобы к русским рабочим, которые, как известно, столь невежественны, не доходили никакие сведения о революционной политике пролетариата; оно позволяет объяснять нахально, без всяких стеснений и именно ввиду забитости русских рабочих, все революционные планы западно-европейского пролетариата с точки зрения буржуазных социальных реформаторов. «Рабочая газета» доводит до сведения русского пролетариата: «Австрийская рабочая партия стала постоянно заявлять перед правительством требование о введении всеобщего, равного, прямого голосования для всех жителей Австрии, начиная с 21 года», ибо «австрийские рабочие быстро поняли, что они только тогда смогут помочь себе прочно и основательно, когда и они будут посылать своих депутатов в Австрийский рейхстаг, так как эти депутаты будут там добиваться введения лучших законов относительно заработной платы, рабочего дня, страхования рабочих от несчастных случаев и т. д.» (Автор, конечно, хорошо знает, что все это не так, что австрийская рабочая партия поднялась совсем не для того, чтобы помочь себе «основательно» посредством депутатов). «В полезности такой парламентской работы их убеждал пример в особенности немецких рабочих, которые провели очень много хороших законов в Германском парламенте».

Жаль, что автор не привел ни одного примера; впрочем он не виноват в забывчивости, так как, сколько бы ни думал, он не мог бы придумать ни одного (Во время исключительных законов соц-д-ия присутствовала в парламенте для протеста: а теперь буржуазия старается показать рабочим, что *waterlandlose Gesellen* не в состоянии провести ни одного закона.).

Вот какова та «сознательная классовая борьба», на которой Манifest Р. С. П. закрепляет русское революционное движение.

*

Если русская соц-д-ия, начиная с того периода своего развития, который она называет агитационным, и шла как будто наперекор народо-вольчеству, и стремилась не к «ясно намеченной народо-вольческой цели», а, казалось, к развитию исключительно непосредственной классовой борьбы русского пролетариата, то зато она не пыталась, к величайшему ликованию сторонников традиции прошлого революционного течения, развить эту борьбу настолько, чтобы затем народо-вольческому идеалу не удалось подчинить себе в качестве средства всю ее работу.

Этот исход Аксельрод считает благополучным: во всех же отступлениях соц-дем-ии за время агитационного периода от «ясной народо-вольческой цели», во всех ее недоразумениях с народо-вольческой ак-

сиомой он видит, как и всякий народоволец, «узость». Но ведь не будь этого периода «узости» и «доктринерства», его собственное дело — ясная народовольческая цель — находилось бы в таком же плачевном положении, как и в начале 90-х годов.

У старых русских марксистов, у «Группы Освобождения Труда», агитационный период вызывал одно недоумение. Современный марксизм зародился в России не в момент разочарования социалистов-народников 70-х годов в социалистическом народе, а уже после установления народовольческой аксиомы, по которой нельзя сделать вперед ни шагу до тех пор, пока не будет низвергнут абсолютизм. Он появился не только для установления в России европейского социализма на место разбитой самобытной социалистической утопии, но и для *продолжения русского революционного движения, для достижения «ясной народовольческой цели»*, при помощи массового движения рабочих вместо, оказавшегося несостоятельным, террора. Об этом свидетельствует программа «Группы Освобождения Труда», требующая «покрыть Россию сетью рабочих кружков», «первою задачею» которых должно быть низвержение абсолютизма. Аксельрод вполне верно замечает, что эта программа построена не ради исключительно «самодовлеющих интересов пролетариата» или «отдаленных целей социализма». Но до тех пор, пока соц-д-ое движение стояло на этой точке зрения, т.е., хотя и на марксистской, но в то же время признавая и народовольческую аксиому, оно не могло никоим образом дожидаться прочного непрерывающегося движения. Действительность говорила: нельзя пробудить массы к революционному движению проповедью коммунизма, который наступит в России когда-нибудь в отдаленном будущем, после того как она подыметя на высшую ступень экономической и политической жизни. Массы могут двигаться только во имя конкретного дела. Действительность, таким образом, вынуждала приступить к реальной классовой борьбе, начать н е м е д л е н н о, вопреки формуле, борьбу пролетария с буржуазией. И она была начата переходом к «агитационной» работе. Этот переход подрывал то основное положение, по которому — первая задача рабочей организации в России — низвергнуть абсолютизм и «добиться, как первых ступеней, таких форм общественного устройства, которые уже теперь существуют в передовых странах и необходимы для дальнейшего развития партии» (Программа 85 г.). Он ставил первой задачей рабочей организации развитие конкретной классовой борьбы — стачечного движения; он нападал на реакционную песенку о том, что «мы — не Запад», «мы на совершенно другой ступени развития, чем передовые страны». Направление революционного движения, вызванное им, соответствовало больше, чем раньше, в пропагандистском периоде именно «самодавляющим интересам пролетария».

Но отсюда, конечно, не следует, что этот период, поколебав при своем начале основные положения предыдущего, уничтожил их. Вовсе

нет. Аксельрод победоносно восклицает, что движение в настоящее время благополучно возвращается к исходной точке 80-х годов.

Тут же, под давлением могущественных, хотя и не познанных, удерживающих сил, социалисты-агитаторы стали объяснять себе дело в духе русской самобытности. Соц-дем-ты-пропагандисты, согласно этому объяснению, не потому были обречены на неуспех, что вздорно кормили рабочих не делом, а отвлеченным академическим социализмом; не потому потерпели крушение, что обещали лишь в будущем конституционном строе социалистическую классовую борьбу, а в настоящее время считали ее, по недоразвитию капитализма, невозможной, — а потому, что русский рабочий невежествен и не мог их понять. Нужно занимать ум рабочего не социализмом, а как можно более мелкими требованиями. Они стали почему то отделять «социализм» от своей работы, как будто социалистическое дело — не классовая борьба, а нечто другое. Этим путем они и призывают к жизни старую формулу, которая теперь принимает такой вид: социалистическое дело можно развивать только по достижении политической свободы; та же классовая борьба, которая ведется в настоящее время, должна быть пока несоциалистической; и вот на смену «пропагандистскому социализму» пошла тред-юнионистская классовая борьба, профессиональное движение, и рабочему, как мы видели, стал прививаться соответственный тред-юнионистский кругозор.

Развитие соц-дем-ии 90-х гг., в целом, характеризуется не тем, что соц-дем-ая интеллигенция применялась к низкому уровню рабочих, а чем-то другим: этой интеллигенции легко было разрисовывать классовую борьбу с ее конечную коммунистическую целью, когда эта борьба указывалась в будущем, но лишь только действительность заставила эту борьбу начать немедленно, социалдемократическая интеллигенция съезжилась и опустилась до уровня тред-юнионизма.

Мы сказали, что для старых марксистов, для Аксельрода, Плеханова, новое направление было непонятно. Они ожидали рабочего движения, но такого, у которого первая задача — борьба с абсолютизмом. Между тем новое движение откладывает, повидимому, в сторону этот безошибочный принцип и пытается развить то, что им кажется при настоящих условиях невероятным — непосредственную борьбу пролетариата с буржуазией. Их *соц-дем-ая правоверность* не дает им возможности понять движение, стать душой его, посвятить ему свои силы. Цюрихский конгресс определяет социалистическое дело, как пользование пролетариатом политическими правами. Значит, он подтверждает народовольческую аксиому, по которой первое дело рабочих в России — борьба за политические права. Русские заграничные марксисты — правоверные соц-дем-ты; им поэтому нечего сказать представителям нового движения, кроме того, что жужжат им постоянно в уши народовольцы: направьте поскорей движение на борьбу с абсолютиз-

мом. Соц-дем-ое мировоззрение и не допускает мысли, что начинающееся классовое движение — это «узкое дело» — может сделаться социалистической борьбой с буржуазным строем, если, широко разрастаясь, приобретает достаточные силы для отпора обуздывающим его могучим силам буржуазного общества.²³ Напротив, каким то странным образом выходит, что народовольцы и народопр авцы лучше понимают социалдемократическое дело, хотя они и не заявляют никаких претензий на марксизм, а социалдемократы проявляют узость, политический индифферентизм и т. д.. С этого момента у Аксельрода сложилось убеждение, что сфера труда и капитала слишком узка в России, и заниматься ею исключительно, значит попасть в доктринерство.

В то время, как соц-дем-ты в России приступают к конкретной классовой борьбе, сознательное выражение и развитие которой, раскалывая «народ», должно соответственно раскалывать и интеллигенцию, и революционеров, должно выделять тех, которые кричат: не надо классовой борьбы (народники), не надо социализма (Нар. Право), — Плеханов надеется привлечь к соц-дем-кому движению всю как есть «революционную интеллигенцию» (В предисловии к польскому изданию Туна, в 93 г., он говорит: на стороне соц-дем-их принципов уже около 3/4 революционеров России). Притом это дело оказывается очень простым: надо лишь разрушить народнические предрассудки, и революционеры, человек к человеку, сразу сделаются революционерами-марксистами, защищающими интересы пролетариата. Значит, первая задача — просвещение русской передовой интеллигенции. И марксисты-революционеры, борющиеся с народнической утопией, сами задумывают невероятное утопическое предприятие народников-социалистов 70 гг. Если те думали совершить социалистическое преобразование при помощи передовой интеллигенции, то современные русские социалисты думают привлечь передовую интеллигенцию, как таковую, к пролетарской идеологии, усовещивая ее понять идею «самодетельности пролетариата».²⁴

В русской жизни происходит интереснейшая эволюция: русское привилегированное общество подвергается коренной ломке. Объяснить эту эволюцию с пролетарской точки зрения можно было конечно не на глазах абсолютизма. Но революционеры марксисты не считают

²³ Самостоятельная партия пролетариата могла, стало быть, возникнуть лишь на почве критики европейского соц-дем-ого движения, на почве пролетарского социализма, непризнающего соц-дем-ого оппортунизма. Но каким-то роковым образом оппортунизм германской соц-дем-ии начинает замечаться Плехановым только теперь, после того, как в России установился и упрочился соц-дем-ий оппортунизм и POSSIBILITY.

²⁴ Эта критическая работа имела огромный практический смысл. Здесь «велся не ученый спор, имеющий лишь академический интерес. Речь шла и идет о последовательном проведении идеи политической самодетельности пролетариата в его классовой борьбе» (Доклад русских соц-дем-ов Лондонскому конгрессу).

нужным у себя дома, в подпольной жизни, отдать себе отчет в новых явлениях. Они ждут, как решит дело передовое общество. Они за этот период не издадут никакого органа. Вся подпольная литература представляет невообразимое убожество; это не развитие какой либо определенной мысли, а один шаблон. Вся агитационная литература наводит ужаснейшую скуку даже на тех «непонятливых» рабочих, для которых она специально написана. В уме революционной интеллигенции — и марксистской в том числе — все более складывается убеждение, что «самодовлеющие интересы пролетария» — дело «узкое».

В русском обществе на смену народническому радикализму, соответствующему стадии торгового капитализма, шел, как выражение промышленного капитализма, настоящий европейский буржуазный радикализм. Его задачей было разъяснить, насколько это было возможно, русскому передовому обществу следующую истину: как там ни обстоит дело с народным потреблением, какие бы ужасные голодовки ни происходили в России, решающим фактом является тот, что капитализм несет не «мрак», как утверждают народники, а свет, культуру, прогресс. Но рост капитализма означает увеличение национального дохода, увеличение числа пользующихся этим доходом, рост привилегированного, благовоспитанного общества и все большее и большее увеличение его содержания.

Марксисты «связанные буквою доктрины», стали усовещивать этот буржуазный радикализм объявить себя, не стесняясь, стоящим на классовой точке зрения, заявить, что, если он и желает развития капитализма, то только ради интересов пролетариата, если он и восхищается миссией капитализма, то только ради будущего коммунистического строя (Тулин в «Материалах»). Буржуазный радикализм, удерживая все свои основные положения, последовал благоразумному совету и начал делать скромные, «по условиям (конечно!) русской действительности», намеки в этом смысле. В настоящее время он вполне овладел фразами: «классовая борьба», «пролетарий», «чистый труд», — бросает ими направо и налево, с великой радостью наивных. За такую уступку он купил участие всех марксистов, «связанных буквою доктрины», в своей работе: он принудил их, в борьбе с народнической утопией, серьезно заняться вопросами отечественной промышленности, прогресса и цивилизации, вопросами о рынках и вообще о «нуждах нашего хозяйства». Мало того, он заставил их признать такие свои основные положения, как напр., голодовка не результат современного классового строя, а наказание за грехи нашей некультурности. Марксисты, выступающие перед обществом в качестве «примыкающих по всем пунктам к доктрине», советуя передовой интеллигенции заняться интересами русского пролетариата, не замечали, как они сами, под дудку буржуазного радикализма, сковывали своими теориями ведущуюся в подпольной жизни классовую борьбу, как, желая убедить общество в ве-

ликой исторической роли этого слоя («ввиду необходимости предварительного перехода к высшей ступени капитализма»), они только сводили классовую борьбу, долженствовавшую разрастись в борьбу с капиталистическим строем, на борьбу тред-юнионистскую — за «право коллективного договора с хозяевами о найме». «Глупо усовещевать», г.г. марксисты, классовый интерес буржуазного общества!

Раз таким образом «самодовлеющие интересы пролетариата» оказались, «по некультурности России», «узкими», надо их, стало быть, дополнить широким руслом русского демократизма, «подхватить выпускаемую обществом демократическую нить», дополнить их «ясной народовольческой целью». Эта «ясная цель», предполагается, таит в себе неимоверную революционную силу. В таком предположении русские соц-дем-ты пишут на прокламациях: мы требуем созыва парламента. Русский абсолютизм может только рассмеяться в ответ на такой «демократический гром». Посмотрите на господ. Аксельрода. Он проникся больше чем все соц-дем-ты русским демократизмом, «ясной народовольческой целью», и вот он сразу заговорил о «зародышах конституционной жизни в России», о взаимодействии революционного пролетариата и легальных средств и путей высших русских образованных классов и т. д. Очевидно, «парламент», «свобода слова, печати, союзов», «всеобщее избирательное право» — нужно представить себе при существовании абсолютизма и без малейшего нарушения самодержавной власти. Стало быть, это — уступки, сделанные по указу царя: но абсолютизм делает уступки только тем слоям, которые это заслуживают перед ним; он те только слою допустит к влиянию на управление, которые становятся с прогрессом все благонадежнее, и за то только, что они становятся таковыми. Зачем же попусту болтать фразы — «всеобщее избирательное право», когда даже в своих мечтах революционеры думают только о возможном «полуконституционном строе» (Доклад Лондонскому конгрессу), а в действительности, при настоящем «революционном настроении», как его результат, предвидится только расширение полномочий земств, городских дум и уступки либеральной печати. Если бы предполагалось что-либо другое чем уступки абсолютизма благонадежным слоям, то неужели был бы какой-либо смысл серьезно выставлять такие широкие требования и в то же время не ставить предварительно в подпольной жизни даже вопроса о революции? Впрочем кое-кто мечтает о «решительной схватке», причем, характерно для соц-д-ого революционизма, мечтают о *неудавшейся* революции 48 г.. Именно такая революция, а не какая-либо другая, является идеалом; революция, в которой пролетариат был обманут. «То что сделали ваши предки 50 лет тому назад, нам только предстоит совершить», гласит надпись на венке, посланном в Берлин русскими соц-дем-тами.

«Решительная схватка» в соц-дем-ой агитационной литературе такая же пока пустая фраза, как у П. П. С. «борьба не на жизнь, а на

смерть» за независимое государство. В «решительную схватку», в борьбу не на «жизнь, а на смерть» не идут с компромиссом в мыслях, с убеждением, что результатом «борьбы не на жизнь а на смерть» будет все-таки «полное господство» врага — буржуазии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ответ на требования Плеханова «похоронить» Бернштейна, Каутский, между прочим, отвечает:

«Вряд ли подлежит какому-либо сомнению, что наша экономическая и политическая жизнь начала в два последние десятилетия развивать такие черты, которые оставались еще скрытыми во время создания наших основных сочинений и прежде всего "Коммунистического Манифеста" и "Капитала". Ввиду этих фактов новая проверка, пересмотр "наших представлений" сделался неизбежным».

Самым важным новым явлением современной политической жизни, явлением, непредвиденным автором Коммунистического Манифеста и «Капитала», является эволюция соц-дем-ии, как «несомненной выразительницы» интересов мирового пролетариата.

«Внутри капиталистического противоречия собственник есть его консервативная сторона, пролетарий — разрушительная. От первого исходит акция к удержанию противоречия, от второго — акция к его упразднению» (Маркс «Святое семейство»).

Современная соц-дем-ия, если ее считать представительницей исключительно интересов пролетария, стоит в полном противоречии с этим основным положением марксистского коммунизма. Интересы пролетария, согласно современной политике соц-дем-ии, повелевают как можно дальше отдалять момент «упразднения капиталистического противоречия» (Каутский, стр. 65). Эта политика достигает своего апогея в возгласе Фольмара: не могло бы быть большего несчастья, как если бы пролетариат получил внезапно в свои руки политическую власть (стр. 95).

Вся эволюция соц-дем-ии показывает, что в ее рядах находятся силы, которые по самой своей природе не могут желать упразднения капиталистического противоречия. Очевидно соц-д-ое знамя формулирует стремления пролетариата неполно; очевидно, марксизм, который соц-д-ия такое долгое время ни за что не хотела развивать, допускает вместе с исторической эволюцией непрерывное проникновение непролетарских элементов в революционную армию пролетариата, элементов, которые задерживают его развитие и окончательное нападение на буржуазный строй.

Мы упоминали выше, что французская революция 1848 г., а именно июньские дни, проявили «капиталистическое противоречие» глубже, чем оно формулировано в Ком. Ман., — не как антагонизм лишь между капиталистами и рабочими, а как антагонизм между буржуазным обществом и пролетариатом. Как ни ярко обрисованы в этом отношении июньские дни в «18-ом Брюмера», но из этого исторического

явления не сделано необходимого вывода, который бы видоизменил или хоть дополнил коммунистическое знамя «Манифеста».

Германская соц-д-ия, основывая пролетарскую партию, не только не выразила и не развила этот антагонизм (между буржуазным обществом и пролетариатом), но закрыла на него глаза. В период революционной молодости немецкой соц-д-ии, когда современная оппортунистическая политика не так еще громко давала о себе знать, как в настоящее время, Либкнехт, говоря об испанской революции 1869 г., так объясняет это антагонистическое отношение:²⁵

«Итак, старая история — революции терпят поражение из-за социального вопроса. В геройстве у испанских республиканцев не было недостатка, но они еще не поняли, что гражданское общество (Buerger-tum) должно отречься от мысли о классовом господстве и быть справедливым к пролетариату: они еще не поняли, что общество не может без пролетариата успешно бороться против милитаризма, и что общая борьба обуславливает общую цель: социальную демократическую республику (sic!)... Совершенно так же, как во Франции 21 г. тому назад. Вместо того, чтобы быть справедливым к рабочим, вместо того, чтобы помогать их экономической эмансипации, без которой политическая свобода — пустой звук, хотели отделаться от пролетариата пустыми фразами, и так как он ими не удовлетворился, то насильно бросили рабочих в июньскую борьбу и отдали республику в руки подстерегавшему ее авантюристу. Страх общества (бюргерства) перед пролетариатом — мать современного цезаризма. Пролетариат не может отказаться от своих стремлений, ибо они для него — борьба за существование. Стало быть, обществу приходится решить (мы говорим конечно, не о буржуазии, не о крупном капитале, который необходимо должен нам противостоять, как враг), что оно предпочитает: иго цезаризма или полное признание соц-д-ии» («Суд о государственной измене»).

Итак, общество просто по недоразумению травило июньских инсургентов. Ему достаточно понять свой интерес, чтобы совместно с соц-д-ией стремиться к «общей» с нею «цели» — соц-д-ой республике. Германская соц-дем-ия не только руководит рабочим движением, но и дает советы «бюргерству» и надеется на его благоразумие. Буржуазное общество, конечно, старалось понять в чем дело. Вот напр., польское патристическое общество уже не настолько наивно, чтобы требовать от пролетариата защиты «прав польской нации» даром. Оно знает, что нельзя «отделаться от пролетариата пустыми фразами», и потому надо стремиться к независимой Польше «исключительно для польского пролетариата». Равным образом, русское радикальное общество не требу-

²⁵ Писано в 1869 г., значит, в том же году, в котором он держал свою революционную речь перед берлинскими рабочими (см. выше, стр 69).

ет, чтобы рабочий «вытягивал для него каштаны из огня» — вовсе нет — оно справедливо к рабочему классу и обещает ему равенство с фабрикантами в форме свободы коллективного договора о найме. Таковыми же путями, какими в настоящее время «справедливое к пролетариату» общество в Польше и России овладело рабочим движением, таковыми же путями, вероятно, оно проникло в западноевропейскую социальную демократию. Оно и проповедует ныне устами Фольмаров немецкому пролетариату истину, по которой — величайшая беда постигла бы рабочий класс, если бы он неожиданно получил власть в свои руки. Общество решило, по совету Либкнехта, быть справедливым к претензиям рабочего класса; оно стало думать о «своей совместной с пролетариатом цели — социал-демократической республике»; оно принялось за беспристрастное развитие учения пролетариата и обогатило его глубоким научным познанием, что конечное освобождение пролетариата пока невысказано по причине недостаточного развития производительных сил и недостаточной политической зрелости рабочих, и потому «рабочие батальоны» к таким взрывам, как итальянское восстание, должны относиться лишь как к несчастному недоразумению.

Но какими же именно путями буржуазное общество достигает своей цели в данном случае?

Социал-демократия сама не раз заявляла, что при массовом росте движения в партию неизбежно должны проникать мелкобуржуазные элементы, не успевшие еще дойти до чисто пролетарского мировоззрения.

Однако, с этой стороны грозит не особенно большая опасность. Экономическая эволюция беспрепятственно и неотвратимо несет гибель этому классу собственников, и они по необходимости принуждены все более становиться на точку зрения наемников капитала. Если во Франции, Голландии социал-демократический оппортунизм зашел так далеко, что делает уступки мелкой буржуазии и берется ее защищать, то однако это, так сказать, явление уже вторичного порядка. Оно не существенно для социал-демократического оппортунизма в том смысле, что последний существует и независимо от того, делает или не делает он уступки мелкой буржуазии. Это ясно можно видеть на П. П. С.. Эта партия представляет классический пример той операции, которую допускает социал-демократическая политика и которую производит буржуазное радикальное общество с пролетарскими массами, распорядясь ими как средством для своих целей. И однако П. П. С. не делает, повидимому, мелкой буржуазии никакой уступки. Французскую аграрную программу она считает «чуждой». В упомянутой на стр. 111 брошюре для сельского населения П. П. С., решаясь призывать даже к защите католической веры, не внушает, однако, сельскому населению никаких мелкобуржуазных мечтаний, стало быть, те общественные силы, при помощи которых «бюргерство» властвует над мыслью пролетариата, не принадлежат к категории, обнимаемой обыкновенно общим названием «мелкой буржуа-

зии» с ее реакционными планами увековечения мелкого хозяйства. Эти силы, как будет видно из нижеследующего, — «прогрессивны».

Обсуждая возможность осуществления основного требования П. П. С., Каутский говорит:

«Почти еще с большим легкомыслием, нежели о мелкой буржуазии, противники П. П. С. — польские соц-д-ты (антинационалисты) — говорят об интеллигенции. Но и эта последняя представляет силу, которую нельзя низко оценивать. Общество нуждается не только в инженерах, государственных и частных чиновниках, учителях и врачах, но также в журналистах и адвокатах, чтобы удержать в движении свой механизм. Вместе с ростом капиталистического производства растет сфера действия этих профессий и их значение для хозяйственной жизни. При этом на их долю выпадает выдающаяся роль в политике. Они обладают монополией знания в современном обществе; их интересы слишком разнообразны для того, чтобы они были в состоянии создать сплоченный класс. Вообще они стоят ближе всего к буржуазии, но не принимают участия, как класс, в ее классовой борьбе. Члены интеллигенции могут поэтому легче, нежели члены буржуазии подняться выше тесного классового кругозора и сделаться представителями общих интересов нации, или же больших слоев народа, которые возбуждают в нем особенную симпатию» (Каутский опять бесцеремонно отложил в сторону весь свой экономический материализм). «Мещанская интеллигенция часто доставляет духовных вожаков народу в его классовой борьбе, в особенности, в ее начале, пока она носит инстинктивный, бессознательный характер, придавая ей большую выразительность стремлений, большую решительность и силу... Она имеет еще большее значение, когда выступает в защиту известной идеи, ибо создает духовный узел общества... Ведь нельзя закрывать глаз на то, что в Польше именно и страдает от русского правительства более всего интеллигенция, что она насильно вталкивается в объятия национального дела».

Несмотря на всю туманность языка «экономического материалиста», напоминающую скорее русский субъективизм, и на двусмысленное его отношение к данному вопросу, мы подчеркнем одну его, здесь лишь мельком выраженную, верную мысль о «росте» интеллигенции, как привилегированного буржуазного класса, росте, вызываемом потребностями самого прогрессирующего капиталистического строя. На это явление, которого программа соц-д-ии не считает нужным принимать во внимание, тот же Каутский указывает еще яснее в своих статьях об интеллигенции в «Neue Zeit», 94-95 г., №№ 27, 28, 29.

«В капиталистическом обществе умственный труд становится специальной задачей особого класса, который "обыкновенно, да и, по самому существу дела, это не обязательно — не заинтересован непосред-

ственно в капиталистической эксплуатации, который получает свое содержание из реализации собственных знаний и способностей..." Этот класс растет быстро при капиталистическом производстве, которое не только передает ему все более ту умственную работу, которая до сих пор исполнялась самими эксплуататорами, но притом еще изо дня в день открывает для него все больше областей труда»...

«Интеллигенция рекрутируется прежде всего из своего собственного потомства... Но, кроме того, падение мелкого хозяйства в городе и в деревне принуждает в настоящее время мелких мещан и даже иных крестьян... поднимать свое потомство в ряды интеллигенции за какую бы то ни было цену, иначе ему грозит испадение в ряды пролетариата... Таким путем образуется новое среднее сословие, по числу очень сильное и беспрестанно растущее»...

«Как ни заманчиво ближе разработать этот вопрос (так заключает Каутский в этом месте свое обсуждение), — мы принуждены отказать от этого, так как этим прервался бы ход нашего исследования (обсуждавшегося тогда в "Neue Zeit" вопроса, насколько можно привлечь интеллигенцию к социалдемократическому движению).».

Каутский очень благообразно увертывается от «заманчивого исследования», потому что он спохватился, что основательное исследование констатируемого им явления и последовательное проведение следующих из него выводов входят в коллизию с соц-дем-ими "принципами". Так, это явление несомненно вычеркивает следующее положение Эрфуртской программы (1891 г.): «Все выгоды этого преобразования (капиталистического развития) монополизируются капиталистами и крупными земельными собственниками». Это положение неверно, ибо от роста капиталистического производства непосредственно получают выгоду, между прочим, и «новое среднее сословие» — интеллигенция, — «по числу очень сильное и беспрестанно растущее». Рост новой буржуазной привилегии, рост нового буржуазного класса привилегированных «наемников», рост капиталистической интеллигенции зависит от благополучного существования и преуспевания капиталистического производства.

Согласно духу социалдемократических программ следует, что враг пролетариата есть *постоянно уменьшающаяся горсть* («относительно малое число» — Эрфуртская программа) капиталистов и крупных земельных собственников (отсюда следует «терпеливое выжидание» и др. социалдемократические добродетели). Напротив, новое явление, на которое Каутский принужден был обратить внимание, ясно показывает, что враг пролетариата есть *постепенно растущее буржуазное общество*. Каутский будет призывать на помощь все образцы соц-дем-ого оппортунизма, но ни за что не сделает подобного вывода, потому что враг Каутского только «относительно малое число капиталистов и земель-

ных собственников»; все же остальное буржуазное общество, «бюргерство», как для Либкнехта 69 г., в некотором смысле бесполое неклассовое существо, зритель, «незаинтересованный непосредственно в капиталистической эксплуатации», «способный вознестись выше тесного классового кругозора», в котором «возбуждают симпатию интересы больших масс народа»... — одним словом такой элемент, с которым, как бы не складывалась капиталистическая эволюция, пролетариат приговорен более или менее «сотрудничать» в деле борьбы с «относительно малым числом капиталистов и крупных земельных собственников».

Несмотря на свою образцовую соц-дем-ую воздержанность от «заманчивого исследования», Каутский, однако, принужден раскрыть кое-какие тайны в природе интеллигенции, этого благородного слоя, способного «возноситься выше тесного классового кругозора». Он принужден это сделать, ибо иным в рядах германской соц-д-ии все еще мерещатся уж слишком утопические затеи образования «рабочих батальонов» из врачей, учителей и т. д. («Neue Zeit», 94-95, № 21, статья Макса об интеллигенции). В упомянутых статьях Каутского читаем:

«"Умственные рабочие", как привилегированный слой населения, *стоят в антагонизме с пролетариатом*, который, как самый низший класс, желает покончить со всеми привилегиями»... "Для дворянства в эпоху феодализма военная служба и церковь составляли средство обеспечения (тех именно его членов, которые не могли сделаться непосредственными владельцами). Капиталистическое производство присоединило сюда и интеллигенцию... Интеллигенция есть аристократия духа и ее интерес в современном обществе повелевает ей всеми средствами удерживать свою аристократическую обособленность. Отсюда ее антисемитизм, ее антифеминизм и т. д. Если соц-д-ия провозглашает право на образование для всех, и если она старается разрушить препятствия, которые в *настоящее время мешают женщине и пролетарию подняться в ряды интеллигенции* и именно в ряды *зарабатывающей интеллигенции*, то это равнозначно стремлению неизмеримо усилить явление, которое на интеллигенции отзывается тяжелее всего в современном обществе, — перепроизводство образованных. В этом решающем пункте интересы пролетариата и интеллигенции *диаметрально противоположны*».

Итак, Каутский знает, повидимому, кое-что о паразитизме существования интеллигенции, как класса буржуазного общества, который всеми средствами старается удержать свою монополию, интересы которого «диаметрально отличны» от интересов пролетариата. Но вот в русской Польше эта привилегия интеллигенции сама «более всего страдает от русского правительства». Имея перед собою этот факт, Каутский даже и не думает сделать вывода, который по социалистической теории классовой борьбы единственно следует из него, а именно, что «страдания» польской интеллигенции порождают определенный, очень сильный классовый интерес польского буржуазного общества, задача которого

состоит в том, чтобы воспользоваться рабочим движением, как орудием для уменьшения этих «страданий» привилегии, для развития паразитной жизни класса интеллигенции во всей полноте. Наоборот, он даже сам помогает этому классовому интересу достигнуть своей цели. «Страдающий» в Польше класс интеллигенции прежде всего вызывает в нем грустные думы, под влиянием которых он начинает сентиментальничать на подобие «критической мысли» и поучает польских рабочих, протестующих против «социал-патриотической» интеллигенции, тому, что интеллигенция «не принимает участия как класс в классовой борьбе буржуазии», что интеллигенция — «духовный узел общества», что она придает «классовой борьбе народа» (?)... в особенности в ее начале (значит именно в настоящее время в Польше)... «большую выразительность стремлений, большую решительность и силу». Итак, тот самый Каутский, который указал на «диаметральное различие» в интересах рабочих и «интеллигенции», который в интеллигентном труде видел «средство обеспечения для потомства буржуазии» и в интеллигенции, казалось, видел врага пролетариата, тот же самый Каутский теперь преспокойно передает польского пролетария в руки этого его врага. И прибавляет при этом характерную для соц-дем-ого оппортунизма фразу: «Столько доверия мы должны иметь к нашей партии, чтобы не сомневаться в том, что она сумеет противиться... опасности погрузиться в мелкобуржуазный национализм». Если же мы вспомним, что «наша партия» в то время в Польше только устанавливалась и представлялась в виде двух течений на почве одной и той же «нашей партии» (соц-дем-ии), то Каутский, становясь решительно на сторону П. П. С. и видя в протесте против нее польских соц-дем-ких рабочих лишь игру в руку абсолютизму, требует от польского пролетария «столько доверия» не к «нашей партии», а к благородной страдающей польской интеллигенции, к буржуазному польскому обществу, к врагу пролетария.

Это образцовое, с точки зрения соц-дем-ого оппортунизма, отношение Каутского к польскому патриотизму является необходимым последствием его умения во-время удержаться от «заманчивых» исследований, дабы не нарушить какой-либо соц-дем-ой формулы. Новое явление капиталистической эволюции заставляет его указать, что класс «интеллигенции» есть неотвратимо растущий привилегированный класс, что он носит аристократический характер, что он ближе всего к буржуазии, но соц-дем-ие принципы не позволяют ему ни в коем случае назвать этот класс прямо буржуазией, т. е. врагом пролетариата, ибо ведь известно, что буржуазия — враг пролетариата — только «относительно малое число капиталистов и крупных земельных собственников». Интеллигенция составляет, правда, «привилегированный слой буржуазного общества», «средство обеспечения для потомства буржуазии», но она все-таки состоит из «рабочих», хотя и привилегированных, ибо «не ра-

бочие» в капиталистическом обществе «только капиталисты и крупные земельные собственники» (5-ый пункт Эрфуртской программы).

Таким образом, безошибочные соц-дем-ие принципы решили раз навсегда, что «новое сильное и растущее среднее сословие» — «интеллигенция», есть неклассовый элемент классового строя и обречено, согласно этим принципам, оставаться таковым, как бы оно ни разрасталось и ни усиливалось. Как бы ни умножались его привилегии, как бы ни росла его паразитная жизнь, как бы сильно ни проявлялась «диаметральная противоположность» его интересов и интересов пролетария, оно обречено «не принимать участия, как класс, в классовой борьбе буржуазии» с пролетариатом и, значит, по соц-дем-ому учению, до бесконечности одарено способностью в большей или меньшей степени «возможность выше тесного классового кругозора. Соц-дем-ие принципы считают, как мы видели (стр. 140), «реализацию особенных знаний и способностей» интеллигенции, как класса, не связанной по своему существу с «капиталистической эксплуатацией» и даже противопоставляют первую второй. Безошибочные соц-дем-ие принципы даже и не подозревают, что возможность из поколения в поколение реализации интеллигенцией, как классом, ее «особенных знаний и способностей», предполагает «особенное» наследственное владение у этого класса, а стало быть, эта реализация непосредственно связана с эксплуатацией и непосредственно заинтересована в ее существовании.²⁶

Каутский не забыл, что «пролетариат, как самый низший класс, желает покончить со всеми привилегиями». Но затем, желая точнее указать различие интересов пролетариата и интеллигенции и открыть «решающий в этом отношении пункт», он говорит не об интересах интеллигенции, как класса, а о стремлениях реакционной интеллигенции (антисемитов, антифеминистов) и сопоставляет с ними не «желания пролетариата покончить с привилегиями», а требование соц-дем-ией «свободного доступа для пролетария и женщины "в настоящее время" к привилегии вступления в ряды зарабатывающей интеллигенции», требование, под которым подписываются и буржуазные радикалы. Если бы соц-дем-ия желала, как и пролетариат, покончить со всеми привилегиями, а не довольствовалась провозглашением туманного «равного права на образование для всех» и «старанием разрушить препятствия, которые в настоящее время мешают женщине и пролетарию подняться в ряды... зарабатывающей интеллигенции», она знала бы, что враг пролетария не только антисемиты и антифеминисты, "ставящие искусственные преграды" проникновению новых членов в интеллигенцию, но и радикалы, стоящие за "свободный доступ" для пролетария в настоящее время в

²⁶ Каутский говорит, правда, о «монополии знания», но он же учит, что «знания суть... рабочая сила» («Neue Zeit», 91-92 г., Max «Ueberfuellung der hoeheren Berufe»).

ряды зарабатывающей интеллигенции», что враг пролетария — интересы интеллигенции, как класса, заключающиеся в существовании эксплуатации пролетариата, без которой интеллигенция, как класс, немыслима. Все широкие планы прогрессивной социальной политики, государственного социализма и т. п., рождающиеся в сфере «класса, способного возноситься выше тесного классового кругозора», имеют целью, конечно, не уничтожение эксплуатации пролетария, а ее смягчение для того, чтобы ее еще более укрепить.

Соц-дем-ие принципы в своей «чистой» форме отрицают возможность какого бы то ни было роста средних слоев общества и гласят: «все выгоды развития капитализма монополизируются относительно малым числом капиталистов и крупных земельных собственников». Между тем, капиталистическая эволюция проявляет несомненный рост буржуазного общества. Если маленькие предприятия и неотвратимо гибнут, то средние классы буржуазного общества, в виде все умножающегося числа привилегированных наемников капитала, растут несмотря на это, и, таким образом, «все выгоды гигантского роста производительных сил монополизируются» не «горстью» только плутократов, *т. е. все растущим буржуазным обществом.*

Враг пролетария за последние полвека глубоко эволюционировал. Стоять в виду этой эволюции за чистоту вышеуказанных соц-дем-их принципов, — значило бы только уклоняться от настоящей необходимости новой формулировки цели пролетариата — уничтожения классового господства; значило бы представлять себе неизменным эволюционировавшее с половины текущего века буржуазное общество; значило бы предоставлять этому обществу — «бюргерству» — право на рост его благосостояния, рост, отрицаемый соц-дем-ими принципами. Это значило бы само это благосостояние выставлять, как рост благосостояния народного, а значит и пролетариата, в то время как последний получил лишь такие уступки, какие общество вынуждено было дать для обуздания плутократов в свою же пользу.

Эволюция соц-дем-ии, от ее переворотных планов до ее современных стремлений легализировать пролетарское движение отражает не видоизменившееся лишь положение пролетариата. Противоречия капиталистического строя не слабее в настоящий момент, чем полвека тому назад. Если, благодаря революционной борьбе пролетариата западно-европейских стран, некоторым слоям его удалось немного улучшить свое положение, то тем более бедственно и безвыходно положение огромной, все растущей безработной армии, а положение всего пролетариата в таких странах, как Италия и Венгрия, не говоря уже о русских голодающих массах, конечно, не лучше положения английских и германских пауперов 40-х гг.. Соц-дем-ая эволюция отражает, значит, и нечто другое — эволюцию, происходящую и в самом буржуазном обществе.

Когда-то быстро надвигавшийся капитализм, стремительная концентрация богатств и развитие машинной индустрии не только превращали в пауперов крестьян и ремесленников, но и угрожали самому привилегированному обществу. «Среднее сословие должно все более исчезать, пока мир не разделится на миллионеров и пауперов, на крупных земельных собственников и бедных поденщиков», писал Энгельс в 40 гг. («Deutsch-Franz. Jahrb.»). Это угроза и привилегированному обществу, ученым и другим интеллигентам, с которыми кулак-миллионер готов обращаться, как с простыми поденщиками. Капиталисты суть «уполномоченные буржуазного общества, но они присваивают себе *все плоды* этого полномочия» (Маркс, «Капитал», т. III, стр. 208). От капиталистов страдает, значит, и *буржуазное общество*. И рядом со стихийным рабочим движением, из среды привилегированного общества производится с разных сторон — то под влиянием страха, то под влиянием зависти к миллионерам, «присваивающим себе плоды», — нападение на капитал. Такой безусловный защитник привилегированного общества, — «аристократии духа», как Родбертус, «проникает в сущность капиталистического производства» (Маркс) и чертит *для буржуазного общества* свой коммунистический строй.

Этот период отражается в более или менее *революционном настроении* соц-дем-ии. Под ее давлением, растущая сумма национальной прибавочной стоимости, взываемая «уполномоченными», доставляет все большее содержание привилегированному обществу, растет число лиц, пользующихся «национальным доходом», растет буржуазное общество, «новое среднее сословие, по числу очень сильное», сословие привилегированных наемников капитала, допускаемых все более к управлению страной, к господству. Наука получает почетное место и надлежащее содержание, и буржуазия господствует над умами пролетариев при помощи науки. Этот исход выражается в решительном стремлении соц-дем-ии 90-х гг. стать «единственной партией порядка».

Когда столь благоприятное для «бюргерства» развитие капитализма проявилось в достаточной мере и под крылышком германского абсолютизма, Бернштейн требует от пролетариата, ввиду непредвиденной возможности роста новых средних классов, стало быть, роста буржуазного общества и его счастья — отречься окончательно от своих переломных планов и высказаться беспрекословно за продолжение жизни капитализма.

Плеханов требует от соц-дем-ии «похоронить» Бернштейна. Но он забывает, что предпосылкой для Бернштейна была сама соц-дем-ия последних лет. Именно потому, что она не желала двигаться вперед и упорно повторяла формулу о невозможности роста буржуазного общества, так как все выгоды капиталистической эволюции достаются горсти капиталистов, в которой она видела по соц-дем-му принципу своего единственного врага; именно потому удается Бернштейну поразить соц-

дем-ию приятной неожиданностью о возможности роста нового среднего класса и рост этого буржуазного класса выставлять, как рост счастья народа и улучшения судьбы пролетариата.

Ответ Бернштейну со стороны пролетарского социализма — не в отрицании (ради чистоты соц-дем-их принципов) несомненного факта роста новых средних классов, а в раскрытии в «новом сословии, сильном по числу и постоянно растущем» — нового врага пролетариата и в призыве на борьбу с ним, «чтобы покончить со всякой привилегией»; в призыве, заглушать который и выставлять как анархическую затею было специальной задачей соц-дем-ии последних лет.

«Новый сильный по числу и постоянно растущий средний класс» есть класс наемников капитала. Стало быть, с точки зрения соц.-дем.-их принципов, класс все-таки рабочих, хотя и привилегированных, ибо нерабочие, по Эрфуртской программе, лишь капиталисты и крупные земельные собственники. Таким то образом этот класс, благодаря своей монополии знания, приобретает лишь способность, как мы видели, быть непричастным к капиталистической эксплуатации. В этом отношении, в прошлом соц-дем-ии бывали не менее утопические планы, чем в настоящее время. 4-й конгресс Интернационала в Базеле (69 г.) издал, составленное Майнцкими марксистами, воззвание «неимущих ручных рабочих к их товарищам по страданиям — "Leidensgefährten" — неимущим умственным рабочим» («Суд о государственной измене», стр. 886), с выпиской из «Ком. Манф.» в заголовке: «Буржуазия превратила врача, юриста, попа, поэта, мужа науки в оплачиваемого ею наемника». В этом воззвании читаем:

«Нужно сломить силу крупных собственников:... (для этой цели) уже везде промышленные рабочие образуют передовой отряд, сельские следуют за ними. Но где же остаются пролетарии умственного труда? Где остаются неимущие художники и ученые, чиновники и офицеры, священники и учителя, писатели и студенты, торговые служащие и писаря? Разве не из-за недостатка в имуществе служат господам, власть имущим и богачам художники и ученые, чиновники и офицеры... Выступите вместе, образуйте профессиональные союзы, как и мы, исследуйте науку об обществе, необходимую для решения социального вопроса... Каким же образом выиграет при этом (пролетарском движении) умственный рабочий? Мы отвечаем: через прибавление содержания, через умножение заслуг, через вознаграждение заслуг, через почетное жалование и т. д. Все согласно изречению поэта — "заслуге ее корона", а также и по известному положению политической экономики, которое гласит: "Повышение платы для простой работы повышает, благодаря органическому воздействию, в том же самом отношении цену для каждой другой услуги"... Наше дело есть поэтому и ваше дело».

Неужели с точки зрения марксизма не должен считаться утопич-

ным шагом призыв к уничтожению капиталистической эксплуатации, направленный к ученым, художникам, чиновникам и т. д. во имя их классовых интересов, т. е. призыв, обращенный к классу, который получает свое содержание из национального дохода «национальной прибавочной стоимости», а, значит, из эксплуатации пролетариата? Теория Маркса такой шаг допускает.

Классическая политическая экономия считала производительным лишь труд, создающий материальные ценности, всякий же другой труд непроизводителен. Маркс принял в основу своего анализа это положение. Но политическая экономия до Маркса указывала консеквентно тот фонд, из которого получают свое содержание непроизводительные рабочие, а именно «чистый национальный доход, чистая прибыль нации». Маркс в своем анализе отбросил эту категорию; равным же образом он не упоминает нигде об установленном для него понятии «вторичного распределения богатства» именно между «непроизводительными рабочими», в отличие от «первичного распределения» их между капиталистами и рабочими в виде прибыли и заработной платы. Очевидно, «непроизводительные рабочие», хотя «непроизводительны», но получают свое содержание в виде «реализации» своей «квалифицированной рабочей силы». «Неоплаченный» продукт, насколько он потребляется лично, потребляется только капиталистами и больше никем. «Чистый национальный доход», как фонд для содержания привилегированных наемников, интеллигенции, «аристократии духа», не существует. Поэтому Марксов анализ буржуазного общества раскрывает только антагонизм между капиталистами и рабочими и упускает совершенно из виду антагонизм между пролетариатом и буржуазным обществом.

Вся национальная прибавочная стоимость состоит поэтому только из продуктов потребления класса капиталистов и из «сберегаемого ими» фонда «добавочных средств производства».

Поэтому-то русский марксистский радикализм, в скольких не выходил изданиях, нигде не мог разглядеть в своем собственном содержании национальной прибавочной стоимости, неоплаченного продукта чужого труда. В период своего народнического романтизма, он предвещает по Марксу, который тогда почти не отличается от Сисмонди, гибель всему национальному хозяйству от развития капитализма, требует увеличения народного потребления, но впоследствии оказывается, что он имел в виду лишь увеличение своего собственного жалованья. Когда же развившийся капитализм принес ему не мрак, как ожидали народники, а западноевропейский комфорт, он опять по Марксу (теперь по разъяснениям Туган-Барановского Маркс почти не отличается от Рикардо) уверяет умирающие с голоду массы, что каждая копейка от накопления сверх потребления капиталистов идет на средства производства. Туган-

Барановский думает, что для накопления обуздывают себя и сберегают из своего потребления даже капиталисты. И капиталисты, и рабочие меньше потребляют; национальное потребление абсолютно падает, и все для того, чтобы умножились средства производства. И у Туган-Барановского получается удивительная по своему величю картина: русская нация, человек к человеку, подвергает себя самоистязанию, дабы исполнить миссию капитализма. Буржуазный радикализм и теперь не отдает себе отчета, что в такие идеальные ризы он облекает свои приятные ощущения от растущего «национального дохода», от увеличивающегося содержания буржуазного общества; приятные ощущения, которые не в силах омрачить даже повальные голодовки, хотя бы они уносили ежегодно и в десять раз больше людей.

Итак, из анализа Маркса, повидимому, следует, что «умственные рабочие» получают свое содержание не из неоплаченного продукта труда пролетария, а в форме вознаграждения за свою квалифицированную рабочую силу.²⁷ Таким образом, вся паразитная жизнь буржуазного общества скрывается за следующим экономическим отношением:

«Труд, являющийся по отношению к среднему общественному труду, как труд более сложный, труд более высокого качества, — есть ничто иное, как проявление рабочей силы, которая требовала больших издержек на воспитание и обучение, производство которой стоит большего количества рабочего времени, и которая имеет поэтому более высокую меновую стоимость, чем простая рабочая сила. Но если стоимость этой силы и выше, то она проявляется и в труде также более высокого качества, и воплощается поэтому, в течение одного и того же времени, в стоимостях, имеющих сравнительно большую величину» (Капитал, т. 1, стр. 151).

Сложный труд на известной ступени перестает быть трудом механического (в широком смысле) исполнения и становится трудом руководства, управления, заведывания всем общественным трудом. Это именно труд привилегированных наемников капиталистического строя, труд «интеллигенции», армии умственных рабочих. «Высокой меновой стоимостью» он обладает потому, что в его меновой стоимости заключаются «издержки на образование и обучение», т. е. на вознаграждение воспитателей и на содержание воспитанников.

Капиталистическое общество пользуется, для приготовления необходимых ему интеллигентных сил, своим специальным фондом, «чистым доходом нации», общей суммой национальной прибавочной стоимости. «Чистый доход» буржуазного общества находится в руках буржуазных семей в виде их наследственной собственности. Каждое по-

²⁷ Такое заключение позволяет прямо сделать, между прочим, примечание на стр. 151, 152, 1-го тома «Капитала».

коление привилегированных наемников, интеллигенция, поглощает во время своего воспитания сумму национальной прибавочной стоимости. Таким образом, они становятся «высоко квалифицированной рабочей силой», силой «высшего качества», «высшей меновой стоимости». Это значит: именно в силу того, что они поглотили известную сумму прибавочной стоимости, они, по логике строя грабежа, приобретают право и далее взимать, под видом платы за воспитание, неоплаченный продукт чужого труда, труда пролетария. И все это плата за их индивидуальные способности! Присвоенную, под видом вознаграждения за труд «высшего качества», прибавочную стоимость буржуазное общество передает своему потомству, и величайшее богатство человечества — знания, наука — делается наследственной монополией привилегированного меньшинства. Только члены этого наследственного привилегированного меньшинства могут быть силой «высшего качества»; все же остальные миллионы владеют наследственной монополией рабского ручного труда. Только в среде наследственной буржуазной монополии могут рождаться таланты, мыслители, изобретатели. Для того, чтобы наследственная монополия могла «справедливо» реализовать свои собственные «особые индивидуальные знания и способности», у пролетариата ограбили не только наследие всех веков, но и его способность пользоваться нормальным образом своим естественным органом — мозгом.

Классовый интерес привилегированных наемников, как бы сильно они не увлекались в своей борьбе с «промышленным феодализмом», «социалистическими планами», повелевает охранять частную наследственную собственность. Родбертус, начертавший замечательный план коммунистического строя с классовым господством «участников национального дохода» над создающими его трудящимися классами, достигает этой основной цели своего классового интереса, удерживая «священную для всякого строя» наследственную семейную собственность.

Соц.-дем.-ие принципы спокойно допускают в организованном ими пролетарском движении наличность общественной силы — классового интереса умственных рабочих — которая, по самой своей природе, не может стремиться к уничтожению классового строя. Эти силы и удерживают пролетариат от непосредственного стремления к социальному перевороту, поучая его, что для конечного освобождения, которое пока невысказано, нужно еще продолжительное политическое воспитание рабочего класса.

В угоду этой силе соц.-дем.-ия является революционной только там, где нужно бороться за политическую свободу. Если в Германии абсолютизм уже слишком грубо напомнит о своем существовании или если у соц.-дем.-его оппортунизма появится уж слишком бесстыдное стремление примириться даже с абсолютизмом, то Каутский, при-

помяная красное словечко — «диктатура пролетариата» — начнет отрицать всякие национализации на почве современного строя Германии и отложит их до «диктатуры». Стало быть, он как будто все еще так непримирим, что при существующем государстве отрицает возможность какого-либо социалистического строительства. Но в европейских демократиях соц.-д.-ия стоит беспрекословно за законное достижение цели, прекращает всякие разговоры о диктатуре, формулирует свое социалистическое дело совместно с крайними радикалами, как дело государственного социализма, как «постепенное» обобществление средств производства по мере того, как концентрация капиталов делает это возможным (формулировка Мильерана 96 г.) и нисколько не смущается, что этим будет усиливать господствующий класс. И Каутский не смущается: он уверяет, что в демократии господствует... народ. В Англии соц.-дем.-ты тоже стоят за мирное достижение целей беспрекословно. Но этим они лишь усиливают фабианцев, наиболее резко защищающих «мирный способ», формулирующих социалистическое дело, как стремление «передать в общественное управление те промышленные предприятия, которыми в настоящее время обществу удобно заведывать». Но того же самого — в форме проектов «перевода в государственную и муниципальную собственность наиболее рентнирующих предприятий» — требуют и буржуазные радикалы, совсем не желающие называть себя социалистами. Наконец, такие же самые радикалы держат в своих руках управление Швейцарией и готовы перевести целый ряд отраслей промышленности в государственную собственность, конечно не ради того, чтобы проложить ступени к новому строю, а ради собственного господства, которое, как хорошо чувствуют швейцарские рабочие, нисколько не мягче господства капиталистов.

Итак, социалдемократия откладывает социалистическое дело до поры завоевания демократии. Но в демократии оно переходит у нее в «постепенное, по мере возможности, обобществление и в государственный социализм, отдельные стороны которого осуществляют буржуазные радикалы в форме выкупа "наиболее рентнирующих предприятий", выкупа, производящегося, конечно, для укрепления господства буржуазии». Так в социалдемократической деятельности улетучивается пролетарский социализм. Пролетариат, конечно, не желает выкупов: его освобождение требует экспроприации буржуазии во всех ее владениях и привилегиях. Но до тех пор, пока он думает в сотрудничестве с интеллигенцией «экспроприировать» «небольшое число капиталистов и крупных земельных собственников» — до тех пор он никого не экспроприирует. Мнимый союзник, хорошо зная, что экспроприация буржуазии, раз начатая пролетариатом, закончится экспроприацией его самого, только и делает, что всеми силами удерживает пролетариат от всякого приготовления к экспроприации.

ПРИЛОЖЕНИЕ

МАЙСКАЯ СТАЧКА

ВОЗЗВАНИЕ

(Апрель 1902 года)

Уже несколько лет начало мая каждого года причиняет русскому правительству неисчислимыя заботы. В эти дни рабочие готовятся бунтовать. Нужно стало быть защищать от нападения рабочих масс богатство, созданное веками и заграбленное господствующим обществом: нужно охранять праздность, роскошь и разврат богачей; охранять жирные оклады чиновников, многотысячные доходы всех правящих и ученых людей; нужно защищать все тунеядство образованного буржуазного общества, выкармливаемого так тучно руками рабочего класса, в то время, когда, по городам и деревням России гибнут голодною смертью сотни тысяч людей.

За рабочими волнениями, за рабочим движением вообще, зорко следит все буржуазное общество. Не только жандармы и прокуроры, но и ученые профессора и писатели исследуют, какие из мыслей и стремлений рабочего подлежат истреблению, как «преступные», т. е. вредные для существования построенного на грабеже современного общества. Они старательно взвешивают, что можно разрешить рабочим, не подвергая опасности столь сладкой для эксплуататоров неволи рабочих масс.

За рабочим движением зорко следят и пользуются им, как средством для своих целей, те слои образованного общества, которые при русском самодержавном строе не допускаются до полного господства в стране, до всех высших должностей власти; пользуются рабочим движением те массы непристроившейся интеллигенции, которая видит, сколько можно было бы выстроить в громадном русском государстве прибыльных и тепленьких местечек, способных накормить по-барски всех страдающих интеллигентов, и, не устраивающихся однако только вследствие невежественного управления, жандармов и попов. Интеллигенция наблюдает за рабочим движением и с нетерпением спрашивает, когда же наконец рабочий народ своею борьбою выстроит для нее тот рай, которым давно пользуется образованное общество Западной Европы.

К 1 мая, т. е. ко дню, когда рабочие всего мира задумываются и обсуждают свое положение, они получают со стороны образованного общества всевозможные советы.

1 мая, говорят почтенные социалистические ученые, есть праздничный день, который рабочие в своих товарищеских обществах дол-

жны проводить в торжественном настроении, думая о том отдаленном дне, когда не будет ни богатых, ни бедных, ни капиталистов, ни рабочих. Этим социалистическим учением, которое советует рабочим в день борьбы молиться, буржуазия так же довольна, как были довольны когда то дворяне проповедью попов о том, что крепостной рабочий люд за нужду, страдания и помещичьи плети будет вознагражден Богом в загробной жизни.

В день 1 мая, говорит русская революционная интеллигенция, рабочие должны устраивать повсюду политические демонстрации против самодержавного правительства; должны требовать, чтобы государство управлялось по воле всего народа, свободно выбирающего своих правителей, как это происходит на Западе, где народ правит сам.

Хорошая сказка! Еще полвека тому назад французское правительство, выбранное «по воле всего народа», без самодержавного царя, без наследственного монарха, демократическое, республиканское правительство показало, что умеет избивать рабочих далеко не хуже самодержавного. Это правительство, «выбранное свободно народом», перебило на улицах Парижа в 4 дня не один десяток тысяч рабочих. В той же Франции другое республиканское правительство такую же резню повторило лет двадцать спустя. И современные демократические правительства, выбранные всем народом, как французское, английское, североамериканское, умеют, конечно, расстреливать бунтовщиков рабочих, чтобы заставить их вспомнить о том, что они рабы.

Немецкие рабочие лет тридцать тому назад с величайшим воодушевлением приступили к выборам в правящий Германский парламент своих социалдемократических депутатов. Эти депутаты обещали тогда немедленно и окончательно освободить рабочий класс, лишь только рабочие выберут их в большом количестве. И вот, в настоящее время, после того, как немецкие рабочие, напрягая всячески свои силы и собирая свои гроши, выбрали своими депутатами несколько десятков человек, эти социалдемократические, эти рабочие депутаты начинают объяснять, что невозможно приступить теперь к освобождению рабочего класса, что на земле произошли бы величайшие бедствия, если бы рабочий класс вдруг победил и захватил в свои руки власть.

Французские рабочие последовали недавно в своей политике примеру немецких. И вот они уже дождались таких своих «представителей», из которых вышел вернейший слуга французской буржуазии и лучший друг русского жандармского правительства, министр Мильеран, допускающий без колебаний распоряжения о расстреливании рабочих.

Итак, если рабочие выбирают в правительственные учреждения своих социалдемократических представителей, то из этих представителей мало по малу вырастают не освободители рабочего класса, а его новые господа. Почему это?

Во всем мире, существует ли в стране самодержавное правительство, или же «правительство избранное народом», закон гласит не волю народа, а волю, заграбившего все земные блага, господствующего общества. Это общество, владея всеми материальными богатствами, владеет поэтому и всеми человеческими знаниями, которые для всего рабочего народа оно делает недоступною тайною. Рабочему классу по законам грабителей полагается только *народное* образование, т. е. невежество в сравнении с господствующим ученым миром. По этим законам грабежа громаднейшее большинство человечества приговорено рождаться рабами, начинать с малолетства каторгу физического труда, приговорено выростать из поколения в поколение, как низшая необразованная раса людей, способная только к физическому труду, к механическому исполнению приказаний господ; господа же, заграбив все средства, воспитывают всех своих детей, — сколько ни будет тупейших голов в их числе, — в высшую расу, призванную править.

При таких грабительских законах, назначает ли управляющих в стране самодержавный царь, выбирает ли их народ, — и в том и в другом случае правительство состоит из интеллигентов, которые умение управлять передают в наследство только своему потомству, оставляя для большинства человечества рабский, каторжный физический труд. Уничтожить это состояние, в котором миллионы еще до рождения обречены на невежество и рабский труд; упразднить правительство, выражающее этот закон, закон грабежа и человеческой неволи, сможет лишь всемирный заговор рабочих, всеобщее в единомушной забастовке восстание рабочего класса, когда это восстание вырвет богатства созданные веками из рук господствующего образованного общества и отдаст во владение всех, объявляя каждое человеческое существо равноправным наследником всех человеческих богатств и знаний.

Уверения же в том, что рабочему классу достаточно упразднить самодержавную власть и завоевать всеобщее избирательное право для того, чтоб иметь возможность участвовать в управлении государством, — есть старая сказка, тысячу раз повторяемая всевозможными буржуазными политиками — обманщиками.

Рабочие, обсуждая вопрос о том, как устроить 1-е Мая, не могут доверять науке, не могут доверять революционной интеллигенции и ее бесчисленным листкам, которые в настоящее время только и делают, что громко и нахально повторяют эту старую сказку.

Но ведь, говорят, у русских рабочих есть во всех больших городах социалдемократические комитеты. Неужели и эти комитеты, в состав которых входят и сознательные рабочие, не указали верного пути для пролетарской борьбы?

Социалдемократические комитеты готовят рабочих организаторов и агитаторов, готовят каждый год первомайский празд-

ник, в многочисленных листовках призывают рабочих выступить смело в этот день на борьбу. Но когда, в ответ на эти призывы, рабочие вдруг поднимутся целыми массами, как в Петербурге в прошлом году, или целым городом, как было три года назад в Риге, и в шумных стачках выставляют свои действительно рабочие требования, — тогда на месте борьбы не видно никаких социалдемократических агитаторов и организаторов; ни один комитет и не подумает о том, чтоб распространять вспыхнувшую забастовку, увеличивать силу поднявшихся масс, у с и л и в а т ь р а б о ч и е т р е б о в а н и я.

Вот когда в феврале прошлого года полиция на Казанской площади побила студентов и петербургскую интеллигенцию, тогда все соц.-дем.-ие листки и газеты в один голос закричали, что, после такого возмутительного безобразия, рабочие обязаны выступить немедленно на улицу и без всяких рассуждений идти под пули и штыки. Понятно! Слышанное ли дело? На Казанской площади били благовоспитанную публику, приличную публику, а не какую то чернь, способных к буйствам стачечников, как в Риге...

На улицах Риги не просто колотили нагайками и прикладами, как теперь разделяются со студентами и интеллигенцией, а перестреляли и перекололи более полусотни рабочих. Но так как там люди гибли за рабочее дело, а не за дело близкое сердцу интеллигенции, то соц.-дем.-ие комитеты не считали нужным подымать по всей России такой шум, какой они подымают теперь из-за студентов. Ни одному соц.-дем.-ому комитету и в голову не пришло призвать рабочих других городов к возмущению против зверской расправы и резни рабочих в Риге, к ответу на насилие еще большим повсеместным бунтом, как проповедают это теперь...

Такие бурные стачки, как Рижская, соц.-дем.-ие комитеты свысока называют стихийными волнениями бессознательных невежественных масс, считают их делом ненужным и бесполезным и, во время таких массовых волнений, советуют обыкновенно своим сознательным рабочим быть спокойными, сидеть по домам.

Итак, когда обижают образованных людей, ты, рабочий, должен возмущаться до такой степени, что хоть сейчас бомбы бросай; когда же расстреливают в массовых стачках рабочих, — сиди спокойно и призывай к спокойствию. . . . Так рассуждают социалдемократические комитеты, представители рабочего класса...

Если еще недавно эти «представители» начинали свою работу так называемой экономической борьбой, т. е. устраивали стачки за уменьшение тяжести фабричного труда и увеличение заработной платы (проявляя в этой борьбе необыкновенную осторожность и умеренность, конечно), то теперь они, не стесняясь, поясняют старым русским революционерам и всей интеллигенции, что э т у борьбу они вели не ради ее са-

мой, а для того, чтобы заинтересовать рабочих в политике и вовлечь их в борьбу, для того, чтоб в настоящее время студенты имели в рабочих своих горячих защитников, чтобы все либеральное общество, в своей ссоре с царем, имело за собою народные массы (так напр. объясняет задачу русской соц.-дем.-ой партии основатель ее — Плеханов).

С прошлого года все соц.-дем.-ие комитеты начали утверждать, что теперь время не экономической, а политической борьбы. Все вновь учреждаемые комитеты, как напр. сибирские, не думают даже начинать с экономической борьбы, а призывают рабочих прямо к политической демонстрации. Они полагают, что, не выбросив рабочему даже того гроша, что бросали раньше, они могут посылать его под штыки и пули за дело интеллигенции.

Прошлогодний съезд еврейских соц.-дем.-их комитетов решил, что в экономическом отношении рабочий уже получил почти все, что ему можно было дать, и потому в настоящее время нужно вести политическую борьбу и осуществить все мечты еврейской интеллигенции, т. е. сделать доступными для нее все высшие должности в государстве, все те места и жирные оклады, которых она, вследствие своего неравноправия, получать не может.

Петербургский комитет по поводу обуховской стачки извещает, что в настоящее время по всей России кризис, что сами хозяева находятся в затруднении, и что поэтому рабочие, остающиеся без работы, должны оставить экономическую борьбу и заняться политикой. Значит, тогда, когда рабочие гибнут с голоду и ищут хлеба, они должны только требовать, чтобы правительство не угнетало интеллигентов и всех их поставило на, полагающихся им по законам грабежа, почетных местах.

Когда в прошлом году рабочие стали помогать студентам, возликовало все русское образованное общество, ибо оно решило, что с этого времени рабочие будут помогать ему совершенно даром. Вся революционная интеллигенция сделалась вдруг соц.-дем.-ой, поняв, что это учение построено сообразно ее стремлениям. Оно неустанно твердило о невозможности в России пролетарской революции только для того, чтобы русская интеллигенция могла устроить свою буржуазную революцию, а рабочие служили бы лишь пушечным мясом. Теперь интеллигенция уверена, что это ее дело налаживается. Соц.-дем.-ие комитеты уже давно издали соответственные распоряжения. Рабочим не следует в день 1-го мая затевать стачек для облегчения труда, а нужно устраивать демонстрации «резко политического характера», уличные шествия со знаменем, на котором начертано: «долой самодержавие». Когда все-таки петербургские рабочие устроили в мае ряд стачек и целые недели упорно дрались с полицией и войсками, петербургский ко-

митет остался в высшей степени недоволен. Ясно, что рабочие будут устраивать 1 Мая наперекор всем комитетам за свое дело.

«Сознательные» рабочие! Вы, которые участвуете в соц.-дем.-их комитетах, отбросьте басни, которыми ум ваш опутала фарисейская наука, басни о «незрелости» промышленности и пролетариата для социализма, об «узких и несоциалистических интересах рабочего» и о «возвышенных идеях» интеллигенции; отбросьте эти басни хоть на минуту и вы услышите мощный голос рабочих масс, громко раздающийся в мае каждого года. Вы поймете, что наука говорит лишь то, что нужно образованному обществу для господства над пролетариатом; а что нужно рабочему — знают прежде всего сами рабочие массы. И вы дослушаете голос этих масс до конца, ибо они говорили не раз, говорили в такое время, когда на них направлялись штыки и пули.

День 1-го Мая, говорят эти массы, не есть день возмущения против самодержавия за то, что оно недопустило еще до управления все образованное буржуазное общество. Майская борьба есть возмущение против того рабства, в котором вы еще до рождения обречены на голодовки, невежество, каторжный труд и безропотную службу у ученого мира; возмущение против грабежа, по которому только все потомство владеющих классов является наследником человеческих богатств и знаний, и всякий идиот из них является вашим господином.

Эти же невышколенные социалдемократами рабочие массы, которых вы считаете ничего не понимающими, выбирают путь борьбы так верно, что, в сравнении с ним, все выдумки ученых людей о путях «освобождения пролетариата» являются очевидным обманом.

Рабочие массы в день первого мая не бегут на демонстрации охраняя знамя интеллигента. Они ставят требования смягчения условий труда, и ставят их с тем, чтобы их удовлетворили немедленно. Они не «демонстрируют в пользу» сокращения рабочего дня, как выдумала соц.-д.-ая интеллигенция для того, чтобы дать возможность отвечать на требования рабочих обещаниями, надувать их, как надувают их всегда в течение десятков лет, обещая каждый год провести через парламент 8-ми часовой рабочий день.

Рабочие массы ставят требования не потому, что дела их хозяев удачны или неудачны, а потому что почувствовали себя людьми и возмущаются против своего рабского положения. И поэтому необученные интеллигенцией массы понимают, что их дело не в умной политике, не в законных основаниях, а в силе и численности возмущившихся; что требования будут тем сильнее и выше, чем шире стачка. И потому рабочие массы употребляют в борьбе то безошибочное средство, до которого соц.-дем.-ие программы никогда не додумываются. Они первым делом расширяют стачку. Бросив работу на своей фабрике, идут массово в соседнюю, чтобы и ее остановить. Так поднимаются целые города.

«Революционная» интеллигенция понимает, что распространение такой борьбы на все государство означает начало пролетарской революции. А так как это упразднит не только жандармов, не только капиталистов, но отнимет имущество у самой интеллигенции, то ей не остается ничего другого, как назвать такие волнения «дикими взрывами черни» и надеяться, что царские штыки сумеют эту чернь успокоить.

Но от вас, «сознательные» рабочие, массы ожидают другого. Указывая на те мертвые тела, которыми из года в год они покрывают улицы то одного, то другого города, они давно призывают вас оставить интеллигенцию и ее планы буржуазной революции и работать для рабочего дела, для повсеместного заговора рабочих, для майской всеобщей забастовки.

ЧАСТЬ II

НАУЧНЫЙ СОЦИАЛИЗМ

1905

Настоящая брошюра составляет II часть сочинения, которое хотя и давно написано, но распространено до сих пор в России в очень незначительном количестве экземпляров, напечатанных на мимеографе. Эту брошюру, как и переизданную недавно I часть, следовало бы снабдить значительными дополнениями. Однако, по недостатку нужного для этого времени, ее приходится перепечатать в неизменном виде. Впрочем, все необходимые разъяснения, относящиеся к той программе, которую защищает брошюра, читатель может найти во вновь написанном предисловии к I части «Умственного рабочего».

Дополнить в надлежащей степени первые главы брошюры, заключающие критику экономической доктрины научных социалистов, представляется делом очень сложным: для этого требовалось бы, собственно говоря, заново переработать эту часть сочинения, чтобы придать как критике, так и критикуемой доктрине более общее, более популярное изложение. В момент составления брошюры эта популяризация не представлялась столь необходимой. Тогда было проще всего, приняв во внимание обширную разработку Марксовой доктрины, именно II тома «Капитала», которую дал легальный марксизм, приурочить собственное исследование к тем экономическим темам, которые сделались широко доступными благодаря горячей полемике, сначала между народниками и марксистами, а впоследствии между ревизионистами и ортодоксами. В настоящее же время, когда разработка марксистами их экономической теории прекращена, и позабыта недавняя полемика по этому вопросу, наша брошюра оказывается недостаточно общедоступной и популярной. Но для читателей, знающих поближе экономическую доктрину Маркса и ее значение для современного социализма, вся брошюра представляет в данный момент тот же интерес, что и пять лет тому назад, когда она была написана.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Эволюция социалдемократии за последний год дала два крупных факта: завоевание соцдемократией министерского кресла во Франции и окончательное решение «бернштейниады» в Германии.

Первый из этих фактов показывает, что общественная сила, обещавшая недавно немедленно упразднить классовый строй, допускается к управлению в этом строе для укрепления господства над эксплуатируемыми массами.

Некоторые из французских социалистов протестовали против участия Мильерана в «буржуазном правительстве». Но как бы нарочно, для обнаружения беспочвенности — с социалдемократической точки зрения — их протеста, история выбрала оппортунистический шаг Мильерана непосредственным поводом для объединения, почувствовавших только теперь свое единство, различных социалдемократических фракций. Впрочем, протест производился не столько против «участия в буржуазном правительстве», сколько против «состава министерства», вынуждавшего «товарища» сесть рядом с усмирителем коммуны. Но в последнем обстоятельстве заключается известный фатализм, помрачающий социалдемократическое счастье, фатализм, с которым она должна примириться: ее допускают к управлению только при соблюдении одного строго определенного условия: ни один орган гнета и насилия не должен быть этим допущением ослаблен: наоборот, социалдемократия должна войти в эти органы для того, чтобы этим укрепить их существование. И в данном случае социалдемократия раньше или позже придет к заключению, что в конце концов нет ничего особенно предосудительного в совместном сотрудничестве Мильерана с Галлифе. Ведь и «коммунары», по убеждению некоторых немецких марксистов (Фольмар), ... «лучше сделали бы, если бы пошли спать, вместо того, чтобы драться на баррикадах». Поскольку, значит, безрассудны были коммунары, постольку, вероятно, была разумна «политика» Галлифе, сдерживавшая мощной рукой «безрассудства коммуны», вызвавшие напрасное пролитие стольких потоков крови.

Бернштейн, провозглашая преступность всякой попытки восстания против «воли народа» в западно-европейских демократиях, проклиная всех «кровожадных» бланкистов-революционеров, признавая таким бланкистом и Маркса в эпоху составления «Коммунистического Манифеста» и самым внушительным образом обещаая буржуазии очистить Маркса-ученого от противоречащих его науке агитаторских идей и фраз, — пускает, очевидно, в ход самые радикальные средства приумножения социалдемократических министерских портфелей. Два основных момента пролетарской мысли: экономическое учение об эксплуатации и пролетарский материализм, — отвергаются Бернштейном окончательно, путем низведения значения трудовой теории стоимости до уровня всякой другой экономической теории, напр. теории редкости, и превращения «экономического материализма» в «эклектическую», по выражению Плеханова, «сортучку материализма с идеализмом». Социалдемократия, уверявшая, что оба эти момента пролетарского сознания могут быть выражены только учением Маркса и могут быть удержаны только сохранением каждой буквы этого учения; социалдемократия, оставляющая Бернштейна (с его многочисленными учениками) и на будущее время своим признанным теоретиком и законным душеприказчиком Маркса и Энгельса, этим самым свидетель-

ствует, что своею ортодоксией она лишь доводит упомянутые два момента до их упразднения.

Бернштейн родился не вне социалдемократии, а под «безошибочным» знаменем научного социализма. Гановерский партейтаг признал появление Бернштейновых «Предпосылок социализма» явлением вполне нормальным для партийной литературы, а толкование научного социализма, предложенное им и дошедшее до отрицания двух основных моментов пролетарской мысли, — толкованием возможным. Сам Бернштейн признал социалистическое знамя научного социализма довольно широким для того, чтобы под ним укрылись все его современные ученики, а они одновременно ученики Шульце-Гевефриков, и даже Адлеров, т. е. заведомых «пожирателей социализма».

Пересмотру таким образом подлежат все основы научного социализма, вплоть до выставленной им «конечной цели».

Указать ту общественную силу, которая в лице социалдемократического поппулизма пользуется рабочим классом, как средством для достижения своего участия в управлении буржуазным строем, т. е. в господстве над эксплуатируемыми массами; показать почему и каким образом эта сила могла беспечно развиваться под крыльями «научного социализма» и насколько социал-демократическая «конечная цель» установлена сообразно ее интересам, — такова задача этого второго нашего письма об «умственном рабочем».

Восточная Сибирь, 1900 год.

Глава 1

ЧЕГО ТРЕБУЕТ ДЛЯ РАБОЧИХ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДОКТРИНА МАРКСА

После выхода в свет 1-го тома «Капитала», Родбертус написал о нем между прочим следующее:

«...В моем 3-м социальном письме я показал, в сущности, так же, как и Маркс, откуда происходит "прибавочная стоимость капиталиста". Но Маркс "не указывает, ... что рабочий никогда не может сделаться собственником своего продукта, а только может иметь право получать в форме дохода часть своей стоимости"... "В общем, Марксова книга не есть исследование о капитале, а полемика против современной формы капитала, которую он смешивает с самим понятием капитала; отсюда и проистекают его ошибки"... Он "сильно... заблуждается, ... когда считает аномалией тот социальный факт, что рабочий получает не всю стоимость своего продукта, между тем, как это есть нормальное состояние всякого общества"». (В предисловии издателя «4-го социального письма к Кирхману».).

В вышеприведенных замечаниях Родбертус затронул самый существенный для него пункт. Но в то же время этот пункт самый важный для пролетария. Если Родбертус, защитник привилегированного общества вообще и немецких прогрессивных аграриев в частности, в высшей степени чувствителен к существованию прибавочного труда, то пролетарий не менее его заинтересован в прямо противоположном.

Если первый недоволен туманным решением этого вопроса и желает поставить дело начистоту, то второй тем менее может довольствоваться неопределенным ответом.

Какой же ответ дает на данный вопрос учение Маркса?

Прямого заявления о том, что человеческое общество может обойтись без существования прибавочного труда, Родбертус не мог бы указать в обсуждаемом им первом томе «Капитала». Если мы станем искать такого прямого заявления в других сочинениях основателей научного социализма, Маркса и Энгельса, то найдем лишь одни неясные намеки на этот счет. Так в Анти-Дюринге Энгельс, утверждая, что плоды труда, получаемые от высококвалифицированной рабочей силы, будут принадлежать не индивидууму, а обществу, воспитавшему его, добавля-

ет: «Отсюда, между прочим, следует, что излюбленное притязание рабочего на «полную выручку труда» представляет собою кой-какие трудности» (стр. 234, изд. 94 г.). В той же книге автор разъясняет Дюрингу, что неклассовое общество, вырвав из рук капиталистов их функцию «аккумуляции», не может, однако, под угрозой застоя, упразднить ее (стр. 338).

В 3-м томе «Капитала» читаем: «Прибавочный труд вообще, как труд, превышающий данное количество потребностей, должен быть всегда. Но в капиталистическом или рабовладельческом и т. п. хозяйствах он имеет антагонистическую форму и дополняется бездеятельностью, праздностью известной части общества» (стр. 677).

В приведенных фразах, с одной стороны, нет очевидно и следа того, в чем уличает Родбертус Маркса; напротив, они скорее заключают идеи, против которых вряд ли мог бы что-либо возразить Родбертус, основной тезис которого заключается — в невозможности перехода в руки рабочего всей стоимости их продукта. С другой стороны, эти фразы не могут, конечно, составлять ответа на поставленный глубокий вопрос, ибо он представляет собою столь кардинальный пункт, что ответ на него дается экономистом не в форме фраз, уверений и обещаний на счет того, что будет и что должно быть; он отвечает на него всем своим учением. Доктрина Маркса несомненно представляет из себя такой ответ.

Но Родбертус, обеспокоенный самим «полемическим» тоном 1-го тома «Капитала» и деятельностью Маркса в Интернационале, со стороны которого он боялся нападения на «национальный капитал» («само понятие капитала») и национальный доход, не был уже в состоянии спокойно разглядеть за «полемикой против современной формы капитала» тех абстрактных основ доктрины, которые могли бы его успокоить: перед ним еще не раскрылась эволюция марксизма, те стороны его, за которые, как за гарантии мирного эволюционного развития, столь сильно в настоящее время обожают марксизм различные Зомбарты.

Ответ на основной тезис Родбертуса нужно искать не только в той части «Капитала», где, казалось бы, можно найти на него прямой ответ; не только в части, раскрывающей и исследующей эксплуатацию рабочего в современном строе (мы видели, что, сосредоточив здесь все свое внимание, Родбертус прочитал у Маркса то, чего у него нет), но и в той части, где рассматриваются столь абстрактные, и с виду не связанные с данным вопросом, понятия, как общественный продукт и общественный доход, условия человеческого труда вообще, двойственный характер труда и т. д.; или, выражаясь языком новейших критических марксистов, не только в социологической стороне Марксова учения, но и в чисто экономической; не только там, где он выступает, как изблитель и критик капиталистического строя, но и там, где он выступает,

как ученый, вводящий лад и порядок в «чистую науку», политическую экономию, куда предыдущие экономисты «внесли такую путаницу понятий».

Если бы Родбертус мог предугадать дальнейшую эволюцию марксизма; если бы ему были известны следующие томы «Капитала», заключающие уже не только чистую «полемику», но и настоящее «исследование» о капитале, в особенности II-й том, заключающий, по мнению Бернштейна, «наиболее зрелые плоды Марксова творчества», он не счел бы нужным сделать Марксу вышеприведенных резких возражений; наоборот, как будет показано дальше, он увидел бы в основах Марксова учения достаточное обеспечение для своего коренного постулата о невозможности перехода в руки рабочего всей стоимости продукта.

Эволюция соц.-дем.-ии показала, что можно призывать рабочих на борьбу против грабителей капиталистов и в то же время убеждать их в том, что в их интересах оставлять пока при жизни капиталистический строй, «отклонять окончательное столкновение», как говорит Каутский. Вся политика современной соц.-дем.-ии сводится к тому основному принципу, по которому пролетариат обязан, вследствие измены буржуазии делу свободы, взять это дело на себя, завоевать во что бы то ни стало демократию, хотя он и знает, что именно в демократии проявляется вполне весь классовый антагонизм и вся, в полном ее объеме, сила буржуазии. Можно организовать против капиталистов «рабочие батальоны» и одновременно проповедывать им «борьбу на жизнь и смерть» за новую политическую форму буржуазного господства, напр., за независимость польского буржуазного государства, как это делает П. П. С., или за конституционный строй, за полное, при его посредстве, господство буржуазии в России, как проповедует Р. С. П. Одним словом, соц.-дем.-ия повсюду проявляет это двойственное отношение к «горсти эксплуататоров», немедленной гибели которых она как будто жаждет, с одной стороны, и с другой — ко всему современному классовому строю, падение которого она откладывает до бесконечности, так что у нее являются возможными в будущем такие модификации этого классового строя, за которые стоит идти в «борьбу на жизнь и смерть». Спрашивается, не проявляется ли это двоякое отношение в самой теоретической основе соц.-дем.-ии, в доктрине научного социализма, в экономическом учении Маркса?

Эксплуатацию рабочего класса в современном обществе Маркс раскрывает в пределах отдельного капиталистического предприятия. Это, так сказать, ревизия счетов капиталиста, определение той суммы неоплаченного труда—прибавочной стоимости, которая получается, если из суммы, выроченной капиталистом от про-

даже товаров, вычсть ту сумму, которую он затратил на приобретение «объективных и субъективных факторов производства». В этих то пределах, в сфере отдельного капиталистического предприятия, а не в сфере всего капиталистического производства Маркс устанавливает все экономические понятия и категории, необходимые для его учения, и затем, когда это нужно, целиком переносит их на общественное хозяйство. Таким образом, именно при ревизии счетов отдельного капиталиста, взимание всей стоимости, созданной рабочим сверхстоимости необходимых для него средств существования, называет категорически эксплуатацией. Уничтожение эксплуатации выводит, повидимому, отсюда Родбертус, означает переход всей стоимости продукта в руки рабочего. Но Родбертус забывает, при этом, об очень существенной «поправке», вносимой Марксом, указанием на историческую роль капиталистического накопления. Указанная эксплуатация, конечно, грабеж чужого труда, но грабеж, создающий в конце концов такие прекрасные и полезные вещи, как чудеса современной промышленности; грабеж, благодаря которому современный способ производства является «машиной для развития производительных сил человечества», создавая «предпосылку» для будущего неклассового строя.

Рабочий день разделяется только на две части: необходимый труд, возобновляющий необходимые для рабочего средства существования, и прибавочный, создающий доход капиталиста. Известна резкая нападка Маркса на Сеньера, старавшегося показать, что большую часть рабочего дня рабочий употребляет на воспроизводство стоимости потраченных в производстве орудий... Развитие техники, удешевляя рабочую силу, увеличивает все больше прибавочную стоимость... При определении нормы эксплуатации постоянный капитал нужно приравнять нулю. Этот прием опять несколько смущает Родбертуса, дрожащего за существование своего излюбленного «национального капитала». Но он дрожит напрасно. Приравнение к нулю постоянного капитала в расчетах капиталиста не значит уничтожение «самого понятия» общественного капитала. Рабочий другою стороною своего труда, его характером «полезности» сохраняет стоимость капитала, переносит ее на продукт.

Итак, в пределах отдельного капиталистического предприятия рабочий день индивидуального рабочего состоит только из двух частей: из необходимого труда, постоянно уменьшающегося (стоимость рабочей силы) и из прибавочного (неоплаченного) труда, постоянно растущего с ростом производительности человеческого труда, или, употребляя старые термины политической экономии, из «дохода» рабочего — доли уменьшающейся, и из дохода эксплуататора — доли растущей.

Как же обстоит дело с эксплуатацией и с нормой эксплуатации

рабочего класса во всем капиталистическом производстве? Делится ли и там общественный рабочий день, а значит и весь общественный труд создающий стоимость, только на такие же две части? Специального отдела, посвященного рассмотрению этого вопроса, в «Капитале» нет. Указав эксплуатацию в пределах отдельного предприятия, Маркс не считает нужным представлять ее образ и анализ при рассмотрении всего общественного производства. Если в последующих томах «Капитала» он рассматривает капиталистическое производство в его целом, то это производится уже с чисто «экономической, а не социологической» точки зрения, для целей «истинно — строго научных». Так в III-м томе исследуется движение всего общественного продукта при помощи всех категорий, полученных при анализе индивидуально-го хозяйства и просто переносимых на общественное: изучается соотношение и распределение «общественного постоянного капитала», «общественного переменного капитала», «общественной прибавочной стоимости», причем анализ прибавочной стоимости и эксплуатации считается давно законченным. Эту часть «Капитала» особенно ценят русские ученики Маркса (по какой причине, будет видно из дальнейшего), как анализ «реализации продукта в капиталистическом хозяйстве», «распределения капиталистического производства, как теорию «внутреннего рынка для капитализма». Они популяризовали эту часть «Капитала» во множестве журнальных статей, монографий и книг. Но мы рассмотрим этот отдел, наблюдая, какое положение и соотношение занимает в Марксовом обзоре всего производства общественная прибавочная стоимость; и тогда двоякое отношение соц.-дем.-ии к «горсти капиталистов» и к классовому строю, составляющее ее сущность, проявится перед нами в доктрине Маркса самым наглядным образом.

При изучении «отвлеченного», «чисто научного» вопроса политической экономии «об общественном продукте и общественном доходе» нужно — говорит Маркс, — прежде всего разделить все общественное производство на два подразделения: I — производство средств производства и II — производство средств потребления. В каждом из этих двух подразделений имеются те же элементы, что и в индивидуальном хозяйстве: постоянный капитал (с), переменный капитал (v), прибавочная стоимость (m). Валовой годичный продукт каждого подразделения распадается, следовательно, как и стоимость каждого единичного товара, на $c+v+m$ (Кап. II, 298).

Затем следует у Маркса очень интересная для нас оговорка, напоминающая, что дело идет именно об общественном, а не индивидуальном производстве.

«Только часть стоимости приложенного капитала потребляется вполне. Другая часть основного капитала — машины, постройки и пр. — продолжает существовать и действовать по-прежнему... Этой части стоимости основного капитала для нас не существует, если отвлечься от того способа исследования, который был употребляем... при изучении стоимости продукта единичного капитала... Там вы видели, что стоимость изношенной части капитала переносится на товарный продукт... все равно, возмещается ли, или не возмещается часть этого основного капитала, в продолжение этого времени, натурою из этой перешедшей стоимости. Теперь же, при изучении общественного валового продукта и его стоимости, мы принуждены, по крайней мере на время, оставить в стороне ту часть стоимости основного капитала, которая, снашиваясь в продолжение года, переходит на годичный продукт, если только этот основной капитал не замещается вновь натурою в продолжение года» (там же).

Приняв затем, что «от прошлого имеется 6000 единиц стоимости общественного постоянного капитала», из которых 4000 предназначены для I подразделения, а 2000 для II; предположив, что во всем общественном производстве отношения переменного капитала к постоянному = 1/4, а норма эксплуатации = 100%, Маркс обнимает все общественное производство в следующую схему, выражающую простое воспроизводство:

«Подведя итог всему годовому товарному продукту:

I 4000c + 1000r + 1000m = 6000 средств производства

II 2000c + 500r + 500m = 3000 предметов потребления —

получим валовую стоимость = 9000, откуда, согласно предположению, исключен основной капитал, продолжающий действовать в своем натуральном виде» (там же).

Из приведенной схемы Маркс делает следующий вывод по интересующему нас вопросу о размерах отнимаемой у рабочего доли произведенного им продукта: из полученной, в результате всего годового труда, суммы = 9000, только 3000 произведены в текущем году (1000rI + 1000mI + 500rII + 500mII). Закрывающаяся в стоимости всего годичного продукта сумма 6000 произведена в прошлом году и перенесена лишь «полезным человеческим трудом» на продукт настоящего года. Так как в текущем году произведено только 3000, то и предметов дохода, предметов потребления имеется только на сумму = 3000. Из них у создавшего их рабочего отнимается половина и вручается в виде прибавочной стоимости капиталистам, как их доход; другая половина составляет стоимость не-

обходимых средств существования рабочих, «доход рабочих». Остальная сумма стоимости годового продукта в 6000 имеется в виде средств производства: она не может войти ни в чье личное потребление; ей предназначено играть в следующем году роль постоянного общественного капитала.

С первого взгляда все остается в полном порядке. Доктрина Маркса, хотя ей и пришлось «отвлечься от метода исследования, примененного при анализе индивидуального хозяйства», не проявила в сфере общественного производства никаких пробелов, не потребовала никаких дополнений. Но главное, полученный вывод, повидимому, удовлетворяет и пролетария и... Родбертуса. Для первого — его «пролетарское учение» не скрывает, так же, как и раньше, при расчетах с отдельным капиталистом, что значительная сумма, примерно целая половина произведенного рабочим продукта, отнимается у него эксплуататором. Для второго — исчез всякий резон опасаться за существование «национального» «естественного капитала», ибо этот последний, величиною в 2/3 годового продукта, представляется, по учению Маркса, в такой неприкосновенной форме (машины, фабрики и вообще орудия труда), что лишь сумасшедшие могли бы вздумать потратить его лично.

К сожалению, условия разбираемой «экономической проблемы», те условия, о которых упоминает сам Маркс в вышеприведенном замечании, не позволяют никоим образом сделать этот утешительный и удовлетворяющий всех вывод. Дело идет об общественном производстве. Если для отдельного капиталистического предприятия безразличен весь процесс создания тех орудий труда, которые оно потребляет, ибо находит таковые готовыми на рынке, то для всего капиталистического производства, очевидно, не найдется благодетельный производитель и продавец нужных ему орудий труда. Поэтому не надо забывать, говорится в вышеприведенном замечании Маркса, что вся взятая в расчет сумма постоянного капитала возмещается натурою в течение того же года. И, несмотря на это, вся реальность процесса «возмещения натурою» в капиталистическом хозяйстве средств производства исчезает из мысли Маркса; исчезает до такой степени, что он самым категорическим образом заявляет нам: от процесса «возмещения натурою» потраченных в текущем году орудий труда на сумму в 6000 не получается ни малейшей доли стоимости, произведенной в настоящем году, ибо в этом году произведено стоимости только на 3000.

Чем объяснить это странное «противоречие»? Недосмотр ли это? Можно ли говорить о недосмотре у такого «экономического гения», как Маркс? Конечно, нет. Учение Маркса о «мертвом труде», о «двойственном характере живого труда» оказывает такую неоценимую услугу, что

при свете ее большая часть реальной затраты труда рабочего класса оказывается не существующей и сходит со счетов.

Согласно Марксовой доктрине, «прошлый труд» обладает таинственным свойством, благодаря которому он, когда его «охватит пламя живого труда», переносит на продукт этого труда всю свою кристаллизованную в нем стоимость без специальной затраты для этого труда; соответственно с этим живой труд, работающий с помощью орудий, представляет двойственный характер: одной своей стороной он создает «новую» стоимость, другой он сохраняет стоимость «мертвого труда», в данном случае на сумму в 6000. Лишь только «пламя живого труда», по стоимости не превышающего 3000, «охватит», полученный по наследству, «мертвый труд», это столь небольшое «пламя» не только создает свое вещественное выражение в виде предметов потребления на сумму в 3000, но и «возмещает» стоимость 6000 в натуральном ее виде. Прибавлено «живого труда» лишь 3000, «траты человеческих мышц, нервов и т. д. — 3000», а получилось стоимости 9000. Разве это не чудо? Теория «мертвого труда» обладает, очевидно, присущим ей свойством, довольно бесцеремонно обращаться с живым трудом. Как просто, естественно исчезла вся реальность процесса «возмещения натурой» в капиталистическом хозяйстве потребленных средств производства. Тот постоянно происходящий процесс, который предоставляет рабочему лишь долю стоимости произведенного им продукта для поддержания его рабочей силы, а всю остальную известными путями переводит в карманы счастливых мира сего, как будто совсем не существует при образовании большей части общественного продукта (6000 единиц стоимости постоянного общественного капитала).

Неотъемлемость стоимости у продуктов «прошлого труда» не есть, конечно, явление вечное. И теория, усматривающая лишь нечто таинственное в процессе «перехода», «возмещения», «с о х р а н е н и я» стоимости «мертвого труда» в продукте живого труда и видящая в этой таинственности лишь непосредственный результат якобы общечеловеческих условий труда, не есть вечная истина. Таинственность этого процесса слишком достаточно объясняется «п р е х о д я щ и м и и м у щ е с т в е н н ы м и о т н о ш е н и я м и» современного классового мира, которые неизбежно должны создавать у владеющего человеческим богатством меньшинства стремление «с о х р а н и т ь» в общей сумме продуктов труда ту сумму стоимости, которая была бы предназначена для «возмещения» стоимости имеющегося в их руках «мертвого труда».

Это стремление, этот классовый интерес столь же неизбежно должен создавать экономические теории, которые учили бы нас о том, что большая часть стоимости продукта, полученного годичным трудом, не создана в текущем году, а «сохранена» лишь от прошлого труда, без

особой для этого «затраты человеческих мышц, нервов и т. д.». Поэтому марксист, даже наиболее радостно — по прочтении книги Бернштейна — настроенный по поводу того, что рабочие всегда будут предъявлять лишь умеренные, «разумные» и удобоисполнимые требования, должен быть приготовлен к тому, что пролетарий, вопреки Марксу и в борьбе с его «учениками», заявит, наконец, что он затрачивает «мышцы, нервы и т. д.» на сумму всей стоимости продукта, а не лишь части его. Но чем же поможет ему это его познание, спросит читатель, раз неоспорим тот факт, что большая часть произведенного продукта имеется в форме, не подлежащих личному потреблению, орудий труда? Чем поможет пролетарию познание того, что стоимость этих орудий производства произведена обыкновенною затратой его труда, если натуральная их форма не позволяет предъявлять требований на личное потребление всей их стоимости? Читатель напоминает нам о другой истине «новейшей» политической экономии, неразрывной с предыдущей и легшей в основу Марксовой схемы общественного производства; о той истине, которая озарила своим светом политическую экономию и сразу удалила из этой науки всю «путаницу, унаследованную от Адама Смита»; о той истине, по которой стоимость общественного продукта далеко превосходит стоимость «общественного труда».

Пролетарий, познавший, что большая часть стоимости годового продукта (6000) не лишь «сохранена» им, без всякой с его стороны затраты труда, а создана в текущем году, как и остальные 3000, самой обыкновенной тратой его рабочей силы, выиграет уже в том отношении, что разбираемая новая истина предстанет перед ним в настоящем своем виде. Сведя обе вышеприведенные схемы Маркса в одну и выразив категории «постоянного общественного капитала», «переменного общественного капитала» и «общественной прибавочной стоимости» в долях годового рабочего дня всего рабочего класса, который равен по стоимости 9000, равен стоимости общественного годового продукта, мы получим:

$$2/3 (c) + 1/6 (r) + 1/6 (m) = 1$$

Как ни неприятно, а полученную схему нельзя иначе прочесть, как только следующим образом: рабочий (речь идет о всем рабочем классе) в большую часть, а именно в течение $2/3$ своего рабочего времени, воспроизводит лишь те орудия труда, которыми работает; в следующей затем $1/6$ этого времени воспроизводит необходимые для себя средства существования и только в «последнюю» $1/6$ своего рабочего дня он производит прибавочную стоимость. Не правда ли, наша истина представляется в очень интересном и немножко знакомом виде? Маркс, раскрывающий в «научных исчислениях» Сеньера простой обман опла-

ченного слуги английских фабрикантов, при обзоре всего общественного производства, сам толкает нас в объятия Сеньеровой истины. Неудивительно, что современные русские «ученики» Маркса находят каждый день друг у друга мысли Сеньера и экономистов, «погруженных в товарный фетишизм», как напр. Богданов у Туган-Барановского, Филиппов у Нежданова, Скворцов у Ильина.

Подобно тому, как за научными исчислениями Сеньера скрывалась забота о кошельке фабрикантов, так и за истиной «новейшей» политической экономии скрывается забота о чьем-то доходе. Доктрина Маркса об автоматическом производстве стоимости «общественного» постоянного капитала, прикрывая от нескромных взоров искусным покрывалом всю сумму человеческого труда, потраченного на это воспроизводство, тем же покрывалом заслонила от глаз пролетария производственную, в следствии этого затраченного труда, сумму предметов потребления, «общественного дохода».

В начале промышленного года имелось «мертвого труда» на сумму в 6000, в виде орудий труда. Все эти орудия потрачены в процессе производства текущего года; они сношены, уничтожены; от натурального вида этих — прошлогодней выделки — орудий не осталось ни следа. Так как никогда еще люди не затевали производства орудий труда, которые бы в конце концов не создавали известного предмета, удовлетворяющего потребности человеческой личности (и никогда, конечно, такой остроумной выдумки затевать не станут); так как, значит, вся сумма труда, потраченного на создание потребленных в производстве орудий, имеется в сумме стоимости приготовленных с их помощью предметов потребления, то, коль скоро в схеме Маркса потрачено 6000 единиц стоимости средств производства, то вся эта сумма входит в состав стоимости имеющихся предметов потребления, т. е. «общественного дохода» имеется на сумму не в 3000 (сколько затрачено на окончательную отделку), а в 9000. Затрачено труда в данном году 9000 и на такую же сумму создано предметов личного потребления.

Вышеполученная нами схема выражает не только доли общественного рабочего времени, выпадающие на различные марксистские категории, но и статьи общественного потребительного фонда, приравненного единице:

$$2/3 (c) + 1/6 (r) + 1/6 (m) = 1$$

Эта схема дает нам окончательный ответ на проблему, затронутую Родбертусом, по поводу 1-го тома «Капитала». Та доля богатства, которую капиталисты отнимают у рабочего (m — прибавочная стоимость), составляет лишь $1/6$ всего общественного богатства, всего общественного фонда. Только на эту $1/6$ заявляет от имени рабочих претензию «со-

циалдемократическая» доктрина Маркса. Только на эту 1/6 производит нападение на капиталистов в пользу рабочих марксизм. Родбертус может окончательно успокоиться: говоря его словами, у Маркса дело не в том, что рабочий получает не все что создает, а в том, что он получает слишком мало. Дело идет об уступке рабочему классу.

Только потребление 1/6 общественного дохода признается марксизмом потреблением паразитным. Большая часть богатства, 2/3, поглощающая с прогрессом техники весь рост производительности труда, обособлена, как содержание специального привилегированного потребителя. Дальнейшее исследование покажет, что этим потребителем является образованное общество. Доктрина Маркса, указывающая на неизбежность упразднения «уполномоченных буржуазного общества», класса капиталистов, т. е. на упразднение права получать доход в силу только частного владения средствами производства, не затрагивает того владения, которое находится в руках буржуазного образованного общества, т. е. его владения всей цивилизацией, всеми человеческими знаниями.

С Марксовой доктриной вполне совместима вся перспектива государственного социализма. Весь доход, который получает в настоящее время образованное общество, в качестве армии умственных рабочих, есть неотъемлемая его собственность.

Эту свою собственность, в случае упразднения «уполномоченных», оно все-таки передает только своему потомству, удерживая в полной силе права наследственной собственности, оставляя, таким образом, при жизни классовое господство — государство. Права собственности на средства производства переходят в руки государства. Последнее, под видом «возмещения» все более растущего «общественного постоянного капитала», отнимает у рабочего класса все плоды развития производительности труда и вручает их всем чинам армии «умственных рабочих» в виде вознаграждения за их «особенные таланты и способности».

Глава II

УЧЕНИЕ РОДБЕРТУСА О НАЦИОНАЛЬНОМ КАПИТАЛЕ

В то время, когда Маркс был еще радикалом и издателем «Рейнской газеты», в 42 г., Родбертус издал небольшую, но очень содержательную книжечку: «К пониманию наших экономических отношений». Сравнение экономической теории, изложенной в ней, с теорией Маркса очень поучительно. В высшей степени характерно уже само предисловие.

Предлагаемое сочинение, говорится там, «имеет целью содействовать исцелению современного хозяйственного строя от его болезней пауперизма и кризисов». Заключающиеся в нем планы, которые, как ниже увидит читатель, говорят об «общественном ассоциационном хозяйстве», без «денежного обмена», «без частной собственности на землю и капитал», «решительно отвергают ...мысль о возвращении к средним векам», а равно и «головомные скачки» в «несвязанные с современным строем... общественные состояния». Эти планы «принимают современный строй, как неизбежную исторически данную предпосылку,¹ и так мало затрагивают собственность на землю и капитал, что дают ей скорее новую опору, именно тем, что делают ее менее угнетающей».

Перед нами сразу выдвигается основной вопрос: Можно ли частную собственность на землю и капитал упразднить таким образом, чтобы это упразднение дало лишь «новую опору» собственности на землю и капитал? Если марксист скажет, что это лишь парадоксальное представление и химерическая затея, то Родбертус приведет в свое оправдание не какие-либо теоретические соображения, а факты, факты, доказывающие, что представление, с виду парадоксальное, вполне осуществимо, а химерическая затея очень реальна. Эти факты — практика государственного социализма, доказавшая, что устранением частного капитала из многих отраслей хозяйственной жизни создано не что иное, как именно «новая опора» капиталу.

Не мешает поэтому взглянуть и на теорию Родбертуса:

«Должно отличать, читаем выше в упомянутой книжке, капитал в тесном или собственном смысле от капитала в широком смысле или предпринимательского фонда. Первый обнимает собою действительный запас орудий и материалов, второй — весь фонд, нужный, по современным условиям разделения труда, для ведения предприятия». (Эти две категории Родбертуса сводятся, очевидно, к Марксовым категориям постоянного капитала — с и затрачиваемого капитала — с + r). «Постоянный капитал в собственном смысле, говорит далее Родбертус, следует из самой природы вещей; понятие капитала в широком смысле следует из случайных условий исторического строя и есть лишь переходящая форма капитала в противоположность чистой сущности капитала».

Родбертус нападает на вульгарных экономистов за то, что они считают ненарушимым весь капитал в широком смысле и потому полагают невозможным увеличение фонда заработной платы «за пределами

¹ Не мешает отметить мимоходом тот факт, что два элемента: русский народнический, старомарксистский субъективизм («исцеление строя») и неомарксистский объективизм («неизбежная предпосылка» и решительное отрицание планов о возвращении к прошлому), между которыми, по уверениям «настоящих» марксистов, лежит целая пропасть, как между буржуазной и пролетарской идеологиями, прекраснейшим образом соединяются Родбертусом на одной и той же странице.

капитала», «не подрывая в корне всего национального производства и всего национального благосостояния». Между тем, если вникнуть в то, что ненарушимым должен оставаться лишь капитал в собственном смысле (Марксов общественный постоянный капитал), а фонд заработной платы (Марксов общественный переменный капитал) должен быть причислен не к национальному капиталу, а к национальному доходу, то очевидно, что фонд заработной платы может быть увеличен на счет ренты или, иначе, на счет предпринимательского фонда; может быть увеличен даже до полного исчезновения последнего «без нарушения капитала» (конечно «чистого понятия капитала») и «не подрывая в корне национального производства и всего национального благосостояния». В последнем случае, по перенесении собственности на землю и капитал в руки государства, исчезает капитал в широком смысле, т. е. предпринимательский фонд, а вместе с ним исчезает и возможность взимания дохода в силу частного владения капиталом, в виде прибыли, исчезают, конечно, и деньги, и несмотря на это, «остается неприкосновенным национальный капитал, вечный капитал, "чистая" его "сущность"».

Если марксист, в ответ на вышеприведенное, повторит за Энгельсом, что все рассуждения Родбертуса о фонде заработной платы и о том, берется ли он из капитала, или нет, ничего больше не представляют собою, как пустую схоластику; если он, со свойственною марксизму самоуверенностью, скажет, что мечтания о ненарушимости капитала при упразднении частного капитала, не более как утопические бредни, то мы, с своей стороны, заметим пока лишь следующее: если бы Родбертус имел возможность взглянуть на рассмотренные нами в предыдущей главе схемы Маркса, он несомненно нашел бы в них довод в пользу вечности своего капитала. Переменный общественный капитал, фонд заработной платы, равный в настоящее время, при существовании класса капиталистов, 1500, — с упразднением уполномоченных, т. е. с упразднением товарного производства, возрастет до высоты 3000, т. е. поглотит всю «национальную прибавочную стоимость»; тем не менее остается неприкосновенной стоимость в 6000, в виде орудий и «материалов», а, стало быть, в виде Родбертусова капитала в «собственном смысле», «чистой сущности капитала», независимой от «преходящих исторических условий».

Марксисты-ортодоксы, конечно, не считаются с тем фактом, что Маркс никогда даже и не подумал о том, чтобы свести счеты с Родбертусом; что он никогда не давал прямого ответа на то, относится ли он отрицательно или нет к вечности национального капитала, проповедуемой Родбертусом. Поэтому его ортодоксальные ученики (Ильин) выставляют «общественный постоянный капитал» Маркса в качестве какого-то пролетарского амулета, даже не подозревая, что это амулет

Родбертусова государственного социализма; даже не замечая того, что заучивая и популяризируя II-й том «Капитала», они лишь принимают и пропагандируют следующую истину Родбертуса:

«Капитал сам по себе, национальный капитал, имеет абсолютное значение, которое он заимствует из самой природы и процесса производства. Пока само национальное производство не прекращается, всегда будут необходимы и будут существовать материалы и орудия; всегда национальный продукт будет делиться на готовые предметы дохода и на предметы, долженствующие служить дальнейшему производству» («4-ое социальное письмо», стр. 314).

Родбертус отстаивает вечность национального капитала по очень понятным соображениям, которые он и высказывает зачастую довольно откровенно, ибо пишет он свою книгу не для подозрительного пролетария, а для благородного ученого мира. Прибыль может существовать лишь при том условии, если произведенный продукт не переходит целиком в руки непосредственного производителя. Раз капитал вечен, т. е. раз стоимость произведенного продукта не может быть никоим образом распределена целиком между производителями и определенная доля ее неприкосновенна, как возмещение национального капитала, то этого вполне достаточно для обеспечения прибыли. С другой стороны, план общественного производства, предлагаемый Родбертусом «для исцеления современности от ее бедствий», обещает каждому такую долю, какую он вносит в производство своим трудом. Перед Родбертусом является задача найти формулу трудовой стоимости, на основании которой было бы возможно и возмещение вечного капитала, без которого производство обойтись не может, и, вместе с тем, вручение каждому столько стоимости, сколько он создал.

Родбертусова формула трудовой стоимости следующая: стоимость всякого товара, как и всего общественного продукта = $m + (n : o)$, т. е. она равна количеству труда, непосредственно затраченного на окончательную отделку данного блага (m) + количеству прошлого труда, заключающегося в доле потраченных на приготовление этого блага материалов и орудий ($n : o$), причем n есть количество труда, затраченное на создание орудия, а o число экземпляров товара, приготовленных с помощью орудия.

Эта формула трудовой стоимости есть вместе с тем и формула Маркса. Но точка зрения Родбертуса на осуществление и применение этой формулы в жизни лишь отчасти сходится с учением Маркса.

По учению Родбертуса, эта формула в современном строе осуществляется лишь в общем; что касается отдельных товаров, то их стоимость, определенная по этой формуле, никогда не совпадает с их ценою, благодаря существованию предпринимательской прибыли и управляющего ею закона равной нормы прибыли. Но когда, учит Родбертус,

исчезнет предпринимательская прибыль путем уничтожения частной собственности на землю и капитал; когда стало быть, у рабочего не будут отнимать ту долю его продукта, которая отнимается теперь его хозяином, то вышеприведенная формула, к которой в настоящее время лишь тяготеют цены товаров, осуществится во всех частных случаях. Это обещание по адресу рабочего; а вот уверение и обеспечение капитала, высказанное Родбертусом в виде общей теоремы:

«Если бы стоимость отдельных благ равнялась только затратам, вычисленным исключительно по труду, то в ней, несмотря на это, заключалась бы в общем и земельная рента и рента на капитал, а также и возмещение капитала, предполагая, что производительность труда вообще достаточна для существования ренты».

Так как в предлагаемом Родбертусом коммунистическом строе «стоимость отдельных благ равняется затратам, вычисленным исключительно по труду», и так как это вычисление производится по найденной Родбертусом вышеприведенной формуле, благодаря чему в этой стоимости уже «заключается рента (прибавочная стоимость) и возмещение капитала», то с помощью вышеприведенной теоремы Родбертус вполне прозрачно заставляет заинтересованных догадаться (таких вещей открыто не говорят), что подобно тому, как частный капитал исчезает для того, чтобы создать национальный капитал, подобно этому — предпринимательская частная прибыль упраздняется для того, чтобы быть преобразованной в национальную прибыль, а не для того, чтобы исчезнуть вообще.

Послушаем, как Родбертус более детально разъясняет свое положение, что несмотря на упразднение частных предпринимателей, капитал не перестает существовать:

«Покажем распределение национального дохода и способ, каким возмещается капитал в таком строе, где нет частной собственности, приносящей ренту, а блага составляют частную собственность лишь тогда, когда они становятся доходом.

Для этого нужно представить себе разделение труда и соответственное ему установление национального капитала, исходя из современной действительности. Только на место нашего частного предпринимателя поставим в каждом хозяйстве чиновника, назначаемого обществом; представим себе далее, что, имеющаяся в каждом современном хозяйстве, часть национального капитала составляет собственность общества, а не предпринимателя» («К пониманию и т. д.», стр. 119).

В предполагаемом строе «только рабочие имеют право на участие в национальном доходе, ибо, так как земля и капитал принадлежат государству, никто ничего не может получить в силу одного своего владения... Каждый получает столько дохода, сколько он внес труда в создание национального продукта» (Стр. 123).

Между тем, как в современном строе «собственники земли и капиталисты отдадут рабочим в виде заработной платы удостоверение только на часть продукта, а значит право на меньшее количество труда, чем то, которое капиталистам доставлено», — в предполагаемом строе «государство выдает рабочим удостоверение во всем доставленном ими обществу количеству труда, а значит, оно дает им право на весь их продукт» (стр. 128).

Читатель непомерно удивлен. Тот же Родбертус, который так резко нападал на Маркса за установление им права за рабочим на всю стоимость продукта, — чего Маркс вовсе и не думал делать, — тот же Родбертус в своем «будущем строе» отдает рабочим весь их продукт.

Полемика Родбертуса против Маркса, выдержки из которой приведены в начале нашей первой главы, показывает самым наглядным образом, что все его вышеприведенные уверения — лишь пустые фразы, формальные заявления, ни к чему не обязывающие, реклама, с помощью которой предьявитель «будущего строя» восхваляет свой товар.

Почему же такие формальные заявления никого ни к чему не обязывают? Потому, что предварительно непоколебимо установлен «национальный капитал», как вечный институт. Это уже решает дело, достаются ли рабочему все плоды его труда или нет. Для наивных, которые этого не понимают, экономист, установивший свой вечный капитал, может расписывать какие угодно заманчивые перспективы. Все дело сводится к тому, чтобы рекламу («каждый получает столько, сколько вносит») привести в согласие с той доктриной, которая уже решила, что рабочий получит лишь часть своего продукта. Для этого доктрина одевается в научные отвлеченные понятия, не заключающие повидимому ничего касающегося тех, у кого отнимают; так что в доктрине выступают одни лишь вечные принципы общечеловеческого производства. Чем сильнее эта иллюзия, вызванная экономистом, тем он больший «экономический гений».

Доктрина Родбертуса, имеющая целью установить вечность национального капитала, есть доктрина о вечной несоизмеримости в человеческом хозяйстве общественного продукта с общественным доходом. Значит это вместе с тем и доктрина Маркса.

В самом деле, если нижеследующее место Родбертуса представить себе разросшимся в целую объемистую книгу, то получится II-й том «Капитала». Это место может служить непосредственным пояснением рассмотренных выше схем Маркса и обратно. Мы помещаем в тексте положения Родбертуса, а в примечаниях — указания на соответствующие статьи Марксовой схемы:

«Национального продукта нельзя смешивать с национальным доходом уже по их натуральному виду... Национальный продукт есть продукт рассматриваемого периода или результат всех работ,

одновременно предпринятых на различных производственных ступенях.² Напротив, масса непосредственных благ, которые приготовлены на последней производственной ступени, есть национальный доход.³ Но из этого национального дохода только наименьшая часть есть продукт рассматриваемого периода. Это лишь та часть, которую нужно рассматривать, как результат труда, предпринятого на последней ступени.⁴ Вся остальная часть по самому существу есть продукт предыдущих периодов или, для рассматриваемого периода, она служит капиталом.⁵ Национальный продукт своей большей частью становится капиталом, своею меньшею — доходом.⁶ Национальный доход в своей меньшей части есть продукт, в большей части он был капиталом.⁷ Но и стоимость национального дохода не равна стоимости национального продукта; стоимость национального продукта заключает в себе во 1-х — стоимость всего того продукта, который обрабатывается как материал для блага дохода одновременно на разных ступенях производства (стоимость, состоящая из непосредственного труда + труд, использованный в виде орудий), и во 2-х — стоимость того продукта, который должен служить для возмещения истраченных орудий».

Последнее из приведенных положений, а оно только говорит о стоимости дохода и продукта, вызывает одно лишь недоумение. Стоимость продукта, гласит оно, превышает стоимость дохода на стоимость орудий. Но ведь сама стоимость дохода заключает в себе стоимость орудий. Почему же заключающийся в доходе труд, «использованный в виде орудий», не покрывается заключенным в продукте трудом, «долженствующим служить для возмещения потраченных орудий»? Ведь согласно одновременной целесообразной работе во всех отраслях, орудия восстанавливаются как раз постольку, поскольку они

² Национальный продукт состоит из стоимости, полученной в первом подразделении, приготовляющем все средства производства, и равной 6000 (4000с+1000г+1000т), и из стоимости, полученной во II-м подразделении, заготавливающим предметы потребления, и равной 3000 (2000с+500г+500т). Национальный продукт, как результат всех общественных работ, равняется по стоимости 9000.

³ Национальным доходом нужно считать только стоимость, полученную там, где заготавливаются непосредственно предметы потребления, т. е. во II-м подразделении. Национальный доход равен 1-м подразделению средств производства, только 3000.

⁴ Из всей стоимости дохода в 3000, — только 500г и 500т могут считаться продуктом рассматриваемого промышленного периода.

⁵ Часть стоимости дохода, равная 2000, получена перенесением на доход стоимости произведенных в 1-м подразделении средств производства. Эта часть стоимости — продукт предыдущих периодов, а для данного периода она служила капиталом (2000с II).

⁶ Из всего продукта = 9000, — 2/3 его стоимости (6000) будет капиталом и только 1/3 — доходом.

⁷ Из стоимости дохода = 3000, — только 1/3 продукт рассматриваемого периода (500г + 500т). Большая часть дохода, 2/3 его стоимости, служила в этом периоде капиталом (2000с).

снашиваются. Или существует два отличных друг от друга вида орудий, причем особенность одного из них в том и состоит, что их стоимость входит только в стоимость продукта, не входя никогда в стоимость дохода? Что же это за таинственные орудия?

Все положения Родбертуса, предшествующие последнему, говорят только о различии вещей. Если не принять этого во внимание, если вообразить, что о различии в стоимостях мы можем судить по различию в натуральном виде вещей, как это сделал Родбертус (доказательством чему служит, между прочим, введение им втихомолку в рассуждение слова «капитал»), то покажется, что последнее положение о неравенстве стоимости продукта и дохода доказано именно с помощью предшествующих ему положений. Так мы видели, что отдельные статьи Марксовых схем — в данном случае, лишь постольку различаются в числовых отношениях, поскольку они иллюстрируют различие вещей. Неудивительно, что они «поясняют» положение о неравенстве стоимости продукта и дохода. Действительно, они иллюстрируют и те два вида средств производства, различие между которыми Родбертусом не объяснено. Из всего общественного капитала стоимостью в 6000, только 2000 с 2-го подразделения входят в продукт и доход, а 4000 с 1-го подразделения войдут только в стоимость продукта.

Но неужели различие в натуральном виде вещей дает хотя бы малейший довод в пользу различия и в стоимостях этих вещей? Имеет ли какой-нибудь смысл классическое: «уже по натуральному виду продукт отличается от дохода»? Это ведь невероятная нелепость, если для того, чтоб указать на различие в стоимостях холста и сюртука, сослаться на то, что уже по натуральному виду холст отличается от сюртука.

Поставивши заранее целью сохранить категории «вечного капитала», Родбертус забыл о том простом факте, что стоимость есть отвлечение от натурального вида вещей; что различие натурального вида вещей есть обыкновенный случай равенства их стоимости (ибо без этого различия получается лишь равенство арифметических, а не экономических величин); он не сообразил, что различие продукта и дохода как вещей нисколько не мешает им оставаться равными в своих стоимостях, что все его соображения, раскрывающие различие в вещах, не представляют собой ни как о го доказательства в пользу неравенства общественного продукта и дохода; что конструирование этого неравенства есть лишь декрет, следующий исключительно из его благочестивых пожеланий удержать на веки вечные капитал в человеческом обществе.

Указанное Родбертусом соотношение между общественным продуктом и доходом, как следующее из «природы вещей», существует одинаково как в современном строе, так и в строе без частной собственности на средства производства. И потому он победоносно восклицает:

благодаря упразднению частных предпринимателей, всякий получает столько, сколько внес, и национальный капитал ненарушим; превышение общественного продукта над доходом будет обеспечивать возмещение национального капитала.

Предположим, что Родбертусово обещание — «всякий получает столько, сколько вносит», осуществляется в действительности и, взяв это за исходную точку, посмотрим, какое будет в этом случае соотношение общественного продукта и дохода.

Стоимость создается только трудом. Общество располагает 9000 единиц труда, из которых 6000 оно прилагает к сфере приготовления всех средств производства, а остальные 3000 на «окончательную отделку» предметов дохода, на приготовление непосредственных предметов потребления. Члены общества, затратившие своего труда в сфере приготовления средств производства на сумму 6000, получают, по условию вознаграждения за труд, предметов потребления на сумму в 6000 единиц. Члены общества, приготовляющие предметы непосредственного потребления, затрачивают труда 3000 и получают из всей приготовленной ими суммы предметов потребления часть, по величине равную 3000 трудовых единиц. Сколько получено всего общественного продукта?

$$6000 \text{ I} + 3000 \text{ II} = 9000$$

На какую сумму выдано предметов дохода?

$$6000 \text{ I} + 3000 \text{ II} = 9000$$

Очевидно, что общество, желающее «отдать всякому столько, сколько он внес», должно прежде всего признать, что общественный доход по своей стоимости равен стоимости всего общественного продукта, количеству всего затрачиваемого труда. Если оно пожелает удовлетворить Родбертуса и обособить из произведенной стоимости часть, для «возмещения национального капитала», оно должно у каждого производителя отнять часть того, что он внес. И оно отнимает тогда у рабочего не средства производства, а предметы потребления, доход — для вручения его привилегированным классам: оно выделяет ренту, прибыль.

Родбертус рекомендует упразднить частный капитал для того, чтобы обеспечить вечное существование национального капиталу. Это значит, он предполагает преобразование процесса взимания прибыли частными предпринимателями, уполномоченными буржуазного общества, — в одно вечное национальное предприятие, исполняемое непосредственно государством, которое и распределяет национальную прибыль между всеми

своими составными частями, т. е. между всем господствующим и правящим образованным обществом.

Показать, что основное положение Родбертуса о неравенстве общественного продукта и дохода, служащее у него источником вечности капитала, есть неотразимая истина «чистой науки», политической экономии, такова задача II-го тома «Капитала» Маркса. Истина Родбертуса покоится уже не на его туманных образах, а на непоколебимых основах «новейшей политической экономии», которая еще вдобавок и «чисто пролетарская наука».

Глава III

МАРКСОВА ТЕОРИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОСТОЯННОГО КАПИТАЛА

Классическая политическая экономия старалась разложить весь общественный продукт на доходы: заработную плату, прибыль и земельную ренту. Она могла безопасно заниматься разрешением этой задачи, ибо установила капитал, как естественный, вечный источник прибыли. Именно Сей, более других проповедывавший вечность источника прибыли, смелее всего производил разложение общественного продукта на доходы. Маркс, вскрывая в учении о вечном источнике прибыли буржуазную проповедь, попутно и само разложение общественного продукта на доходы обозвал «буржуазной нелепостью», «буржуазным догматом» вульгарных экономистов; догматом, который просмотрел, что, как в каждом товаре, так и во всем общественном продукте, кроме доходов заключается и стоимость постоянного капитала.

Но несомненно, что «буржуазный догмат» зародился в голове Смита одновременно с идеею о том, что «труд есть единственное мерило стоимости», ибо эта последняя идея была для него просто немислима без первого. Пока Смит не разложил своего «основного капитала» на доходы, до тех пор он и не мог открыть того закона, что в с я к а я стоимость, а значит и стоимость «основного капитала» есть определенное количество труда. И всякий, кто принимает теорию трудовой стоимости, принимает, конечно, и «догмат». Позднейшие экономисты, сторонники трудовой теории стоимости, могли поэтому лишь видоизменять этот «догмат», но не упразднить его, ибо последнее означало бы одновременно и упразднение самой теории трудовой стоимости.

Сам Маркс признает полную применимость «буржуазного догмата», но лишь по отношению к одной части общественного продукта, и именно по отношению к той его части, которая составляет общественный доход, потребительный общественный фонд, 2-е подразделение общественного производства (см. схемы в 1-й главе).

«Хотя для капиталистов II стоимость их продукта и распадается на $c+r+m$, но, с общественной точки зрения, стоимость этого продукта может распасться только на $r+m$. Вот это то обстоятельство побудило Адама Смита утверждать, что стоимость годового продукта распадается на $r+m$. Это имеет силу... только для той части годового продукта, которая состоит из предметов потребления» (Кап., II, стр. 322).

Наш разбор имеет целью показать в данном вопросе следующее: лишь только «новейшая политическая экономия» под давлением «общественных потребностей» принуждена была отвергнуть вечность источника прибыли и напасть на капиталистов, подобно тому, как в лице физиократов она напала на феодалов; лишь только она признала капиталистов «излишними для нужд производства», она должна была, подтачивая одну формулу владения (частный капитал), тем сильнее, так или иначе, укрепить владение господствующих классов вообще. Поучая о ненужности частного капитала и всего класса капиталистов, она должна была разъяснить необходимость «для производства» обособления в общей стоимости продукта определенной, растущей вместе с прогрессом техники, суммы, которая не может подлежать потреблению и распределению в виде дохода, а должна играть роль общественного капитала. Эту необходимость доказывал Родбертус, как мы видели, вполне откровенно. Он поэтому всегда считался правоверным экономистом-ученым. Маркс именно постольку оказал услуги в укреплении этой необходимости, поскольку в настоящее время имеет счастье быть общепризнанным экономистом, и поскольку перед Зомбартами стоит реальная задача отделить у Маркса «агитаторский хлам» от того вклада, который войдет в «вечное владение» политической экономии. Маркс, борец против капиталистов, развил теорию трудовой стоимости, учение Смита и Рикардо, борцов против феодалов; но и вместе с тем своим учением об общественном постоянном капитале обеспечил за образованным миром его владение всем человеческим наследием, всею цивилизацией. Вот почему Зомбарт с уверенностью предсказывает своим старым товарищам по профессии, закореневшим в борьбе с Марксом, что Маркс, как экономист, не опровергаем, что в его экономической теории заключено сокровище, которое они раньше или позже признают («Научн. Обоз.», 98 г., 4); вот почему он, «как буржуа», обожает Маркса экономиста.

Подвергая критике учение Смита, который готов сказать, что общественный продукт распадается только на две части, на «доход» рабочего класса и общественную прибыль (предпринимательская прибыль и земельная рента), Маркс говорит:

«Первая ошибка Ад. Смита заключается в том, что он отождествляет годовичную стоимость продукта» (9000, см. схемы Маркса) со стоимостью, произведенною в продолжение года» (3000). Последняя есть только продукт труда истекшего года ($1000rI + 1000mI + 500rII + 500mII$); первая же включает в себе, кроме того, все элементы стоимости, употребленные для производства годового продукта, но притом такие, которые были изготовлены в предыдущем году и частью еще раньше» ($6000c = 4000cI + 2000cII$), именно средства производства, стоимость которых только вновь проявляется, которые, по отношению к своей стоимости, и не произведены и не воспроизведены трудом, потраченным в текущем году. Вследствие такого смешивания понятий, Ад. Смит совершенно выбрасывает вон постоянную часть стоимости годового продукта. Самое смешивание основывается на другой ошибке его основного положения. Он не различает двойственности характера самого труда: труда, создающего стоимость тратой своей рабочей силы, и конкретного, полезного труда, создающего предметы потребления (потребительную стоимость). Валовая сумма ежегодно изготовляемых товаров, следовательно весь годовичный продукт (9000), есть продукт полезного труда, действовавшего в истекшем году; все эти товары имеются только по тому, что общественно употребленный труд затрачен в многорасчлененной системе полезных родов труда: только поэтому в валовой стоимости сохранилась стоимость средств производства (6000), потребленных на изготовление их, проявившись опять в новой натуральной форме. Итак, годовой продукт есть результат полезного труда, потраченного в продолжение года; но только часть стоимости продукта производится в продолжение года (3000); эта часть есть стоимость, произведенная в продолжение года, в которой изображается сумма труда, потраченного в продолжение истекшего года» (Кап., II, 283).

Пусть читатель припомнит прежде всего условие рассматриваемой задачи — общественное производство, где, по замечанию самого Маркса, весь взятый в расчет постоянный капитал «одновременно возмещается натурою» (см. выше, стр. 171-172); значит средства производства, стоимостью в 6000, возмещены натурой одновременно с приговлением общественного потребительского фонда, т. е. эти средства производства созданы в истекшем году. Но «пролетарское учение» дает нам более глубокое познание: «эти средства производства... не произведены и не воспроизведены в

истекшем году». Это безошибочное познание достигается, однако, лишь при помощи необыкновенной аналитической тонкости, которую так восхищаются в Марксе и которая, в данном случае, заключается, по-видимому, в словах: «по отношению к своей стоимости».

Выходит, что средства производства, стоимостью в 6000 произведены, правда, в истекшем году, но «не произведены в истекшем году по отношению к своей стоимости».

К несчастью, аналитическая тонкость, в данном случае, лишь ярче обнаруживает насильственное смешение понятий, вполне однородное с тем, которое мы видели в предыдущей главе у Родбертуса: грубое отождествление различия в экономических величинах с различием в вещах. Ибо в данном случае дело обстоит как раз наоборот утверждению Маркса. Только как вещи, средства производства на сумму в 6000 созданы в предыдущем году; по отношению к их стоимости как стоимости, они созданы в истекшем году. Для рубашки, полученной в производстве истекшего года, хлопок добыт, положим, в предыдущем году, но добыт только хлопок, как вещь, а не как стоимость; стоимость добытого в предыдущем году хлопка создана в истекшем году, и потому стоимость хлопка сообразуется не с тем количеством труда, которое действительно было затрачено на приобретение той же самой, в вещественном отношении заключенной действительно в рубашке доли хлопка, а с тем количеством труда, которое затрачивается в истекшем году на приобретение равной по объему доли хлопка.

Ясно, что во всем вышеприведенном месте Маркс не анализирует общественного производства, не познает его сущности, а лишь прилагает все его звенья к своей доктрине. Там, где процесс общественного производства не вмещается в доктрину, приходится прибегать к аналитическим тонкостям и софистике, бьющей прямо по лицу теории трудовой стоимости.

Маркс видит перед собою два факта. Первый из них таков: при начале производства стоят в неоспоримой своей реальности фабрики, заводы, машины; лежат в складах нужные для производства материалы. Отсюда он заключает, что перед ним — одноименная с вещественной реальностью — реальная экономическая величина. Доктрина Маркса, давно законченная в пределах индивидуального хозяйства, решает дело просто и бесповоротно: от прошлого года имеются стоимости на сумму в 6000.

В связи с этим фактом стоит другой: при окончании промышленного года, в результате всего производства получают две неоспоримо различные вещи: средства производства и предметы потребления. Доктрина заставляет признать, что различия в этих двух вещах влекут за собою обязательно и различия в их экономических величинах. Общественный продукт есть сумма двух слагаемых, двух различных вещей.

Стало быть, стоимость общественного продукта должна представлять собою сумму точь-в-точь таких же двух слагаемых, должна заключать в себе такие же две различные экономические величины.

Таким образом, установлены а priori два неоспоримых экономических данных: от каждого промышленного года остается для следующего за ним определенная заранее сумма стоимости в 6000, и каждый промышленный год создает сумму, состоящую из двух слагаемых, неоспоримых экономических величин, стоимости средств производства и стоимости предметов потребления.

К этим двум продиктованным доктриною «фактам» нужно свести во что бы то ни стало весь процесс общественного производства. И вот получаем: хотя в истекшем году средств производства произведено стоимостью в 6000... pardon! — мы погрешили против аналитической точности, — хотя в истекшем году произведены средства производства, которые когда-то, в будущем проявят свою стоимость, по величине равную 6000, тем не менее в истекшем году произведено стоимости только 3000; стоимость в 6000, которую средства производства, созданные в истекшем году, пока «несут на себе» и лишь в будущем «перенесут» на продукт, — эта стоимость в настоящее время должна быть признана стоимостью, лишь «перенесенной» со стоимости капитала, имевшейся от предыдущего года. Таким образом, нам обязательно нужно реальную трату рабочей силы, по величине равную 6000, держать в запасе и передать в наследство будущему году, помня что

«ни одна часть общественного рабочего дня, ни в I, ни во II подразделениях, не служит к тому, чтобы произвести стоимость помещенного в эти две крупные отрасли производства действующего в них постоянного капитала» (К. II, 223); что вся «новая стоимость», произведенная в виде средств производства, не есть еще постоянный капитал. Ей предназначено только в будущем играть роль постоянного капитала» (1. с.).

После того, как мы, при помощи такого приема, отложили в запас от истекшего года сгусток человеческого труда, мертвый труд, у нас уже в следующем году, само собою, будет в наличности от предыдущего года настоящая несомненная стоимость в 6000, и мы, волей неволей, принуждены будем считаться с этим, как с неоспоримым фактом; затем мы вынуждены будем опять проделать тот же точный анализ, и с его помощью мы опять собственноручно подготовим себе «неоспоримый факт» и на третий год и т. д. В награду за это средства производства, стоимостью в 6000, будут нам ежегодно доставаться, «повидимому, без всякой затраты общественного рабочего дня»; будут как бы с неба падать.

«Постоянная капитальная стоимость 6000 проявляется вновь в продуктах, совершенно отличных от предметов потребления, именно

в средствах производства; между тем как на производство этого нового продукта, повидимому, не потрачено ни единой части общественного рабочего дня; весь же этот рабочий день состоит как будто даже только из такого рода труда, который проявляется не в средствах производства, а в предметах потребления» (стр. 356).

Далее, так как мы не забудем, что имеющаяся у нас в запасе «сохраненная» стоимость стоит перед нами в виде средств производства, которые благодетельны не только тем, что безвозмездно («без всякой затраты общественного рабочего дня») «переносят» свою стоимость, но еще сверх того передают ее исключительно лишь таким, как и они, средствам производства; так что эта стоимость физически не может быть потреблена лично, то «общественного дохода» окажется в каждом году только $9000 - 6000 = 3000$, как раз столько, сколько из всей, полученной в истекшем году стоимости, следует признать стоимостью «произведенной в истекшем году».

«Валовая стоимость предметов потребления, произведенных в продолжение года полным общественным рабочим днем, равняется стоимости общественного переменного капитала ($1000rI + 500rII$) плюс общественная сверхстоимость ($1000mI + 5000mII$), равняется всему новому годичному продукту» (стр. 322).

Аналитическая точность требует отличать «годовой продукт» от «нового годовичного продукта»... Другими словами, из года в год мы будем затрачивать «I годовой рабочий день» и с удовольствием увидим, что

«во всем общественном годовом продукте содержатся три годовые рабочие дня. Выражение стоимости каждого из этих рабочих дней будет 3000; следовательно выражение стоимости вального продукта будет — $3 \times 3000 = 9000$ » (стр. 325).

Благодаря феномену «сохранения» и «перенесения стоимости с с прошлого труда на настоящий получается замечательный результат. Мы знаем, что в истекшем году не только окончательно изготовлен годичный потребительный фонд (тратой труда в размере 3000), но и «взмещены натурою», т. е. созданы средства производства (тратою труда в размере 6000). Труда затрачено, значит, в истекшем году $3000 + 6000 = 9000$. Но Марксова теория прошлого труда говорит: принимая во внимание, что трата труда на изготовление средств производства, равная 6000, проявится только в будущем году и что, с другой стороны, трата труда, проявляющаяся в истекшем году в средствах производства, не есть трата истекшего года, а предыдущего; в виду этого, трата труда истекшего года проявляется в истекшем году только в размере 3000, т. е. стоимости, созданной в истекшем году, имеется в этом году только на сумму в 3000. Остальная стоимость, созданная в истекшем году, проявится только в будущем и опять-таки

под видом стоимости, не созданной в этом будущем году, а перенесенной с настоящего. Соразмерно этому и вознаграждения труда, предметов дохода, должны быть только на сумму 3000.

По упразднении класса капиталистов и присоединении «всей прибавочной стоимости» (1000m I и 500m II) к доходу рабочих, образованное общество, правящее теперь самолично, на основании марксистских принципов, находит себя в довольно приятном положении, которое не особенно хуже капиталистического. Из года в год рабочие создают ему стоимости в 9000, а оно из года в год при расчете доказывает рабочим «по Марксу», что они произвели стоимости в данном истекшем году только на 3000, и в подтверждение ссылается на все наличное вознаграждение: предметов потребления нет больше, как только на сумму в 3000.

После сделанной уступки, т. е. после присоединения «всей прибавочной стоимости» (1500m) к доходу «непосредственных производителей» положение становится вполне тождественным с современным капиталистическим. При росте производительности труда растет стоимость средств производства, т. е. растет такая стоимость, которая может лишь «сохраняться» и «переноситься» с предыдущего года на истекший, с истекшего на будущий, т. е. никогда не становится стоимостью, «произведенной в истекшем году», никогда не входит в доход, вследствие чего вознаграждение «непосредственного производителя» от роста производительности труда вовсе не меняется.

*

В подтверждение того, что вышерассмотренные расчеты не произвольное построение, а следуют из самой «природы вещей», Маркс напоминает о своей теории «двойственного характера» человеческого труда и утверждает, что стоимость средств производства величиною в 6000 получена не благодаря реальной затрате человеческого труда, а вследствие «полезности» этого труда, никому ничего не стоящей (см. ниже).

Названная теория, которую марксисты не считают нужным особенно популяризировать, может быть потому, что чувствуют в ней порядочную дозу чистой метафизики, хотя сам Маркс очень ценил ее и несколько раз упоминает в «Капитале» о том, что он впервые открыл «двойственный характер труда» — эта теория изложена в начале первого тома и составляет результат «рассмотрения труда в его абстрактных моментах, независимо от всякой общественной формы» (стр. 131). Затем, при рассмотрении отдельного капиталистического хозяйства, с помощью этой теории были сделаны следующие выводы:

«Рабочее время, заключенное в сыром материале и в орудиях труда, можно рассматривать совершенно таким же образом, как будто бы оно было издержано в течение процесса прядения, но только в более ранний его период, чем то количество труда, которое истрачено напоследок в форме прядения» (стр. 142).

«Стоимость средств производства сохраняется посредством перенесения ее на продукт... Работник не работает вдвойне в одно и то же время: один раз, чтобы прибавить к хлопку посредством своего труда новую стоимость, и другой раз, чтобы сохранить старую стоимость, или, что то же самое, чтобы перенести стоимость хлопка, который он обрабатывает, и стоимость веретена, которым он работает, на продукт, т. е. на пряжу. Но он сохраняет прежнюю стоимость посредством прибавления новой стоимости... Очевидно, что эта двойственность результата может быть выяснена лишь двойственностью самого его труда» (стр. 158).

«В силу своего абстрактного общего свойства, т. е. как израсходование человеческой рабочей силы, труд прядильщика прибавляет к стоимостям хлопка и веретена новую стоимость; а в силу своего конкретного, особенного, полезного свойства, как процесс прядения («работнику это свойство ничего не стоит» — на стр. 160), он переносит стоимость этих средств производства на продукт и сохраняет, таким образом, эту стоимость на продукте. Отсюда двойственность результата труда в течение того же самого времени» (стр. 154).

Вслед за этими рассуждениями и в непосредственной связи с ними устанавливаются категории переменного и постоянного капитала. Последний есть «та часть капитала, которая превращается в средства производства» и «не изменяет величины в процессе производства» (стр. 182).

Как видно из вышеприведенной заметки против Смита, Маркс заставляет применять без малейшего ограничения изложенную теорию «двойственного характера труда» для доказательства того положения, что стоимость средств производства в 5000 лишь «сохранена» и «перенесена» на общественный продукт полезной стороной труда, без всякой реальной затраты рабочей силы.

Дело как будто очень ясно и просто: как прядильщик «не работает вдвойне» для того, чтобы, прибавляя к стоимости хлопка новую стоимость, сохранить в пряже стоимость хлопка и веретена, подобно тому — всему рабочему классу «ничего не стоит», прибавляя к стоимости средств производства прошлогодней выделки новую стоимость в 3000, сохранить и перенести на продукт стоимость средств производства на сумму 6000. Но эта простота явления достигается лишь путем грубого смешения отдельного капиталистического предприятия со всем капиталистическим производством, смешения, до такой степени полного, что

для Маркса индивидуальное хозяйство является капиталистическим производством в миниатюре. Дело в том, что на прядильной фабрике не «возмещаются натурой» потраченные в процессе прядения хлопок и веретено; а во всем капиталистическом производстве все средства производства «одновременно возмещаются натурой».

Если прядильщику «ничего не стоит» и он «не работает вдвойне» для того, чтобы в произведенной им пряже «сохранить стоимость потраченных им в процессе труда средств производства», то только потому, что одновременно другие рабочие «возмещают натурой» истрачиваемые прядильщиком средства производства, и это им стоит как раз такого количества труда, какое прядильщик «сохраняет». Если бы хозяин потребовал от прядильщика не только изготовления пряжи, но и «возмещения натурой» истрачиваемых прядильщиком при этой работе средств производства, то прядильщику пришлось бы тратить своего труда, конечно, не только вдвойне, но многим больше. Рабочий класс, которого Маркс, конечно, не освобождает от обязанности возмещения натурой всех истрачиваемых средств производства, работает не вдвойне, а многим больше того, что выходит по расчетам Маркса, больше на всю ту сумму труда, которая требуется на «возмещение натурой» все более растущего количества средств производства.

После того, как совершенно обособленное капиталистическое предприятие было принято за ту сферу, в которой должны быть открыты все законы классового капиталистического строя, процесс «сохранения» отдельным рабочим стоимости потребляемых им при работе средств производства был совершенно оторван от процесса одновременного «возмещения натурой» этих снашиваемых средств производства; и этим был отрезан всякий путь к той мысли, что отдельным рабочим сохраняется стоимость потребляемых им орудий лишь постольку, поскольку они возмещаются натурой в другом производстве. Сама стоимость средств производства не могла быть поэтому сведена на создающий их одновременно в соответственных предприятиях ж и в о й труд и послужила лишь обоснованием идеи о неотъемлемости стоимости у п р о ш л о г о , м е р т в о г о труда. Процесс сохранения стоимости отдельным рабочим сделался процессом таинственного перенесения стоимости с мертвого труда на продукт живого, процессом, не требующим никакой специальной затраты рабочей силы. Все эти понятия и идеи закреплены доктриной так стойко и бесповоротно, что затем, при обзоре всего общественного производства, кажется неотразимым выводом та невероятная мысль, будто средства производства возмещаются натурой в общественном продукте одною полезною стороною труда, никому ничего не стоящей.

Усердный ученик Маркса находится, по отношению к данному вопросу, в очень незавидном положении. Если он чистосердечно поверит

Марксу в том, что для создания продукта, стоимостью в 9000, нужно «абстрактного», «создающего стоимость» труда только 3000, а остальные 6000 получаются благодаря «полезному труду», не создающему стоимости, то он скоро очутится в тупом переулке и дойдет до величайшего абсурда.

Возьмем несколько периодов сряду. И в прошлом, и в настоящем, и в будущем году, и во все следующие за ними годы затрачивается труда только по 3000, а получается ежегодно в результате 9000 единиц стоимости. Так как в продукте стоимость средств производства сохраняется постольку, поскольку они истрачиваются в работе, и так как в первый же год перешло на продукт стоимости средств производства на сумму всех 6000, то значит, в первом же году сношено средств производства стоимостью в 6000 в первом же году уничтожены все имевшиеся средства производства. Каким же образом народятся новые орудия стоимости в 6000, раз ежегодно затрачивается труда только 3000, а все старые орудия уничтожены? Придется предположить, что или наши орудия вечны и вечно переносят на продукт свою стоимость, не переставая от этого существовать, или, что стоимость в 6000 создается «простым» «полезным» трудом, который состоит в том, что стоимости не создает.

После всего выше сказанного понятно, почему Марксовы схемы, столь сильно вообще возлюбленные «настоящими учениками», служат Туг. Барановскому удобной почвой для раскрытия «основной ошибки», благодаря которой Маркс забыл сказать, что стоимость создается не только трудом.

Итак, призванная на помощь теория «двойственного характера» делу не помогает. Факт остается фактом. Рабочий класс из году в год создает 9000 единиц стоимости. Доктрина Маркса имеет целью доказать, что он производит ежегодно только 3000. Теория «двойственного характера труда» служит лишь для того, чтобы ловчее было «сохранять» и «переносить» поглащающую весь рост производительности труда сумму в 6000, так что она «по природе вещей» не может войти в фонд вознаграждения непосредственных производителей.

*

Решив открыть сущность капиталистического строя в пределах обособленного индивидуального хозяйства, Маркс, как сказано выше, разъединил процессы «сохранения» стоимости средств производства и одновременного их «возмещения натурою», т. е. стоимость средств производства от создающего эту стоимость живого труда. После этого оказалось неизбежным признать в стоимости средства производства только прошлый мертвый труд, т. е. признать за прошлым трудом

абсолютную стоимость. Вместе с тем, между категориями постоянного и переменного капитала вырыта такая пропасть, какой в действительности нет. Эти категории, как мы видели, приведены сверх этого в связь с «вечным процессом труда» независимо от формы общественного строя, с «вечным обменом материи между человеком и природою». Эти категории, в некотором роде, отражения условий этого вечного процесса, отражения в капиталистическом мире, в соответственных капиталистических рамках.

Благодаря такому возвеличению капиталистических категорий, марксизм сам, собственноручно, а ригорист создал то противоречие (несоответствие в отдельных предприятиях прибыли с количеством применяемой в них живой рабочей силы), которым пользуются противники теории трудовой стоимости для ее опровержения. Энгельс принужден был в конце концов признать самым ясным образом, что закон трудовой стоимости осуществляется лишь до средних веков, а, с прогрессом капиталистического способа производства, он все более нарушается благодаря законам, управляющим прибылью. Это заявление есть, конечно, предпосылка для признания необходимости пополнения другими теориями теории трудовой стоимости, как несостоятельной. Ортодоксия оказывается беспомощной ввиду этой необходимости.

Марксизм, возвеличивая неподобающим образом капиталистические категории, отрезывает одновременно всякий путь к приведению постоянного капитала в связь с движением живой рабочей силы. Ортодоксы, желающие подчеркнуть «натуралистическую», по выражению Струве, сторону теории, не могут этого делать иначе, как подчеркивая одновременно абсолютную стоимость прошлого труда. При этом они доходят до прямо ретроградных выводов, вроде объяснения Богданова в «Научн. Об.», по которому — стоимость есть простое арифметическое среднее(!) всех действительно затраченных количеств труда в различных, по степени техники, предприятиях.

По убеждению марксистов, постоянный капитал, повидимому, не причастен к движению рабочей силы даже в той мере, в какой причастен денежный капитал. В отношении последнего они, конечно, видят, что он дает прибыль потому, что приводит в движение рабочую силу. Но они не в состоянии увидеть такого же действия со стороны постоянного капитала.

В полемике с берштейнцами ортодоксы попадают поэтому постоянно впросак. Они, напр., воображают, что враг скрывается под «условиями производства», вместо согласных с ортодоксией «условий производства». Они защищаются, прибегая к «мертвому труду». Они даже не предполагают, что удержание и консеквентное проведение теории трудовой стоимости требует сведения Марксова «прошлого труда» к «живому». И вот получается интересное явление:

о том что «мертвый труд», а значит и вещи не обладают абсолютной стоимостью, знают не те, кому, как они говорят о себе, нужно доказать, что стоимость создается только живым человеческим трудом (ортодоксы), а те, кто отверг теорию трудовой стоимости и заменяет ее другими (Струве, Туг. Барановский). Ортодоксы защищают «мертвый труд» для того, чтобы «критические марксисты» имели возможность внести в марксизм вместо «мертвого труда» — «редкость», как источник прибыли. Или, другими словами, «мертвый труд» исчезает из марксизма постольку, поскольку вводится «теория полезности».

При проверке марксовской доктрины на всем капиталистическом производстве, где приходится иметь постоянно в виду, что все потребляемые средства производства одновременно «возмещаются натурой», — категории постоянного и переменного капитала, возвеличенные Марксом до неподобающей им высоты, падают с нее и сводятся до надлежащего своего значения.

Именно: так как то, что у одного капиталиста является постоянным капиталом, у другого получается в виде продукта, в виде затраты переменного капитала, то эти категории существуют только с точки зрения отдельного капиталистического предприятия. Притом, они следуют исключительно из «разделения труда» между капиталистами. Переменный капитал есть та часть капитала отдельного капиталиста, которую он затрачивает на покупку рабочей силы непосредственно; постоянный капитал он затрачивает также на рабочую силу, но посредством своего товарища капиталиста, доставляющего ему необходимые средства производства. Ведь капиталист, покупая у другого капиталиста средства производства, делает тем самым заказ на новые их экземпляры, а стало быть, поручает пустить в ход соответственное количество рабочей силы. Ясно, что он, виновник этого действия рабочей силы, должен быть соучастником плодов ее эксплуатации, должен получать прибыль от труда рабочих, пущенного им в ход, как непосредственно, так и посредством другого предпринимателя. Категории постоянного и переменного капитала не имеют никакого применения по отношению ко всему капиталистическому производству. Они здесь не существуют.⁸

⁸ Указание Смита на то, что всякий постоянный капитал представляется состоящим из «доходов», если только переходить мысленно от одного хозяйства к другому, Маркс насмешливо называет рекомендацией «ходить от Понтия к Пилату» и говорит, что никто не поверит Смигу на-слово до тех пор, пока тот не представит таких предприятий, в которых весь продукт действительно состоял бы только из доходов. Но как мы видели выше, Смит, по мнению Маркса, вполне прав, поскольку дело касается потребительного фонда общества в 3000. «Хотя, говорит Маркс, для капиталистов II стоимость их продукта распадается на $c+r+m$, но с общественной точки зрения, стоимость этого продукта может распасться только на $r+m$ ».

Но разве здесь самому Марксу не приходится «ходить от Понтия к Пилату»?

Благодаря указанному возвеличению категорий индивидуального капиталистического хозяйства и перенесению их целиком на все капиталистическое производство, общественный постоянный капитал получил от Маркса такое право на существование, какого у него нет. По Марксу, его наличие проистекает из условий человеческого производства вообще, из условий «вечного обмена материи между человеком и природою», т. е. ему дано такое право на существование, какого требовал для него Родбертус.

Подобно тому, как в частном капиталистическом хозяйстве, кроме переменного капитала, фонда заработной платы, капиталисту необходима сумма стоимости, воплощенная в средствах производства, — подобно тому, по Марксу, во всем производстве, кроме общественного переменного капитала, имеется сумма стоимости, не могущая, «уже по своему натуральному виду», войти в потребление, а постоянно заключенная в средствах производства. Следовательно, существование такого общественного постоянного капитала обусловлено не современными имущественными отношениями классового строя, а просто... природою вещей. И в голове «ученика» несомненно вырабатывается и закрепляется представление: так как человеческое производство немисливо без средств производства, то всякий строй должен обособить из своего богатства фонд, не могущий никогда войти в потребительный фонд.

«Общественный постоянный капитал»! Марксист думает, что он составил себе о нем определенное понятие, за которым стоит такая осязательная реальность, как «средства производства» общества. Он ни разу не подумал о том, что какое он не вообразит «средство производства», оно окажется средством производства лишь для частного или частных капиталистических предприятий, но никогда для всего общественного производства. Ибо тут же рядом, в другом капиталистическом предприятии, это «обществен-

И не принужден ли теперь его читатель «поверить Марксу на слово» в том, что он действительно нашел то, чего требовал от Смита; т. е. такие предприятия, в которых продукт распадается только на $r+m$, нашел только в производстве II подразделения; и что только открытие таких предприятий побудило его признать верность Смитова учения относительно общественного потребительного фонда?

Но почему, по мнению Маркса, нельзя таким же образом разложить всего общественного продукта? Потому, что остальная стоимость i , в особенности, $4000c$ I никогда в стоимость, раскладывающуюся на «доходы», т. е. в потребительный фонд войти не может, как бы она ни возрастала. Критическое замечание Маркса, составляющее не более как красное словцо, закрывающее лишь несообразность его требования, предъявленного Смигу, заставляет читателя предъявить самому Марксу очень основательное требование, чтобы он показал хоть одно такое орудие труда, стоимость которого не входит в тот или иной предмет личного потребления; тем более, что указанная особенность $4000c$ I играет, как сейчас увидим, очень важную роль.

ное средство производства» есть продукт труда, продукт затраты переменного капитала. Марксист никогда не подумал, не есть ли 4000 с в I подразделении, этот, так сказать, абсолютный постоянный капитал, которому уже никогда не суждено иметь ни малейшей связи сг и см, не есть ли этот абсолютный капитал — чистая фикция, продукт воображения. Но раз эта фикция закреплена бесповоротно в научную теорию, покажется чистой нелепостью всякая мысль о том, что в стоимости общественного годового продукта нет ничего, кроме двух «доходов» ($г + m$), т. е. стоимости необходимых средств существования рабочих и стоимости создаваемых этими рабочими предметов потребления для всех имущих классов.

А где же средства производства, где общественный постоянный капитал? — спрашивает с недоумением обладатель фикции.

«Представляется неразрешимой загадкой», читаем в III т. "Капитала" на стр. 697: «каким образом... когда стоимость всего продукта может быть потреблена в виде дохода, может возместиться прежний капитал».

Маркс, повидимому, совершенно забывает об особенном свойстве одного из «доходов», — заработной платы. Потребление «дохода» — заработной платы есть нечто, совершенно отличное от потребления других доходов (спор ведется с классиками, значит речь идет о 3-х доходах: заработной плате, прибыли и земельной ренте), и только в очень переносном смысле можно его ставить на одну доску с последними. Этот «доход» обладает таким свойством, что его потребитель, раньше получения своего «дохода», предварительно в о с п р о и з в о д и т долю к а п и т а л а. Рабочие, занятые в сфере заготовления необходимых обществу орудий труда, получают свой «доход» только в том случае, если каждый из них воспроизведет определенную долю этих орудий. Равным образом, рабочие, занятые при добывании сырых материалов, не потребят своего «дохода», если не заготовят всех необходимых производству сырых материалов.

И раз рабочие получили свою заработную плату, свой «доход», раз им выдан весь, по терминологии Маркса, «переменный капитал», то это одно обстоятельство уже значит, что имеются в наличии все нужные обществу постройки, фабрики, машины, орудия труда, всякий сырой материал, одним словом, весь марксистский общественный постоянный капитал. Вот благодаря этому-то свойству «дохода» рабочего класса, делается разрешимой та неразрешимая для Маркса загадка, «каким образом может возместиться прежний капитал», «когда стоимость всего продукта» будет «потреблена в виде дохода». Не существует никакая специальная операция для возмещения «общественного постоянного капитала». Всюду операция одна и та же: за доставление руками рабочего содержания его эксплуататорам, рабочему выдаются

лишь необходимые для поддержания его рабочей силы средства существования. Не существует никакого специального фонда, «не могущего войти в потребление» и предназначенного для приготовления средств производства: рабочие, получившие свой «доход», уже «возместили натурою» марксистский «постоянный капитал».

Чего же домогается Марксова доктрина о необходимости выделения из годичной стоимости большей ее части в пользу «общественного капитала»?

*

Та реальность, которую пытается присвоить себе марксистский постоянный капитал — средства производства в их натуральном виде, — не есть, как мы только что видели, его реальность. Средства производства, как вещи, составляют результат затраты переменного капитала. В связи с этой реальностью, именно как постоянный общественный капитал, марксистская категория есть фикция.

Но если постоянный общественный капитал, как особый, не могущий войти в личное потребление, фонд, есть фикция, то капитал, конечно, очень освязательная реальность, гнетущая миллионы и приговаривающая массы к нищете и голодной смерти; но это реальность не вещей, а реальность «социального и мущественного отношения».

«Новейшая политическая экономия» защищает не истину о вечном несоответствии в человеческом производстве общественного продукта с общественным доходом; не принцип «вечного обмена материи между человеком и природою». Она защищает право меньшинства на владение человеческим наследством, право господствующего образованного общества на владение всею цивилизацией. Весь рост богатства она обособляет в такую отвлеченную категорию — средства производства в их натуральном виде, — чтобы никакой общественный катаклизм не был в состоянии перевести это богатство в руки непосредственного производителя.

Обособленная Марксом в недоступную категорию, сумма годичной стоимости в 6000 «уже по своему натуральному виду» не может войти в фонд потребления. Даже с той точки зрения, которая развита в первых главах 1-го т. «Капитала», это положение совершенно не состоятельно.

Продукт, который только в определенном натуральном виде (здесь в виде средств производства) представляет известную стоимость, еще не обладает той стоимостью, о которой нас там учили. Та стоимость имела первым условием своего существования отвлечение от всякого натурального вида товара, ибо она выражала всеобщую общественную потребительную стоимость. Здесь же перед нами появляется какая-то другая, несовер-

шенная стоимость. Но следовало предварительно создать такой вид стоимости и открыть в обращении товаров новый вид орудий обмена, который бы имел силу только в границах такой стоимости, ибо деньги, как известно, в с е о б щ и й эквивалент, и никакой их вид не имеет того свойства, чтобы служить эквивалентом только в сфере средств производства.

Затронутая нами сторона вопроса ярче всего обрисовывается при рассмотрении 4000 с I, той Марксовой категории, которая, как мы сказали выше, представляет собой, в некотором роде «абсолютный постоянный капитал». Эта категория построена исключительно для того, чтобы приютить в безопасной гавани все растущую долю отнимаемых у рабочего класса плодов его труда, все растущее богатство, поглощаемое привилегированным обществом. Она очень надежное убежище, ибо она конструирована, как хранилище, в котором современное человечество накапливает богатства, производительные силы для будущего социалистического строя. Это основа всего русского «неомарксизма» и источник того товарного фетишизма, который давит на Скворцовых, по их собственному признанию, со всех сторон, со стороны каждого русского марксиста, и которого они усмотреть все-таки не могут.

Чтобы показать всю фантастичность построения этой статьи Марксовых схем, мы прежде всего припомним то, что сказали выше: процесс создания стоимости средств производства на сумму в 6000 нужно так или иначе себе представить, ибо в противном случае доходишь или до абсурда, или до настоящей потребности призвать на помощь теорию редкости. Значит, и 4000 с I должны так или иначе создаваться реальной затратой рабочей силы. Марксисту можно лишь «переносить» момент этого процесса с предыдущего года на данный, с данного на будущий. Но ежегодно эти орудия труда должны быть создаваемы, ибо если их не заготовить в любой год, то в следующем году не окажется капитала на сумму в 6000.

Согласно принятому предположению, норма эксплуатации 100 %, т. е. рабочая сила, создающая стоимость в 2, требует, для удержания ее при жизни, предметов потребления на сумму в 1. Создание стоимости 4000 с I требует, согласно Марксову условию, предметов потребления на сумму 2000. Но откуда же их взять, если весь «общественный переменный капитал» = 1500, и притом он уже целиком ушел на приготовление общественного потребительного фонда, стоимостью в 3000? Даже если бы заставить эксплуататоров голодать для спасения Марксовой схемы, то все-таки на имеющийся потребительный фонд общества стоимостью в 3000 можно доставить общественного продукта лишь на сумму в 6000. Между тем, создавать нужно ежегодно 9000: 3000 для потребления в истекшем году, а 6000 для «перенесения» на следующий год.

Если прочесть во 2-м т. параграф, имеющий целью разъяснить сущность «абсолютного» постоянного капитала (стр. 319-322), то, за исключением положений, уже многократно высказанных раньше и рассмотренных нами выше, все содержание этого параграфа сведется к повторенной там несколько раз фразе: «Продукты эти (4000 с l) "просто перемещаются"» между различными отраслями, заготавливающими их. Конечно, на бумаге все очень просто перемещается. Реальность жизни, однако, не представляется столь простою.

Рабочие, создавшие «абсолютный постоянный капитал», стоимость которого (4000), согласно Марксу, уже абсолютно никогда не сможет войти в фонд потребления, получают, как везде, за свою работу денежную плату; получают известную сумму денег, свидетельствующую о том, что они произвели предметы личного потребления. Именно таким парадоксальным языком говорит их денежная плата, вопреки тому очевидному факту, что они произвели машины, потребить которые лично нет возможности. То же самое говорит и другая часть произведенного ими продукта, прибыль фабриканта, вырученная им в денежной форме, которая в любой момент может превратиться в какие угодно предметы потребления. Итак, рабочая сила, действующая в сфере приготовления средств производства, создает, однако, средства потребления. Если в этой области будет затрачено труда меньше, положим на 100, то как раз настолько же уменьшится стоимость общественного потребительного фонда. С увеличением затраты труда в этой области, — увеличением, конечно, целесообразным, — растет в такой же мере стоимость потребительного фонда. Одним словом, сколько затрачивается общественно-необходимого труда во всех отраслях производства, на такую сумму имеет общество предметов потребления. Вся стоимость годового продукта, произведенная рабочим классом, сверх уделяемой ему доли для поддержания его рабочей силы, преподносится господствующему образованному обществу в виде предметов личного потребления; в виде, соответствующем, конечно, его многосложному и утонченному вкусу.

Каким образом, спрашивает Маркс, если каждый товар состоит из $r + m + c$, сумма всех товаров может состоять из $r + m + o$? (Кап. III, 697).

Из вышесказанного следует: «с» есть категория индивидуального предприятия; «r» другого индивидуального предприятия, имеющего хозяйственную связь с первым, обособляется у первого в форму «с», которая по отношению ко всему капиталистическому производству лишена всякого содержания.

Марксову вопросу противостоит другой вопрос. Если в частном капиталистическом предприятии рабочий создает только $r + m$,

то где же и кем создается еще какая то особая стоимость, общественное «с»? Такой стоимости нет.

Как в индивидуальном хозяйстве, так и во всем капиталистическом производстве создается лишь $г$ и $т$; средства производства в их натуральном виде уже являются результатом движения $г$, результатом действия рабочей силы, оплачиваемой из $г$. Общественный капитал есть только экономическое отношение, определяющее это деление всей произведенной стоимости меж $г$ и $т$, отношение, в силу которого у рабочего из произведенной стоимости отнимается часть, заключающая все плоды роста производительности труда и вручается в виде прибыли владеющему обществу.

Возмещение стоимости общественного капитала и есть вручение национальной прибыли всем эксплуататорам рабочего класса.

Это не два явления, которые можно разъединить; нельзя уничтожить одно из них — прибыль эксплуататоров, оставляя при жизни другое — общественный постоянный капитал.

Выводить из условий человеческого производства необходимость фонда средств производства, не могущего войти в потребление, значит доказывать необходимость эксплуатации для существования человеческого общества.

Возмещение стоимости общественного капитала обеспечивается признанием стоимости за прошлым трудом. Предоставление господствующим классам национальной прибыли, т. е. фонда для их паразитной жизни, или возмещения стоимости капитала господствующего общества, есть не что иное, как выделение из стоимости плодов живого труда определенной суммы для возмещения признанной стоимости прошлого труда, которым владеет господствующее образованное общество.

В доктрине Маркса за прошлым трудом признана стоимость а priori. Сообразно с этим, для раскрытия эксплуатации и была выбрана такая сфера, где стоимость прошлого труда могла быть удержана при жизни — индивидуальное предприятие. И доктрина поспешила связать свои недостаточные выводы с принципами «вечного обмена материи между человеком и природою». При анализе всего капиталистического хозяйства доктрина неизбежно должна была прибегать к софистике и впадать в противоречие с теорией трудовой стоимости, ибо этот анализ неумолимо выдвигал все один и тот же факт, а именно: *стоимость создается только живым трудом; «прошлый труд» считается стоимостью только по праву классового строя, только ради обеспечения владения господствующих классов.*

Маркс, приступая к анализу всего капиталистического производства, говорит: имеется стоимость прошлого труда на сумму 6000. Маркс не замечает, что он признает стоимостью в вещь. Предвзятая

доктрина отрезала всякий путь к познанию того, что имеющиеся от прошлого средства производства получают стоимость лишь постольку, поскольку их придется возместить натурой, поскольку будет затрачен на их воспроизведение живой труд. И вот он проповедует: эта стоимость создана «годом раньше и еще раньше». Когда господствующее общество определяет свое имущество в 6000, — что оно определяет? труд ли дедов и прадедов настоящего поколения, который оно может увидеть «овеществленным» в своих зданиях, кораблях, железных дорогах и т. п.? Нет, оно определяет количество живого труда, живой рабочей силы своих рабов; размер вполне свежих плодов их труда, которые достаются ему потому, что оно владеет вещами, прошлым трудом.

Уничтожение эксплуатации, превращение человеческого наследия в общую собственность есть лишение «прошлого труда» его стоимости, защищаемой всеми орудиями господства.

Глава IV

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОЦИАЛИЗМ

Развитие капиталистического способа производства является, по учению классиков, развитием национального богатства, ростом «чистого дохода нации», «чистой национальной прибыли».

Размерами последней определяется и «могущество страны» и ее культура; она представляет фонд, доставляющий содержание всему непроизводительному труду, т. е. всему образованному обществу.

Казалось бы, что поскольку резче и ярче вскрывается источник прибыли, постольку рельефнее должна выступить «чистая национальная прибыль». Однако «научный социализм», при помощи разобранных в предыдущих главах предвзятых теоретических предпосылок, поставил дело совершенно иначе.

Во всех экономических сочинениях Маркса мы не найдем установленной классиками категории «чистой национальной прибыли». Она бесследно исчезла.

Прибыль, в качестве потребительного фонда привилегированных классов, по марксистскому учению, существует лишь, как потребление «относительно небольшого числа капиталистов и крупных земельных собственников», и составляет только долю той стоимости, которая отнимается у рабочего класса. Остальная часть

накапливается капиталистами и превращается в общественный постоянный капитал, все более растущее количество средств производства, как выражение свойственного капитализму стремления к беспредельному развитию производительных сил, в чем и заключается его прогрессивная сторона.

Богатство страны не выражается, значит, в росте «чистой национальной прибыли», как потребительного фонда всего привилегированного общества, а в росте производительных сил страны, не справляющемся ни с чьим потреблением. Поэтому нередко национальное богатство растет, а «национальное» потребление падает. Капитализм попадает, таким образом, самой своей прогрессивной стороной в вопиющее противоречие, которое предполагает его неизбежное падение.

Это своеобразное противоречие капитализма между национальным производством и «национальным потреблением» констатировано научным социализмом не вчера только. И однако с этим вопиющим противоречием капитализм преспокойно живет и преуспевает. И что самое главное, те, кто предвещали капитализму скорую гибель от этого противоречия, чем дальше, тем больше приходят к убеждению в жизнеспособности капитализма, обещающей ему еще продолжительное существование. Самые горячие русские головы констатируют факт, что в России нет ни малейшей силы, способной поколебать капиталистический строй (Бельтов). Самые горячие русские сердца с восторгом восклицают: «Капитализм выведет нас на свет Божий» («Новое Слово»). Эта проповедь ведется в России одновременно с повальными голодовками. Очевидно, последние или не выражают точно противоречия между капиталистическим производством и потреблением, или они еще слишком ничтожны и не достигли еще той степени развития, которая была бы в состоянии преодолеть всю «прогрессивность капиталистических противоречий».

Те, кого капитализм не думает «выводить на свет Божий», начнут, наконец, задаваться вопросом, почему капиталистическое «прогрессивное» противоречие и не думает проявлять своего действия, своей «исторической миссии»? Почему оно ничуть не оказывается «источником бесперывной неутомимой смены общественных форм»?

Раз капиталистическое противоречие так превосходно компенсируется своей прогрессивностью, то, очевидно, последняя удовлетворяет какие то реальные интересы людей. Научный социализм поясняет, что прогрессивность капитализма состоит в развитии им производительных сил до их несовместимости с капиталистическим строем, в создании им предпосылки для более справедливой общественной формы. Стало быть, эта капиталистическая прогрессивность удовлетворяет, повиди-

тому, о б щ е ч е л о в е ч е с к и е интересы. Но человечество еще не дошло до такого состояния, чтобы видеть действия такого рода интересов. До сих пор реальными силами остаются т о л ь к о к л а с с о в ы е интересы.

Рост капиталистического прогресса немислим без роста образованного общества и интеллигенции, армии умственных рабочих. Даже те, которым интересно называть этот класс н е и м у щ и м и, образованным п р о л е т а р и а т о м, не могут скрыть того факта, что интеллигенция по своему жизненному уровню приближается к буржуазии (Каутский), т. е. что она так же, как и буржуазия, пользуется привилегированным доходом. Стало быть, рост капитализма означает рост «нового среднего сословия», достигающего с его развитием своего буржуазного уровня жизни.

По мере того, как выставляемое марксизмом капиталистическое «прогрессивное» противоречие все более будет проявлять свое бездействие, пролетарий все более будет приходить к познанию, что это противоречие не приводит к гибели капитализма именно потому, что прогрессивная его сторона удовлетворяет реальные экономические интересы образованного общества. Прибыль, взимаемая капиталистами, обеспечивает паразитное существование не только «горсти капиталистов и крупных земельных собственников». Она дает возможность всему образованному обществу обладать буржуазным уровнем жизни. Образованное общество, вся армия умственных рабочих есть потребитель «чистой национальной прибыли».

По мере этого познания перед пролетарием будет обнаруживаться все более та общественная сила, которая до сих пор самым старательным образом скрывала свою природу от его глаз и отождествляла себя с ним, — у м с т в е н н ы й р а б о ч и й. Пролетарий познает, что он слишком доверчиво отнесся к этой силе, которая нападает вместе с ним на капитал, но по своим соображениям. Ибо нападение умственного рабочего означает требование «справедливого» распределения национальной прибыли между образованным обществом, которому наносит обиды горсть плутократов, «промышленных феодалов». Оно означает у интеллигенции стремление к достижению своего законного положения в классовом строе, каким всегда пользовались в нем ученые и все, обладающие знанием. По мере того, как пролетарий перестанет окончательно смотреть на армию умственных рабочих, как на союзные «пролетарские батальоны», и посмотрит на нее, как на привилегированный, господствующий над ним класс; по мере этого и тем же самым видоизменится и то социалистическое учение, которое зародилось в период полного доверия к «умственному рабочему». Ясно, что в этот период борьбы, когда враг признавался другом, и эксплуатация

рабочего класса, и основа классового господства, и цель борьбы могли быть раскрываемы лишь постольку, поскольку это не мешало специальным интересам умственного рабочего.

Цель пролетарской борьбы научный социализм установил как преобразование товарного производства в социалистическое путем перевода в общественную собственность земли и всех средств производства.

У Каутского во многих местах читатель найдет пояснение, что социалистическая мысль лишь после продолжительных блужданий по дебрям утопизма пришла к тому научному выводу, по которому уничтожение эксплуатации не требует изъятия из сферы частной собственности предметов потребления, как думает грубый первобытный коммунизм, а только средств производства. Нужно предполагать, что, согласно этому взгляду, и «Коммунистический Манифест», провозгласивший просто упразднение частной собственности вообще, не высказал еще «конечной цели» в ее наиболее совершенном виде.

Насколько вышеприведенная формула имеет в виду специальные интересы умственного рабочего? Прямых разъяснений этого вопроса нельзя, конечно, искать в соц.-дем.-ческой литературе, которая предназначается для пропаганды в среде рабочего класса. С нее довольно и тех заслуг, что в этой пропаганде она сумела скрыть от глаз пролетариата специальные интересы умственных рабочих, объявляя их несуществующими, поучая о том, что интеллигенция непричастна к эксплуатации и живет реализацией своей умственной рабочей силы, популяризируя ту абстрактную экономическую доктрину, которая заключает в себе обеспечение владения образованного общества.

Но «безошибочная» формула научного социализма есть вместе с тем социалистическая формула Родбертуса. Последний, правда, предпочитает употреблять выражение — «переход в руки государства собственности на капитал» вместо — «перехода в руки общества собственности на средства производства»; но читатель найдет у него, наряду с первыми, и последние выражения. Так как Родбертус объясняет социалистическую формулу образованному обществу, то у него мы найдем непосредственные указания, насколько эта формула может удовлетворить специальные интересы умственного рабочего.

Во «Втором социальном письме» читаем на стр. 114:

...«Судья,.. врач... учитель... получают доход, при создании которого они не затратили своего труда, который, несомненно составляет продукт не их труда. Но все эти лица получают свой доход из того, что экономисты назвали "вторичным разделением бо: атств", из дохода

других, кто участвует в "первоначальном распределении богатств". Первые получают доход от последних или непосредственно, или посредством государства в качестве вознаграждения за столь же тяжелые, как и необходимые или полезные услуги, оказываемые ими обществу. Но есть в обществе лица, которые участвуют в первоначальном распределении богатств и из него получают свой доход, не участвуя в его приготовлении и не оказывая взамен его никаких услуг... Здесь участвует в доходе землевладелец, который ничего не делает, взамен за свой доход; который отдает лишь свой кусок земли другому для возделывания и прячет в карман получаемую ренту. Там капиталист получает тот же удобный доход в виде процентов. Предприниматель даже может управлять своим предприятием при помощи оплачиваемых им директоров».

Может иному соц.-д.-ту будет неприятен стиль этого места. Но он должен признать, что содержание его в точности передает смысл Эрфуртской программы, по которой «нерабочие» в современном обществе только капиталисты и крупные земельные собственники; и совершенно согласно с общим учением соц.-д.-ии, по которому интеллигенция непричастна к эксплуатации и живет реализацией своей рабочей силы. На стр. 212 по этому же вопросу говорится следующее:

«Если я утверждаю, что институт частной собственности на землю и капитал есть причина того, что у рабочих отнимается часть их продукта, то я этим не хочу, однако, сказать, что умеющие при помощи известного капитала занять производительно большое число рабочих, не должны получать вознаграждения за эту их общественную услугу. Здравый человеческий смысл нельзя в этом отношении ввести в заблуждение. Нужны не только знания, но и нравственная сила и деятельность для того, чтобы в определенном производстве с успехом руководить большим числом рабочих... Этого рода услуг, однако, производительный рабочий сам не оказывает и по природе своего занятия не в состоянии оказать. Но эти услуги абсолютно необходимы в национальном производстве. Поэтому, доколе всякая общественная услуга может заявлять притязание на вознаграждение, никто не станет сомневаться, что капиталисты и земельные собственники, предприниматели и руководители предприятий могут требовать своего вознаграждения за вышеуказанные полезные и необходимые услуги с таким же правом, как всякий другой за услуги другого рода... как например, министр торговли или общественных работ, предполагая, что он выполняет свою обязанность. Далее, эти услуги, так же как и услуги судей, учителей, врачей и т. д. могут получить свое вознаграждение только из продукта рабочих, ибо нет другого источника материального богатства».

Родбертус, исходя из основного положения соц.-д.-ии о том, что интеллигенция непричастна к капиталистической эксплуатации, взяв за руку соц.-д.-та, доводит его консеквентно до защиты... трудолюбивых предпринимателей. Но грешит ли Родбертус против научной стороны научного социализма? Ни в коем случае. Его социалистическая наука отличается такую же точностью, как и всякая наука. В данном случае, наука защищает ту истину, что отнятие средств производства у собственников земли и капитала не значит отнятие у них, как у умственных рабочих, плодов их умственного труда. Предприниматель — эксплуататор, поскольку он взваливает управление предприятием на своего директора. Но если он лично заведует предприятием и потребляет доход не выше, напр. «товарища» Мильерана, он — умственный рабочий, реализующий свои особые таланты и способности, как говорит Каутский, или свое умение управлять толпой рабочих, как грубо выражается Родбертус.

Если это разъяснение помогает мирному решению «социального вопроса» между «предпринимателями» и «пролетариями» — Мильеранами, то оно, очевидно, совсем не касается того социального вопроса, который занимается положением «производительного рабочего», положением, благодаря которому последний, несмотря на все социалистические преобразования, является неспособным, по природе своего занятия», оказывает такие «услуги», какие оказывают «товарищи» Мильераны. Государственному социализму Родбертуса, «требующему труда от всякого» члена общества, читатель предъявит веские возражения с точки зрения пролетарского социализма лишь тогда, когда он затронет ту эксплуатацию, которой подвержен пролетарий, т. е. рабочий физического труда, со стороны образованного общества, т. е. со стороны умственного рабочего.

В «4-ом социальном письме», на стр. 86, говорится об этом же вопросе следующее:

«На ту часть национального продукта, которая подлежит распределению в виде дохода, имеет право не только рабочий, шлифующий, напр., беспрестанно кончик иголки, но и всякий, кто занимается научными или художественными работами, кто исполняет постоянные или меняющиеся общественные функции, называемые в настоящее время должностью. Ибо в общем разделении труда последний является таким же сотрудником, как и первый; и если производители материальных благ пользуются произведениями ученых и художников, — и потому ведь только они и в состоянии заниматься исключительно производством материальных благ — то и ученые и художники могут взять на себя исключительно создание умственных и художественных сокровищ только потому, что они пользуются предметами потребления, которые создаются другими. К потреблению всего призваны все, но

производство предметов потребления, труд остается специальностью».

О великом счастье шлифовальщика содействовать, благодаря своей специализации раба, развитию наук и искусств, о великой для него чести участвовать, благодаря той же специализации, в трогательном сотрудничестве с учеными и художниками, обо всем этом экономист, признающий «обобществление», говорит с такою же грубою откровенностью и нахальством, как классики, считавшие вечным капиталистический строй. Вот как истинная социалистическая наука должна толковать соц.-д.-ое учение о том, что «знание — рабочая сила». Обладатели этой рабочей силы, ученые, доставляющие шлифовальщику столько счастья и наслаждения произведениями наук и искусств, вместе с тем его сотрудники, товарищи в разделении труда.

К вышеприведенному месту Родбертус делает следующее интересное примечание:

«Это отношение дало повод к ошибочному стремлению расширить область политической экономии и на всеобщее разделение труда (в обществе) и унижить, таким образом, нематериальные блага до уровня хозяйственных благ. Но... хотя область политической экономии и обнимает те материальные продукты, которые предназначены производителям нематериальных благ, однако, она не обнимает собою услуг, оказываемых взамен последними».

Это определение политической экономии признает, конечно, не только Родбертус; его признают и все экономисты; его признают фактически так же и те, которые, по остроумному замечанию того же Родбертуса, говорят в предисловиях своих книг о равнозначности, в экономическом отношении, труда физического и умственного для того, чтобы всем содержанием этих книг, не заключающих ни слова о произведениях умственного труда, доказать противное. Это замечание может относиться и к Марксову трактату, поскольку верно утверждение Зомбартов и Ратнеров, что Маркс считал «производительным» труд умственный, наравне с физическим. С другой стороны, единственная постоянная величина, которой обусловлено существование политической экономии, есть стоимость рабочей силы. Расчеты экономистов реальны, ибо реально постоянство этой величины, — размер заработной платы, удерживаемой господствующими классами на том уровне, который они соблаговолят признать необходимым для поддержания жизни рабочей силы. Эта постоянная величина получается, однако, только потому, что экономисты, следуя опять-таки за реальной действительностью, ограничили ее существование только в области производства «материальных благ», т. е. в области физического труда. Таким образом, наука — политическая экономия своею научною основою, значит всею своею общепризнанной сущностью, про-

тестует против всякой попытки «унижения нематериальных благ до уровня хозяйственных благ»; протестует против всякой попытки унижения «производителей нематериальных благ до такой степени, чтобы к ним можно было применять категорию стоимости рабочей силы»; против всякого требования у них какого либо отчета в том, сколько они оказывают услуг взамен за получаемый ими в виде материальных благ доход.

Спрашивается, может ли научный социалист, постоянно жалующийся на то, что капиталисты бесповоротно лишили интеллигенцию ее господства, которым она обладала в других общественных формациях, может ли он указать нам хотя бы одно покушение капиталистических экономистов на существование политической экономии, так красноречиво протестующей против «унижения интеллигентов». Нет, лишь призраки рисует ему его пылкое воображение, столь впечатлительное к страданиям интеллигентов, воспитанных для теплых местечек и, однако, вследствие анархии производства их не получивших.

Вышеприведенные обстоятельные разъяснения, даваемые Родбертусом образованному обществу, занимают в его первом труде 42 г. очень мало места и сводятся к следующему:

«Чем более сумма ренты (прибавочной стоимости), тем большее число людей может, не прибегая к производительному (в хозяйственном отношении) труду, жить и посвящать себя другим занятиям. Но величина суммы ренты зависит... от степени производительности труда. Отсюда понятно, насколько глубоко затронуты высшие области государственной жизни в хозяйственной жизни. Чем больше производительности, тем богаче может быть умственная и художественная жизнь нации; чем меньше первая, тем беднее вторая».

Как ни откровенно это место, не старающееся пустить в глаза того марксистского тумана, по которому от накопления прибыли возрастают лишь средства производства, не могущие быть никем потреблены; оно, однако, избегает ставить в непосредственную связь ренту с умственной жизнью нации, ибо констатирование этой связи могло бы вызвать у читателя следующую, обнаженную от всяких прикрас, картину: чем выше национальная прибыль, тем больше потребительный фонд привилегированного образованного общества. Не только капиталисты заинтересованы в эксплуатации пролетария и размерах прибыли, но и все образованное общество. Ибо рабочий эксплуатируется не для праздной жизни лишь горсти капиталистов, а для паразитного существования всего образованного общества, производителей «нематериальных благ». Жизненный уровень рабочего сводится к минимуму средств существования для того, чтобы «умственные рабочие» не находили никаких пределов при «реализации» в форме дохода «своих особенных талантов и способностей». Рабочий не может

пользоваться никакими плодами роста производительности своего труда, ибо этот рост должен увеличить лишь комфорт жизни привилегированного образованного общества.

Если на развитых Родбертусом принципах, которые в сущности являются «строго научным» выводом из Эрфуртской программы, построить схему коммунистического общества, то получится следующая картина:

«Этот строй совсем не необходимо должен быть коммунистическим до такой степени, чтобы вообще он исключал всякую собственность. Собственность исключается совершенно лишь в том случае, если при разделении национального дохода общественный распределительный принцип зависит исключительно от одной общественной воли, руководимой только соображениями целесообразности». Индивидуальная собственность, напротив, существует, если распределительный принцип «независим от такой одной общественной воли», а «напротив, проистекает из некоторого правового принципа, т. е. из принципа, связанного с участием воли индивидуума. В первом случае необходим коммунистический "распределитель", все равно, представляется ли он в виде С. Симонистского папы, диктатора рабочих, или в виде общественной директории; во втором случае его не нужно. А именно, можно представить коммунизм во владении землею и капиталом нации, без коммунизма по отношению к распределению. В таком случае упраздняется лишь собственность, приносящая ренту, а не собственность вообще. Напротив, она тогда именно сводится к своему принципу, к труду, и состоит в индивидуальной собственности рабочего на всю стоимость его продукта». (IV Соц. письмо, стр. 115, 116).

Соц.-д.-тия, под видом того, что всякие разговоры о «будущем строе», сверх общего требования о переходе в руки общества земли и средств производства, были бы лишь утопическими мечтаниями, уклоняется от рассмотрения не только деталей этого «будущего строя» (такое занятие, конечно, совсем непродуктивно), но и от разбора того «правового принципа», который «социалистическое» образованное общество хочет видеть положенным в основу предстоящим обобществлениям. Предоставляя рабочим дома, про себя, одевать в самые прекрасные мечты «будущий строй», она, на деле, все более суживает свои социалистические планы, свой «социалистический идеал» — сообразно с интересами образованного общества, и, таким образом, получает «научный идеал». Мы уже упоминали, что требование «Манифеста» — «упразднение частной собственности», сузилось, вместе с развитием научного социализма, до требования обобществления только средств производства. Не потому ли, что даже такой несоц.-дем.-ий ученый, как Родбертус, признает необходимость именно такого обобществле-

ния — ведь таким образом идеал, несомненно, становится научным. Родбертус, судя по вышеприведенному, очень горячо рукоплескал бы Девилю, заявлявшему в 97 г. в палате, что возмутительную клевету распространяют про социалистов те, кто упрекает их в желании уничтожить частную собственность. Родбертус, несомненно, признал бы своею мыслью следующее заявление Каутского в его «Аграрном вопросе»:

«Цель соц.-дем.-ии не уничтожение частной собственности, а уничтожение капиталистического способа производства. К уничтожению первой она стремится лишь постольку, поскольку оно средство к уничтожению последнего».

Ясно, что тот правовой принцип, который Родбертус кладет в основу своего коммунистического строя, есть лишь общий вывод из того его учения, о «различных общественных услугах», с которым мы познакомились выше. Это учение защищает, ввиду абсолютной необходимости и полезности услуг врача, учителя, судьи, министра, — абсолютное их право на получаемые ими ныне доходы. Оно показывает абсолютную невозможность доставления этих услуг самим «производительным рабочим», и возможность существования наук и искусств лишь при соответственной, на другом полюсе общественной жизни, специализации шлифовальщика.

Если Родбертус говорит, что в его коммунистическом строе «общественное право решает не только о том, какие общественные потребности должны быть удовлетворены, но и сколько отдельные производители внесли для этого удовлетворения» (там же, 136), то ясно, что это общественное право при этих расчетах никогда не «унизит дохода производителей нематериальных благ до уровня дохода производителей благ материальных». Если его строй «сводит собственность к ее принципу, к труду», если этот принцип заключается в «индивидуальной собственности рабочего на всю стоимость его продукта», то «правовой принцип» предварительно решил, что весь доход, получаемый в настоящее время всеми «умственными рабочими», т. е. всем образованным обществом, есть неотъемлемая его собственность, как неоспоримое вознаграждение за его труд, за его «особенные таланты и способности». Одним словом, этот «правовой строй с коммунизмом на землю и капитал и с частной собственностью индивидуума на стоимость его продукта (стр. 116) есть классовый строй с непосредственным — без участия уполномоченных — господством образованного, владеющего всею культурою общества над всем остальным большинством, обреченным на природную неспособность оказывать "нематериальные услуги". Вековая неволя большинства человечества, обреченного на пожизненный ручной труд, ничуть не разрушается. Однако, капиталистический строй не существует, капиталистов-эксплуататоров нет, "товарный обмен неизбежно прекращается"» (стр. 121).

Если вам этот вполне возможный случай удастся, говорит, повидимому, Каутский в вышеприведенном его заявлении, мы согласны, ибо мы «стремимся уничтожить частную собственность лишь постольку, поскольку это необходимо для упразднения капиталистического способа производства».

Каким образом осуществить этот социалистический идеал образованного общества?

«В таком обществе разделение труда может сохранить тот вид, какой оно приняло в настоящее время, при собственности на землю и капитал... Все современные предприятия производили бы те же товары, что в настоящее время, предполагая, что преобразование собственности на землю и капитал в общественную собственность последовало бы таким образом, что ренты не были бы отняты у современных их собственников, а переведены в общественный бюджет. Ибо, так как в последнем случае собственность на землю и капитал не упразднялась бы без вознаграждения, а выкупалась, то в начале продолжалось бы прежнее по виду и размерам потребление и товаров. И только постепенно, и по мере того, как повышался бы рост национального дохода и потребление трудящихся классов, национальная продукция приняла бы видоизмененное содержание. В противном случае, при упразднении собственности на землю и капитал без вознаграждения, т. е. при внезапной, полной гибели ренты, все национальное производство подверглось бы разрушительному замешательству» (стр. 117).

Таким образом, так как при «внезапном полном упразднении частной собственности на землю и капитал» подвергается большой опасности национальная прибыль, которая, кто знает, могла бы быть доведена до полной гибели, то единственно возможным и спасительным путем осуществления социалистического идеала является постепенный переход собственности в руки общества с вознаграждением собственников, ибо в этом случае прибыль не упраздняется, а сохраняется, из частной переходит в национальную, и ее существование обеспечивается всей силой закона и государственной власти.

С тех пор, как Энгельс где-то заявил, что Маркс очень часто в разговоре с ним высказывал мнение, что дешевле всего обойдется «обобществление» путем расплаты с бандой капиталистов, — многие соц.-дем.-ы, «не желая быть больше папистами, чем сам папа» (этому принципу соц.-дем.-ия следовала задолго до того времени, как Бернштейн его формулировал), стали окончательно склоняться к единственно научному методу обобществления посредством выкупа. Каутский, напр., говорит в своей «Эрфуртской программе», что «неизвестно» и «нельзя предсказать», наступит ли обобществление путем выкупа или путем конфискации. Это «неизвестно» значило, однако, уже тогда — «все

равно». Действительно, в своей полемике с Бернштейном, который требует ясного по этому делу ответа, а именно, что «дело не касается ни в коем случае всеобщей, одновременной и насильственной экспроприации, а только постепенной смены, путем организации и закона», — Каутский с напускной наивностью ребенка отвечает, что «для капиталистов не будет составлять никакой разницы, будут ли они экспропрированы одновременно или один за другим, и произойдет ли это при посредстве организации и закона или другим путем; это их также мало будет интересовать».

Так как ни в каком случае нельзя предположить у Каутского такой громадной тупости ума, которая позволила бы считать его наивность искреннею, то, очевидно, весь его прием полемики является в данном случае своеобразным выражением той мысли, что, так как на его взгляд нет никакой разницы между обобществлением путем насильственной экспроприации или путем «постепенной смены силою организации и закона», или даже путем выкупа, то по этому вопросу не может быть никакого серьезного различия во мнениях между Бернштейном и Каутским.

Итак, в то время, как рабочему предоставляется сколько угодно мечтать о том, как соц.-дем.-ия, по достижению своей цели, превратит человеческое общество в одну семью, где будут господствовать братские коммунистические отношения, — соц.-дем.-ая наука вырабатывает такой безошибочный, строго научный путь обобществления, благодаря которому в «будущем строе» потребление трудящихся масс остается в общем в прежних размерах, повышаясь лишь медленно и постепенно».

Сохраненная вышеописанным способом национальная прибыль падает, при обобществлении средств производства в социалистическом строе Родбертуса, в руки законных ее собственников.

« Как сказано раньше (Родбертус имеет в виду свою теорию стоимости, по которой стоимость всех благ равняется непосредственно затраченному труду + прошлый труд, использованный в средствах производства), земельная рента и прибыль на капитал есть не только продукт того, кто в текущем году возделывает поле, но она также, в том или другом отношении, продукт труда того, кто много лет до того времени провел ров на этом поле; не только того, кто сегодня управляет мельницей, но и тех, кто много лет тому назад эту мельницу выстроил. Спор ведется лишь о следующем: во 1-ых, не получит ли земельной ренты или прибыли на капитал такое лицо, которое не прокопало в действительности рва и не выстроило мельницы, или которое не является законным наследником тех, кто это сделал (я устанавливаю тут же наследственное право и прочее свободное распоряжение правами законной собственности)? Во 2-х, спор идет о том, составляет ли земель-

ная рента и прибыль на капитал надлежащее вознаграждение за труд проведения рва и постройки мельницы» (2-ое Социальное письмо, стр. 109)?

На стр. 225 того же сочинения Родбертус говорит: «Наследственное право... является перед лицом закона таким же священным, как и сама собственность».

Вряд ли когданибудь неприкосновенность, вечность наследственного права провозглашалась громче и торжественнее, чем в вышеприведенных словах «ученого, признающего возможным обобщественное хозяйство». И несмотря на это марксисты, столько раз старавшиеся отделить Родбертуса от Маркса, никогда не давали никакого ответа по вопросу о «святости» наследственной собственности. Им даже и в голову не приходит, что та «королевская прусская казарма», в виде которой представляется социалистический строй Родбертуса, есть непосредственное и неизбежное следствие признания ненарушимости наследственной собственности. Ибо неприкосновенность наследственного права при обобществлении средств производства означает не что иное, как неприкосновенность в этом обобщественном хозяйстве» возвышающихся одна над другою привилегий образованного общества; неприкосновенность иерархии государственных чиновников и правителей, и необходимость казарменного режима рабочих масс, вознаграждаемых «по тарифу наемной платы, устанавливаемой властями» (Каутский о Родбертуса).

Требование «упразднения наследственной собственности», которое было выставлено Коммунистическим Манифестом и которое предстоит, для уничтожения неволи, формулировать как упразднение семейной собственности; это требование для марксистов, очевидно просто «устарело», подобно неопределенному и не научному требованию уничтожения частной собственности вообще; и в настоящее время никакая марксистская партия уже не будет столь утопичной, чтобы воскрешать это требование. Против такого воскрешения восставала бы между прочим практическая деятельность самого Маркса в Интернационале. Маркс, проводивший на конгрессах Интернационала резолюции о необходимости перехода в общественную собственность земли, рудников, путей сообщения, считал нужным отклонить на Базельском конгрессе (69 г.) резолюцию Бакунина о необходимости упразднения наследственного права. Он мотивировал это тем, что Бакунин хотел своей резолюцией лишь воскресить учение Сен-Симона (отчет Гаагской комиссии о деле Бакунина). Но ясно, что отклонением резолюции Бакунина не столько был поражен Сен-Симонистский утопизм, сколько обрадован Родбертус, дрожавший за свою священную наследственную собственность.

В настоящее время марксизм, в лице напр., Каутского, учащего, что социализм требует уничтожения частной собственности лишь настолько, насколько это необходимо для перехода средств производства в руки общества, предоставляет своим ученикам смотреть как им угодно на неприкосновенность семейной собственности.

Марксисты, разделяя вместе с Родбертусом его основной взгляд, что социализм отрицает лишь частную собственность на землю и средства производства, имея, стало быть вместе с ним в большей или меньшей степени общий «социалистический идеал», принуждены в его практической деятельности, отличавшейся, как известно, очень сильным консерватизмом, видеть лишь отступление от идеала, непоследовательность с точки зрения познанной им истины, остаток классовых интересов его аристократической среды, который он, несмотря на свой социализм, не был в силах отбросить. Марксисты совершенно не в состоянии понять, что этот, «твердый, как скала» в своих убеждениях, ученый построил свои социалистические планы, свой социалистический идеал сообразно тем классовым интересам привилегированного общества, которые он будто бы, как думают марксисты, защищал только на практике.

«При всем своем стремлении к беспристрастию», писал Валентинов в 82 г. в «Отечественных Записках», «он, Родбертус, никогда не мог возвыситься до того возвышенного беспристрастия, которое заставляет окончательно разорвать с отжившими и осужденными историей традициями». Несмотря «на глубокий теоретический смысл», «теоретическую пронизательность», несмотря «на свое теоретическое признание возможности обобществленного хозяйства», говорит Каутский, «Родбертус оставался слишком консерватором, для того, чтобы признать дело безхозного производителя своим собственным делом».

Санин, почувствовавший историческое призвание углубить марксистскую классовую точку зрения дальше, чем это сделали все жившие до него марксисты, процитировав (в Научном Обоз., 99 г.) вышеприведенное место, остается недовольным не только Валентиновым, но и Каутским, ибо последний, прибегая при суждении о Родбертусе к «теоретическому смыслу», уклоняется от последовательного проведения чисто классовой точки зрения. Он, Санин, объясняет колебания Родбертуса между «социалистическим идеалом» и буржуазными стремлениями, положением всего класса феодалов в буржуазном строе. «Углубленная классовая точка зрения» дает следующую оценку Родбертуса:

«"Хотя" идеал Родбертуса "и напоминает немного королевско-прусскую казарму",... но все-таки это идеал, построенный на идее "обобществления"; во всяком случае, тут (в идеале) в высшей степени ярко выступает безусловно отрицательное отношение Родбертуса ко всем видам присвоения прибавочного труда и его стремление устранить все отношения, которые порождают, или по крайней мере, делают возможной эксплуатацию. Однако же мысль Родбертуса не может удержаться на головокружительной для идеолога феодального собственника высоте этого утопического антибуржуазного идеала и обнаруживает неудержимое стремление к падению из заоблачных сфер на грешную землю чисто буржуазных форм жизни».

Читатель, вероятно, не раз замечал, что от углубления марксистской классовой точки зрения русскими учениками фатально получалась лишь более ловкая игра фишляра с шарами, носящими надписи: «классовая борьба», «пролетарская точка зрения» и пр. Так и в данном случае. «Более поверхностная классовая точка зрения Каутского напоминает нам, по крайней мере, что социалистический идеал Родбертуса, несмотря на "обобществление", все-таки "казарма", более же глубокая классовая точка зрения» Санина уже прямо заявляет: это идеал безусловного «отрицания» эксплуатации и всех видов присвоения прибавочного труда.

Головокружениям, о которых говорит Санин, очевидно подвержен не Родбертус, а марксисты. Родбертус без усталости тыкает пальцем в ту эксплуатацию, на которой он строит свой социалистический идеал: а «ученики», «находящиеся на высоте европейской науки», ошеломленные выставляемой Родбертусом перспективой исчезновения кулаков, производят с пролетарской точки зрения» оценку: несомненно, «тут безусловное отрицание эксплуатации и присвоения прибавочного труда».

«Наследственная собственность столь же священна, как и индивидуальная собственность». Социалистический строй Родбертуса принимает этот вечный институт человеческого общества, как свою исходную точку. При полном обобществлении средств производства все частные капиталы исчезают, но только для того, чтобы превратиться в общественный национальный капитал. Это значит: частные лица передают в руки государства свое право взимать прибыль со своего капитала; т. е. функция удерживания рабочей платы на уровне необходимых для поддержания рабочей силы средств жизни исполняется теперь организованной в государственный закон волей господствующего над рабочими общества, уполномоченными которого являлись до тех пор частные капиталисты. Постоянное возмещение общественного капитала означает постоянную наличность в руках управляющего общества — государства всей той суммы производимого в каждый данный момент богат-

ства, которая остается после выдачи всей рабочей платы «производителем материальных благ», т. е. той суммы, которая беспрестанно растет как раз настолько, насколько растет производительность труда.

Но в обществе нет более капиталистов и наемников их; «уничтожена всякая возможность эксплуатации». Управляющее общество состоит теперь только из одних рабочих, из армии умственных рабочих, у которых нет другого способа получения своего дохода, как только затрата «своей рабочей силы». Эта их рабочая сила, поясняет Каутский, это их знания, их особенные таланты и способности. Это такая рабочая сила, о стоимости которой не смеет говорить грубая политическая экономия; это рабочая сила, которая не может подлежать никакому учету.

Индивидуальная собственность священна, и, стало быть, неприкосновенна сумма дохода, получаемая умственным рабочим от реализации его «особенных талантов и способностей». Растущая с каждым шагом развития техники национальная прибыль распределяется «по воле народа» между всем образованным обществом, в виде гонораров и почетных жалований, создавая целую иерархию государственных чинов.

Наследственная собственность священна. Впрочем, уже в силу элементарного, прирожденного человеку, чувства, которое заставляет его любить и заботиться о своих детях, образованное общество свои особенные таланты и способности, все свои знания передает только своему потомству, — в этом Родбертус не сомневается. Образованное общество, без сомнения, воспроизведет свое потомство только в виде такой же, как оно, армии умственных рабочих, все столь же умных, способных и талантливых, все столь же всецело сосредоточивших в себе все человеческие знания.

Напротив, все остальные миллионы будут воспроизводить потомство, которое уже по природе невежественно, лишено всяких талантов и совсем «неспособно оказывать человеческому обществу нематериальные услуги». Все эти миллионы окажутся из поколения в поколение способными лишь исполнять ручной труд, лишь работать и восхищаться великими талантами и гениями, рождающимися только в высшем господствующем над ними обществе; окажутся обреченными на пожизненный рабский, механический труд.

Социалистический строй Родбертуса так далек от того, что приписывают ему марксисты, т. е. от полного отрицания эксплуатации, что он представляет нам в чистом виде лишь ту основу господства и рабства, на которой покоится современный классовый строй. Именно поэтому у Родбертуса и говорил, что он рисует свой коммунистический строй не для того, чтобы противопоставить современному строю лучший, но для того, чтоб на этом коммунистическом строе лучше познать сущность современного.

Цель пролетарской мировой борьбы есть уничтожение той основы современного господства, которую признает священною государственной социализм; той экономической основой классового строя, которая передает все наследие человечества в руки господствующего образованного общества, предоставляя ему воспитывать из поколения в поколение лишь свое потомство, как наследственных владельцев всем человеческим знанием, всей цивилизацией и культурой, а все остальные миллионы обращает в наследственных рабов, обреченных на каторжный физический труд.

Пролетариат путем своей мировой конспирации и диктатуры достигнет господства над государственной машиной не для того, чтобы вывести из затруднения, из анархии и банкротства хозяйственный строй, который не может справиться с переросшими его тесные имущественные рамки производительными силами... Он будет стремиться к господству над властью для того, чтобы захватить имущество господствующего образованного общества, имущество ученого мира; для того, чтобы вырвать наследие человечества из рук владеющего им меньшинства. И, упраздняя наследственную семейную собственность и все частные фонды и средства воспитания, он принудит употребить конфискованное имущество на организацию общественного воспитания, на «обобществление знаний». Только это завоевание, достигнутое путем «деспотического нападения пролетариата на право частной собственности», путем насильственного проявления его воли, уничтожит тот, защищаемый миллионными армиями, основной закон классового строя, в силу которого все члены привилегированного меньшинства еще до своего рождения предназначаются для господства, а все потомство большинства обрекается на рабство.

Переход средств производства в руки общества, без нарушения всех остальных священных прав собственности, есть социалистический идеал «умственных рабочих», образованного общества. К этому то идеалу соц-дем-ия в своем развитии сводит цель пролетарской борьбы, превращая этим свой социализм в государственный социализм. Экономическая доктрина Маркса, как мы показали в предыдущей главе, вполне приноровлена к этой цели.

«Научный социалистический идеал», по уверениям радикального социалистического образованного общества, осуществляется уже в настоящее время в западно-европейских демократиях в виде «муниципализации» и «национализации» тех предприятий, которые «приносят самую большую прибыль» которыми уже в настоящее время «удобно заведовать государству», или которые, как говорят марксисты, «под-

готовлены самим капиталистическим строем» для социалистического хозяйства.

Ортодоксально-марксистская соц-д-ия отклоняет отдельные случаи национализации в Германии, ибо здесь, по ее мнению, они «служат лишь целям фиска» и «соединяя в одних руках политический и экономический гнет», только укрепляют современный строй. Но в таких странах, как Англия, Швейцария, «отдельные случаи национализации» несомненно, ослабляют существующий порядок, его гнет и эксплуатацию (статьи Каутского в «Neue Zeit», 93 г.. О государственном социализме). Там нет места для государственного социализма, как уверяет нас ортодоксальный марксизм; и на совершающуюся в настоящее время в «истинных демократиях» муниципализацию и национализацию нужно, повидимому, смотреть, как на первые ступени «постепенного обобществления средств производства».

Но именно практика современных национализаций во Франции, Англии, Швейцарии показывает, что чем меньше рабочие восторгаются этим «социализмом» (по мнению «социалистической интеллигенции», недостаточная восторженность рабочих к ее «социализациям» свидетельствует о политической незрелости рабочего, который даже в демократической школе не может прийти до понимания «социалистического идеала») — чем более безразлично относятся рабочие к достижению этих «социалистических ступеней», тем для них лучше, ибо тем большую реальную уступку получают они в условиях своего труда от нового владельца (нации, муниципалитета), который, водворяясь по воле народа, нуждается, для своего введения во владение, в голосе рабочего. Но после своего водворения он делается столь же недоступным, как и прежний хозяин.

«Отдельные случаи национализации» укрепляют современный классовый строй в Швейцарии совсем не в меньшей мере, чем в Германии. И там и здесь они обозначают одно и то же явление — перевод источника прибыли из частных рук в собственность нации, т. е. привилегированного общества, — укрепление капитала и эксплуатации, охраняемой теперь новым непосредственным господином — «волею народа». И если соц-д-ия считает один и тот же случай «национализации» в Германии средством фиска, а в Швейцарии уменьшением эксплуатации, то только потому, что в Германии, увеличенный данною национализацией, государственный доход поступает прежде всего в собственность высших сфер привилегированного общества; в Швейцарии же он распределяется «справедливее» между всем привилегированным образованным обществом. Именно поэтому, по учению Каутского, одна и та же реформа — в Германии укрепляет классовый строй, а в Швейцарии подрывает.

Соц-д-ия заявляет, что в демократии нет места государственному социализму в духе Родбертуса, или другими словами, социалистическая практика соц-д-ии совпадает в демократическом государстве с практикою государственного социализма (ответ Каутского Фольмару в упомянутых статьях). Значит, социализм соц-д-ии есть государственный социализм, осуществляемый в демократии. Это подтверждают своею тактикою английские, французские, швейцарские марксисты, отвергающие всякий незаконный путь борьбы и формулирующие свою цель, как постепенное огосударствление отдельных отраслей производства, по мере возможности, по мере того, как производство само концентрируется. Этим они привлекают в свои ряды радикалов, социалистов — шовинистов и отъявленных антиреволюционных фабианцев, создавая из всех этих элементов «чисто пролетарскую» соц-д-ию.

По мере того, как соц-д-ия делает свой «социалистический идеал» все более «научным», этот идеал проявляется все более, как «социалистическое» распределение национальной прибыли между всем образованным обществом, армиею умственных рабочих.

Рабочие не понимают этого идеала в силу своих классовых интересов. Пролетарское движение есть защита людей, обреченных на рабский физический труд. Его цель — освобождение от этого рабства. Пролетарский социализм является поэтому классовою противоположностью социализму умственного рабочего, состоящему из обществления капитала, в преобразовании его из частного в социалистический, национальный, постоянный общественный капитал.

Глава V

МАРКСИЗМ В РОССИИ

Та общественная сила, скрыть которую составляет первую задачу марксизма, — классовый интерес образованного общества в момент развития крупной промышленности, интерес класса привилегированных наемников, умственных рабочих в капиталистическом государстве, — выступает со своеобразною яркостью и силою в буржуазной России.

Русское революционное движение за последнее тридцатилетие прошло через две, с виду прямо противоположные, крайности: от самых ярких надежд и самых широких планов полного общественного преобразования оно дошло до самых крайних пределов социалдемократического пошибилизма, покоящегося на том убеждении, что полному об-

щественному преобразованию предстоит осуществиться лишь «в дали веков».

Русский национальный социализм 70 г.г., хотя и дошел до самой невероятной утопии, которую и оставил в наследство отъявленным ретроgrадам, позднейшим русским народникам, был, тем не менее, непосредственным выводом из той социалистической идеи, которая проповедывалась рабочему классу на Западе. Если русский национальный социализм сводился к делу преобразования общины в социалистическую организацию, то это свое утопическое предприятие он выводил прямо из той проповеди Интернационала, которая призвала деревенское население к образованию коммунистических ассоциаций; из тех резолюций марксистов, которые требовали от государства передачи общинных, церковных, государственных земель в руки рабочих ассоциаций и запрещения продажи их частным лицам (Резолюция конгресса марксистов-социалдемократов в Штутгарте 70 г. См. Мейер в «Эмансипационной борьбе четвертого сословия»).

Наконец, научный социализм в лице Маркса непосредственно признал возможной и уместной попытку русского социализма преобразовать общину в социалистическую ассоциацию, — попытку «русских людей найти для своего отечества отличный от западно-европейского путь развития» (в письме в редакцию «От. Зап.» и в предисловии к русскому изд. Ком. Маниф. 82 г.).

Если социалисты 70-х г. г. мечтали о достижении социалистического строя путем борьбы русского передового общества, русской интеллигенции, то опять таки эта утопия вполне согласовалась с проповедью Интернационала, призывавшего к пролетарской борьбе всех «умственных рабочих», в том числе даже попов и офицеров (Ум. Раб. ч. 1, ст. 147-148); вполне согласовалась с идеей немецких марксистов того времени, идеей достижения общими усилиями рабочих и «бюргерства» — «социалдемократической республики», как «общей им цели» (там же, стр. 138).

Стало быть, грехи русского национального социализма являются, вместе с тем, и грехами научного социализма. Поэтому Р. С. Р. П., не сознающая этого греха, но желающая быть верной ученицей научного социализма, заявляет в своем Манифесте 98 г., что она, «как направление социалистическое, продолжает традиции и всего предшествовавшего движения в России» (там же, стр. 114).

Если на Западе рассматриваемые утопические мечтания совсем не воплощались в жизнь, то не потому, чтобы у научных социалистов был недостаток в этих утопических стремлениях, а потому, что реальная жизнь, реальная общественная сила — интерес пролетария, развиваясь, попросту выбрасывала за борт все эти утопические мечтания.

В России же социалистические идеи и планы воспринимались очень широко, но лишь для того, чтобы создать некую нужную для общества фикцию, фикцию «единого русского социалистического народа», должнствующую заглушать ту реальную общественную силу, которую этой басней кормить нельзя.

Отсюда, конечно, следует тот прямой вывод, что научный социализм вовсе не опередил своим учением общественного развития до такой степени, что всем его сторонникам приходится ждать, пока последнее достигнет той высоты, до которой дошли гиганты мысли, — «все ученики». Наоборот, научный социализм лишь черепашьим шагом тянется вслед за общественным развитием; соглашается на утопию там, где дело слишком сложно, а затем, простым отречением от этой утопии, без познания ее сущности, сразу достигает всей своей «научной безошибочности».

Русское образованное общество в 60-х г.г. мечтало о своем освобождении из под азиатского режима таким же путем, каким это освобождение долгое время совершалось в западноевропейских передовых странах, т. е. путем простой демократизации государства для защиты «прав человека», причем «социальный вопрос» совершенно не затрагивался. Но в эту эпоху вражда между образованным обществом и его уполномоченными, капиталистами, достигла уже в цивилизованном мире высокой степени развития. В продолжение нескольких всего лет по уничтожении крепостного права, эта вражда, это «капиталистическое противоречие» дали о себе знать и в России. Под охраной и с помощью сильной власти здесь быстрее, чем где либо, происходила фаза «первоначального накопления» и выросло бесчисленное множество кулаков. С другой стороны, не медленнее капиталистического прогресса, выросли многочисленные ряды интеллигенции, умственных рабочих. Азиатский режим и господство кулака не могли удовлетворить передовое общество: ему преподносились слишком уж простые яства, а кулак наносил интеллигенту одни лишь обиды. Русская передовая интеллигенция в 70-х г.г. широко начинает воспринимать западно-европейский социализм.

«Все плоды гигантского развития производительных сил присваиваются относительно небольшим числом крупных землевладельцев и капиталистов... Класс капиталистов становится в резкое противоречие с обществом».

Никто не оказался столь восприимчивым к этим положениям марксизма, являющимся еще до сих пор аксиомами в соц-д-х программах, как народники-социалисты. Русские народники так глубоко и последовательно продумали эти аксиомы, что в результате получился полнейший абсурд и известные народнические утопии «о мертворожденности капитализма в России».

«Увеличение потребления», поясняет В. В. соц-дем-кую аксиому: «совершается только в среде кучки богатеющих фабрикантов и аферистов всякого рода» (Судьбы капитализма, стр. 15).

«Кучка фабрикантов и землевладельцев, командующих среди необъятного пространства (напр. России), представляет до того нелепую и безобразную картину,... что мы должны отвергнуть... необходимость для каждой страны достигнуть развития общественной формы труда непременно капиталистическим путем» (там же, стр. 21).

Научный социализм постоянно проповедует:

«Капитал все более становится общественной силой, которая, как вещь и как власть капиталиста при помощи этой вещи противопоставляется обществу. Противоречие становится все более вопиющим и подразумевает уничтожение этих отношений» (Кап. Ш).

Это безошибочное познание Николай-он поясняет так:

«Это совершенно равносильно тому,... когда общество, видя разрушительное влияние обезлесения, сыпучих песков, оврагов и проч., не может оставаться равнодушным и относиться "объективно" к разрушительному проявлению стихийных сил, а стремится урегулировать проявление их настолько, чтобы они не оказывали разрушительного влияния».

Сводя господствующие классы к «горсти», которая в России оказывалась настолько меньше, насколько не развился еще класс капиталистов, западно-европейский социализм позволял объединить все остальное население России в такую цельную массу, которая представлялась враждебной по отношению к имеющему, по теории, только наступить господству капиталистических эксплуататоров, и которая являлась «единым русским народом», неразъединенным никакими имущественными неравенствами; тем самым демократическим народом, борьба которого на Западе, под руководством буржуазных демократов, вручала господство передовому буржуазному обществу.

Задавшись целью свести дело пролетариата, дело захвата и мущества владеющих классов, к делу преобразования способа производства, западно-европейский социализм внушил русским социалистам мысль о том, что все беды на Западе истекают из того, что люди там трудятся врозь а не ассоциациями; что в этом отношении Россия счастливее, вследствие своей отсталости, вследствие того, что в ней удержалось первобытное коммунистическое владение землей, что эту форму владения остается лишь развить в социалистическое производство. И научный социализм не только не восставал против всех утопических выводов, а напротив одобрял их и припоминал, что Россия может «лишиться самого прекрасного случая, который когда-либо предоставляла народу история, чтобы избе-

жать всех перипетий капиталистического строя» (Из письма Маркса в Отеч. Зап.).

Научному социализму никогда, до окончательного поражения народников-революционеров, и в голову не приходило призывать их к тому, чтобы поднять в России знамя пролетариата. Он так же, как и народники был убежден в том, что в России к тому времени пролетарий еще не родился. Когда перед бунтарями-народниками, вопреки их воле и ожиданиям, выросли рабочие батальоны в крупных центрах, научный социализм и не думал объяснять им, что это и есть та переворотная сила, которой революционер никак не мог открыть в России; что это и есть тот классовый интерес, который ведет к революции и к которому и должно свести все движение. Нет, эта сила все должна была выступать как частица «единого социалистического народа», не смеющая разрывать его и долженствующая подчиняться воле «единого народа» до тех пор, пока он не потерпит окончательного фиаско.

Коммунизм Маркса не предохранил пролетария в эпоху февральской революции от того, чтобы он не был обманут буржуазией. Скорее он создал возможность этого, определяя коммунистам задачу завоевания демократии и соединения демократических сил.

По отношению к прошлому движению в России, научный социализм допустил и одобрил попытку образованного общества достигнуть своей свободы и господства путем борьбы «единого народа», незнающего пролетариев, благодаря существованию общины, — этого, по признанию царских министров (Витте), «оплота самодержавия и противовеса против переворотных стремлений».

Русские соц-дем-ты начали свое дело тем, что разбили народническую утопию. Но они пришли к отрицанию ее таким же путем, как и народовольцы, народоправцы и современная интеллигенция вообще, т. е. они познали в народничестве его «вредные для освободительного движения предрассудки», — и только. Соц-д-ты осудили народнические предрассудки, как таковые, как следствие недомыслия и заблуждения. Они не понимали, что такого рода предрассудки существуют не только в силу человеческого незнания, а прежде всего, в силу интересов руководящих привилегированных классов, у которых и нет другой возможности господствовать над волею масс, как только при помощи внушаемых им предрассудков. Уничтожая народнические предрассудки, как таковые, соц-д-ты не вскрыли классового интереса, создавшего их, и потому дали возможность этому интересу, по отречении от старой народнической утопии, создать новую, более соответствующую видоизменившимся условиям; таким образом, марксисты сами сделали выразителями нового «учения», необходимого для непознанной ими общественной силы, выступавшей раньше под видом народничества. Эта непознанная сила — интерес привилегированных классов.

легированных «наемников», состоящий в том, чтобы растущая национальная прибыль не оставалась в руках «горсти магнатов», а «справедливее» распределялась по всем карманам образованного общества.

Стремление русского образованного общества — не давать растущей непрерывно прибыли сосредотачиваться в руках «горсти» и охраняющего ее абсолютизма — создало народническую утопию и все ее «предрассудки», имеющие целью вывести на борьбу за интересы образованного общества «единый русский социалистический народ». Утопия состояла в том, что интерес интеллигенции, которая живет за счет эксплуатации рабочего класса и стремится установить в полном размере это свое право в классовом строе, был признан силой социалистической, желающей гибели классовому строю. И вот эту утопию марксизм исповедует до сих пор в полном ее размере, несмотря на то, что уничтожил народнические предрассудки. Хотя соц-д-ия и принуждена признать, что, с развитием капиталистического строя, интеллигенция пытается отказаться от революции; или, как говорит Каутский, образованный пролетариат становится «вследствие своей разрозненности, неспособным к борьбе с капитализмом», но несмотря на это, по основному марксистскому положению (знания есть рабочая сила), интеллигенция не причастна к эксплуатации. Марксизм, таким образом, обеспечил интеллигенции полный простор для внушения рабочему классу своих стремлений, в виде безошибочных аксиом научного социализма.

Вот почему Манифест Р. С. Д. П. с полным правом мог сказать о русской соц-д-ии, что она продолжает прежние социалистические движения. Сила, обуздывающая социальную революцию, — непознанная, — господствует в настоящее время не менее, чем в эпоху народничества. Тогда она обуздывала переворотную, революционную силу — пролетарское движение, под предлогом невозможности в России капитализма; в настоящее время она обуздывает ее под предлогом недоразвития русского буржуазного строя.

Народничество раз навсегда отрезало прошлому революционному движению всякий путь к тому, чтобы оно перешло в непосредственную революционную борьбу русского пролетария. В эпоху последовавшей затем реакции оно удерживало всеми силами русского революционера от всякого соприкосновения с пролетариатом, при помощи страшного обвинения в отречении от идеалов отцов. В настоящее время марксизм не позволяет пролетарию даже призадуматься о непосредственном своем стремлении к социальному перевороту, доказывая всю силу своего научного авторитета неосуществимость подобного стремления в современной России и необходимость предварительной парламентской выучки.

Революционная интеллигенция 70-х г.г. могла призывать к революции, к всенародному восстанию, к низвержению государственной

власти и установлению вместо нее свободной, неимеющей с существующей властью ничего общего — народной воли; могла отвергать всякие либеральные паллиативы и компромиссы и отречься от официального общества; могла доводить свою борьбу до крайних пределов, потому что народилась она, как отрицание пролетарской борьбы, только потому, что предохранила себя от пролетарской революции всей народнической утопией. Но стоило только русским революционерам отречься от этой народнической утопии и признать движение рабочего класса в России единственной революционной силой, как весь демократический революционный народник, стремившегося к немедленному общественному перевороту, моментально, в силу интересов образованного общества, переродился в соц-дем-кий п о с с и б и л и з м.

После признания действительной переворотной силы — пролетарского интереса — интересы образованного общества, его освобождение не могут быть иначе достигнуты, как только установлением эта по в пролетарской борьбы. Рабочему нужно внушить безошибочную истину научного социализма, что для его освобождения необходима такая ступень общественного развития, которая для образованного общества означала бы достижение им своего господства.

В момент зарождения русского соц-дем-тизма, в русской Польше существовала партия «Пролетариата». Она, исходя из марксистского учения, пыталась выразить рабочую борьбу в революционных формах, не устанавливая переходных ступеней политического развития; она пропагандировала захват власти рабочим классом, не принимая в расчет национальных рамок.

По мнению русских соц-д-ов, это направление никоим образом не могло быть союзником для русского марксизма. Плеханов нападает на партию «Пролетариата» за ее зловерный бланкизм, т. е. по тем же мотивам, по которым теперь Бернштейн нападает на Плеханова. Даже то обстоятельство, что «польские бланкисты» назвали свой орган органом *международного социализма*, свидетельствовало, по мнению Плеханова, об их доктринерстве и пренебрежении к рамкам отдельных государств. Завоевание пролетариатом политической власти нельзя толковать таким образом, что рабочие своею революционной организацией, независимо от национальных рамок, достигнут господства над государственной машиной. Нет, соц-дем-ое завоевание политической власти для пролетариата достигается в отдельных странах, а именно: 1) завоеванием демократии и всех переходных политических ступеней и 2) постепенным политическим воспитанием рабочих масс в парламентской школе для их господства. Партия «Пролетариат» в Польше, как незаконнорожденный вид марксизма, не освободившийся от бланкистских идей, должна была погибнуть. К травле, которой подвергся «Пролета-

риат» за свой «космополитизм» со стороны всего шовинистского польского общества, присоединились нападки первых русских марксистов, повидимому, за тот же космополитизм.

Зато, как радостно встретили русские марксисты польских соц-д-ов, мечтающих о тред-юнионистском движении в русской Польше! Когда же к соц-д-му движению польские патриоты присоединили свой лозунг: «восстановление Польши от моря до моря», и движение стало строго соблюдать национальные рамки, тогда оно сразу было признано настоящим польским марксизмом и только тогда завоевало у Плеханова полное одобрение и благоволение.

Все учение народников о положении капитализма, хотя и было осмеяно, однако не исчезло, а послужило в руках соц-д-ии доказательством недоразвитости русского капитализма и следующей отсюда необходимости переходных ступеней экономического и политического развития.

Соц-д-ия, в лице «Группы Освобождения Труда», надеялась еще, что достаточно одной проповеди в рабочих организациях, необходимости конституционного строя для русского пролетариата, чтобы было продолжено революционное движение и террористическая борьба. Когда эта надежда обманула, что было для соц-дем-ии доказательством неспособности русского рабочего отозваться прямо на проповедуемый ему социализм и нужную для его осуществления политическую свободу, соц-дем-ия приступает к систематическому воспитанию рабочих в духе социализма. Но и из этой работы не получилось политического движения рабочих; в результате кропотливой работы, получились отдельные рабочие, воспитанные в таких же интеллигентов, как и соц-д-ие пропагандисты, т. е. оторванные от рабочей массы и не оказывающие на нее никакого влияния. Тогда русская соц-д-ия (см. брош. «Об агитации»), ставшая себе задачей развить сознание рабочих о необходимости политической свободы, познала необходимость предварительно «заинтересовать рабочих в политике», развивая борьбу за их насущные нужды, борьбу, которая тут же столкнется с полицией и правительством и покажет рабочим наглядно, насколько невозможно более значительное завоевание при существовании абсолютизма. Так как борьба за насущные нужды рабочего есть, таким образом, лишь средство для того, чтобы «заинтересовать» его в политике, то очевидно, дело пойдет тем быстрее, чем мельче требования рабочих, чем они понятнее для массы, чем справедливее в глазах всякого человека.

Все эти фазы развития русской соц-дем-ии отражаются в собственной голове ее в очень интересном виде. Марксистская интеллигенция всегда, конечно, желала достигнуть для рабочего класса *всего* что *было можно*. Кто мог бы в этом сомневаться? Все трудности, какие она встречает при своих усилиях овладеть рабочим движением и направить

его в сторону, желательную для себя, т. е. для «умственного рабочего», представляются ей, как суровая экономическая действительность, как недоразвитость капитализма, влекущая за собой невежество рабочих, и все более внушают ей убеждение в необходимости *постепенного* развития буржуазного строя.

Наконец, соц-дем-ия в России достигает цели, и Лондонский конгресс, выслушав отчет о петербургской стачке, провозглашает, что русский пролетариат проснулся. Но ведь стачечное рабочее движение давным давно существует в России. Почему же только Петербургская стачка 1896 г. могла засвидетельствовать факт пробуждения русского пролетария? Рабочее движение 70-х г.г. могло свидетельствовать лишь о том, что русский *народ* проснулся, ибо пролетарию не разрешалось тогда существовать в России. Хотя стачки происходили в 80-х годах и в начале 90-х, но они не могли, однако, свидетельствовать о возникновении *классового* сознания у русских рабочих, ибо это сознание, олицетворением которого служила, конечно, тогдашняя русская соц-д-ия, стачками вообще не интересовалось, а свалило в то время все к тому, что «первой залячей рабочего движения в России является борьба с абсолютизмом» (Проект программы 85 г., цит. по Аксельроду).

Русская соц-д-ия, определившая таким образом, сообразно интересам интеллигенции, момент и форму пробуждения русского пролетариата, — выдает это дело своих рук за неумолимые законы капиталистического развития, создавая себе одновременно возможность выставлять все дальнейшие перспективы рабочего движения (парламентская школа), как такую же законосообразную, неумолимую неизбежность.

Поскольку русская соц-д-ия встречала непреодолимые трудности в «невежестве русских рабочих», постольку она все более и более чувствовала свою победу над мыслью русской интеллигенции. Препятствием служили лишь пагубные народнические предрассудки, которые так трудно было вытравить из умов передового общества. Но соц-дем-ия была уверена, что раз это удалось, ее господство над мыслью радикального общества обеспечено; целые массы русской интеллигенции сделаются чисто-марксистскими, а стало быть, и сразу чисто-пролетарскими. Истребление народнических предрассудков являлось первою обязанностью, и этому делу нужно было помогать всеми силами, помогать безусловно, кем и как это истребление ни производилось бы. Поэтому, когда «Критические Заметки» подали сигнал к нападению на народников, ортодоксы-марксисты даже и не предполагали, что им нужно бы позаботиться об «отделении пролетарских интересов» от интересов г. Струве. Таким образом, публицист, которому вскоре пред-

стояло самым бесцеремонным образом лягнуть ногой весь «диалектический материализм», теорию трудовой стоимости и все другие «доктринерские учения ортодоксии», сделан был, по переводении его на «строго-классовую точку зрения», отцом современного русского марксизма.

Русский марксизм, благополучно миновав все ошибочные формы марксизма, вроде марксистского бланкизма партии «Пролетариата», счастливо достиг своего настоящего, безошибочного выражения. И оказалось, что это безошибочное выражение — не подпольная революционная доктрина, а официальное течение передовой русской публицистики и науки, способное развить все свои основные положения на глазах царских цензоров.

Марксизм, по исследованию Струве, есть прежде всего объективная истина, светом которой могут и должны пользоваться, как затем сказал Novus (тот же Струве) в «Нов. Слове», различные общественные интересы.

«Можно быть марксистом, не будучи социалистом... Прогноз Маркса для марксиста-ученого необязателен»... Напротив, «марксизм подризывает крылья пламенным мечтаниям социализма» (Крит. Зам.).

Вот по каким мотивам сделался Струве отцом русского марксизма. Такой марксизм с беспощадным реализмом доказывает одно основное положение, которым заканчивается книга, что на русской почве «обобществление труда — бóльшая утопия, нежели крепостное право». Вывод этот скоро подтвердил и ордотокс Бельтов, поучая, что в России нет никакой «фактической внутренней силы, способной сдвинуть ее с того пути, на который она вступила в 61 г.» (стр. 257). Этим поучением не столько, конечно, была поражена народническая утопия, сколько было обрадовано и успокоено все русское господствующее общество.

Из строго научного марксизма Струве следует, что все бедствия России проистекают из недоразвития в ней капитализма, из бедности страны. Повальные голодовки являются результатом того, что русский «крестьянин производит очень мало хлеба», применяя первобытные орудия. Необходимо развитие земледельческой культуры, которая будет иметь благодетельные последствия для всего русского крестьянства. В сравнении с ресурсами страны, с «емкостью ее территории», слишком недостаточной, благодаря существованию натурального хозяйства, — в России слишком силен рост населения, и, как его неизбежный результат, является перенаселение, которого никоим образом нельзя признать капиталистическим перенаселением. (Основному закону Мальтуса Маркс, по исследованию Струве, вовсе не противоречит).

Так как «социальный прогресс» неизбежно следует за «экономическим», то основным указанием для «разумной политики» должно быть следующее: «Из капиталистической бедной страны Россия должна сделаться богатой капиталистической страной; и автор всей своей книгой противопоставляет народническим планам направления политики согласно самобытным основам, свою политику западничества, безусловной европеизации России».

Ортодокс Тулин в «Материалах» взялся доказать, что все недоразумения, которые вызывают «Критические заметки», проистекают из того, что автор не договаривает своих положений, в основе своей, несомненно, марксистских. До основных выводов Струве о желательности и законности капитализма можно идти и не сходя с консеквентной классовой точки зрения. И вот Тулин «договаривает до конца», «дополняет» мысли Струве, так чтобы в результате получилась из них уже несомненная «идеология бесхозяйного производителя». Например, требуется доказать, что безусловно нужно стремиться к прогрессу земледельческой культуры. Нельзя говорить, что она благодетельна для «крестьянства», ибо крестьянство состоит из двух классов: из сельской буржуазии и пролетариев, экспроприруемых «однолошадных». Первой нечего показывать благодетельность капиталистического прогресса; что касается вторых, то с классовой точки зрения следует сказать таким образом: этот прогресс для них желателен, ибо делая из них «вольных как птица пролетариев», он проясняет их ум («и его идеолога-народника») и раскрывает перед ним действительные общественные отношения.⁹ И вообще желательность и законность капитализма нужно доказывать не ради его самого, а ради того, что он создает своих могильщиков и составляет предпосылку для более совершенного общественного строя.

В первой части своей статьи Тулин, процитировав народника 78 г., который жалуется на то, что «народ» сделался либеральным паспортом, с горечью смеется над беспомощностью народников. Тулин не замечает, что всю свою статью он создал лишь *марксистский паспорт* с подробным пояснением, как можно им пользоваться. Отныне всякий, кому желательна, по каким бы то ни было мотивам, «европеизация России» и «капитализм», свободно может заявлять, что ему это нужно только, как «предпосылка коммунистического строя».

⁹ Не мешало бы Тулину ближе рассмотреть положение превращающихся в «вольных, как птица», пролетариев; тем более, что они чаще всего становятся таковыми в виде босяков и люмпенпролетариев, которых Тулин, как марксист, несомненно, недолюбливает. Что касается «идеологов-народников», то Тулин до сих пор еще не видит в их народническом упорстве *интересов* и предполагает, что благородный ум русских профессоров и публицистов помрачался, к несчастью, народническими предрассудками только потому, что действительно слишком мало в России «вольных, как птица» пролетариев, до того мало, что многим русским идеологам совсем нет возможности заметить их существование.

Струве, получив надежное свидетельство того, что классовая точка зрения и идеология «бесхозяйного производителя» в России состоит в том, чтобы «дополнять» его (Струве) учение, по которому мужик голодает потому, что мало производит хлеба, а сильно размножается, — решил смело и konsekвентно «стать на классовую точку зрения». В своем ответе: «Моим критикам», следующем за статьей Тулина в тех же «Материалах», он принял окончательно точку зрения «бесхозяйного производителя», причем не понадобилось исключать ни одного из основных положений «Критических заметок». Так в своем ответе критикам он еще раз заявляет, что «производство недостаточно по отношению к растущему населению», что «крестьянство разоряет не капитализм, а техническая нерациональность земледелия», и прибавляет, что «объяснять факт перенаселения классовым расчленением было бы совершенно противно духу учения Маркса».

Струве стал на классовую точку зрения, и все марксисты в России пришли к согласию в вопросе о причинах русских повальных голодовок: в них совершенно невиновен капиталистический классовый строй. Даже в отчете русских соц.-д.-ов Лондонскому конгрессу говорилось, между прочим, что совершенно реакционно видеть причину русских голодовок в развитии капиталистического строя. обстоятельное объяснение голодовок «с классовой точки зрения» мы находим в сентябрьской книжке «Нового Слова».

«Одни, как Николай-он», говорится там: «видят причину упадка крестьянского хозяйства в развитии капиталистической формы производства вообще и в области земледелия, в частности. Как будто капитализм создал те отсталые способы производства, ту рюриковскую еще соху, которая во всей неприкосновенности унаследована нами от крепостного права. Как будто капитализм был причиной той экспроприации крестьянства, которая легла в основу освободительного акта. Как будто капитализм создал тот рост населения, который обозначается в нашей литературе — довольно эвфемистически-именем малоземелия, и который побуждает земледельческое население бежать из своих домов, куда глаза глядят: в город, на фабрику — в Сибирь. Мы имеем здесь частью естественные причины (рост населения), частью исторические причины — наследие крепостного права, которые предстоит осилить еще развитию земледельческого капитализма... Россию тогда перестанут посещать голодовки, когда она станет страной настоящего развитого капитализма и утратит образ и подобие "натурально-хозяйственной страны"» (Стр. 268-269).

Если редакторы «Нового Слова», которые говорят о себе в той же статье, что для них решающим моментом являются интересы «представителей труда, т. е. городского и сельского пролетариата», если бы они развивали свою неопределимую деятельность на Западе, то они, веро-

ятно, сказали бы в духе вышеприведенного: как будто капитализм оставляет при жизни домашнюю промышленность с ее устаревшими орудиями. Как будто капитализм создал тот рост населения, который дает излишек, не находящий себе работы и помещающийся, по необходимости, в рабочих домах; тот избыток населения, который в Италии приведен к отчаянному положению, доводящему его до бунтов. Пусть читатель не думает, что мы делаем слишком рискованные предположения. Итальянские корреспонденты «Neue Zeit» доказывают во многих статьях этого органа, что отчаянное положение итальянских рабочих масс — результат не капитализма, а его недоразвития.

Для «настоящего» марксиста «капитализм» не есть современный капиталистический строй, а нечто идеальное — «крупная капиталистическая промышленность» сама по себе; вся же остальная общественная жизнь, вне ее совершающаяся, характеризуется некапиталистическими отношениями. Очевидно, народники, обособлявшие капиталистическое производство от народного производства, создали своеобразным путем предпосылку для «настоящего марксиста», и их научные труды пригодились.

Но настоящие марксисты не всегда бывают так наивны, как в вышеприведенных словах, где приходится отвечать на такой шекотливый вопрос, как — кто виновник русских повальных голодовок. В других случаях они, конечно, умеют думать реальнее. Некоторые из них, напр. г. Струве в статьях «Научного Обозрения» против Ильина, обращают внимание своих товарищей на важный вопрос: *достаточно ли рабочих рук имеет для своего развития русский капитализм*, ибо от решения этого вопроса зависит решение другой проблемы: нужны ли России внешние рынки? Струве решает последнюю в том смысле, что настоящее положение русского крестьянства вполне заменяет внешний рынок, доставляя капитализму достаточное число рабочих рук освобождением излишнего земледельческого населения.

Стало быть, все те условия, которые статья «Нового Слова» выставляет, как причины русских голодовок: «малоземелье, чрезмерность населения, бегство в город, на фабрику, в Сибирь», составляют необходимую потребность русского капитализма, — не недоразвившегося капитализма, а того идеального капитализма, за который стоит «Новое Слово». При отсутствии внешних рынков, эти недоразвившиеся условия — просто спасение для капиталистического прогресса. Эти условия — счастье и для г. Струве в том смысле, что не будь их, он окончательно согласился бы с Ратнером в необходимости внешнего рынка и, признавая недостаток рабочих рук в России, в согласии со всем патриотическим русским обществом, указал бы кому следует на настоятельную необходимость массового привлечения трудолюбивых кули к русской промышленности. Таким образом, те народные бедствия, которые доводят

до повальных голодовок, есть явление неразлучное с капиталистическим прогрессом в России.

«Избавления от них (голодовок) можно ждать, говорит «Новое Слово»... только от дальнейшего развития капитализма, которое обозначает и развитие производительных сил, т. е. рост производительности земледельческого труда, который теперь не в состоянии прокормить земледельца» (Там же стр. 270).

«Настоящие» марксисты с помощью формул научного социализма производят такой туман, где явления, смысл которых ясен для ребенка, обращаются на пользу всеспасительного капиталистического прогресса.

Если остановиться на том вопросе, в состоянии ли труд современного русского «земледельца» прокормить его самого, то прежде всего, конечно, увидишь тот факт, что Россия это страна, вывозящая хлеб. Россия вывозит хлеб и во время повальных голодовок; т. е. «Россия» заявляет, что если сотни тысяч русских землевладельцев, не имея хлеба, умирают с голоду, то это еще не значит, что она произвела меньше хлеба, чем ей нужно; напротив, в то время, когда тысячные массы русских «земледельцев» по недостатку хлеба гибнут с голоду, у «России» имеется и злишек хлеба, который она должна обменять на другой вид богатства, такой, в котором «Россия» действительно нуждается. Какое же это богатство и кто его потребитель? Вот для того, чтобы русская «мыслящая личность» не слишком беспокоилась рассмотрением смысла «народных бедствий», «настоящий марксизм» создает следующую известную, успокаивающую совесть «мыслящей личности» формулу: целью капиталистического производства является не потребление, а производство, развитие производительных сил, которое только и создает для будущего возможность более справедливого общественного строя.

«Настоящий марксизм» забывает прежде всего, что капиталистический строй есть строй классовый, ввиду чего, только призванная оправдать этот строй, наука может говорить об одном общественном национальном потреблении. И даже такие ужасы, как русские голодовки не в состоянии напомнить ему о том основном законе классового господства, который прежде всего установил на все времена классового строя два вида «общественного потребления» — потребление эксплуататоров и эксплуатируемых. Этот закон состоит в следующем: *во всякой форме классового строя производство имеет целью потребление господствующим классом.* Капиталистическая форма, доводя классовое господство до его апогея, доводит этот закон до его совершенства. И там, где до апогея доходят сами «капиталистические противоречия», т. е. в России, этот закон обнаруживается в виде таких ужасов, как повальные русские голодовки.

Согласно этому закону, раньше, чем сохранить жизнь массы рабов, рабочую силу, нужно удовлетворить все прихоти всех призванных к господству, т. е. всего благовоспитанного общества.

Два мира, которые создавал этот закон на протяжении исторического развития классового господства, здесь проявляются в наиболее совершенном виде. В одном из них, в мире большинства, обреченного на рабство физического труда, человек, — как будто и не существовало всей вековой борьбы с природой, — живет в безвыходном и более отчаянном положении, нежели дикарь на первой ступени общественной жизни.

Другой из этих двух миров — высшее интеллигентное общество, отделяет себя от первого так основательно, такую все более углубляющуюся пропасть, что иногда ему кажется, будто тот, со всеми своими ужасами, помещен совсем не на земном шаре. Здесь все человеческие завоевания, все человеческое знание служат для того, чтобы удовлетворять самым утонченным, самым прихотливым потребностям «мыслящей личности».

При сравнении России с Западом не трудно, конечно, констатировать недоразвитие России. Но «настоящий марксизм» вообразил, что познание этого недоразвития недоступно уму обыкновенных смертных; что оно достояние лишь «пролетарских идеологов» — марксистов. Представляя себе все руководящие классы в тисках народнических предрассудков, он воображает иногда, что его лозунг «европеизации России» есть нечто такое, о чем никто никогда в России и не думал, откуда и проистекают все бедствия его «родины». Он уверен поэтому, что этот лозунг есть само «решение социального вопроса» в России, совершенно забыв, в чем состоит этот вопрос.

Ему совершенно в голову не приходит, что русский «социальный вопрос» заключается именно в том, почему такая прекрасная вещь, как «европеизация России», которой желают, конечно, все русские патриоты, может осуществляться лишь путем ежегодного поголовного умерщвления тысяч человеческих существ.

«От повальных голодовок Россия избавится лишь с развитием западноевропейской культуры», учит марксизм. Взглянем на «развитие капиталистической культуры» с той стороны, куда не допускают нас марксистские шаблоны. Развитие в России капиталистической культуры предполагает развитие в России отечественной науки, познание этой наукой всех натуральных богатств страны и применение их к эксплуатации всех изобретений новейшей техники, стало быть, приобретение русской нацией соответствующих знаний. Но распространение и приобретение знаний в классовом строе совсем не есть распространение знаний между людьми вообще. Культура составляет исключительную собственность господствующего общества, благодаря чему оно и гос-

подстывает. Приобретение и распространение знаний капиталистической наукой влечет за собой, поэтому, нечто прямо противоположное открытию тайн природы для человека. Оно доводит лишь до высшей точки развития классовое расчленение нации, — лежащее в основе современного господства, — на господствующее образованное общество с одной стороны, и на обреченное на рабство физического труда большинство — с другой. Чем развитее капиталистическая страна, тем это расчленение ярче, резче и нагляднее. С развитием крупного капиталистического производства, для рабочего, сводимого им к роли придатка к машине, само производство, построенное теперь на научной технике, становится такою же тайною, какою всегда были для него абстрактные философские науки и все мистерии политики и управления. Эта тайна доступна лишь образованному меньшинству и его потомству.

Развитие капиталистической культуры означает рост армии умственных рабочих — привилегированных наемников государства, рост образованного общества, которое в классовом строе и немислимо в ином виде, как только класс привилегированный, господствующий, пользующийся всеми плодами развития производительности национального труда.

Капиталистическая культура или его носитель, образованное руководящее общество, в деле упразднения русских повальных голодовок, даже по достижении высокой степени развития, может сделать вообще лишь то, что для части своих рабов, гибнущих ныне с голоду массаи, оно найдет такое производительное применение, которое удержит при жизни их рабочую силу; остальную же часть, по образцу Западной Европы, оставит в том же положении, в котором она находится в настоящее время, для создания «необходимой капиталистическому прогрессу постоянной резервной промышленной армии». Но раньше, чем сыграть даже эту столь скромную роль, капиталистическая культура предварительно создает паразита, ибо образованное общество и не является на свет иначе, как в образе привилегированного слоя, и первой его общественной «услугой» является потребление национальной прибыли. Привилегия образованного общества на всех ступенях национальной жизни, во всех рангах его иерархической организации должна быть безусловно удовлетворена в каждую минуту, независимо от того, сколько голодных смертей она требует.

Обеспечение этого паразитизма образованного общества — основное назначение современного государства, основная его обязанность. Очевидно русскому абсолютизму удалось выработать достаточно удовлетворительную систему обеспечения привилегии образованного общества, и, что еще важнее, он обещает в будущем еще более полное удовлетворение, ибо он, как могущественная держава, вполне основательно надеется на громаднейший рост национального дохода. Поэтому

самое передовое, самое радикальное течение русской литературы, современный марксизм, желающий дальнейшего усовершенствования этой системы обеспечения, учит всех смотреть на народные бедствия, на повальные русские голодовки, как на явление, в котором никто не повинен и которое вытекает из неумолимых законов естественного развития; как на явление, упразднить которое не в состоянии никакие человеческие усилия, а, стало быть, и никакие бунты эксплуатируемых масс.

Радостное ощущение, испытываемое образованным обществом от роста национального дохода, т. е. от роста средств для его паразитного существования, отражается в голове его передовых представителей, «настоящих марксистов», как безусловно желательное дальнейшее развитие капитализма в России, несмотря на повальные голодовки. И подобно тому, как субъективистские марксисты — народники отмечают тщательнейшим образом малейшую фразу, высказанную когда-либо Марксом в пользу того взгляда, по которому образованное общество в состоянии уничтожить «противоречия капиталистического строя», а русское общество, в частности, может их предотвратить; подобно тому, «настоящие марксисты» не прозевали у «учителя» ни одной строчки, которая может служить доказательством законности капитализма.

Наряду со Струве другим родоначальником «настоящих марксистов» явился Туган-Барановский; ему и принадлежит честь того открытия, что учение Маркса о распределении национального продукта, рассмотренное нами в предыдущих главах, может служить прекраснейшим средством успокоения совести русской «мыслящей личности», тревожимой повальными голодовками.

Рассмотрев различные теории, стремящиеся раскрыть причину промышленных кризисов, Туг.-Барановский решительно отвергает те, которые видят эту причину в недостаточном потреблении масс, и склоняется в сторону учения Сея и Рикардо, согласно которому общее перепроизводство немыслимо, а излишек одних товаров доказывает лишь, что других товаров произведено недостаточное количество. Эту верную, по убеждению Туган-Барановского, мысль Сей и Рикардо не сумели, однако, доказать.

Но если рассмотреть общественное производство по схемам Маркса, которые, по уверениям Туган-Барановского, «не заключают в себе никаких произвольных допущений», то окажется, что весь II-й том Капитала доказывает лишь то, что Сей и Рикардо хотели, но не сумели доказать. Если Николай-он утверждает, что «вступившее на ложный путь» русское производство уменьшает национальное потребление, то в этом нет ничего удивительного, так как, по законам капиталистического развития, богатство страны — ее постоянный капитал — может расти, хотя национальное потребление падает.

«Числовой пример» из «Промышленных кризисов», который мы помещаем в примечании,¹⁰ может служить, по мнению Туган-Барановского, иллюстрацией того своеобразного хода капиталистического развития, при котором усиленный хозяйственный прогресс в России сопровождается ужаснейшими голодовками. Этот «числовой пример» утверждает, что национальное потребление падает, потому что национальная прибавочная стоимость вместо того, чтобы быть потребляемой целиком, как раньше, обращается капиталистами, — по причине их ненасытности в накоплении богатств, — в новые орудия для нового производства. Отсюда ясно, сколь неопределимы для Туган-Барановского Марксовы схемы капиталистического развития. Если допустить, что национальное потребление в настоящее время в России падает, то вовсе не потому, что сокращается доход рабочего класса: напротив, из «незакрывающихся в себе никаких произвольных допущений» схем Маркса следует, что даже в такие моменты (русские голодовки) доход рабочего класса растет (см. примечание). С помощью Марксовых схем Туган-Барановский благополучно превратил русские голодовки, на которые указывал Николай-он, в страдания берегающих русских капиталистов, которые обречены на эти страдания, вследствие присущего им порока — алчности, стремления к обогащению, порока однако, столь целесообразного с точки зрения всего исторического развития.

Открытия Туган-Барановского не ограничиваются только вышеприведенным. Помещенная на стр. 419 схема № 3 представляет «накопление капитала при неизменном числе рабочих и неподвижном состоянии техники». Оказывается, что при таких условиях капиталистический строй успевает, однако, произвести новую стоимость. «В конце 2-го г. произведено всего продукта 800, а в конце 3-го года... 834,1». Ясно, что стоимость в 34,1 производится не трудом, не реальной тратой рабочей силы, а получается в некотором смысле... «автоматически».

Читатель видит, что у Туган-Барановского не только в 99 г., в момент его «измены марксизму», но и в 94 г., в момент его выступления в ряды «настоящих марксистов», всегда существовал такой «источник ценности», который с тратой рабочей силы ничего общего не имеет. В последнее время, когда Туган-Барановский громогласно заявил марксистскому миру о существовании такой прибавочной стоимости, кото-

¹⁰ ...Все потребление рабочих и капиталистов вместе, в течение первого года, достигало 400 (=200 + 200, т. е. 200 единиц стоимости в предметах потребления рабочих и 200 единиц стоимости в предметах потребления капиталистов), а в течение второго года — только 314... единиц (=214+100, т. е. 214 единиц стоимости в предметах потребления рабочих и 100 единиц стоимости в предметах потребления капиталистов, или 100 единиц прибавочной стоимости) — «Промышленные кризисы», стр. 415.

рая происходит не из эксплуатации рабочих, а из простого, и во всяком человеческом хозяйстве необходимого, учета «производительности орудий труда», «производительности сил природы», из учета «редкости благ», — ортодоксы, казалось, вступают в самую ожесточенную борьбу с еретиком. Но несмотря на бесконечное число критических статей об «измене» Туган-Барановского, ни один ортодокс даже мельком не указал на главный козырь еретика. Этот козырь, которым он в своей известной статье «Научного Обозрения» (май 1899 г.) привел в тревожное состояние всех марксистов, состоит в том, что из *марксова учения* о распределении общественного продукта (разобранные нами схемы капиталистического воспроизводства) совсем «автоматически» происходит стоимость, которая не создается тратой труда, а получается «полезным его применением», «никому ничего не стоящим» (Маркс); такая стоимость, которая лишь ждет, пока не народятся бернштейнианцы и не скажут о ней, что это стоимость, созданная машинами, природою или же «редкостью благ». Этот козырь остается в руках Туган-Барановского, и еретик хорошо знает, что сами ортодоксы — его враги, позаботятся о том, чтобы козырь не был обнаружен и орудовал все так же успешно, как и до сих пор.

Заподозривать Маркса? Ни за что! Уж лучше пусть исполнятся все мечтания бернштейнианцев, чем допустить сомнение в пролетарской чистоте и безгрешности Маркса. Ибо, — не правда ли, господа ортодоксы? — что стало бы с нашей собственной пролетарской чистотой, раз последние подвергается сомнению в самом Марксе?

Итак, другой отец настоящих марксистов, по преимуществу в экономической области, достиг этого звания не потому, что принял Марксову «натуралистическую теорию трудовой стоимости», а лишь потому и постольку, поскольку убедился, что Марксова теория стоимости не исключает, а напротив оставляет место и для теории полезности, что Марксово учение о постоянном общественном капитале доказывает то, что хотели, но не сумели доказать по вопросу о народных бедствиях Сей и Рикардо.

Ортодокс Ильин, не будучи в состоянии понять всех операций Тугана-Барановского, провозгласил его «настоящим учеником» (в статьях «Нового Слова» об «Экономических романтиках») и так был тронут его открытиями, помещенными в «Промышленных кризисах», что с тех пор сделал задачей своей жизни популяризацию II-го тома «Капитала» и исследования русской действительности с развитой там точкой зрения. Но так как он ортодокс, то следует ожидать, что он снабдит учение Т.-Барановского ортодоксальными фразами и перспективами.

Куда денется в России все растущая национальная прибавочная стоимость, спрашивают марксисты-народники. Вот недогадливый на-

род, восклицает Ильин с презрением. У него, как у неомарксиста ортодокса, имеется такой — для всех классов, для всей его родины — приятный ответ на поставленный вопрос, что за него неомарксисту полагается, повидимому, гораздо большая, чем старому народническому ученику, благодарность со стороны потребителя национальной прибавочной стоимости, со стороны русского буржуазного образованного общества, все паразитное существование которого окутывается марксистским учением, как непроницаемым покрывалом. Национальная прибыль в России, как учит неомарксизм, превращается в постоянный национальный капитал, идет на приобретение новых средств производства,¹¹ на развитие предпосылки будущего, более справедливого строя. Ответ неомарксиста, таким образом, соединяет в себе вполне корректно, как и всегда, высшее беспристрастие и авторитетность объективной науки с негаснувшей пылкостью пролетария.

В капиталистическом производстве, повторяет до бесконечности неомарксист, растет все более противоречие между расширяющимся производством и немного или вовсе не растущим потреблением. Но это растущее противоречие и служит доказательством и залогом преходящего характера капиталистического способа производства и залогом неизбежного его перехода в высшую общественную форму. Таким образом, благодаря ортодоксии Ильина, учение Т.-Барановского разукрашено и окрылено. В таком виде оно, в конце концов, сводится вот к чему: повальные русские голодовки неизбежны потому, что в неразвитой России, в интересах будущего социалистического строя, необходимо строить как можно больше фабрик и заводов.

Целью капиталистического производства является развитие производительных сил до высоты несовместимой с современными общественными отношениями. Капиталистическое производство неуклонно стремится к этой своей цели, к переходу в высшую общественную форму. Однако нельзя не признать, что по временам оно капризно сворачивает с надлежащей дороги.

В последней своей полемической книге против Бернштейна Каутский доводит до нашего сведения, что самая передовая капиталистичес-

¹¹ Ильин упускает из внимания маленькую подробность, которой не объяснит II-й том «Капитала». Если для отдельного капиталиста приобретать машины на накопленные деньги — вещь весьма простая, то *всему классу капиталистов не у кого их купить: он их производит*. Рост «общественного постоянного капитала» — это рост процесса *созидания* новых средств производства, это рост все того же процесса эксплуатации рабочей силы, это — все тот же рост *национальной прибавочной стоимости*. От привлечения на помощь постоянного общественного капитала роль общественной прибавочной стоимости ничуть не раскрывается: рассматриваемая величина лишь растет, и глубоко научная теория Маркса оказывается лишь искусным решением задачи, имеющей целью скрыть паразитизм современного привилегированного образованного общества, получше запрятать эксплуататорскую основу его существования.

кая страна — Англия, бывшая некогда мастерской крупной капиталистической промышленности, гонящейся по всему миру за рынками для реализации своей прибавочной стоимости, и насаждающей, таким образом, повсюду капиталистическую культуру, эту необходимую предпосылку социалистического строя; что из такой мастерской Англия вдруг превратилась в простой торговый дом, денежное хранилище; и, — что еще важнее — из мастерской, не находящей у себя потребителя национальной прибыли, вдруг превратилась в своего рода Tiergartenviertel (аристократическая часть Берлина) по отношению к своим колониям, т. е. в потребителя прибавочной стоимости, взимаемой не только с островов Великобритании, но и со всех ее колоний. Эта попытка в характеристике исторической роли капитализма ограничивается, понятно, у Каутского исключительно одной Англией, ибо она диктуется немецким патриотизмом, требующим для Германии, наравне с Англией, законного участия в промышленной гегемонии на мировом рынке. Германия, насколько возможно, избегает позорной роли паразитного потребителя прибавочной стоимости, стягиваемой со всех концов земного шара. «Все плоды» человеческой промышленности присваиваются «относительно небольшим числом капиталистов и крупных земельных собственников».

Германия далека от положения современной Англии, потому что она к такому положению только стремится. Каутский этого признать не может. Но какой-нибудь русский марксист, хотя бы, скажем, Плеханов, подозревающий, что немецкий «пролетариат перестал быть революционным» (статья в «Neue Zeit» против Бернштейна), признает, пожалуй, что с надлежащей дороги сворачивает не только Англия, но отчасти уже и Германия. И все таки ортодоксия не погибнет: поколебленная развитием Англии, она спасается в России; ибо кто же посмеет усомниться в том, что бесчисленные русские марксисты желают капиталистического развития по каким-либо иным, несоциалистическим мотивам.

Капитализм есть законное явление, поскольку он развивает производительные силы человечества. Но именно он, не справляясь ни с чьим потреблением и имея своей единственной целью производство ради производства, является машиною *par excellence* для развития производительных сил человечества.

Марксисты несомненно доходят до некоторого религиозного настроения по отношению к таинственности капиталистического прогресса, который как раз в том своем противоречии, которое оскорбляет самую мысль человека, и несет залог лучшего будущего.

Этой религии, созданной «новой наукой», не мешало бы принять во внимание некоторые соображения, о которых наука старается молчать.

Производительность труда растет по мере того, как перед человечеством раскрываются тайны природы и растет его господство над нею. Этим господством он обязан своему человеческому организму, умственной деятельности.

Как же обращается с этой стороной деятельности человека «машина для развития производительности труда»?

Капиталистический строй, несмотря на то, что он является такой таинственной машиной, не перестает быть строем классовым и проявляет лишь законы последнего в наиболее ярком и совершенном виде.

Органом человека призвано пользоваться только избранное наследственное меньшинство. Все остальные миллионы должны быть лишены возможности приводить в деятельность этот свой орган; обречены служить человеческому обществу только движением своих животных органов — физической силой своих мышц и самой элементарной стороной своей нервной системы, какая требуется для мышечного труда — труда рабов. Именно поэтому, все потомство привилегированного меньшинства, все его члены и обладают «особенными талантами и способностями», ибо человеческий ум имеет в данном случае задачей не только познать природу, но и господствовать над рабами. Господство и создает сферу приложения умственной деятельности для всего потомства образованного общества.

Как бы отдельные члены его ни были обижены природой насчет «особенных талантов и способностей», они, тем не менее, найдут сферу их проявления в таких областях, которые специально для этого и существуют: или в области поддержания общественной организации «порядка и спокойствия», или в сфере «защиты отечества», или в сфере создания и прививки соответственных религиозных и нравственных начал своим рабам. «Воспитание юношества» должно доставлять лиц привилегированных, которые в глазах рабов являлись бы высшими существами, с особенными талантами, присущими им с самого рождения. Целые отрасли государственных, социальных наук изобретают формулы господства. Благодаря такому «умственному труду» господствующих классов, классовый строй продолжает здравствовать.

Большинство человечества, из поколения в поколение, еще до своего рождения признано неспособным проявлять свою умственную деятельность. Еще до рождения его мозги признаны годными лишь для исполнения рабского труда.

И вот общественный строй, осуждающий на бездействие в миллионах человеческих существ тот орган, которым человек господствует над природой, ничуть не справляясь с тем, сколько великих умов, гениев таится в этих миллионах; строй, уничтожающий в корне источник гос-

подства человека над природой; строй, проводящий этот свой основной закон, путем поголовного ежегодного умерщвления сотен тысяч людей во время страшных голоденок, — этот строй слывет у «передовой науки» машиною для развития производительных сил человечества.

Мы старались бегло отметить в развитии русского марксизма те основные моменты, благодаря которым он сделался официальным передовым течением русской буржуазной публицистики, радикальным выражением стремлений образованного общества к «европеизации России» и развитию в ней всеспасительного капитализма.

В полном согласии с этой основной «теоретической мыслью», марксистская практика, как мы указали в 1-ом письме, пыталась в подпольной жизни выставить целью рабочего движения — достижение того политического строя, который существует на Западе, т. е. завоевание конституции, что по отношению к рабочему движению должно означать свободу союзов и стачек, «участие в управлении страной».

В то время, как русская соц-дем-ия, как свидетельствует брошюра «Об агитации», надеется, что, при первом серьезном столкновении рабочего движения с правительством, неизбежно должно произойти видоизменение политического режима; в то время, когда она убеждена, что благодаря развиваемому ею в России рабочему движению на манер европейского, азиатский режим попадает в безвыходное противоречие, — в действительности происходит нечто для соц-д-ии неожиданное, но фатально неизбежное, с чем она вынуждена примириться: экономический и культурный прогресс наряду с политическим регрессом.

Русская соц-д-ая мысль, выставляющая образцом политического движения германскую соц-дем-ию, становящуюся «единственной партией порядка», или австрийскую соц-дем-ию, уверяющую, что среди господствующей национальной неурядицы, она представляет собой единственную государственную силу, способную вдохнуть новую жизнь австрийской империи (Дашинский, Каутский), — эта соц-дем-ая мысль неспособна поколебать ни на iota даже такого органа господства, как русское самодержавие. Соц-дем-ое подпольное движение принуждает лишь абсолютизм своими толчками развивать культурный прогресс. Европеизация России, проповедуемая марксизмом, происходит бесспорно, но под крепнущими и расширяющимися крыльями абсолютизма, который становится, таким образом, как и абсолютизм германский, нормальной политической формой развития буржуазного строя.

Указываемое соц-дем-ией «безвыходное противоречие» между развиваемым ею тред-юнионизмом и азиатским режимом во много раз покрывается полнейшей целесообразностью и необходимостью существ-

вованя русского абсолютизма ради интересов в с е г о образованного общества. В самом деле, какая другая власть, как не самодержавная, была бы способна так прекрасно обеспечить доход образованному обществу, при условии, что это обеспечение достигается путем ежегодных по- вальных голодовок.

Пока в подпольной России господствует соц-дем-ая мысль, государственная власть может быть спокойна. Она не настолько наивна, чтобы видеть в современных русских революционерах тех, за кого они себя выдают, т. е. представителей всех русских пролетариев. Она убедилась, что из головы русских революционеров-социалистов исчезла мысль о необходимости коренного социального преобразования и о непосредственном низвержении государственной власти; и не по мере того, как уменьшились народные бедствия, а по мере того, как они росли, по мере того, как развивалась русская культура, как возрастала «национальная прибыль», как она становилась все больше, шире, слаще утонченнее. Она знает соц-дем-ую формулу, по которой пролетарием считается не тот, у кого нет средств к жизни, а тот, у кого нет средств производства, и кто способен понять э т о т недостаток (Каутский в «Аграрном вопросе»). Она видит, что сообразно этой формуле, революционеры выдвигают лишь минимальные претензии неимущих, «справедливость которых очевидна для всякого честного человека», которые, значит, и удовлетворить не трудно; она видит, что по этой формуле такая степень отсутствия имущества, как хроническое голодание, вовсе не является пролетарским достоянием, и что все ужасы голодовок совсем не связаны с капиталистической эксплуатацией и не могут, следовательно, повлиять на претензии русских пролетариев, на ход и характер подпольной революционной жизни. Прежде чем эти голодающие стали появляться на горизонте стачечных взрывов, в виде «босяков», соц-д-ая формула давным давно создала для них кличку изменнического «люмпенпролетария», дабы он не нарушал перспективы приличного русского тред-юнионизма. Формула, значит, весьма тщательно позаботилась о том, чтобы у русского революционера даже мысль не появлялась о взрыве того вулкана, на котором покоится классовый строй России.

Между тем русские рабочие поднимаются на борьбу в виде все учащающихся массовых взрывов. Соц-дем-ия не желает и неспособна создать сознательно организованного выражения этого стремления масс в борьбе. Ее формулы, представляющие собою выражение интересов «умственного рабочего», обуздывают эту борьбу. Они насильственно ставят ей пределы, поучая, что, при нынешних политических условиях, может быть речь лишь о незначительных уступках; настоящие же завоевания будут сделаны только по достижении политической свободы, путем профессиональных союзов и парламентской борьбы. Целью

борьбы она насильственно выставляет политическую свободу, вследствие чего борьба за реальные интересы рабочих является чем то второстепенным, не свидетельствующим еще о «классовом самосознании» борющейся массы.

Польские рабочие, столько раз и так широко откликнувшиеся на 1-ое мая, упорно защищая выставленные ими требования, ясно говорили, что они хотят сделать из этого дня — день борьбы за свои реальные нужды. То же самое говорят в настоящее время и русские рабочие. Но соц-дем-ия делает из этого дня «праздник», «демонстрацию», «праздничные шествия», которые затем можно было бы истолковать в Польше — в пользу «независимого государства», а в России — в пользу конституции.

Своими взрывами рабочие массы требуют от своих сознательных элементов создания боевой организации, которая объединила бы разрозненные взрывы, создала бы планомерное массовое движение соединенных крупных центров за все более возрастающие реальные требования и претензии рабочих в условиях их труда. Такой своей боевой организации, служащей их интересам, рабочие дожидаться не могут, хотя за это дело сложили уж столько трупов на улицах Лодзи, Ярославля, Риги...

Сознательные силы поднимаются из рабочей массы, входят в соц-д-ие организации и толкуют рабочим формулы «умственного рабочего», разрисовывая перед ними в Польше все прелести «независимой республики», а в России — благоденствия будущего парламента.

Боевая организация, служащая реальным интересам рабочего, может быть создана лишь тогда, когда из движения будет исключена обуздывающая его сила — интерес «умственного рабочего»; когда пролетарское движение будет провозглашено, не как соц-дем-ая борьба против «горсти капиталистов», а как борьба с буржуазным строем, господствующим образованным обществом.

ЧАСТЬ III

СОЦИАЛИЗМ И РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ
В РОССИИ

1904

Настоящая брошюра составлена (со значительными дополнениями) из двух рефератов, прочитанных недавно в Женеве под общим заглавием: «Рабочая революция и социалистическая интеллигенция». Вместе с тем, она представляет прямое продолжение и развитие положений, установленных в книжке: «Умственный рабочий» (2 части: I. Эволюция социалдемократии, II. Научный социализм), изданной в 1901 году в России, в очень ограниченном, впрочем, количестве экземпляров. Поэтому брошюра выпускается из печати, как

УМСТВЕННЫЙ РАБОЧИЙ

Часть III

Брошюра будет издана в виде двух выпусков. Предлагаемый читателю Выпуск I представляет собою первый из двух упомянутых рефератов, а именно

СОЦИАЛИЗМ И РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

III часть «Умственного рабочего» составляет тем не менее отдельное целое, понятное для всякого, даже совершенно незнакомого с первыми двумя частями сочинения.

Обещанная в предисловии к первым двум частям критика основных историко-философских взглядов марксизма будет помещена в нескольких главах II выпуска.

Женева, август 1904 г.

ПРОДОЛЖИТЕЛЬНАЯ АГОНИЯ САМОДЕРЖАВИЯ

Более полувека русский радикал с тоскою и нетерпением ждет крушения деспотического правительства, которое своим существованием «позорит», по его патриотическому выражению, его «родину». Все это время он тщательно следит за всеми затруднениями, на которые наталкивается царское правительство в управлении развивающимся обширнейшим государством. При каждом из таких конфликтов радикал громко заявляет о беспомощности азиатского правительства, о невозможности для полицейского режима справиться с растущими потребностями европеизующейся страны; всякий раз он предвещает самодержавию немедленную гибель, пророчит полное государственное банкротство. Но увьи!.. в силу какого-то странного и, для бедного русского радикала, фатального рока, самодержавие живет поныне с этими бесчисленными зародышами разложения и гибели; каждый раз оно грубо, по азиатски, решает встречаемый на пути конфликт и из каких-то непонятных для радикала источников черпает силу для дальнейшего своего существования и тем самым, к ужасу и горю своего противника, становится все крепче.

С момента объявления происходящей ныне войны предвещения самодержавию немедленной гибели в особенности усилились и стали высказываться русским радикалом несравненно настойчивее, нежели когда-либо. Все нелегальные русские газеты переполнились статьями, заключающими поробнейшие вычисления и всесторонние доказательства того, что царское правительство само почувствовало себя на краю гибели. Только безвыходным, прямо отчаянным положением можно объяснить, что оно затеяло этот безумно рискованный и авантюристский шаг, столь нелепо азартную игру. Народные массы взбудоражены и заражены крамолой до глубины; общество даже в самых легальных слоях озлоблено против правительства: при таких условиях, царь не найдет нигде поддержки, не найдет кредита ни на одной из европейских бирж; и он идет прямо навстречу своему Седану, по крайней мере, второму Севастополю..

Однако русское правительство очень скоро принудило революционера понизить тон. Не более, как через месяц после объявления войны, оно успело показать революционеру, что на своей стороне оно имеет, вопреки всему, что пишется в революционных газетах, — не только полицию, жандармов и попов, не только те консервативные слои общества, которые всегда служили опорой престола и отечества. На его стороне элементы совсем свежие, прогрессивные либералы, т. е. значительная

часть того самого передового общества, которое революционер считал своим, и которое он издавна пытается натравить на царя. «На самом краю гибели и банкротства», «в самом безвыходном положении», силы самодержавия не только освежаются, вдохновляются, но и прямо множатся. Царизм укрепляется, поднимает, несмотря на всю ничтожность и смехотворство своих народных демонстраций, столь сильную волну всероссийского патриотизма, что последняя заставила даже русского революционера серьезно считаться с нею. В № 61 «Искры» он считает необходимым объясниться перед царскими писаками в том, что он не изменник, способный войти в союз с японским правительством; а в следующем, 62-м № того же издания он прямо говорит, что он патриот лучше всех бывших русских патриотов, способный не менее других, а напротив больше их и разумнее заботиться и любить «целое».

Неужели злосчастный рок все еще попрежнему готовится преследовать русского радикала-революционера? Неужели его разочарованиям не суждено окончиться?

Ведь современный русский революционер, как социалдемократ, в последние десять лет готовил нужную ему революцию так усиленно и по самым последним, новейшим европейским методам, отбросив старые доморощенные средства самобытного социализма. Он изучил, повидимому, в совершенстве и применил в полном виде все искусство привлечения рабочих для излечения общества от всяких его недостатков и противоречий, искусство, испытанное, как говорят, повсюду в Западной Европе и оказавшееся безошибочным. Ему удалось составить и кое-какие рабочие батальоны; и он уже не раз, указывая с гордостью на эти плоды своей деятельности, с твердою уверенностью объяснял либеральному обществу, что оно в лице этих батальонов приобрело, наконец, действительную реальную силу для борьбы с царем — народные массы, впервые в истории России выступающие на борьбу за прогресс. Неужели вся эта работа, исполнявшаяся с такою уверенностью, по столь испытанным методам, не должна достигнуть своей цели?

Русское рабочее движение, руководителем, даже чуть ли не творцом, которого считает себя социалдемократия, приняло уже обширные размеры и имеет за собой очень интересную историю. Но достаточно вспомнить последний его эпизод, чтобы убедиться, насколько это движение не желает считаться с социалдемократическими формулами и законами, насколько испытанный метод многого не предвидел; а если указанное событие рассмотреть поближе, то мало-по-малу станет обнаруживаться и причина злослучений русского радикала.

Прошлогодняя всеобщая стачка на юге России не только не подготавливалась; она даже никем не предполагалась и не ожидалась. Революционер предвидел ее столь же мало, как и общество и правительство.

Социал-демократы, а вместе с ними и все русские революционеры пытаются изобразить это движение, как не вполне сознанный массами протест против самодержавного строя. Но для всякого очевидно, что русский революционер собственные пожелания выставляет за совершившиеся факты. Не будем уж говорить о том, что был момент в этом движении, именно в Одессе, когда массы совершенно недвусмысленно выступали прямо против стремлений русского революционера — это был очень непродолжительный момент, когда стремления масс ярко еще не выразились. Точно также, достаточно лишь упомянуть, как об общеизвестном факте, о том, что начало прошлогоднего движения, движение бакинских рабочих, представляло собой экономическую стачку в полном смысле этого слова. Но мы утверждаем, что и при рассмотрении всего движения, в его целом, вполне развившемся виде, не трудно заметить, что основное стремление масс направляется совсем не в ту сторону, куда пытаются отклонить эти массы усилия революционеров.

Пока, в подтверждение только-что сказанного, мы отметим здесь следующие особенности прошлогоднего движения.

Во-первых. Несомненным стремлением рабочих масс было распространить движение *повсюду*. В Киеве, Екатеринославе и др. достаточно было первого слуха о всеобщей стачке, происходящей на Кавказе и в Одессе, для того чтобы вызвать в массах неудержимое стремление устроить всеобщую приостановку производства и всякого движения и в своем городе. Напротив, революционерам в это время понадобилось всесторонне обсуждать дело, стоит ли вообще присоединяться к движению.

Вот в какое настроение привело киевский социалдемократический комитет известие о рабочем восстании:

«Вести с юга были *не особенно утешительны* для партии: стачечное движение, охватившее Кавказ и перебросившееся в Одессу, не имело вполне организованного характера, началось, повидимому, *стихийно* и не приобрело в достаточной степени сознательно *политической окраски*».

Рабочее восстание, как бы оно широко ни разлилось, для русского революционера «неутешительно» и нежелательно, раз оно «стихийно» и без «политической окраски»!

«Почва для устройства стачки в Киеве имеется, но важно обсудить принципиальный вопрос, *следует ли ее организовать*, если Комитет не сможет придать ей ярко политической окраски и все время руководить ею, сохраняя свою *власть над стачечниками*» (!) (Правдин. «Революционные дни в Киеве», стр. 4. Курсив здесь и ниже наш).

И только тогда, и только там, где становилось вероятным, что массы поднимутся и без призыва революционных организаций, последним

не оставалось ничего другого, как издать прокламации, призывающие к забастовке. Иначе они рисковали, что движение пойдет совершенно помимо них. В отчете Екатеринославского комитета Р.С.Д.Р.П., помещенном в № 42 «Искры», говорится:

«В конце июля, Комитетом для выяснения положения было устроено несколько специальных собраний... Указывалось, что момент для стачки неблагоприятен... (Но) впоследствии... по собранным сведениям было видно..., что настроение у всех очень напряженное: *все ждут не дождутся стачки; что будем ли мы призывать или нет, она начнется; что войска не помешают ей начаться, так как к плохому экономическому положению прибавилось чувство солидарности, очень быстро растущее под влиянием известий о стачках в других городах*». Потом, когда по разным поводам социалдемократическая стачечная комиссия отложила стачку на два дня, — *”привести это решение в исполнение было трудно: последняя неделя перед стачкой проходила для всех очень томительно; все ждали ее и все спрашивали: когда же начнется стачка? Когда более близким рабочим говорили, что она отложена на четверг, седьмого, то они были очень недовольны этим, так как боялись, что масса не станет дожидаться призыва организации и начнет стачку сама”*».

Итак, в то время, когда рабочие массы стремятся вполне недвусмысленным образом распространить забастовку повсюду, революционер не считает нужным даже подражать им; и там, где массы сами не производят достаточного на него давления, он молчит, хоть и имеет организации по всей России.

Во-вторых. Представляя себе свое движение всеобщим, массы сообразно с этим и стремились придать движению повсюду соответственный характер, характер повсеместного рабочего восстания. С этой целью, путем забастовки, а где она не удавалась, путем прямого насилия, массы стремились лишить города не только всех средств передвижения, но даже освещения, пищи и воды. Революционеры эти шаги масс считали недопустимыми, и против этих «незаконных» приемов выступали, как соц.-дем.-ие комитеты, так и отдельные спропагандированные ими «сознательные» рабочие.

«В первый день стачки, говорится в цитированном выше описании Правдина, были попытки со стороны некоторых экспансивных рабочих задержать поезд, идущий на Курск, но организованные рабочие убедили их оставить свое намерение» (Стр. 38).

В особенности Бакинский комитет отличался, прямо противодействуя восстанию и подавляя всякое стремление масс к более энергичному давлению на буржуазное общество. «Даже останавливая работы, говорит одна из его прокламаций, мы должны избегать насилия и не заставлять присоединяться к стачке рабочих, которые этого не желают:

пусть их...» («Рев. Рос.», № 32). Бакинский комитет, напуганный поджогами, к которым прибегали рабочие, возмущенные отказом капиталистов, не постыдился даже провозгласить в таких словах окончание стачки: Пора «поскорее окончить эту, затянувшуюся для обеих сторон, тяжелую борьбу» (там же). Не постыдился апеллировать прямо к малодушию: казаки, полиция, солдаты «станут прибегать к особым мерам, начнут бить, стрелять, арестовывать всех и каждого, чтобы запугать вас» (там же). Здесь, как говорят, была образована даже из соц.-дем.-их рабочих стража для охраны имущества буржуазии.

Такое поведение отдельных комитетов вся соц.-дем.-ая партия признает вполне рациональным, а центральный партийный орган в статье Засулич (Прилож. к брош. Правдина) объяснил, что для русской соц.-дем.-ии невозможна другая тактика до тех пор, пока восстающие массы не потребуют единодушно и ясно конституции; тогда лишь допустимо восстание, не отступающее ни перед какими крайностями.

Что касается соц.-рев.-ов, то последние, хотя и декламируют о вооруженных демонстрациях, но лишь только массы пытаются проявить насилие по отношению к обществу, они, конечно, еще тверже, нежели соц.-дем.-ты, стоят за мирный, благородный способ действий. Цитируемый нами выше рецензент «Рев. Рос.», осуждающий Бакинский соц.-дем.-ий комитет за его миролюбие и антиреволюционность, все же любуется вдоволь мирным характером Бакинской стачки:

«...Точно так же не бастовали, или почти не бастовали: пекаря, булочники, мясники, извозчики; торговля также не прекращалась. Таким образом, буржуазная публика не чувствовала особенных неудобств от стачки. Народ, этот новый самодержец, спокойно, милостиво и умеренно пользовался своей неограниченной властью, радуясь как ребенок своему неожиданному могуществу».

В конце концов оказывается, что в обуздывающих насилия действиях соц.-дем.-его комитета было немало величественной красоты.

Сделаем вывод. За полгода до возникновения японской войны, на юге России поднялись на борьбу сотни тысяч рабочих, стремясь вызвать в России всеобщее рабочее восстание. Радикальное общество, ожидающее конституции, и его представитель, русский революционер, заявили: пока не надо... рискованно... опасно. События, требуя немедленного ответа, поставили резко вопрос: как относится революционер к рабочему восстанию в современной России? Они отняли возможность у революционера расплатиться с рабочим и на этот раз лишь векселем на будущее; они произвели учет его высоким, «социалистическим», «социалдемократическим», «чисто пролетарским» идеалам, и результат получился в высшей степени интересный. Революционер перед лицом правительства, которому он полвека грозит революцией, должен был раскрыть

свою душу и признаться, что в состав его «революционных» планов входит твердое противодействие рабочему восстанию, рабочей революции.

Нельзя сказать, чтобы это для правительства было совершенно неожиданной новостью. Крайностям и насилиям, к которым нередко прибегали русские рабочие в своих бурных стачках, революционер имел случай не раз высказать свое неодобрение; а по отношению к западноевропейскому «правовому» государству он часто считал своим долгом заявлять свою лояльность и не забывал высказывать безусловное порицание рабочим бунтам в таких «свободных» государствах.

Но все-таки для правительства оставалось еще не вполне выясненным: не хочет русский революционер рабочей революции, или же он в самом деле не может, как он сам объясняет, стремиться к ней, по трудности и невыполнимости дела? Прошлогодние июльские события дали прямой ответ: русскому революционеру не нужно поднятого рабочими массами, происходящего на его глазах, рабочего восстания — он его не желает.

Итак, между стремлениями русского революционера и стремлениями рабочих масс существует глубокий антагонизм. Этот социальный антагонизм революционер всеми силами старается скрыть. Но, несмотря на все его усилия, антагонизм этот давно обнаруживается, а в прошлогодних летних событиях обнаружился чрезвычайно ярко. Вот этот-то социальный антагонизм и вытекающее из него противодействие революционера рабочему восстанию дают самодержавию жизнь, на глазах русского революционного движения последнего полувека, точно так же, как июньское избиение парижских рабочих французскими демократами в 48 г. дало жизнь Третьей империи.

Вот где злой рок русского революционера, столь неумолимо преследующий его. Он заключается в нем самом, в природе его стремлений, желаний, планов.

Если пролетарской революции, рабочего восстания боится даже сам революционер, то как же не трепетать перед ним русскому либеральному обществу; как ему не удерживать при жизни твердой самодержавной власти, несмотря на все ее беснования?

Но мало того. Этот антагонизм между русским революционером и рабочим движением дает самодержавию не только жизнь; он дает ему возможность расти и крепнуть, ибо радикальные элементы каждого поколения, напуганные красным призраком, оно на следующий день привлекает к себе на службу.

Этот антагонизм дает возможность самодержавию в борьбе с противником удерживать свои старые, азиатские средства гнета и истребления крамолы: по отношению к революционному движению, которое само боится бунта рабов всего мира, можно безопасно применять самые

зверские приемы, раз это движение, по мнению правительства, не в меру разошлось.

Этот социальный антагонизм позволяет русскому правительству затевать самые наглые планы, самые авантюристские предприятия, вызывать к жизни и организовать самые зверские инстинкты своих верноподданных. Оно могло бы затевать в десять раз более широкие еврейские погромы, не боясь собственноручно нарушать общественный «порядок и спокойствие»: как бы ни был расшатан этот порядок, народных масс некому повести к их собственному восстанию, к р а б о - ч е м у восстанию.¹

Наконец, социальный антагонизм между революционером и рабочими дал возможность правительству предпринять грандиознейший проект укрепления «престола и отечества» и, затеяв войну на крайнем Востоке, создать для всех мракобесов их великую эпоху, их красные дни, по поводу которых они и ликуют так победоносно в настоящее время.

После июльских событий правительство могло бы безбоязненно предпринять еще более рискованную войну, чем японская: в самых неблагоприятных и трудных обстоятельствах обнаружившееся противодействие русского революционера рабочей революции предохраняет государство от революции вообще.

Правительство может устраивать самые беспощадные боины, может убить в своих военных авантюрах несметное число человеческих существ: — русский революционер, — все равно ученик ли он Лаврова, Маркса или Кропоткина, — не в состоянии поднять к восстанию против государства н а р о д н ы е м а с с ы в России. Ведь он противник тех, исключительно рабочих, стремлений, которые одни могут увлечь

¹ Заметим мимоходом, что при еврейских погромах, события будто нарочно складывались так, чтобы дать очень внушительный урок русскому революционеру. Он этого урока даже не заметил. Нигде в районе июльского восстания полиции не удалось устроить еврейских погромов. И это вполне естественно: во всеобщей стачке, в рабочем восстании происходит столь глубокий акт солидарности людей всех рас, что он заставляет надолго молчать всякие национальные предрассудки; и стачечники, как это и случалось в прошлом году, бьют царских провокаторов при первой их попытке заикнуться о «жидах». Вследствие этого еврейские погромы возникали лишь там, где всеобщей стачки не было.

Но еще ярче вывод наш иллюстрируется следующим сопоставлением. Гомельские железнодорожные мастерские, которых революционер ни за что не хотел присоединить к всеобщему восстанию, и которые, пристав к нему, столь же смело, как в Одессе и Киеве, задерживали бы поезда железной дороги, спустя месяц пошли за царскими агитаторами громить евреев.

Прибавим еще одно замечание. Бунд воображает, что он своей национальной политикой наиболее успешным образом защищает евреев. Казалось бы, в самом деле, что хоть эту-то свою задачу Бунд исполняет. Между тем, как Бунд, так и польские социалисты-патриоты всевозможных оттенков своей обособленностью достигают лишь того, что оба эти «авангарда революционной армии в России» упорно молчат во время южнорусского восстания, создавая этим первое условие для всякого рода макиавеллиевской политики правительства.

массы, которые в прошлом году, несмотря на парализирующее действие революционера, подняли весь юг России. Ведь он, в лучшем случае, защищает против капиталистов и государства лишь такие минимальные претензии рабочих и такие безопасные, тред-юнионистские способы рабочих завоеваний, с которыми давно освоились государственные мужи, и которые умиротворяют и удовлетворяют грошами они давно научились без малейшего потрясения буржуазных законов.

Против наглости самодержавия русский революционер, конечно, будет протестовать, угрожать революцией. Но, вследствие его антагонизма с рабочими массами, его социалистическая деятельность, оторванная от реальной борьбы рабочих, противостоящая ей и превращающаяся, таким образом, в религиозную проповедь, вызывает лишь такие «демонстрации», для подавления которых достаточно силы одного полицейского участка; вызывает лишь протесты отдельных личностей, которые, как бы они ни были геройски, не находят отклика в массах, ибо гордо от них обособляются.

Одним словом, современный русский революционер, как его ни раздражай, как над ним ни издевайся, не решится ни за что на шаг, противоречащий его природе, на рабочее восстание, на тот пожар, который летом прошлого года, как неудержимая стихия пронесся по стране; который, как зараза, захватил самые забитые, казалось, массы, против которых не изобретены рецепты ни в каких арсеналах европейской государственной мудрости. Правительство убедилось окончательно, что для т а к о г о пожара современный русский революционер искры не бросит, как бы он ни был возмущен его наглостью и в каком бы затруднительном положении оно не очутилось при своей рискованной политике.

А если бы даже, во время предпринятой на крайнем Востоке азартной игры, случайно и независимо от революционера опять вспыхнуло всеобщее стачечное восстание, царское правительство уверено, что революционер, не менее прошлогоднего, проявлял бы благоразумие и такт, не распространял бы пожара на всю Россию, а, напротив, так же, как и в прошлом году, призывал бы к мирному благородному способу действий, удерживал бы рабочего от насильственных шагов, защищал бы от поджигателей фабрики и прочее имущество буржуазии.

ПЕРВАЯ ЗАБОТА СОВРЕМЕННОГО РЕВОЛЮЦИОНЕРА

Боязнь рабочей революции, восстания рабов современного общества, — это первородный грех русского революционера, сделавший тщетными его полувековые усилия разрушить всероссийскую тюрьму.

Конечно, не так уж просто разглядеть опасение каких бы то ни было восстаний в революционном движении, которое ознаменовалось

столькими геройскими подвигами самоотвержения, которое провозгласило борьбу со всей современной эксплуатацией. С первого взгляда покажется прямо невероятным открывать малодушие в движении Желябовых, в движении, проявившем столько мужества.

А все-таки перед нами неоспоримый, требующий объяснения факт: тот же самый революционер, который на заре своей юности предпринимал грандиозный замысел пробудить Россию от ее глубокого, векового, повсеместного сна; который для этого пробуждения совершал столь геройские подвиги.., ныне, когда, говоря его словами, Россия давно проснулась, когда сотни тысяч рабочего народа поднимаются смело на борьбу, когда ежеминутно готово вспыхнуть всероссийское рабочее восстание, тот же революционер, «социалист» попросту пятится перед пожаром назад.

Социалистическая кличка, которую присвоило себе русское революционное движение, приводит наблюдателя *a priori* в некоторого рода религиозное по отношению к нему настроение, заставляет смотреть на него особыми глазами, как на небывалое до сих пор историческое течение. Но, повторяю, неумолимо всплывающий факт принуждает нас приподнять, закрывающий сущность движения, социалистический щит и посмотреть на него реальными глазами, как на обыкновенные исторические будни.

Вульгарная история говорит нам, что подвиги самоотвержения и мужества совершали люди с первых же дней их общественной жизни. И с того же отдаленного момента эта самоотверженность, пока она не достигла победы, всегда рекомендует себя и свои дела, как жертву в пользу всех ближних, в пользу всех человеческих существ. Но, достаточно ей одержать победу, низвергнуть гнет, который несла она сама, и оказывается, что жертвы приносились исключительно в пользу очень незначительной среды, группы, класса, в пользу среды строго ограниченной. Оставшиеся поработанными испытывают от недавних «самоотверженных» борцов тот же самый зверский гнет, что и от предыдущих властителей.

Бесчисленные примеры мужественнейшего самоотвержения представляет нам история патриотической борьбы за национальную независимость в Италии, Польше, у славянских народов Балканского полуострова и др. Общеизвестно, что самоотверженные патриоты, — как личности, так и целые слои общества, немедленно вслед за получением независимости, устраивают настоящие оргии грабежа и эксплуатации, как будто издеваясь над наивностью народных масс, поверивших, что борьба велась за свободу всех.

Вот эту-то мерку, обычную для исторических будней, факты заставляют применить и к анализу души русского революционера. Тогда социалистические, пролетарские и т. п. фразы перестанут нас обманыва-

вать и затушевывать прямой смысл этого «социалистического» движения.

То народное восстание, о котором на протяжении полувека мечтает русский революционер, которое он пытается вызвать путем своих величайших усилий, совершенно не похоже на то восстание, которое рабочие массы прошлым летом пытались распространить повсюду. Его восстание есть нечто отличное от рабочей революции, от революции раб о в современного общества.

Восстание, которое пытался вызвать в году своей юности русский социалист, должно было быть обязательно к р е с т ь я н с к о е восстание. Оно должно было отнятую у помещиков землю передать крестьянам. Это восстание и в отношении элементов, приводимых в движение, и в отношении целей, поставленных движением, вышло бы по необходимости вполне тождественным с тем восстанием французских крестьян, которое во время великой революции сумело лишь упразднить средневековое господство феодалов, не ставя никакой помехи новому господству буржуазии.

Западно-европейское социалистическое учение, признав русский народнический социализм своим разветвлением, способствовало полному затемнению этой перспективы русского крестьянского восстания и закреплению за ним представления, как о движении социалистическом, направленном к полному уничтожению эксплуатации.

Русский революционер из этого обстоятельства хочет приобрести большой плюс в свою пользу: он де тот же самый социалист, который на Западе стремится упразднить классовое господство. Но с нашей точки зрения, это обстоятельство, т. е., так называемая социалистичность русского движения, ставит лишь большой минус всему социалистическому учению истекшего столетия. Последнее, даже в лице своего наиболее критического течения — научного социализма, признало утопическое предприятие русского революционера вполне реальной и уместной социалистической попыткой.

Интеллигенция Франции, Германии, Австрии первой половины XIX столетия проявила в борьбе с феодалами и плутократами немало самоотвержения и мужества и так же, как русский революционер 70-х годов, клялась в том, что, с помощью своих социалистических планов немедленно прекратит капиталистическую тиранию. Но, увы! — неожиданно, поистине как гром с ясного неба, среди радужных мечтаний, окрылявших революционные движения 48-го года, случился факт, перед которым вся эта революционная интеллигенция, даже в своих наиболее крайних социалистических течениях, побледнела и опустила руки.

На священную «социальную республику», священную даже в глазах тогдашних революционеров и социалистов, делают нападение рабочие Парижа и показывают, что в этой священной демократии, в которой,

по уверениям социалистических учителей, должны найтись раньше или позже средства прекращения всяких общественных бедствий; что в этой священной демократии власть, вытекающая по всем видимостям из воли всех, из воли свободного народа, есть та же старая власть зверских эксплуататоров и грабителей.

Рабочие «национальных мастерских» — июньское восстание есть их именно дело — не были знакомы, как известно, ни с одной из многочисленных тогдашних социалистических систем: в их среде не было ни одного представителя тогдашних радикальных и революционных течений французского общества. Их чуждались все радикалы, как своего рода зубатовцев, которых хотели купить консерваторы учреждением общественных работ. Тем не менее, за свои требования они, как львы, дрались против бесчисленной армии, против национальной гвардии, против всего общества. Требовательность инсургентов как будто превосходила даже ожидания социалистических систем, хоть и требовали они очень простой вещи — дальнейшего обеспечения от голода, от безработицы.

Социалисты с началом революции провозгласили было «право на труд». Но требование июньских инсургентов — обеспечение от голода, от безработицы, могло быть по социалистическим планам достигнуто только после длинного ряда социалистических реформ, после многих лет «социалистического строительства», самое скорое, в первый день будущего социалистического рая. Такой же неуклонной претензии масс — не медленного обеспечения от голода, не ожидала ни одна социалистическая партия. Для удовлетворения июньских инсургентов не нашлось, таким образом, никакого рецепта, никакого средства даже в социалистических арсеналах. А, между тем, требование это было так просто — обеспечение от безработицы, от голодной смерти! Инсургенты отказ в этом требовании сочли столь возмутительным, что в борьбе своей проявили неслыханное, не обнаружившееся ни в одном из других восстаний, упорство, ожесточение, решимость драться буквально до последнего издыхания.

Непреклонная требовательность июньских инсургентов, не считающаяся даже с социалистическими путями, расчетами и планами; их полная оторванность от каких-либо определенных общественных течений и систем, поражающая все эти системы простой формулировкой самых элементарных потребностей и обнаруживающая беспомощность и утопичность самых смелых, казалось, социалистических планов; наконец удивительное, непонятное, геройское упорство в защите своих претензий, — все эти черты восстания, не только чуждые, но прямо таинственные для радикального общества и его реформаторов; — весь этот четырехдневный отчаянный мятеж рабов общества навел ужас не только на правительств, не только на прогрессивные либеральные пар-

тии, но даже на революционные до того времени слои общества, на социалистические течения.

С той поры перестали рождаться в среде образованных обществ цивилизованного мира Мараты, нападавшие и направлявшие на власть все отчаяние голодных масс. С этого момента революционер занят уже не столько агитацией возмущения масс, сколько выработкой надежных предохранительных клапанов, оберегающих цивилизованный мир от повторения грозного восстания рабов. Это и делают на протяжении всей дальнейшей истории агитаторы-социалдемократы, научные социалисты, первая забота которых убедить массы в «неподготовленности», внушить им необходимость «терпеливого ожидания».

Июньское восстание — это знаменательнейшее событие целого века; всякий политик, всякий «мыслитель-революционер» пытается замолчать его; но оно неумолимо всплывает в их памяти при каждом т. н. стихийном взрыве рабочих масс, при каждом массовом возмущении пролетариата.

Известно, как глубоко были поражены июньским восстанием оба родоначальника русского народнического социализма, Герцен и Чернышевский; как пристально всматривались они в это событие, желая разгадать полный его смысл. И наряду с глубокой потребностью всего передового общества в обуздании всероссийской азиатской власти и коренном преобразовании всего государственного строя; наряду с этой потребностью, которую они так сильно отражали своею деятельностью, у них возникла столь же сильная потребность предохранить свою родину от «язвы пролетариата», как выражался еще Чернышевский. И чем глубже, грандиознее представлялся им предстоящий России общественный переворот, тем прочнее, надежнее должен быть и тот предохранительный клапан безопасности, куда можно было бы удалять все разгоревшиеся, во время социальной революции, страсти миллионов русских рабов.

Вдохновленные теориями западно-европейского социализма, — это обстоятельство мне в особенности хотелось бы здесь подчеркнуть — родоначальники русского социализма, как известно, нашли этот клапан в виде сельской общины. Первобытный русский коммунизм был сделан основой, его развитие — целью революционного движения в России. Благодаря этому, развитие социальной революции в России становится уже не прямым движением вперед, в неведомые, опасные глубины социального переворота, революции рабов современного общества. Это несомненно и движение назад к тихой пристани родного коммунизма, к безопасным, вековым отечественным устоям. Социальный вопрос, говорит один из представителей русского социализма — Михайловский, есть вопрос революционный на Западе; у нас, где производитель еще не

отделен от своих средств производства — земли, это вопрос консервативный.

С безопасным клапаном в руках русский революционер мог распинаться, как самый красный в Европе социалист, мог провозглашать «полное уничтожение частной собственности», «полное уничтожение государства»; мог объявлять себя крайним анархистом, который (по Бакунину) разрушает все буржуазное — от министерских канцелярий до университетов. Он делал все это безбоязненно, ибо первое слово его программы было для него превосходным шитом. Говоря: в России нет, не будет и не надо пролетария, — первый пункт программы тем самым говорил: — в России нет, не будет и не надо пролетарских бунтов, пролетарской революции.

Такой вывод не только дозволительно сделать; такой вывод действительно сделали в последующую эпоху те из русских социалистов, которые старались остаться верными старым традициям. Когда рабочие бунты, волнения, совершенно пренебрегая народническими формулами, стали учащаться и разрастаться; когда более умные революционеры призадумались над тем, как приспособить эти волнения к «революционным потребностям родины», старый русский социализм прежде всего глубоко обеспокоился, что слишком много уделяется внимания пролетарию, причем, пожалуй, не останется совсем места ни для какой революции, кроме пролетарской. Первой заботой его было тогда (да еще и теперь она не исчезла) убедить всех и каждого в маловажности рабочих волнений, в их ничтожном значении для такой малопромышленной страны, как Россия.

В настоящее время старый русский социализм, со всеми своими заботами предохранения отечества от пролетарских опасностей, в значительной мере успокоен и удовлетворен своим наследником, соц.-д.-ией. Эта последняя, как выяснилось и установилось окончательно, никогда не думала готовить своим соотечественникам такой неприятной для них неожиданности, как пролетарская революция в современной России. Она не изменник общенациональным интересам отечества и идеалам старого социализма. Напротив, со своими рабочими батальонами, она, по ее собственному признанию, — лучший реализатор заветов славного наследства. Важнейший пункт этого завещания, как мы видели, есть предохранение отечества от восстания современных рабов. И этот пункт соц.-д.-ия выполняет безупречно.

Все доводы народников в пользу невозможности в России капитализма и пролетарского движения, — русская соц.-д.-ия применила к доказательству *недоразвития* капитализма, невозможности пролетарского восстания, без предварительного осуществления рабочими «общенациональных задач и идеалов». Невозможность пролетарской революции в

современной России доказывается соц.-д.-ией вовсе не хуже, чем старым русским социализмом. Клапан безопасности, предохраняющий современную Россию от такой беды, лишь европеизирован соц.-д.-ами, но он не менее надежен, и даже, как стараются разъяснить сами его строители, далеко лучше старого.

Первое слово старого русского социализма гласило: восставший русский народ найдет свое спасение в развитии вековых коммунистических устоев своей жизни.

Первое слово европеизированного русского социализма говорит: восставший пролетариат найдет путь к своему спасению в конституционном государстве. Раньше, чем приступить к собственной революции, пролетариат должен совершить революцию буржуазную; раньше, чем освободить себя, он должен освободить другие непролетарские классы, вместе с ним страдающие от гнета самодержавной власти. Это первый пункт того «чисто-пролетарского» «классового сознания», привить которое некультурным русским рабочим берется русский социалист нашего времени. В виде рабочих батальонов, глубоко и непоколебимо проникнутых такого рода сознанием, соц.-дем.-тия дает передовому обществу надежную гарантию того, что предстоящий государственный переворот и обновление русского государства, благодаря конституционным благам, произойдет без тех неприятных конфликтов, которые сопровождали освобождение западно-европейской буржуазии.

УДИВИТЕЛЬНЫЙ ПЛОД СОЦИАЛИЗМА

Цель русского революционного движения, несмотря на всевозможные фазы в его развитии, несмотря на различные фракции, обособившиеся в нем, участникам этого движения казалась всегда ясной, общепонятной. Споры между революционными фракциями почти не касались этой общепонятной цели движения, существа дела очевидного, как подразумевалось, для всякого. Споры происходили скорее относительно путей и средств к достижению одной, общей всем русским революционерам, цели.

Какая же это цель? Какое же это дело? — Конечно социалистическое дело! В России слово «революционер» — почти синоним слова «социалист». Русский революционер, таким образом, как бы рожден социалистом.

Русская социалдемократия, несмотря на свою «критическую» точку зрения в отношении к различным фазам «первоначального социализма», несмотря на провозглашенную ею классовую борьбу в России, нисколько в данном отношении дела не переменяла.

В противоположность всем предшествовавшим революционным течениям, соц.-д.-ия выставила свое основное положение о том, что русская буржуазия стремится стать господствующим классом и полным хозяином в своей стране точно так же, как во всех прочих государствах; что она будет стараться, раньше или позже, в большей или меньшей мере, выполнить эту свою историческую роль — уничтожения или ограничения абсолютизма.

Однако все это и вытекающее отсюда заключение, что в России, если еще не появились, то появятся неизбежно революционеры-буржуа, что последним придется вести свою подпольную работу бок-о-бок с «пролетарскими» идеологами — соц.-д.-ами... все это, повторяю, ни в малейшей степени не должно было, по мнению русской соц.-д.-ии, вызвать какое-либо более значительное, нежели до тех пор, разделение среди русских революционеров. В ожидании классовой борьбы между русской революционной буржуазией и пролетариатом, лагерь русских революционеров должен был, тем не менее, стремиться к объединению в одно целое, с одной целью движения. В этой цели, появившаяся новая «антибуржуазная» — «пролетарская» партия соц.-д.-ии не бралась ничего видоизменять: со всем своим научным сознанием «пролетария» она ставила себе лишь задачу найти наилучший путь осуществления идеалов русского революционера.

В самом деле, русская соц.-дем.-ия с самого начала предложила свое новое мировоззрение, как новый путь борьбы для всех русских революционеров. В 93 г. Плеханов объявляет, что русский революционер уже на три четверти стоит на стороне новой «пролетарской» программы, которой суждено, повидимому, объединить всех русских революционеров, на что и надеется основатель соц.-д.-ой партии в России.²

Обособить, ввиду революционного движения русской буржуазии, революционные силы рабочего класса, обособить их так, чтобы они направлялись исключительно к освобождению рабочих; чтобы этим движением они лишали ореола и величия самые прогрессивные и революционные планы буржуазии, открывая в них грабительские расчеты; создать такую рабочую партию, — это предприятие было бы прямо противоположным политике мировой соц.-д.-ии, учению научного социализма.

Но столь же мало могла родиться подобная мысль и в голове русского анархиста, хоть его будто бы не удовлетворяет марксистский социализм, и хоть он стремится к самому идеальному из всех идеальных социалистических строев. Стремление пролетария к безусловной

² «...Каждая, даже самая враждебная нам группа русских революционеров, на три четверти усвоила себе наши идеи.» (Тун. История рев., соц.-д.-ое изд., стр. 276).

революционной самостоятельности и отбрасыванию общенациональных обязанностей, признаваемых до сих пор всяким революционером, это стремление еще более чуждо анархистам, чем соц.-д.-ам. Поэтому русские анархисты возмущаются так же, как и соц.-рев.-ры, когда эти общенациональные обязанности называются кем-либо буржуазными; поэтому всякий разбор вопроса о том, какие из планов современного русского революционера дадут буржуазные плоды, они, как и соц.-рев.-ры, с досадой называют пустыми гаданиями и доктринерскими затеями метафизической диалектики. («Хлеб и Воля», № 3, стр. 2).

Общенациональные задачи русский анархист берется выполнить не менее успешно, чем соц.-дем.-ат или соц.-рев.-р. Объявляя в 93 г. об издании «Анархической Библиотеки», Кропоткин говорит: «Мы убеждены, что образование в России анархической партии не только не повредит общему революционному делу, но в высшей степени желательно и полезно» (Предисловие к «Парижской Коммуне» Бакунина).

Это «общереволюционное дело», которому Кропоткин берется помогать всеми своими силами, есть, как известно, между прочим, и дело Струве, Дебагориев-Мокриевичей, князей Волконских и т. п. «революционных либералов».

Первая обязанность русского революционера — собирать народные силы и рабочие батальоны для великих либеральных планов. Этой обязанностью, этой ролью анархист гордится так же, как и «Искра» и «Рабочее Дело», с одной стороны, и «Революционная Россия» и «Накануне», с другой. И совершенно так же, как и те, первым плодом собственной революционной деятельности, мерилom своих революционных успехов анархист считает возбуждение в лагере либералов, подъем их духа, оживление их политических appetитов... «Русское правительство, говорит Кропоткин, начнет дрожать за свою судьбу, и либеральные господа наберутся смелости заговорить человеческим языком вместо теperешнего холопского». («Распадение современного строя», стр. 30).

Итак, фракционная рознь между русскими революционными партиями считается, несомненно, ненормальным, преходящим состоянием, и всякий революционер, к какой бы партии он ни принадлежал, ожидает примирения и объединения всех революционеров, как чего то нормального, желательного, обязательного.

Какое же это такое общепонятное, всеми одинаково ощущаемое дело единой русской революции?

Проявляющееся на протяжении всего русского движения стремление к обеспечению «родины» от пролетарской революции является свидетельством, что это движение есть не освободительная борьба рабов современного общества, как говорит ее заголовок, а борьба ка-

кого то имущего, привилегированного класса. И если миллионы рабов России не откликнулись на геройские призывы народников-социалистов, то не потому, что они — по своей заботости — не могли понять своего собственного дела, а просто потому, что это не было их дело.

Но русский революционер, вместо того, чтобы анализировать беспрестанно свою собственную душу и душу близких своих, почувствовал претензию к русскому рабочему люду за его мнимую черную неблагодарность, невежество и черствость и, возгордившись непомерно своим собственным величием и великодушием, воспитавшись в такого рода чувствах, скоро привык совершенно бесцеремонно обращаться с рабочими массами, как с простым орудием для своих целей. Этим, конечно, он с каждым днем лишь яснее свидетельствовал, что он не выразитель чувств возмущения русских рабов, а представитель противоположной этим рабам общественной силы, какого то класса, стоящего над ними и стремящегося вызвать народное движение лишь для достижения полного развития собственной привилегии.

Революционер семидесятник, как известно, очень скоро (уже в половине 70-х годов) сам стал смотреть на свои первоначальные попытки полного отщепенства от общества, как на сентиментальную лишь затею, как на предрассудок, как на гипертрофию собственной «совести» (как находит, полный негодования за это, либеральный мессия),³ как на гипертрофию собственного великодушия, великодушия «розовой мечтательной юности» (Желябов). Между тем еще некоторая доля того стремления к отщепенству от общества, которая была у первоначального народника-социалиста, еще немного больше смелости его революционной мысли; и он сейчас же после своего первого разочарования, т. е. в половине 70-х годов, предпринял бы ту критику народнического социализма, которую произвела «Группа Освоб. Труда» только спустя десять лет и по специальным уже мотивам. Критика, произведенная в указанный момент, и при указанном условии, не ставила бы себе еще той узкой цели, к которой стремится Плеханов-социал-демократ в своих первых критических брошюрах, преследующий, главным образом, задачу найти место прежней утопической — реальную народную силу для общества в его вражде с абсолютизмом. Это была бы более смелая и последовательная революционная критика самого социализма, не только русского народнического, но и западноевропейского «научного» социализма, как его источника. Эта самокритика, которая оказалась не по силам семидесятнику, несмотря на его революционизм, несмотря на его анархическое отщепенство, несмотря на его геройство; само-

³ Струве, в предисловии к книге Бердяева: «Субъективизм и индивидуализм» стр. LXXXIV.

критика, тем не менее, доступная его потомкам, всем хранителям «революционного наследства», хранителям всевозможных оттенков, включая сюда и соц.-д.-ю; эта самокритика принуждена бы была сделать следующие откровенные признания, прямо противоположные тем выводам, которые революционер действительно сделал из оценки 70-х годов.

«Прекрасная социалистическая проповедь» народника, сопоставленная с действительным положением русского рабочего народа, оказывается б а с н е й. «Чистая юная мечтательность» «отщепенца» заключают все еще громадную долю ф а л ь ш и, продиктованной непосредственно собственными заботами этого привилегированного общества. «Великодушие» социалиста-народника с его «развитой до гипертрофии совестью» готовится, — лишь только ему удастся увлечь за собою русский рабочий народ, — в в е с т и е г о в з а б л у ж д е н и е.

В самом деле, сколько фальши заключалось в словах: у нас нет пролетария! Революционер-народник упорно повторял это свое основное положение в то время, когда вокруг него, кроме занятых рабочих, бродили толпы босяков, ищущих работы по всей России, когда русская деревня рождала и выбрасывала вон все новые миллионы их. Эти босяки-пролетарии могли, конечно, лишь горько смеяться над программой, основанной на «труде, неотделившемся еще на нашей святой Руси от орудий труда». Но русский революционер даже тогда, в свой наиболее революционный период, думал и рассчитывал, как социалдемократ-оппортунист. Уже тогда он был бунтарем только в «крестьянстве»; по отношению к пролетарию уже тогда он настоящий социалдемократ, который учит, что для социализма имеют значение лишь рабочие, предварительно организованные в регулярные армии, «обобществленные» самими капиталистами, а масса босяков-пролетариев, безработных голодающих не достойна и не доросла до социалистической категории «пролетариата». Уж тогда русский революционер чувствовал, что, став когда-нибудь по необходимости «на точку зрения пролетария», он признает таковыми лишь порядочных, уважающих культуру рабочих, лишь те рабочие массы, перед которыми раскрывается богатая и продолжительная перспектива тред-юнионистских организаций и легальных завоеваний, а не те, которые склонны к бунтам и восстаниям. Для босяка революционер уже тогда, в период своего анархизма, готовил кличку: люмпен, паразит.⁴

⁴ Всплывает, таким образом, как видит читатель, глубоко заложенная общность между прямо противоположными с виду стремлениями: народническим и с с е л е н и е м родины от капитализма и соц.-дем.-им применением к каждому его стадий. В виде Марковского письма в «Отеч. Зап.», которое обе перспективы считает совершенно равноправными выводами из научного социализма, это единство иллюстрируется лучше всего. Общность единство обоих течений — это о б ь е к т и -

К своим разочарованиям семидесятник отнесся уже, как истинное чадо общества, не забывающее своего родства с ним и умеющее из привилегии своей среды извлекать для нее всю возможную пользу. Поэтому то так скоро, уже в следующей своей формации, как народоволец, он — открытый союзник и орудие русского либерализма.

Раньше чем, вследствие его неудач, хотя бы самым отдаленным образом заподозрить самобытный социализм; раньше чем усомниться, не говорю уже в его п р а в д и в о с т и, — таким святотатством русский революционер никогда не опозорил себя, — но хоть бы в его верности и целесообразности с собственной точки зрения, с точки зрения революционера; раньше чем приступить хоть бы к самой почтительной критике народничества, — русский революционер стал, по поводу красоты творений народнического социализма, петь дифирамбы безграничности собственного прекраснотворения. Прежде чем первые социалдемократы осмелились указать на утопичность и нелепости народничества, — в сочинениях Лаврова, на основании возвышенности социалистических планов того же народничества, создан настоящий апофеоз их творца, революционной интеллигенции, как прирожденного, великодушного

визм, одинаково признаваемый ими; это доктринерское и суеверное преклонение перед объективными условиями, перед общественными, экономическими условиями, — преклонение, не догадавшееся или уже забывшее, что цивилизованное общество есть классовое господство, что «объективные» условия продиктованы этим господством, и что преклонение перед ними революционера не особенно его рекомендует и не многого позволяет ожидать от него тем, кому вековые «объективные условия» несут одно подавление человеческих потребностей, т. е. всем поработенным массам.

Аграрный социализм семидесятников есть с первого своего слова такое суеверное и лживое преклонение, как перед верховной инстанцией, перед условиями «земледельческой родины». Напрасно Плеханов, желающий столь непомерно преувеличить глубину собственного поворота, поворота от народничества к социалдемократизму, затемняет в данном случае дело. Довольно взглянуть на его статьи в «Земле и Воле», чтобы убедиться, что анархист-народник так же беззаветно старается подчиниться объективным условиям, как и соц.-дем.-т POSSИБИЛИСТ, и в обоих случаях от этого якобы безошибочного применения к безапелляционной якобы инстанции получается лишь введение в заблуждение рабочих масс и обязательная отсрочка их революции.

Подробнее этот вопрос будет рассмотрен в упомянутых в предисловии главах 2-го выпуска; однако здесь необходимо еще коснуться и других сторон дела.

Марксистский объективизм представляет собою один из видов того социалистического утопизма, который дело освобождения рабочего класса, т. е. захват им и мущества господствующих классов, подменяет голой перспективой ассоциационного способа производства и заставляет рабочих ожидать спасения от присутствия и развития в «общественной жизни» явлений ассоциации, «элементов общечеловечности», от развития «коллективного принципа на место индивидуалистического».

Маркс учит рабочих ожидать спасения от развития крупного капиталистического производства, как объективного «обобществления» и необходимой «предпосылки» освобождения рабочих на том же самом основании, по которому Кропоткин видит несомненное приближение анархического коммунизма в развитии всяких «вольных»,

социалистического проповедника и строителя. Дело как будто само сложилось так, что в неудачах своих семидесятник ни в малейшей мере не оказался виноватым, хоть затем социалдемократами была указана, и скоро признана почти всеми, порядочная нелепость его затей. Виноватыми должны были оказаться... народные массы. Виноваты в своем непонимании великодушного проповедника, в невежестве и неразвитости, как умственной, так и нравственной. И чем выше рос герой-революционер, тем глубже выходило непонимание толпы, тем больше росли права интеллигенции на социалистическое воспитание народа, тем необходимое казался предварительный до достижения социализма период обучения рабочих масс, тем необходимое требование политической свободы, как свободы этого обучения, как неизбежного пути к социализму.

Только после непоколебимого и бесповоротного установления этих трех «данных опыта» — непонимание рабочими массами дела их собственного освобождения, приращенной социальности русского революционера и невозможности освобождения масс без предварительного обучения их в школе социалистической интеллигенции, — только после этого появляется

«негосударственных» союзов взаимопомощи, даже тех, которые ограничиваются исключительно средой буржуазии.

На том же самом основании, русское народничество, из того факта, что рабочладелец удобно было в России в течение веков предоставлять своим крепостным их рабский паек на общинных началах и удерживать, таким образом, «первобытные коммунистические устои», создает свою вечную сказку о русском «социалистическом крестьянстве». За время своего существования утопия эта пытается, как мы видели, вначале совершенно не допустить, впоследствии беспрестанно парализовать и обузывать планы рабочего движения в России, доказывая их ничтожность в сравнении с величием и несказанною ценностью самобытного сокровища, коммунистического принципа народного хозяйства, счастливо уцелевшего с давних времен первобытной райской жизни. Народническая утопия готовится оказать родине в трудную минуту еще одну услугу. Она мечтает (см. Рев. Россия, № 42) о том, как сделать безопасным для буржуазного отечества взрыв голодающих в России миллионов. Она не только деревенских босяков не позволит оторвать от социалистического сокровища — общины; она пошлет еще в деревню и городских безработных, для того чтобы буржуазная собственность в городах не подверглась нападению со стороны наиболее опасного для современного строя пролетарского элемента. В то время, когда голодающие должны в святой деревне кормиться сказками «Аграрной Лиги» о чудном мужицком царстве, в котором социалистическое крестьянство прекратит всякую нужду и всякому бесприютному предоставит пользоваться землею и ее плодами, Рев. Россия для граждан, заинтересованных в прямо противоположном, разъясняет, что полная «социализация земли» «может» быть проведена без малейшего потрясения буржуазного строя. Об этом объявлено в № 42 Рев. Рос. (стр. 4), но революционеры-народники знают и убеждены в этом столь же давно и не менее глубоко, чем Толстой, Генри Джорж и пр., чем и объясняется их столь упорная «вера» в общину. В своем неусыпном стремлении принизить — с помощью коммунистического крестьянства, размеры и планы рабочих восстаний и выразить возможное всенародное восстание, как восстание крестьянское, — современные революционеры-народники вообще, с.-р.-ы в частности, хотят, лишь в замаскированном виде, того же, что и «Искра» — буржуаз-

русский социалдемократ со своей критикой народничества. Эта критика, как сказано выше, была произведена уже не первоначальным отщепенцем общества; напротив, предпринятая лишь с целью европеизации «здоровой политики» народовольчества, она была критикой представителя русского общества, выразителя его нужд и потребностей. Поэтому, несмотря на то, что русский социал-демократ в самобытном социализме и раскрывает систему утопий и нелепостей, тем не менее, три вышеуказанные пункта его критикой не только не колеблются, а напротив утверждаются и обновляются.

Социалистическая интеллигенция остается прирожденным, неоспоримым учителем рабочих масс, хотя первые шаги такой ее педагогической деятельности уже оказались нелепостью. Народные массы остаются виновными в неудачах революционера, хотя вина их теперь очень своеобразна, ибо заключается в том, что они в народнических нелепостях не признали реального дела своего освобождения. Права свободного, открытого обучения у социалистической интеллигенции рабочие массы должны по прежнему требовать в борьбе на жизнь и смерть с русским самодержавием, хотя они ничем не обеспечены, что все это

ной революции. Лозунг «социалистического захвата земли» в душе «крестьянина-коммуниста» звучит очень просто — «побольше бы нам землицы!». Этот социалистический лозунг организует буржуазное стремление добиться, индивидуально или общинами, большей доли, кому и насколько посчастливится, во владении стоимостью земли, стало быть в буржуазном владении даровым доходом.

С народнической утопией марксист не может и не хочет покончить не только по вышеприведенной, но еще и по следующей причине: социализацию земли он не может лишить характера пролетарского мероприятия. Как и всякую другую социализацию, он может ее лишь отсрачивать. Всякая социализация может быть, по его учению, как известно, даже реакционным шагом, но лишь там, где соц.-дем.-ия враждует с властью. В «настоящей же демократии» всякая социализация, между прочим, и социализация земли есть ступень к осуществлению социализма; а когда соц.-д.-ия достигнет власти — она будет несомненно мерой пролетарского освобождения. Другими словами: если соц.-д.-ия восстает против сказок народничества, то тем не менее она сама, в свое время, к ним прибегнет, чтобы кормить ими нападающих на буржуазный строй рабочих... Вот почему народничество никогда не может быть побеждено марксизмом. Вот почему в последние годы соц.-р.-ы, а в самое последнее время — анархисты в своем органе «Хлеб и Воля» с таким успехом воскрешают среди «революционной» интеллигенции все сказки о «социалистическом» крестьянстве. Притом пропаганда ведется уже не на основании какого-либо «фактического материала», как у легальных народников, а на основании одного очень простого, но очень убедительного соображения: русскому интеллигенту рабочую революцию надо заменить крестьянской, почему необходимо воскресить веру в общину, хоть бы при отсутствии всяких данных.

Беспомощность ортодоксальной соц.-д.-ии в данной области выражается лучше всего в том непрерывном росте, какой получает во всех соц.-д.-их партиях организация по принципам Фольмара и Давида «кооперативных чувств» европейского крестьянства. Развитие современного социализма, несмотря на всю «бдительность» ортодоксии, идет в этом направлении таким быстрым темпом, что есть основание ожидать и следующих шагов: — распространения социалистической проповеди и на городскую мелкую буржуазию, чтобы и ее с ее лавочками присоединить к пролетарскому движению.

обучение, как и преподаанный им уже первый урок, не будет лишь рядом «утопий и нелепостей». Великодушный социалистический проповедник под именем правды рассказывал, оказывается, басни. Но это ничуть не должно изменить отношения к нему рабочих масс: они не должны его ни в чем заподозривать, затевать против него какой-либо контроль или стремиться к освобождению от его опеки. Творец басен может преспокойно продолжать свое дело и вводить эти массы в заблуждение: рабочий класс обязан считать его все тем же великодушным своим учителем. Итак, соц.-дем.-ое учение, раскрывающее иллюзии и утопии предшествовавшего ему движения, явилось вовсе не для того, чтобы предохранить рабочий класс от заблуждений в его революционной борьбе с классовым строем. Задачей его критической работы было лишь заботиться о том, чтобы не ошибался, не заблуждался сам революционер в преследовании собственных целей, как представитель и защитник русского общества.

Услужливость и заботливость соц.-дем.-ии о русском обществе не сразу однако была понята и по достоинству оценена радикальной интеллигенцией. Потребовались целые долгие годы все усиливающегося правительственного гнета и всеобщей реакции для того, чтобы заставить наконец хоть часть русских революционеров «стать на точку зрения пролетария». Как старательно при этом была предварительно исследована безопасность нового шага! На помощь была призвана вся буржуазная зоркость и стойкость либералов — Струве, Туг.-Барановских, Булгаковых и пр. Все общество было приглашено к установлению нужной ему «пролетарской точки зрения».

Основным моментом, вызвавшим поворот в направлении русского радикализма 90-х г.г., была эволюция европейской соц.-дем.-ии. «Передовые мыслители», как Струве, с помощью настоящих представителей «пролетарского учения» — Бельтовых, разъяснили русскому обществу, что не существует больше ни малейшего основания для того, чтобы «пролетарий» все еще по-прежнему оставался для него лишь пугалом. Напротив, развитие соц.-дем.-ии, признанной со стороны миллионов наиболее развитых европейских рабочих пролетарской представительницей, должно внушить русскому обществу самые радужные надежды. Эта многомиллионная рабочая партия, способная своим авторитетом предотвратить всякие взрывы несознательных масс или авантюристские анархические затеи, во всех странах учит пролетариат тому, что стремление к немедленному насильственному перевороту безрассудно, что «пролетариат должен по возможности отклонять окончательное столкновение» (Каутский в 93 г.), что соц.-дем.-ия должна быть «единственной партией порядка» (Либкнехт в 95 г.), что рабочие массы прежде всего должны стремиться завоевать и развить демократические учреждения своего отечества.

При таком положении пролетариат в России окажется лучшим рычагом прогресса, надежнейшим реализатором всех мечтаний радикального общества.

«С его (пролетариата) появлением, говорит Плеханов в своей брошюре против Тихомирова, изменяется самый характер русской культуры, исчезает наш старый, азиатский экономический быт, уступая место новому, европейскому. Рабочему классу суждено завершить у нас великое дело Петра: довести до конца процесс европеизации России» (Стр. 43, курсив наш).

Под давлением столь убедительных для общества доводов, ряды радикалов-марксистов около половины 90-х гг. стали быстро расти. Наступил период старательной разработки марксистского учения и применения его к русской «действительности». Разработка эта производилась так популярно и общедоступно, даже для самых мирных обывателей, что ею с успехом мог воспользоваться для увлечения рабочих с в о е й политикой даже и Зубатов.

Только при свете таких всесторонних тщательных исследований революционер стал делать первые шаги в опасной области пролетарских волнений. Практик поступал не менее осторожно, чем теоретик, либерал-марксист. Русский революционер, умеющий в другом месте, при другом деле применять террор и всякое насилие, — здесь, на почве дела, за которое он лишь по необходимости берется, стал проявлять самую крайнюю осторожность и постепенность. Он стал выставлять и защищать по возможности мелкие претензии рабочих, которые признает, какговорилось повсюду, всякий честный обыватель.

Петербургская стачка 96 г., во время которой рабочие в своих собственных требованиях оказались так скромны и с таким сочувствием приняли соц.-дем.-ие прокламации, заключавшие требования политических реформ, обеспечила окончательно за марксистами победу в среде русского радикализма. Общество получило самый наглядный, уже не теоретический, а фактический довод, что пролетариат — наилучший борец за прогресс, за освобождение передового общества от полицейского гнета. После этого факта наступил уже прямо повальный переход русских радикалов в ряды марксистов.

Но заслуги, теперь уже всеми прославляемого, пролетария перед отечеством не могли, конечно, ограничиться только этим. Гораздо большую радость должен был доставить обществу «сознательный» пролетарий в 1901 г. Хотя в конце 90-х гг. и манифест соц.-дем.-ии, и каждая его газета, каждая прокламация и были проникнуты политикой, однако столь частые в то время рабочие волнения велись, главным образом, из-за чисто рабочих требований. Непосредственно наблюдающие за этими волнениями тогдашние «практики» соц.-дем.-ты, «экономисты» не считали возможным усиливать политических требований и отказы-

вались от агитаций немедленного низвержения самодержавия. Ведь на революционной арене, кроме пролетариата не было никакого другого слоя общества. Разве не опасно низвергать существующую государственную власть при том положении, когда вместе с пролетариатом не выступает более никто, способный заменить падающую власть? Разве нам в таком случае не грозит «целое море крови»? (См. *Vademecum*, стр. 12).

Но вот усиливается студенческое движение, увлекающее за собой крайние слои буржуазного общества и выражается в 1901 г. по всей России в ряде крупных манифестаций. И когда на помощь этому самостоятельно выступающему студенчеству и обществу являются в некоторых пунктах вышколенные соц.-д.-ами рабочие, то этот факт приводит в невероятную, просто опьяняющую радость все общество и всех русских революционеров. И не даром: подавая помощь тем, кто спокойно смотрел и слушал, как двумя годами раньше расстреливали десятки стачечников на улицах Риги, рабочие своим выступлением говорили: — не смей бить студентов, будущих деятелей, не смей обращаться с бездельниками, как с простыми чернорабочими!..

Все русские революционеры стали смело с этих пор думать о революции в России. И опасавшиеся только что кровавого моря были первыми из тех, кто закричал: долой самодержавие, да здравствует и террор и восстание!.. («Рабочее Дело»). Исчезают моментально всякие постепеновцы, оппортунисты, экономисты. Совместная борьба общества и идущих за ним рабочих вызвала к жизни даже анархические группы (прокламация парижских студентов-анархистов по поводу февральских событий 1901 г.), в то время как самые бурные стачки, вроде мариупольской, и целые восстания, как рижское, откликом своим в душе революционера имели только оппортунизм.

Ученики Михайловского до 1901 г. еще больше, чем соц.-д.-ты говорят об отдаленности социалистической революции, о сидении по домам во время стачек (Программа соц.-р.-ов 1900 г., Наши Задачи 98 г.). После же 1901 г. они уже охотно, в случае нужды, говорят о немедленной социалистической революции, а многие из них, не переставая быть учениками своего учителя, объявляют себя анархистами, стремящимися к «полному уничтожению частной собственности», «к полному уничтожению государства».

Но в первое время весь «революционный подъем» обращается почти исключительно на пользу «Искры», столь красноречиво доказывавшей, что классовое сознание пролетариата властно приказывает ему защищать студентов (своих будущих управляющих, директоров, инженеров, судей, прокуроров). На эту «пролетарскую», «ортодоксальную» точку зрения становились тогда чуть ли не целые университеты en masse.

Когда, таким образом, все рабочемыслители и рабочедельцы вымерли, а с ними и все оппортунисты, когда соц.-дем.-ия сплошь состоит из ортодоксов, затевается объединение и строгая организация всех рабочих батальонов. Ощущается потребность приготовиться к «решительной схватке», к «генеральному сражению», пожать плоды всего революционного движения. Какова же должна быть цель этого генерального сражения? Каков плод всего русского революционного движения?

— Буржуазная революция?!

И в этой буржуазной революции, в этом генеральном сражении, впереди всех, в первых рядах, в «авангарде» выступает . . . русский социалист, русский социалистический пролетариат, достигший своего надлежащего классового сознания...

Итак: буржуазная революция — непосредственный плод полувекового социалистического движения!

СЧАСТЛИВАЯ ГАРМОНИЯ

ПРИЗНАННЫХ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ

Русское соц.-дем.-ское движение, несмотря на различные фазы своего развития, поддавалось, в конце концов, лишь слабым отклонениям в стороны от первоначального плана. Несмотря на встречавшееся по пути жизненное трение, первоначальные взгляды основателей русского соц.-д.-изма, взгляды «Группы Освобождения Труда» признаны в последнее время взглядами русской соц.-д.-ской партии. Таким образом, главная задача русской соц.-д.-ии формулирована с самого начала ясно и определенно.

В 1892 г., когда движение проявлялось лишь в Западном крае, Плеханов, в брошюре о борьбе с голодом, обращаясь ко всем русским социалистам, писал:

*«Нам, русским социалистам надо найти такой способ действия, держась которого мы, во-первых, ни на минуту не переставали бы способствовать росту классового сознания пролетариата, т. е. быть социалистами, а во-вторых, скорее победили бы царизм» ** (Борьба с голод., стр. 62).

«В области политической борьбы, как и в области экономического развития, передовые страны указывают путь отсталым. Что же мы видим в политической истории более развитых, чем Россия, западноевропейских стран? Можно ли найти в ней хоть один пример завоева-

* Курсив наш.

ния политической свободы силами одной буржуазии, без участия в этом завоевании сил рабочего класса? В ней нет ни тени подобного примера. Всегда и везде... только благодаря поддержке народа буржуазия успевала в борьбе и разрушила невыгодный для нее "старый порядок". При этом дело происходило обыкновенно так, что в то время, как народ боролся с оружием в руках и кровью своею платил за торжество свободы,* буржуазия боролась посредством всякого рода "ходатайств" и "представлений". Ее роль была чисто пассивной» (там же, стр. 64-65).

В «Наших разногласиях» о буржуазных революционных движениях находим то же самое в следующих выражениях:

«Что значит... буржуазия или, общество боролось в такой то стране против абсолютизма? Ни более ни менее, как то, что буржуазия толкала и вела рабочий класс на борьбу, или по крайней мере, рассчитывала на его поддержку...»* (стр. 307).

«...В июле 1830 и в феврале 1848 г., читаем дальше в брошюре о борьбе с голодом, во всех этих случаях буржуазия представлена была на бранном поле лишь теми своими слоями, которые или занимают самое жалкое место в ее среде, напр. мелкие торговцы и небогатые ремесленники, — или вообще очень мало влияют на общественную жизнь своего класса, — учащаяся молодежь и мелко-буржуазная революционная "богема", тогдашняя революционная "интеллигенция"».**

«Если бы французской или немецкой интеллигенции» сороковых годов кто-нибудь посоветовал оставить всякую мысль о вовлечении народа в борьбу с правительством и ограничить свою революционную роль воздействием на различные слои буржуазного "общества", интеллигенция встретила бы подобный совет по меньшей мере с негодующим удивлением. Она знала, что на "общество" плоха надежда. Ведь потому то революционная интеллигенция и стремилась к сближению с н а р о д о м, что не встретила в "обществе" достаточной поддержки своим революционным стремлениям»** (стр. 65-96).

Так как «передовые страны указывают путь отсталым», то надо все усилия приложить к тому, чтобы такая же борьба за «торжество свободы», такая же буржуазная революция поскорее наступила и в России.

«...Наше общество не может еще рассчитывать на такую поддержку рабочих: оно не знает даже — на кого направит свое ружье рабочий инсургент: на защитников абсолютной монархии, или на сторонников политической свободы. Отсюда — его робость, нерешительность... Но измените положение дела, обеспечьте нашему "обществу»

* Курсив наш.

поддержку одних только городских предместий* — и вы увидите, что оно знает чего хочет и умеет говорить с властью языком достойным гражданином...» («Наши разногласия», стр. 307).

Задачей революционной социалистической интеллигенции западноевропейских стран было «обеспечить буржуазии поддержку» народных масс. Эту же задачу должна поставить себе и русская социалистическая интеллигенция. Плеханов старается показать в «Наших разногласиях», что русские социалисты отчасти исполняют уже эту задачу, хотя и не отдают себе ясного в этом отчета и хотя их народнические утопии мешают успешному развитию этого дела. Он цитирует 6 № «Нар. Воли» и в особенности наирает на собственное признание народолюбцев в том, что они действуют в интересах общества.

«Мы, действующие в интересах общества,** убеждаем это общество выйти, наконец, из малодушной апатии; мы закликаем его возвысить голос за свои интересы, за интересы народа, за жизнь своих детей и братьев, систематически преследуемых и убиваемых» («Нар. Воля», № 6).

«В календаре «Народной Воли» я прочел, говорит там же Плеханов, что "в отношении к либералам следует, не скрывая своего радикализма, указывать на то, что при современной постановке партийных задач, интересы наши** и их заставляют совместно действовать против правительства"» («Наши разногласия», стр. 80).

Наконец, о партии Народной Воли автор «Наших разногласий» прямо заявляет:

«...Партия Народной Воли есть конституционная, прежде всего и главным, если не исключительным образом, так как в сторону разрушения абсолютизма она "направляет теперь (по выражению Лаврова) все свои силы"» (там же стр. 217).

По мнению Плеханова, совместная борьба «общества» и социалистов против их общего врага пойдет тем успешнее, чем больше русские социалисты станут сознавать утопичность народнического социализма и следующую отсюда полную невозможность социалистического переустройства современной России. Тогда они перестанут пугать более робкие и недалёкозоркие элементы общества своими пустыми фразами о немедленном социалистическом перевороте. Более образованная часть буржуазии, конечно, уже в настоящее время понимает, что тайные организации русских революционеров не в состоянии вызвать того социального переворота, который мог бы низвергнуть господство буржуазии. Напротив, от подпольной работы революционеров она с уверенностью ждет пользы для себя.

* Курсив наш.

** Подчеркнуто у Плеханова.

«Что же касается тайной политической пропаганды, то какая же она была бы буржуазия, если бы она не понимала значения разделения труда? Она предоставляет вести дело так называемой интеллигенции,* не отвлекаясь сама от задач своего материального обогащения. Она знает, что ее дело "верное" и что начатая нашей интеллигенцией политическая борьба рано или поздно очистит поле для ее господства.* Разве итальянская буржуазия не предоставляла революционерам таскать из печи каштаны политического освобождения* и объединения, и разве не она теперь питается этими каштанами?».

«А если революционеры "захватят власть" и сделают социальную революцию? В это она не верит, да скоро перестанут верить и сами революционеры. Скоро они все поймут, что если люди развертывают зонтики, когда идет дождь, то из этого еще не следует, что дождь может быть вызван развернутыми зонтиками» («Наши разногласия», стр. 128).

Приведенная цитата указывает вскользь на антагонизм между принужденной спускаться в подполье интеллигенцией и свободно и легально обогащающейся буржуазией. Но этот антагонизм в данном случае, на общий вывод о первой потребности русского человека, о скорейшем низвержении царизма, повлиять, конечно, не может, и те примеры, что в некоторых странах, как в Италии, вытасканными интеллигенцией каштанами политического освобождения питается одна будто бы буржуазия, одни капиталисты, дела ничуть не меняют. «Каштаны», столь ценны и вкусны для самой интеллигенции, даже в Италии, что эти примеры, — в этом Плеханов не сомневается, — не разбудят русской интеллигенции в ее уже прочно и бесповоротно сложившемся сознании своей «первой потребности».

Но русский революционер рожден социалистом. Всякая программа должна удовлетворять не только «политические», но и «социалистические потребности» его души. Поэтому Плеханов поставил себе задачу «найти такой способ действия, держась которого, мы»... не только «скорее победили бы царизм», но и «ни на минуту не перестали бы быть социалистами».

Со своими рассуждениями и выводами Плеханов обращался ко всем русским социалистам и всех их, даже тех, что около того времени издавали «Свободную Россию», старался убедить в том, что они должны «оставаться социалистами», «быть ими на деле, а не только на словах»; брался доказать — и вполне резонно, — что все они, с собственной точки зрения, должны стать социал-демократами.

В чем же заключается это социалистическое дело по социал-демократическому учению?

* Курсив наш.

«...Социалистами на деле, а не на словах** нас можно признать только в том случае, если мы делаем социалистическое дело, т. е. способствуем росту классового сознания пролетариата» (Бор. с гол., стр. 68).

Чересчур наивные люди, с одной стороны, чересчур пугливые, с другой, готовы были иногда утверждать, что это «способствование росту классового сознания пролетариата» значит содействие классовой борьбе последнего со всем буржуазным строем. Они забывали, что им только что говорилось о . . . «поддержке буржуазии со стороны рабочих предместий».

«Способствование росту классового сознания пролетариата» значит не больше, как сближение русского социалиста с рабочими, простое его «хождение к рабочим» — эта новая «работа в народе», следовательно, одно присутствие в рабочей среде драгоценной особы русского социалиста, каков он есть, с теми убеждениями и стремлениями, какие ему заблагорассудится иметь. Вполне естественно после этого, что Плеханов глубоко убежден в том, что указываемое им дело должны делать все русские социалисты... вполне естественно что он не теряет надежды сделать настоящими соц.-д.-ами даже и сторонников «Свободной России».

Прошрое революционное движение закончило цикл своего развития, выработав непоколебимо следующее основное положение, соблюдения которого требовали «хранители традиции», современные автору «Наших разногласий» и «Борьбы с голодом»: — при русском самодержавном режиме невозможно никакое общественное развитие, невозможна даже постановка каких-либо общественных вопросов. Обязанность революционера — всякое возникающее возмущение направлять на борьбу с царским правительством, как первопричину всех бедствий. Это и есть, говорит Плеханов в «Борьбе с голодом», социалистическое сознание. Будьте социалистами на деле, т. е. несите это сознание в среду русских рабочих. Это и будет «классовое сознание пролетариата».

Если бы мы, рассуждает он, перестали быть социалистами «на деле»; если бы мы оставили «работу в народе»; если бы мы удовлетворились сближением с одним "обществом"... то тем самым отсрочили бы торжество политической свободы» («Борьба с голодом», стр. 66).

Ибо социалисты затерялись бы среди общества и руководителем народных масс была бы сама буржуазия. Но в таком случае —

** Подчеркнуто у Плеханова.

* Курсив наш.

«Если в период борьбы с самодержавием буржуазия будет единственной политической воспитательницей пролетариата, то он не достигнет той степени сознательности и того революционного настроения*, какие свойственны были бы ему в том случае, если бы за его политическое воспитание взялись социалисты» («Борьба с голодом», стр. 67).

Наивные люди, воображавшие, что социалдемократизм есть классовая борьба рабочих с буржуазным строем, теперь имеют полную возможность убедиться, что надо «ни на минуту не переставать быть социалистами», надо «способствовать росту классового сознания пролетариата» для того, чтобы «поскорее был побежден царизм».

Социализм, в самом совершенном своем виде, в виде соц.-д-изма, есть лишь лучшее средство, скорейший путь для достижения общенациональных интересов в с е х ч е с т н ы х л ю д е й.

Все русские либералы, искренно желающие низвержения самодержавия, должны позаботиться о воздвижении в России соц.-дем.-ой партии. Призыв этот скоро был услышан. Наиболее умные русские либералы, при столь искреннем и столь усердном соучастии самих Плехановых, разработали, применительно к русской жизни, теоретические основы будущей соц.-дем.-ой программы в виде легального марксизма.

Последняя из вышеприведенных фраз показывает еще, что для свержения самодержавия нужна не только соц.-дем.-ия, но и «ортодоксальная» соц.дем.-ия, «самостоятельная рабочая партия», самостоятельно воспитывающая пролетарские массы. Только в этом случае можно надеяться на более глубокий политический переворот, при котором значительное количество каштанов попадет в рот самой социалистической интеллигенции. В противном случае, при ничтожной уступке самодержавия, каштаны остаются, почти как и теперь, исключительно в руках плутократов.

Окончательный вывод, составляющий сущность русского социалдемократизма, можно формулировать в словах самого Плеханова следующим образом: Так как, во-первых,

«Рабочий класс важен для революции»* («Наши разногласия», стр. 310), и так как, во-вторых,

«кто же, если не революционная интеллигенция, может способствовать политическому развитию рабочего класса?» (там же, стр. 307), то —

«любишь кататься, люби и саночки возить... т. е.... всякий, желающий поскорее добиться свободы, должен стараться заинтересовать рабочий класс в борьбе с абсолютизмом»** (Там же).

* Курсив наш.

** Подчеркнуто у Плеханова.

Или, тот же самый вывод Плеханов формулирует сам в брошюре о борьбе с голодом:

«Другими словами: содействовать росту классового сознания пролетариата значит ковать оружие, наиболее опасное для существующего строя.* Очень плохой совет дают нам люди, убеждающие нас "на время оставить социализм". Не доктринерство, а *самый зрелый расчет*** и самый верный революционный инстинкт заставляют нас твердо и неизменно держаться социализма** (стр. 67).

Да, несомненно! «Самый зрелый расчет» заставляет русских либералов «твердо и неизменно поддерживать» современный русский социализм, как вернейшего слугу при осуществлении его стремления сделаться самоличным, без царской опеки, правителем русского государства, полновластным хозяином национальной прибыли, расхищаемой ныне деспотическим правительством.

*

В каждой марксистской книжке и чуть ли не на каждой странице можно встретить, как всякому известно, хвастливые заявления, что марксизм впервые понял классовое строение цивилизованного общества, что он один, в противоположность всем утопистам, умеет смотреть на современное общество, как на противоречивое, обреченное на скорую гибель, соединение двух непримиримых антиподов — буржуазии и пролетариата, между которыми, до окончательного момента их полного исчезновения, может существовать лишь борьба на жизнь и на смерть. Как же, ввиду этих горделивых заявлений, объяснить то обстоятельство, что основатель русского соц.-дем.-изма, провозгласившего борьбу между русской буржуазией и пролетариатом, что пионер теории классовой борьбы в России во всех вышеприведенных его выводах, столь благополучно, ничуть не хуже любого общепризнанного утописта, объединяет все классы общества для одного общенационального акта?

В самом деле, из всех приведенных рассуждений Плеханова нет никакой возможности извлечь хоть бы малейшее представление о существовании каких-либо общественных антиподов. Мы слышим лишь простые слова: буржуазия — пролетариат. Оба антипода вполне единодушно и солидарно участвуют в одном общем деле, а дело это ни больше, ни меньше, как... борьба «за торжество свободы». «Буржуазия... толкает и ведет рабочий класс на борьбу». Рабочий народ «кровью своею платит за торжество свободы». Господствующий класс, экс-

* Подчеркнуто у Плеханова.

** Курсив наш.

плуататор, грабитель, является настоящим апостолом настоящей свободы... Какой утопист когда-либо пытался доказывать большее?

Марксизм так часто заявляет себя проповедником классовой борьбы с современным обществом лишь для того, чтоб скрыть от глаз всех ту свою работу, посредством которой он классовую борьбу рабочих обуздал, стремясь не выпустить ее из наперед намеченных, строго определенных узких рамок. Не менее часто он повторяет, что он творец теории классовой борьбы для того, чтобы этими уверениями усыпить своих слушателей и за их спиной все более укреплять прямо противоположное этой теории учение об объективных условиях исторического развития, предназначенное сдерживать мысль о классовой борьбе, не позволять доводить ее до ее логического конца. Таким образом марксизм своей классовой борьбой лишь щеголяет, она служит ему лишь агитационной фразой, посредством которой он ловко кокетничает с рабочим движением.

Попробуйте довести «теорию классовой борьбы» хоть бы на шаг дальше того, что разрешается научным социализмом; настаивайте хоть бы на последовательном удержании положения о том, что цивилизованное общество есть организация господства, и марксист немедленно отойдет от своей теории и станет напевать мотивы совсем другой песни, уверяя вас, однако, что он преподносит вам развитие той же теории классовой борьбы. Расчлененное на классы цивилизованное общество объединяется обратно в марксистском учении при помощи столь прочного фундамента, как «экономические потребности страны», единого хозяйственного целого. (Разве это не все одна и та же ультрапролетарская, ультраматериалистическая экономика, спрашивает вас при этом марксист?).

Таким образом, чисто идеалистическая концепция об обществе, как о едином целом, с самого начала ограничивает, а с течением времени все больше и больше затушевывает учение об обществе, как классовом господстве.

Идеализм не рождается в марксизме лишь с появлением ревизионизма. Он заложен в нем, как кардинальная основа Марксова учения. В Бернштейнах и Жоресах он доходит лишь до своего «самопознания».⁵

Экономические потребности общества укрепляются еще больше в виде столь бесспорной инстанции, как «экономическая», «историческая» необходимость», как законы исторического развития, «законы социального прогресса», перед которыми должны преклоняться даже интересы пролетариата. В результате такого развития «классовой точки зрения» мы благополучно доходим до следующего открытия: —

⁵ Развитие этих положений составляет задачу 2-го выпуска.

«Пролетарские интересы совпадают в настоящее время с интересами наций» (Каутский, «Классовые интересы» изд. Кук., стр. 11), или: — пролетариат является носителем общенациональных интересов... Польские марксисты этот вывод «классовой точки зрения» переводят так: один пролетариат, при свете научного социализма, в состоянии осуществить ту задачу, которая не удалась ни шляхте, ни буржуазии — восстановить польское государство... В русском же переводе это звучит, как мы только что слышали от Плеханова, следующим образом: самостоятельная соц.-дем.-ская рабочая партия есть лучшее средство для достижения солидной конституции.

Еще чаще марксисты уверяют всех в своем абсолютном реализме. Утописты де исходят и апеллируют к отвлеченным идеям и принципам, научные же социалисты рассматривают всегда фактические отношения, ни на минуту не покидая реальной экономической почвы.

Но, если у них это и бывает, то уж никак не в том случае, когда они (как Плеханов в приведенных выше рассуждениях) касаются вопроса о необходимости низвержения абсолютизма. При одном воспоминании об этом его кровном деле, у русского марксиста, как у всякого русского революционера наступает моментально такой могучий «подъем духа», что ему уже, после этого, не подобает оставаться на грешной земле, и мы видим его уже лишь на приличной высоте самой чистой и возвышенной идеи. С этой высоты ограничение абсолютизма, как было на Западе, так будет и в России настоящим «торжеством свободы».

Если на этой высоте пролетарский идеолог вспомнит еще случайно, что судьба июньских инсургентов не только не похожа на торжество их свободы, так же, как и положение стачечников, разгоняемых и избиваемых демократическими милициями, то он тогда решает, что русским рабочим не время теперь об этом задумываться. Все должно быть в свое время и в своем месте. До буржуазной революции русские рабочие должны, для успешного ее хода, глубоко проникнуться убеждением, что эта революция будет торжеством свободы. Когда собственным опытом убедятся в противоположном, когда в собственном теле почувствуют пули своих Кавеньяков, тогда будет время рабочим самими внести соответствующую поправку. Именно только таким способом будут удовлетворены и самостоятельность пролетариата и открытые еще Гегелем философские основы пролетарского учения.

Но, даже после внесения в надлежащее время соответственных поправок в «классовое сознание» русского рабочего, буржуазная революция должна оставаться для него торжеством настоящей общечеловеческой свободы, несомненным освобождением людей вообще от гнета старых порядков... Хотя плод этой революции — политическая свобода — для пролетариата не означает еще полной его свободы и послужит

ему лишь средством окончательного освобождения, тем не менее политическая свобода есть безусловная свобода людей вообще, а для пролетариата — доля несомненной свободы, именно полная «свобода борьбы» (sic!).

Для того, чтобы по данному вопросу выразить мысль Плеханова во всей ее полноте, необходимо заимствовать понятия и слова у тех мнимых его противников, которых он называет «социалистами-реакционерами». «Политическая свобода не только средство», но и «самостоятельная цель», «она — благо сама в себе», «составная часть нашего общественного идеала»...

Само собой понятно, что объединять господствующих и поработанных в одном «освободительном» движении можно лишь с помощью «возвышенных идеалов», и «возвышенных принципов», лишь в области «чистых понятий» и «абстрактных отвлечений», т. е. в области достаточной плотности туманов. В эту область удаляется непримиримейший анти-утопист и ультраматериалист Плеханов ничуть не меньше, чем любой из тех утопистов, утопии которых он только что якобы разбил, — удаляется втихомолку всякий раз, когда ему приходится доказывать необходимость для русских рабочих борьбы за конституцию. При этом «материализм», «классовая борьба»... становятся лишь, так сказать, формами приличия, этикета, необходимого в наш «пролетарский век». Имущественные расчеты, материальные интересы определенных классов общества без малейших затруднений превращаются в руках этого «материалиста» в потребности всех членов общества, в общественные, а потом уже и общечеловеческие потребности, стремления; и на этом пути мнимый анти-утопист получает изрядное и для его целей достаточное количество самых чистых понятий и идей и не менее чистых принципов и идеалов. Стремление либерального общества к более прогрессивной и более производительной эксплуатации рабов всей России, стремление всего буржуазного общества к беспрепятственной реализации своих господских имущественных прав устанавливается нашим «материалистом», как потребность всей русской нации в свободе, как потребность всех русских одинаково «бесправных обывателей», как дело приобретения ими всеми одинаковых прав «свободных граждан свободной страны».⁶ Одним словом, стремление к конституции есть, в конечном счете, присущая каждому честному обывателю... чистая любовь к свободе.

⁶ В № 2 «Рабочего» в 1885 г. Плеханов писал: «Перед русским рабочим классом стоят две задачи: одна — экономическая, другая — политическая. Только разрешивши обе эти задачи, он... создаст новый общественный строй, удовлетворяющий все его потребности»... «Вы должны бороться: во-первых, ради своего освобождения от... экономической эксплуатации, а во-вторых, ради приобретения тех прав, которые... сделают из вас — пока еще бесправных обывателей — свободных граждан свободной страны» («Итоги» Куклина, VI, стр. 187).

Для «ученика» не вполне еще дисциплинированного, при таком «материалистическом» рассуждении может показаться сомнительным следующее: каким образом пролетарий-раб, не переставая быть рабом, может сделаться свободным гражданином? Может быть такой ученик вспомнит еще фразу автора «18 брюмера» о том, что идеальная политическая свобода, «социальная» и демократическая республика есть господство буржуазного общества, господство всех его слоев и в такой мере, в какой оно не было возможно при предшествовавших политических формах. Не следует ли отсюда, заключает невышколенный ученик, что такое торжество свободы, как буржуазная революция, есть лишь более сильное закрепощение пролетариата? Какой вздор, строго останавливает его Плеханов: Маркс до конца своей жизни учил рабочих тому, что их первая обязанность — завоевание демократии. Соц.-д.-ия должна остаться верной каждой букве Марксова учения, не делать никогда таких выводов, каких не делал сам учитель; не подвигаться никогда ни на шаг дальше; не пытаться досказать и распутать то, что спутано у самого учителя, как напр. его взгляд о значении демократии для пролетариата. В этом и заключается чисто пролетарская позиция марксистов- ор т о до к с о в. Что касается рабства пролетариата в современном строе, то Маркс понимал его, очевидно, в переносном смысле: таким же должно остаться и понимание его ортодоксальных учеников. Вообще, каждый «ученик» должен убедиться, что в учении Маркса очень многое является, как показал Бернштейн, лишь «агитационной фразой». Но отсюда никак не следует, что соц.-д.-ия должна отбросить эти «агитационные фразы», эти простые украшения программы, которые самим ученикам ничего не стоят, а привлекают к ним так успешно «рабочие батальоны». Напротив, большая заслуга ортодоксов в том, что они помешали Бернштейну убедить соц.-д.-тию отказаться от своего испытанного пролетарского этикета, от превосходного демагогического средства.

«Материализм», «классовая борьба», сведенная к роли агитационных фраз, нисколько не мешают, таким образом, «широте» марксистского учения. Напротив, благодаря вышеуказанным приемам, марксизм обеспечен от той «узости», в которой пытались его уличить его противники. Хотя он и сводит «все», «в конечном счете», к «экономике», но это, как оказывается, нисколько не мешает ему понимать, не хуже Кареевых, все «разнообразие исторического процесса» и существование в общественной жизни вполне самостоятельных, никогда не сливающихся областей, как например, области «экономики» и «политики» (см. цитату Плеханова в примечании). Марксисты не уступают Кареевым еще и в том отношении, что умеют воспринять и сохранить в чистом виде последние два понятия и выводят их прямо из разнообразия по-

требностей индивидуума. Люди имеют и духовные и материальные потребности, поэтому каждому человеку присуще стремление и к «политической» и к «экономической свободе». Первую он завоевывает в буржуазной революции, вторую в пролетарской... Да здравствует Марксова материалистическая теория классовой борьбы! — восклицают восхищенные «ученики».

Таким образом, с полным успехом «конституция» превращена в чистое понятие, в чистую идею политической свободы. Но для желанной гармонии прямых противоположностей требуется превратить в чистую идею и другую из них — рабочее дело.

На протяжении XIX столетия, социализм, во всех своих разнообразных оттенках, стремится выразить дело рабов мира, как дело *всего современного человечества*. Создается целый ряд учений, из которых каждое, в большей или меньшей степени, в том или другом виде, проповедует одну и ту же утопию достижения равенства не прямым путем *нападения поработенных на владеющие классы* и приобретения ими равных имущественных прав на всю цивилизацию, на все наследие веков, — а окольным, специальным путем *преобразования способа производства* по особым кооперативным принципам. Только в зависимости от возможности осуществления последнего рождается возможность равенства. Вопрос о том, каким образом из рук имущих будут вырваны богатства земного шара, заменяется ожиданиями и размышлениями о том, как возникнет социалистическая ассоциация. Социалисты XIX ст. то непосредственно стремятся к созданию образцов социалистического общежития — фаланстеров, или даже к прямому введению нового строя, оставляя в стороне всех владельцев, все существующие власти (Овен, Прудон); то готовят лишь «элементы» будущей социалистической организации в виде всевозможных кооперативов, крупных союзов взаимопомощи, крупных потребительских обществ; то, наконец, в лице современных научных социалистов, ограничивают свою «прямую» социалистическую деятельность распространением «научной веры» в «неизбежный процесс», по которому «капитализм сам» «роет себе могилу» и «создает необходимую для социализма предпосылку», объединяя, «обобществляя труд» во все больших и больших размерах. Таким образом, во всех социалистических учениях внимание восстающих рабочих масс отвлекается от их прямой цели — нападения на имущих и их экспроприации и сосредотачивается на *общечеловеческой заботе* — «введения планомерного хозяйства», «*излечения общества от его болезней*», «решения его противоречий», преобразования современного строя. Война современных рабов с рабовладельцами превращается в стремление всего человечества к более разумной и счастливой жизни. Реальное дело людей превращается в идеал, в новую религию.

Научный социализм, рекомендуящий себя сам, как учение, которому впервые удалось прочно объединить социализм с рабочим движением, с классовою борьбою пролетариата, не только не упраздняет, вопреки всем его уверениям, предшествовавших ему утопий, а напротив, специфически преобразуя идеализм прежних социалистов, укрепляет их утопию, создает «научную» религию. В своей брошюре о борьбе с голодом, Плеханов так определяет значение научного социализма:

«Современный социализм дает людям то средство, с помощью которого они прекратят свою зависимость от слепых стихийных сил, подчинят эти силы власти разума» * (стр. 62).

Современный социализм есть стремление человечества избавиться от той неволи, существующей на протяжении всей истории, в которой ...«люди были слепыми орудиями еще более слепых экономических сил,... (и) благодаря этому обстоятельству они пережили бесчисленное множество самых ужасных бедствий и пролили целые моря самой невинной крови». Все это случилось по "неумению людей стать господами своих собственных экономических отношений"» (стр. 60).

Эта идея, делающая научный социализм столь красивым, идеальным, идея, проникающая действительно всю марксистскую философию, все марксистские сочинения и, в более или менее высокопарных словах, высказываемая обязательно во всякой соц-демократической программе, подменяет, без малейших затруднений, ничуть не хуже Христова учения и всякой другой религии, — господство людей над людьми, рабовладельцев над рабами — в господство... природы над человеком; подменяет созданную веками неволю и закрепощение рабочих масс владельцами земного шара — неволю всех людей и закрепощением их жестокой не людской силой — экономическими слепыми законами. Это лишь на новый лад пропетая старая молитва: мы все рабы Господни!

Научный социализм явился для того, чтобы научить людей «умению стать господами своих экономических отношений». Он научит этому искусству пролетариат, который будет спасителем всего страждущего человечества. Но пролетариат предварительно должен воспитаться, «развить» «в борьбе» свой «ум» и «возвысить свою нравственность» (ор. с., стр. 61). Такое воспитание он может получить только в строе политической свободы, в строе полного господства буржуазии. Так как в России последнее еще не существует, то рабочие прежде всего, для собственного освобождения... совершат буржуазную революцию. На этот путь наставит их... «наша интеллигенция», которая «должна стать руководительницей рабочего класса в предстоящем освободительном движении». (Наши разногл., стр. 78).

* Курсив наш.

Превратив описанным способом в чистые идеи и политическую свободу и социализм, превратив потребность буржуазного общества в конституции — в присущую человеку вообще любовь к свободе, а предстоящую борьбу рабочих с буржуазным обществом — в борьбу человечества с лежащими вне его «экономическими силами», научный социализм, в лице русского соц.-д.-изма, восклицает, как настоящий жонглер: Идите ко мне все! я нашел путь, на котором и буржуазия усилит свое господство над пролетариатом, и пролетариат проложит путь к своему освобождению от того-же господства.

ПРИЗРАЧНАЯ НЕПРИМИРИМОСТЬ

— Опозорить русское социалистическое движение буржуазной революцией хотят лишь соц.-д.-ты. К чести русского революционного движения существуют еще в России другие, кроме соц.-дем.-ии, партии, настоящие представители и защитники идей 70-х годов, которые такого позора, как буржуазная революция, не допустят, а поведут русский народ на борьбу за торжество социализма.

Так говорят соц.-р.-ры, так говорят русские анархисты, пытающиеся в последнее время установить анархистское движение в эмиграции, а отчасти в некоторых пунктах в России.

Насколько партия соц.-рев.-ов хочет и может направить русское революционное движение не к буржуазной революции, а к социализму, к низвержению буржуазного строя, об этом долго говорить не приходится. Партия, которая выступает против соц.-д.-ой ортодоксии только потому, что, как она сама говорит, в России еще не настало время для настоящего соц.-д.-ого движения; партия, основным мотивом которой является недовольство той высокой, по ее мнению, ролью, которую предназначает рабочему движению русская соц.-дем.-ия; партия, которая, взамен последнего, организует в качестве «настоящих социалистических сил» оппозиционные слои общества, учащуюся молодежь, радикальную интеллигенцию и, наконец, все русское крестьянство, — такая партия есть настоящая исполнительница буржуазной революции, настоящая, по меньшей мере, наряду с «Искрой». Партия соц.-р.-ов не хочет *провозглашаемой соц.-дем.-ами* буржуазной революции лишь постольку, поскольку она искристам не удастся и вечно ими отсрачивается: у с.-р.-ов есть, по их мнению, средства осуществления буржуазной революции более быстрые и менее сомнительные, нежели исключительно рабочее движение. Партия с.-р.-ов не согласна, наконец, не только на буржуазную революцию, а и на само *провозглашение* буржуазной революции, которое, по их мнению, сделано соц.-дем.-ами напрасно: та-

кое провозглашение вредит успеху и скорости этого дела. Своей программой — «не буржуазная, а социальная революция!», с.-р.-ы требуют у соц.-дем.-ов согласия на то, чтобы для вовлечения рабочих масс в борьбу за конституцию пускать в ход еще более примитивное, чем научный социализм, надувательство и еще более бесцеремонное краснбайство.

Такова в настоящее время в действительности роль идей 70-х годов, возрождаемых современными сторонниками «славной» программы «Народной Воли». Но может быть идеи 70-х годов, в их другом виде, в виде анархического бакунизма, более, чем лавристам, враждебного марксизму, помогут делу и направят русского революционера не к буржуазной, а настоящей социалистической революции? Вопрос этот стоит рассмотреть потому, что здесь мы будем иметь дело, повидимому, с особым, касающимся не только России, социалистическим направлением, которое противопоставляет себя соц.-дем.-ому POSSIBILITY и легализму. Сторонник бакунистской программы, беспорочный учитель современных русских анархистов, Кропоткин, является вместе с тем, и даже главным образом, важнейшим на Западе представителем анархистской теории, которая преподносится восставшим против соц.-дем.-ии рабочим организациям вместо марксистского учения.

Каковы должны быть задачи и стремления анархистов в России? В главном сочинении Кропоткина «Хлеб и воля», на стр. 84-85 читаем следующее:

«Что-же касается того, примет ли она (революция) с самого же начала во всех европейских странах действительно социалистический характер, то в этом тоже можно сомневаться. Вспомним, что Германия находится в самом разгаре периода единой империи, и что ее самые передовые партии мечтают еще об якобинской республике 1848 г. и об "организации труда" Луи Блана, тогда как во Франции народ требует по крайней мере свободных, если не коммунистических Коммун».

...«Но если даже Германия пойдет несколько дальше, чем пошла Франция в 1848 году, и осуществит больше, чем тогда удалось осуществить во Франции, то в начале революции руководящие идеи все-таки будут идеями 1848 года, точно так же, как *идеи, которые будут руководить русской революцией, будут идеями 1789-го года*,* видоизмененными до известной степени умственными течениями нашего века».

Хотя автор тут же добавляет, что вышесказанное лишь его «догадки», однако, даже и анархист не станет, конечно, и не сможет стремиться к большему, чем то, что по его «догадкам», «будет», что

* Курсив наш.

«может быть» и что «осуществимо». Что же осуществимо в России? — «Идеи 1789 года», отвечает Кропоткин. Ввиду того, что идеи анархистов, идеи упразднения «не только капитала, но и государства», по видимому, — насколько об этом могут судить посторонние и, по крайней мере с первого взгляда, — отличны от идей 1789 года и не входят, кажется, в состав последних, — может быть, ввиду всего этого, анархистам пока совсем нечего делать в России и придется ограничиться ожиданием той будущей эпохи, когда Россия дойдет до положения современной Франции и русский народ найдет возможным стремиться прямо к анархизму и «требовать по крайней мере свободных, если не коммунистических коммун?».

Это предположение, конечно, совершенно неверное. Мы уже знаем (см. стр. 266-267), что у анархистов имеется, напротив, лучший путь осуществления всех настоящих задач современного революционного движения в России. Не остается никакого другого вывода, как только тот, что современные русские анархисты, при помощи своих современных идей об уничтожении «не только капитала, но и государства», будут участвовать в осуществлении в России «идей 1789 года». Но в таком случае мы, несмотря на все усилия, не в состоянии усмотреть, чем в данном отношении, отличаются стремления анархистов от стремлений «Искры». Марксизм взялся изобрести вернейший путь освобождения пролетариата и нашел, что русские рабочие для своего освобождения должны предварительно совершить буржуазную революцию и воздвигнуть строй полного господства буржуазии. Анархизм, придя к заключению, что соц.дем.-изм не желает полного разрушения неволи, попытался найти способ освобождения рабочего класса еще более безошибочный, и заявляет, что для достижения анархистского рая, русский «рабочий народ» должен предварительно осуществить «идеи 1789 года». Как соц.-д.-ам их «чисто и исключительно пролетарская точка зрения, так и анархистам их "непримиримость" со всяким, даже соц.-д.-им гнетом», не мешают участвовать в исполнении того дела, которое совершили во Франции Мирабо, Сизес, Бриссо, Робеспьер.

Анархисты в своих «идеях 1789 г.» окажутся столь же непоколебимыми, как соц.-дем.-ты в своей «буржуазной революции». Если против «идей 1789 г.» ничего, конечно, не станут возражать либералы, со Струве во главе, ввиду того, что первую из этих идей является, в числе «прав человека, неприкосновенность собственности, а затем ограничение монархической власти; если все русские революционеры требуют осуществления именно идей 1789 г., потому что они означают "суверенитет исполняющего свою власть демократического народа"», если «Искра» не откажется, конечно, признать в «идеях 1789 г.» своей «буржуазной революции», — то все это трогательное единодушие ни-

сколько не смущает русского непримиримого анархиста; напротив, оно радует его, доказывая ему, что его анархистская программа удовлетворяет «нуждам всего русского революционного движения».

Согласие, — по данному вопросу — сторонников «буржуазной революции» с анархистами не смутит последних, так как понятие — «буржуазная революция» совсем не существует в анархистском словаре и есть, по их мнению, пустое измышление досужих метафизиков, доктринеров марксистов, продукт их вздорной диалектики и их страсти к бесплодным гаданиям. Не сама революция 1789 года была буржуазной: великая французская революция была борьбой за... «свободу, равенство и братство», — буржуазия только «воспользовалась» революцией. Вот что, стало быть, анархисты будут проповедывать и осуществлять совместно со всеми русскими революционерами, со всем русским «народом» — «свободу равенство и братство» 1789 года. Очень возможно, скажет анархист, что предстоящей русской революцией, точь в точь так же, как и во Франции, «воспользуется буржуазия», и народ окажется обманутым. Но разве в таком исходе можно кого-либо винить? Это, если случится, будет историческая необходимость, которая именно покажет, что в тот момент могло быть осуществимо и в чем неизбежно народу пришлось обмануться в своих надеждах.

Как ни просто и естественно представляется все это русскому революционеру, беда однако в том, что массы в некоторые моменты, когда «историческая необходимость» обращается с ними чересчур уж нахально, начинают наконец это таинственное существо искать на земле, и тогда никак не убадишь их, что «историческая необходимость» не есть произведение рук человеческих. Невоспитанные, невежественные массы не в состоянии понять открытых наукою, «независимых от воли людей» исторических законов развития цивилизации, точно так же, как не понимают самой цивилизации и ее «благ», и упорно норовят в рассматриваемые моменты найти виновников среди живых людей; они грубо пристают к проповедникам «чистых идей» и очень убедительно доказывают, что обману непосредственно содействовала «чистая идея», объединившая «для спасения человечества» волков и овец, струвистских либералов и стачечников... Но русские анархисты, вслед за соц.-р.-ами, решают все это дело одним радикальным приемом. Все это, говорят они, гадания напрасные и бесплодные, и даже прямо вредные, поскольку охлаждают пыл революционной атаки на царское правительство. Гони неприятные мысли и воспоминания от себя и других! — вот простой способ сохранить и усилить «революционный подъем».

Плеханов очень ошибается и очень несправедлив к Кропоткину, когда считает его *неисправимым* утопистом. В рассматриваемом вопросе, в вопросе о характере будущей русской революции представитель

анархии, по меньшей мере, вовсе не уступает Плеханову в «антиутопизме». Утописты не соблюдают условий времени и места, не считают нужным сообразоваться с реальными условиями собственной страны, ничего не хотят слышать об исторической преемственности и готовы приговорить все страны к осуществлению одной, выдуманной ими формулы. Во всем этом, повторяем, отец русской анархии, как видно из вышеприведенных его слов, столь же безгрешен, как и отец русского социалдемократизма.

Кропоткин верит, правда, до сих пор в русское социалистическое крестьянство, верит не меньше, конечно, а гораздо глубже, нежели Н. — он и В. В., и даже довольно странно, зачем собственно, ему эта вера, раз России предстоит осуществить «идеи 1789 года»: ведь русское «коммунистическое» крестьянство существовало, как таковое, лишь для того, чтобы Россия могла воздвигнуть одновременно с Западом социалистический строй, а последнее, как мы видели, оказывается утопией даже по современному анархистскому учению. Правда также и то, что анархистский мыслитель, не сводя всего «к экономике», не обладает той твердой основой для установления объективных условий отдельных стран и превращения каждой из них в особый хозяйственный организм, — какую представляет собою марксистский «экономический базис» — «производственные нужды страны».

Несмотря на все это, русское коммунистическое крестьянство не доводит вовсе анархиста до того утопизма, который готов смешать Россию с Францией и приговорить их к фаталистическому переживанию какого-либо одного шаблона. Напротив, у анархиста есть, — в области идей и психологии народов — особый, не менее богатый, чем у соц.-д.-а, материал для специального анархистского объективизма, который не хуже марксистского, устанавливает те же законы исторического развития и исторической преемственности, проистекающие из независимых от воли современников исторических условий существования каждой из «стран». Его «антигосударственность» ничуть не мешает ему, по примеру его противников, государственников, превращать современные государства в ненарушимые общественные организмы, ведущие до того обособленную и самостоятельную жизнь, что во время предстоящей революции в каждом из этих общественных организмов разыгрываются свои собственные эпохи, отделенные одна от другой вековыми промежутками времени. И получается прямо удивительный результат от всего анархистского протеста против соц.-д.-ой постепенности и POSSИБИЛИЗМА: хотя анархистское учение требует упразднения и присуждает к гибели наряду с другими и демократические формы власти, однако, в силу каких-то законов объективного хода вещей, законов, не менее неумолимых, чем марксистские, «"более отсталые"» страны осуждены проходить все те стадии политического

и демократического развития, какие пережили "более передовые" государства, так что Германия никоим образом не может объединиться с Францией в стремлении к настоящей анархической свободе, к всеспасительному федерализму «по крайней мере свободных, если не коммунистических коммун» и осуждена предварительно завоевать то, чем обладает Франция — централистическую республику.

В моменты рабочих восстаний, в моменты массовых стачек рабочие в Риге оказываются в том же самом положении, что и в Барселоне, Триесте, Женеве. Причина их возмущения одна и та же, одни и те же претензии и требования; одни и те же планы, мысли, способы борьбы. Достаточно вообразить эти рабочие восстания происходящими в один момент, для того чтобы получить представление о единстве того дела, которое возникает в цивилизованном мире с наступлением рабочей революции. И когда стараешься представить это дело в его дальнейшем развитии, когда претензии масс выходят далеко за пределы требований улучшения условий труда, — единство дела остается столь же несомненным; все видишь *одно и то же дело* — низвержение *одной и той же неволи*, как там, где социалисты соц.-д.-ого и анархического направления готовятся осуществить «идеи 1789 г.», так и там, где они уже осуществлены.

Но мало ли какие несбыточные перспективы могут возникнуть на почве претензий невежественных рабочих масс, не проникшихся еще социалистическим идеалом и не понявших еще законов научного социалистического строительства!

Полвека тому назад появилась настоящая, пролетарская наука, повторяя на каждой своей странице свой возглас об объединении немущих всего мира. После самых тщательных социологических исследований она, наконец, сделала открытие, которое доводит до сведения рабочих под тем же лозунгом — «пролетарии всех стран соединяйтесь!» — открытие, по которому соединение пролетариев для всемирного восстания, для всемирной стачки — абсурд.

Лаврам учености научного социализма позавидовала анархистская наука. Не диалектическим, а настоящим научным методом, методом естественных наук, «индуктивно-дедуктивным» методом будет открыт путь освобождения пролетариата. Эта наука, в противоположность диалектической, берет под свою опеку всеобщую стачку. И вот, перед лицом единого во всем мире рабочего дела, индуктивно-дедуктивная наука прежде всего... указывает пальцем на линию, проходящую по Рейну, потом, очевидно, на другую линию, проведенную через Вержболово-Александрово-Радзивиллово, и учит, что это не только границы, установленные государствами, защищаемые современными властями, не только рамки, в которых господствующие классы делят между собой земной шар и добычу от эксплуатации рабочих масс, а естествен-

ные пределы отдельных общественных организмов. Отсюда следует, по меньшей мере, что новая, во втором уже издании безошибочная наука не в состоянии понять всемирного единства того рабочего дела, которое она хочет взять под свою безапелляционную опеку, и что то дело, к которому она сама стремится, не есть еще рабочая революция. Анархистская программа говорит: всеобщая стачка есть лишь приступ к революции. Если это прибавить к предыдущему, то получим, что всеобщая стачка, если она случится в нескольких странах одновременно, будет лишь толчком для переживания каждой из них особых исторических эпох.

Марксистская наука, пообещав неизбежное, даже независимое от воли людей, освобождение пролетариата, установила этим лишь непререкаемую научную инстанцию, которая, под видом объективной незрелости современного строя для социализма, обуздывает рабочую революцию. Анархистская наука, превращая точно также, как и марксизм, современные «страны» в организмы и предназначая для них разные исторические эпохи, парализует тенденцию современного рабочего движения к всемирному заговору, к повсеместному, поднятому с единой целью, восстанию рабочих. Наука, и в ее марксистском и в анархистском применении, оказывается силой не содействующей, а обуздывающей восстание рабов цивилизованного мира.

Освобождение рабочих не есть «движение человечества к идеалу»: для такого явления не существует еще на земном шаре соответственного субъекта — единого человечества, с единой волей и единым сознанием. Освобождение рабочих есть стремление рабов современного общества отнять у своих хозяев владение всеми богатствами земного шара, всю цивилизацию; стремление, которое господствующим меньшинством убивается в самом зародыше, не только с помощью негуманитарных средств, но и с помощью «самого гуманитарного обмана». Наука есть достояние привилегированных людей, касты белоручек, ученого мира, существование которого есть существование паразита, основанное на вековом грабеже обреченных на пожизненную каторгу ручного труда рабочих масс. «Общественная наука» является поэтому системой господства над волей и мыслью масс.

Обо всем этом анархизм имеет еще меньшее представление, чем марксизм. Он даже больше последнего превращает в идола современную науку, а современных социологов-болтунов возводит в ранг великодушных искателей правды.⁷

⁷ В брошюре Кропоткина: «Анархия, ее философия — ее идеал» читаем на стр. 13: «Политическая экономия, бывшая в начале своего существования изучением богатства народов, становится теперь изучением богатства личностей. Она интересуется не столько тем, ведет ли данная нация крупную внешнюю торговлю, сколько тем, — есть ли достаточно хлеба в хижине крестьянина или рабочего? Она стучится во все

Но возвратимся к вопросу о том, что делать анархистам в России. Надо прибавить, что «руководящими идеями» здесь будут не только просто «идеи 1789 г.», а идеи 1789 г. «видоизмененные, до известной степени, умственными течениями нашего века». Анархисты, повидимому, будут производить это видоизменение. Посмотрим, должны ли анархисты, и «до какой именно степени», видоизменять «идеи 1789 г.» «идеями» рабочего класса.

Ниже мы приводим высказанные Кропоткиным в 92 г. суждения о необходимости анархистской программы для русского революционера, причем оказывается, что в то время представитель анархизма не считал даже нужным намекнуть хоть бы одним словом о рабочем движении в России, хотя русские стачки, в особенности Морозовская, успели уже принудить даже царское правительство подумать о фабричном законодательстве. Отец современного русского анархизма, как и другие народники, думал, повидимому, для того времени не признавать рабочего движения в России, не признавать до тех пор, пока будет возможно; напротив, он предполагал, очевидно, по старому «спасать родину от пролетария». В самом сочинении «Хлеб и воля», написанном гораздо раньше его русского издания, также не отыщешь ни одного слова о русском рабочем движении. Но за последние десять лет выросло такое стачечное движение; соц.-д.-ты столько шуму наделали со своим «рабочим классом»; все общество признало «пролетария» столь полезным для отечественного прогресса, что в предисловии к русскому изданию названного сочинения, в 1902 году, не было больше возможности, не давая по старому никакого на этот счет ответа. Русские рабочие завоевали в программе Кропоткина следующее, отчасти их касающееся, место:

...«При почине городов,... начнутся попытки о б о б щ е с т в л е н и я
з е м л и п р е ж д е в с е г о , и о т ч а с т и * ф а б р и к ** — и организация

двери — в дворцы и в трущобы — спрашивая как у богатого, так и у бедного: "в какой степени удовлетворены ваши потребности в необходимом и в предметах роскоши?". И, убедившись, что у девяти десятых человечества не удовлетворены даже самые настоятельные потребности, она ставит себе тот же вопрос, который поставил бы себе физиолог, изучающий какое-нибудь животное или растение, а именно: "Каким путем возможно удовлетворить потребностям всех с наименьшей тратой сил? Каким образом может общество обеспечить каждому, а следовательно и всем, наибольшую сумму благосостояния и счастья?"*.

Утопия Кропоткина о роли современной науки заставляет его высказать в нескольких строках столько фальши, сколько можно услышать разве от самых заурядных жрецов официальной науки. Вышеприведенный дифирамб покажется, мы думаем, чересчур уж тошным даже специалистам этого дела — жоресистам и струвистам, поющим песни беспорочным «служителям науки» (См. след. стр.).

* Курсив наш.

** Подчеркнуто Кропоткиным.

земледелия, а также может быть* и фабричного производства на общественно-артельных началах» («Хлеб и воля», IX).

От «обобществления земли» рабочему классу, конечно, ни тепло, ни холодно, точно так же, как от обобществления железных дорог в Швейцарии. Обобществления земли требует и антисоциалист Толстой, тот самый, который бросает проклятия на головы рабочих, осмеливающихся своими стачками посягать на имущество фабрикантов. Но то Толстой, а Кропоткин совсем другое. Не только обобществление земли, но еще... «может быть обобществление и организация отчасти и фабрик». Но если — «может быть», то столь же правдоподобно — может и совсем не быть. Правда, дело не особенно бы изменилось, если бы Кропоткин вычеркнул эти интересные словечки — «может быть», «отчасти» — и смело провозгласил полное обобществление средств производства. Особенной смелости для этого не требуется, ибо переход средств производства в руки общества сам по себе не меняет судьбы рабочих и не разрушает еще классового строя. Но если сам по себе лозунг этот совсем не грозный (не даром Родбертус предлагал его прусскому королю), то *ограничение* его значит несомненное оспаривание прав рабочих на немедленную экспроприацию буржуазии: отец современного анархистского учения не предполагает пока возможным неограниченные притязания рабочего класса в России на богатства капиталистов. А вместе с тем, анархистская теория, — кто же об этом не слышал, — присваивает себе репутацию непримиримого врага социал-дем.-ого оппортунизма.

Почему же России предстоит только «может быть» частичное «обобществление» средств производства? Нет других причин, как только то, что Россия «страна земледельческая», с «мало развитой крупной

Стремление к научности, в качестве самой первой заповеди, представляет одну из дорожек, по которой анархистские теории неудержимо направляются туда, куда их зовет Толстой, — к полной легализации по примеру социализма. На этом пути они моментально превращаются в... салонный анархизм. Такая участь уже несколько раз, в продолжение одного десятилетия, постигла, между прочим, немецкие анархические направления, в лице их берлинских органов. Основанный недавно «Der Anarchist», с твердым решением держаться на почве революционного рабочего движения, кажется, тем не менее, вряд ли избегнет участи своих предшественников, как видно из следующего: «В продолжение последних двадцати лет важнейшая его (анархизма) деятельность состоит не столько в достижении позитивных целей, сколько в идейном и философском углублении собственного мирозерцания... В умственной жизни Франции анархизм уже давно играет руководящую роль; грядущая литература не преминет наверно констатировать, наконец, что весь натурализм, в действительности, не что другое, как вывод из анархистской идеи» (№ 4, 1904 г.).

* Курсив наш.

промышленностью». Оказывается, что отец русской анархии самый настоящий марксистский объективист (см. также выше, стр. 269-272). Он, конечно, не *оптимистический* объективист, верящий в быстрое развитие капитализма и самопроизвольное его превращение в социализм. Но он несомненно такой марксистский объективист, который, признав, наконец, после долгого спора, что его «родина» «вступила на путь капитализма», считает уже этот капитализм предпосылкой социализма, предпосылкой, правда еще недостаточной, но несомненно *необходимой*, развитием которой определяется размер возможного обобществления. Собственно, весь легальный марксизм, приняв во внимание возражения народников и субъективистов, стал именно на эту точку зрения.

Пользуясь, в виде примера, вышеприведенной цитатой из Кропоткина и в дополнение к положениям, высказанным на стр. 269-271, мы здесь прибавим еще следующее. На протяжении последних тридцати лет русский революционер становится анархистом, не желающим ставить будущей экспроприации никаких государственных тормозов, никаких ограничений и отсрочек — до тех пор, пока он предполагает исполнителем экспроприации *крестьянство*, объектом *ее* — *землю*. В связи с этим, в России не было до сих пор такого анархиста, который бы не верил, в большей или меньшей степени, в самобытную социалистичность русского крестьянства. Но лишь только русский революционер перестает верить в «общину», или предвидит, что исполнителем экспроприации могут сделаться выступающие на революционную сцену настоящие пролетарии, сами рабочие массы, а объектом — не только земля, но и *все другие* богатства, — он моментально съезживается, становится немедленно постепеновцем, настаивает на отсрочке, указывает на объективную невозможность, старательно ставит наперед ограничения. Так бакунисты, будущие члены «Гр. Осв. Труда», становясь постепенно «на точку зрения пролетария», отказываются, вместе с верой в общину, и от своего анархизма, отказываются от него в народовольчестве и становятся соц.-д.-ами — постепеновцами. Так Стефанович, только-что устранивший заговорщическое сообщество для непосредственного, неограниченного захвата земли, лишь только увидел в 80-х годах необходимость для русского революционера «пойти к рабочим», сразу заговорил в своей «Злобе дня» о... *кассах взаимопомощи*:

«Соединение рабочих в союзы, например, на кассах взаимопомощи — таков должен быть первый и необходимый приступ к созданию революционной организации рабочих» (Цитата из брошюры Невзорова: «Отрекаемся ли» и т. д.).

Кропоткин, сохранивший своеобразным способом, благодаря своему анархизму, народническую утопию 70-х г.г., не избегнул однако

этой общей участи русского революционера. Увидев нежелательных пролетариев в России, он апеллирует к объективным условиям, осторожно вставляет свои словечки: «отчасти»... «может быть», становится постепеновцем.

После глубокого застоя в конце 80-х годов, русское революционное движение вновь усиливается в начале следующего десятилетия. Толчком, как известно, послужил страшный голод 91 г. В этот именно момент, в одном и том же году (92) представители двух противоположных социалистических направлений, Плеханов и Кропоткин, предлагают вновь русским революционерам свои программы. И тот и другой одинаково рекомендуют свое учение, как наиболее соответствующее нуждам русской революции. Плеханов издает брошюру о борьбе с голодом, которая должна убедить революционеров в том, что основатель соц.-д.-изма высказал уже десять лет до того момента в брошюре: «Социализм и полит. борьба»:

«Наше революционное движение не только ничего не потеряет, но, напротив, очень много выиграет, если русские народники и русские народовольцы сделаются, наконец, марксистами, и новая, высшая точка зрения, примирит все существующие у нас фракции».

С другой стороны, Кропоткин, в предисловии к первой брошюре «Анархической библиотеки» («Парижская коммуна» Бакунина) объясняет преимущества своего учения и предостерегает, что

...«ошибка в выборе между обеими программами социализма, государственного и без-государственного,... может задержать... все движение... на целые десятки лет».

Главные места этого предисловия мы хотим теперь же процитировать. Но предварительно рекомендуем читателю посмотреть еще раз приведенные нами выше, на стр. 276-282, выписки из Плехановских сочинений. При сравнении двух «прямо противоположных» направлений оказывается, что основная их задача, верховная цель, которой подчиняется все прочее, — одна и та же, как в «пролетарской» программе, так и в «идеально-чистом анархизме». Эта верховная цель — «скорейшее низвержение царизма». На анархистском языке дело это называется «ослаблением централизованной государственной власти». Читатель убедится, что трудно решить, для кого в большей степени является кровным делом забота русского либерального общества — для основателя русского соц.-д.-изма, или же для отца современной русской анархии; трудно решить, кому из них должна быть более благодарна русская прогрессивная буржуазия за их искреннюю заботу о скорейшем появлении в России конституционного рая. Верховная цель двух «прямо противоположных» направлений до того тождественна, что, несмотря на различные, во мно-

гом действительно противоположные, взгляды, задача решается у них по вполне одинаковым приемам, мысли и доказательства идут по двум совершенно параллельным линиям, одинаков даже и их порядок.

Точно так же, как и Плеханов, Кропоткин исходит из того положения, что «в области политической борьбы, как и в области экономического развития, передовые страны указывают путь отсталым» (Плех.). Так как верховная цель уже давно, наперед решила, что «отсталая» страна должна повторить путь развития «передовых» стран, то уже само собою понятно, — как у одного, так и у другого, что русский «рабочий народ» никоим образом не может в ближайшей своей революции решать то же дело, которое предпримут западноевропейские рабочие в предстоящую и м революцию. Если «пролетарский идеолог» учит, что русские рабочие в ближайшей революции должны совершить дело, исполненное западноевропейским «рабочим народом» полвека тому назад, то анархистский мыслитель любит, как мы это отчасти уже знаем, времена более ранние и учит, что в России народ должен повторить то, что происходило на Западе в XVIII, а то и в XVII столетии.

«Английские революционеры 1648 года и французские 1789-1793 вполне понимали, что королевская, самодержавная власть держится не несколькими людьми; что она имеет свои корни в истории и в целой жизни народа; что она плод крепостного или полу-крепостного строя... Поэтому, нападая на королевскую власть, они прежде всего* искали опоры в крестьянском* движении. Они не мечтали низвергнуть короля одною силою интеллигенции.⁸ Они были в значительной степени социалистами, и их писания, проникнутые социалистическими взглядами, будили народ, звали его к восстанию.** Они стремились, во всяком случае, освободить крестьян от экономического гнета помещиков, и понимали,** что низвергнуть и ограничить королевскую власть возможно будет только тогда, когда по стране разольется широкой волной крестьянское восстание» (Стр. IV).

Только доктринеры связывают понятие социализма с рабочим движением XIX столетия. Кропоткин, конечно, далек от такой «узости» и требует широкого понимания социализма. Даже если будете воображать под социализмом стремление вообще поработенных отнять богатства у имущих с целью прямо провозглашенного ими имуществен-

⁸ «Если бы французской или немецкой "интеллигенции" сороковых годов кто-нибудь посоветовал оставить всякую мысль о вовлечении народа в борьбу с правительством... интеллигенция встретила бы подобный совет по меньшей мере с негодующим удивлением» (Плех., стр. 24).

* Подчеркнуто Кропоткиным.

** Курсив наш.

ного равенства, то и в этом случае ваше понимание будет неудовлетворительное и все еще доктринерски узкое, ибо вы напрасно исключаете из числа социалистов людей, подготовлявших английскую и французскую революции и, как известно, об имущественном равенстве совсем не заботившихся. Кропоткин уверяет, что в писаниях последних он видит «социалистические взгляды». Это совершенно понятно, если вспомнить, что он умеет усматривать коммунизм даже в... «общедоступности» парков, садов и улиц. На стр. 34 «Хлеба и воли» доказывается, что «современные общества неизбежно движутся по направлению к коммунизму», благодаря, между прочим, тому, что «коммунистическое направление... проникает в наши отношения во всевозможных видах», например, «в виде музеев, общественных библиотек, даровых школ, парков и садов, открытых для всех, вымощенных освещенных улиц и т. п.». При таких «социалистических взглядах» совсем не трудно признать социалистами... энциклопедистов и буржуазных революционеров 1789 г. В своей брошюре «Un siècle d'attente» Кропоткин говорит:

«Достаточно прочесть... писания Дидро, Руссо и даже тех, которые, как Сизес и Бриссо, сделались впоследствии заклятыми защитниками буржуазии, чтобы увидеть, что они проникнуты социализмом, или точнее, коммунизмом. Сама формула — *свобода, равенство и братство*, которая в ту эпоху не была пустым звуком, говорит в достаточной мере о том, что видел французский народ в революции... Дидро был в глубине души анархист. А Бриссо, разве не призывал к грабежу?» (стр. 16).

Отец анархизма, словно невинный ребенок, ничего не хочет знать о существеннейшей особенности всей истории вообще и революционных движений, в частности, именно о том, что всякий новый имущий класс, не достигший еще полного господства, а только стремящийся к нему, принужден для этого возмущать народные массы против старых господ, бросая им ничтожный грош. Когда на этом основании новый господин начинает уверять в своей заботе о «благах всех граждан», о своем стремлении к «свободе, равенству и братству», то массы, по учению Кропоткина, должны принимать это за чистую монету, сколько бы раз они не убеждались в пустоте всех этих фраз и в надувательстве. Когда Бриссо и Сизэсы, до низвержения феодалов, призывают к восстанию и грабежу, а, по достижении собственного господства, провозглашают неприкосновенность собственности и издают драконовские законы о сообществах рабочих, массы убеждаются, что Бриссо и Сизэсы их обманывают, обманывают посредством тех фраз и того социализма, в искренности которого анархист Кропоткин не сомневается. Кропоткинское учение советует массам забыть об этой секретной стороне революции, забыть совершенно, так чтобы буржуазный революционизм вновь из обмана масс превратился в настоящий социализм.

И как великолепно доказывается социалистичность «даже тех, которые впоследствии сделались заклятыми защитниками буржуазии». Ведь для *самых масс*, рассуждает анархист, формула — свобода, равенство и братство — не была пустым звуком и понималась *вообще* в ту эпоху в прямом смысле. Отсюда следует, уверенно заключает он, что и для Бриссо и Сиэсов она не была пустым звуком. Таким образом, мало того, что массы были обмануты; надо еще, чтобы эти же массы, благодаря их обманутым ожиданиям, восстановили социалистическую репутацию буржуазных революционеров. Но как Кропоткин ни старается, его заключение о социалистичности Сиэсов из его доводов вовсе не следует. Ибо, как бы мы ни определили то, что сами массы видели во французской революции, Бриссо и Сиэсы несомненно видели в ней — это они доказали — только свою буржуазную «свободу, равенство и братство». Но что несомненно следует из всего рассуждения, так это лишь очень интересный вопрос: почему чистейшему, анархистскому социализму нашего времени так сильно хочется найти настоящий социализм в том, что служило лишь орудием завлечения масс в буржуазную революцию. Не потому ли, чтобы и для современных Бриссо и Сиэсов отвоевать вновь право бесконтрольного пользования подобного рода фразами и предельвания при их помощи тех же самых операций?

Согласно вышеочерченной точке зрения, у Кропоткина выходит, как видно из приведенной цитаты его «Предисловия», что социализмом, как у западноевропейских революционеров XVIII и XVII ст., так и вообще, надо считать *понимание* ими того обстоятельства, что *нельзя обуздать абсолютизм и феодализм без помощи народных масс*, понимание необходимости «будить народ», «звать его к восстанию». Это анархистское понимание социализма совершенно тождественно с соц.-д.-им его пониманием у Плеханова. У последнего точь-в-точь так же «держаться социализма» значит — «вовлекать народ в борьбу с правительством», «работать в народе», «ходить к рабочим»; «перестать быть социалистом» значит — «ограничиться пропагандой в обществе». Разница лишь в том, что Кропоткин предпочитает не говорить вовсе о русском пролетарии и признает народ только в виде крестьянства. Конечно, благодаря этому, его анархистский социализм несомненно шире соц.-д.-ого, ибо социализмом окажется «во всяком случае» и стремление к «освобождению крестьян от экономического гнета помещиков». По этой причине декабристы, например, были «во всяком случае» социалистами и даже в царском манифесте 19 февраля «во всяком случае» скрыта некоторая доля социализма.

Но послушаем еще дальше, как анархист рекомендует революционеру социализм в качестве лучшего средства достижения конституции. В том же «Предисловии» Кропоткина читаем:

...«Любопытно, что даже и в нынешнем столетии, вторая республика 1848 года и конституционные уступки, сделанные в Германии в том же году, были результатом не дворцовых заговоров, — а обширного социалистического* движения...

Идти к социализму, или даже к земельному перевороту, через политический переворот* — чистойшей утопия, так как сквозь всю историю мы видим, что политические перемены вытекают из совершающихся крупных экономических переворотов, а не наоборот. Вот почему освобождение русских крестьян от лежащего на них по сию пору гнета крепостного права становится *первою** задачей русского революционера. Работая на этом пути, он во-первых работает прямо и непосредственно на пользу народа и в прямой пользе народа видит высшую цель своих усилий, а во-вторых, он *подготавливает ослабление централизованной государственной власти и ее ограничение*.**

Последний вывод *анархиста* представляет собою точное решение проблемы, поставленной перед русским революционером с *социалдемократической* точки зрения. Плеханов (стр. 23-24), в один голос с Кропоткиным, говорит:

«Нам, русским социалистам надо найти такой способ действия, держась которого мы, во-первых, ни на минуту не переставали бы... быть социалистами («работать прямо и непосредственно на пользу народа. — Кроп.), а во-вторых, скорее победили бы царизм» («подготовили бы ослабление центральной государственной власти» — Кроп.).

Проблема поставлена и решена до такой степени тождественно, что у двух «противоположных» программ обнаруживается совершенно равноценная позиция по отношению к делу рабочих масс. Как «пролетарский» идеолог-социалдемократ, так и «непримиримый» анархист считают возможным конституцию поставить в уровень с социализмом. Ни у одного, ни у другого, «ограничение самодержавной власти» не может ни в коем случае, ни на одну минуту играть роль второстепенную, подчиненную: одна и та же проблема русского соц.-д.-та и русского анархиста не была бы в таком случае решена. И один, и другой сочтут ее решенною лишь в таком виде, когда получается в результате полное удовлетворение либерала, т. е. «*скорейшее* низвержение царизма», и притом, не как случайность, возможность, вероятность, а как безусловная необходимость. Анархистская и пролетарская «чистота» не производят в рассматриваемом отношении никакого действия, никакого разногласия. Повидимому, они лишь по виду различны, по сущности же равноценны. И эта равноценность в их сущности есть не что другое, как одинаково верная служба у либералов. Итак, отец рус-

* Подчеркнуто у Кропоткина.

** Курсив наш.

ского анархизма в той же мере работает для конституции, как и основатель русского соц.-д.-изма.

Но как же так? — спросит удивленный читатель. Ведь анархисты объявляют свою насильственную борьбу в одинаковой степени, как самодержавному, так и демократическому строю? Ведь они отрицают политическую деятельность в западноевропейских парламентских государствах, за что и исключены соц.-д.-ами из международных социалистических конгрессов? Ведь именем анархиста означают сторонника насильственного способа борьбы, применяемого повсюду, независимо от политического устройства государства?

Все это может быть верно лишь относительно отдельных личностей анархистов, известных миру своими смелыми протестами;⁹ может быть верно и относительно некоторых анархистских групп, пытающихся в моменты внезапных крупных взрывов рабочих масс, расширить последние по возможности дальше и дойти на этом пути до рабочей революции. Но отдельные голые протесты не в состоянии, конечно, создать революционного течения, а случайные, революционно настроенные группы не в состоянии передать это свое настроение более широкому движению; анархистское учение оказывается неспособным удержаться на высоте действительно непримиримого революционизма и выразить собою переворотную позицию рабов современного общества. Таким образом, по отношению ко всему современному анархистскому движению, вышеприведенное ходячее о нем мнение совершенно расходится с действительностью.

В настоящее время мы имеем уже не только в кругах западноевропейской интеллигенции довольно широкие течения вполне безобидного анархизма художников и литераторов, «салонного анархизма», но и среди профессионального рабочего движения — широкую анархистскую легальную пропаганду в виде французского анархистского синдикализма, попытка которого революционизировать французский тред-юнионизм дает однако в результате прежде всего легализацию анархизма. Нет ни одного анархистского теоретика, который поставил бы себе задачей и сумел обосновать твердо взгляд, что освобождение рабочего класса мыслимо только как насильственный акт восстания, подготовка которого требует скрытой от глаз закона конспирации во всем цивилизованном мире. В этом отношении у теоретиков анархизма встречаешь лишь сбивчивые, двусмысленные ответы, почти в такой же степени, как у антибернштейнцев марксистов. Кропоткин напр. говорит: «Наше дело» — открыть тенденции со-

⁹ Мы, однако, не имеем здесь в виду покушений, совершаемых в Испании и других странах «против отдельных тиранов», которые столь же мало свидетельствуют о непримиримости анархистов с классовым строем, как и покушения «Боевой организации» — о такой же непримиримости с.-р.-ов.

временного исторического процесса, осуществить их и разрушить стеснительные учреждения и предрассудки. «Это все, что мы можем сделать, как мирным, так и революционным путем» («Анархия, ее философия, ее идеал», стр. 58. Курсив наш).

Эта сбивчивость современного анархистского учения по вопросу о «насильственном способе действий» непосредственно связана с неясностью, спутанностью его взгляда на значение политической свободы для акта освобождения рабочего класса. В брошюре: «Распадение современного строя» Кропоткин, рассказывая довольно обстоятельно (стр. 34-40) о том, каким пустым звуком является политическая свобода для революционных рабочих движений; объясняя, что в виде политической свободы буржуазия предоставляет пролетариату лишь свободу того, что для нее оказалось совершенно безопасным; вместе с тем, «с другой стороны», как и марксисты, перечеркивая все только что написанное, несколько раз заявляет: но из сказанного совсем не следует, что рабочие не должны защищать уже завоеванных прав или не бороться за достижение новых; они не должны только выжидать и выпрашивать их у государства, а должны «взять» их «сами». Точь-в-точь также марксист, не отрицая того, что политическая свобода необходима буржуазии для ее полного господства, уверяет, что соц.-д.-ия тем не менее борется за конституцию только ради пролетариата.

Повидимому, и для анархиста политическая свобода, в конечном счете, облегчает акт освобождения рабочих, а отсюда уже само собою следует, что «насильственный способ действия» должен меняться и ослабляться вместе с прогрессом завоевываемых прав. Анархисты своим отрицанием государства отказываются только от права выбора в центральные законодательные и исполнительные органы; но политическая свобода необходима для них не меньше чем для соц.-д.-ов, ради воспитания рабочих, развития их экономических и кооперативных организаций. Поэтому анархисты в России будут добиваться демократического строя не меньше других партий, а напротив больше, поскольку они стараются быть «более революционными» (см. передовые статьи №№ 1 и 4 «Хлеба и воли»).

Нам сделают, пожалуй, возражение, что русские анархисты своей критикой демократического законодательства охлаждают пыл «революционной атаки» пролетариата на самодержавие. Этого, в самом деле, как будто следовало бы ожидать. В действительности однако происходит, повидимому, противоположное; ибо иначе как же объяснить глубокую и интимную связь русского анархизма с с.-р.-им направлением. Дело объясняется следующим образом. Ущерб с.-р.-кому идеалу, наносимый анархистской критикой, во сто крат вознаграждается той прибылью, которую получают с.-р.-ы от анархистской проповеди...

антигосударственности. Если последнюю рассмотреть поближе, то окажется, что она почти ничем не отличается от той агитации, которую все русские революционеры выражают в словах: «долой самодержавие!» В обсуждаемом «Предисловии» Кропоткина читаем:

«Анархисты стремятся... не усилить государственную власть, а ослабить ее, раздробить ее, и территориально, и в ее отправлениях, и в конце концов совершенно уничтожить ее». (Стр. III).

Вот как анархисты разрушают государство. Чего только нельзя подвести под эту детски наивную формулу! На ее основании, польские, литовские, еврейские и всевозможные кавказские патриоты своей борьбой за национальную независимость или автономию, за распадение русской империи — разрушают современное государство. И это не только наше «теоретическое» предположение: достаточно вспомнить, как на недавнем съезде в Женеве русские анархисты, при восторженных рукоплесканиях с.-р.-ов, очищали кавказский социализм от соц.-д.-кой государственности при помощи кавказских патриотов. Но мало того. Всякое ограничение «централизованной государственной власти» есть, равным образом, шаг по пути к разрушению государства. Ограничение самодержавного царя законодательной палатой, «ослабление» исполнительной власти, путем преобразования монархии в республику — все это ступени «ослабления государственной власти» «в ее отправлениях», так чтобы «в конце концов совершенно уничтожить ее», все это этапы постепенного анархистского разрушения государства.

После вышесказанного понятно, как великолепно можно украсить конституционные планы антигосударственностью русских анархистов. В самом деле, ведь «скорейшее низвержение царизма» не есть какая либо либеральная затея, а... первый шаг по пути к осуществлению конечной цели самого непримиримого социализма, анархистского идеала. Если в некоторых революционных кругах возглас: долой самодержавие, да здравствует конституция! — сделался уже немножко неприличным, то либеральничающие студенты с успехом и без малейшего для себя ущерба могут заменить его Кропоткинским анархистским принципом.

Бакунинская антигосударственность не отличается, конечно, от Кропоткинской. Поэтому всякий хранитель идей семидесятых годов, каким бы он ни становился конституционалистом и государственным, всегда стоял и будет стоять за анархизм Бакунина, против государственности марксистов. Ибо Бакунинская программа «разрушения государства в первый день революции», примененная к России, становилась здесь неминуемо, — несмотря на мнимые усилия бакунистов к противоположному, — программой борьбы с существующей формой государства, с царизмом. Это видно хотя бы из следующих слов самого Бакунина:

«Втолковать..., показать ему (народу), как все чиновничьи, помещичьи, поповские и кулацкие неистовства, разбои, грабежи, от которых ему нет житья, идут прямо от царской власти, опираются на нее и возможны только благодаря ей; доказать ему, одним словом, что столь ненавистное ему государство — это сам царь и ничто иное, как царь — вот прямая и теперь главная обязанность революционной пропаганды» (цитировано в брошюре Невзорова: «Отказываемся ли...» и т. д., стр. 29. Курсив наш).

Революционер «Земли и Воли» не думал объявлять войну государствам, а лишь прокладывал себе постепенно дорогу к программе борьбы с русским деспотизмом. В литературе бакунистов, взять ли «Общину», или «Землю и Волю», постоянно встречаешь заявления о том, что бунтари, отказавшись от утопических, неосновательных надежд первых народников на возможность *немедленного социалистического переустройства России*, сведят предстоящий переворот к *достижимому, т. е. к обобществлению земли и упразднению государства*. Так что из всех существующих в России паразитов, земледелец считает возможным упразднить лишь класс помещиков и тем не менее обещает в результате этого переворота полное уничтожение государства. Чудо это возможно, конечно, лишь на основании сказок о русском коммунистическом народе, который, — пади только самодержавие, — воздвигнет немедленно не государство, а... «свободную федерацию» «свободных общин». Таким образом, благодаря народническим сказкам, земледелец все время борется, — правда, «стыдливо» — не с государством, а только с самодержавием. Поэтому, когда он даже делается народовольцем, когда ясно выставляет свою программу оздоровления русского государства, не перестает повторять пустых анархистских фраз о «низвержении государства», «свободной федерации» и т. п. Так что в литературе «Народной Воли» не трудно встретить на одной и той же странице и «низвержение государства», и «созвание земского собора», как различные лишь наименования для одного и того же народовольческого дела.

Как мы уже видели (см. выше, стр. 296-297, 300, 302), Кропоткин, поскольку позволяют обстоятельства, старается всячески удержать для России старую землевольческую программу: обобществление земли и упразднение государства. Для этого требуется, удержать у себя в первобытной простоте все народническое утопии. Но Кропоткин оказался способным на нечто большее. Его анархистская теория распространила русскую самобытную сказку про «коммунистический народ» на все «народы» и даже на общества древних рабовладельцев и средневековых торговцев.

В брошюре: «Анархия, ее философия — ее идеал» Кропоткин в следующих словах формулирует свой взгляд на государство, как общий вывод из своих «исторических исследований» по этому предмету:

«Государство представляет собою... форму общественной жизни, создавшуюся лишь очень недавно у наших европейских обществ. Человек существовал уже в течение целых тысячелетий, прежде чем образовались *п е р в ы е* государства; Греция и Рим процветали уже целые века до появления *Македонской и Римской империй*; а для нас, современных европейцев, государства существуют, собственно говоря, только с *шестнадцатого столетия*. Именно тогда завершилось уничтожение свободных общин, и создано то общество взаимного страхования между военной и судебной властью, землевладельцами и капиталистами, которое называется государством» (стр. 37. Курсив наш).

Итак, в древней Греции и Риме государство появилось лишь в момент возникновения Македонской и Римской империи. Анархист не находит возможным признать государством даже *Римскую республику*. А что касается Греции, до порабощения ее македонскими царями, там уж он безусловно откажется открыть хоть бы малейший след существования государства. Организации, известные до сих пор в истории под именем греческих государств, были, надо думать... «вольными», «анархическими общинами». Такими же счастливыми, безгосударственными коммунами были также и средневековые города. Если марксисты поют бесконечные дифирамбы заслугам тогдашней буржуазии в области культуры и промышленности, то Кропоткин, сверх того, республиканское устройство ее городов возводит на высоту коммунистического общежития. В промышленных и торговых городах Средних веков, так же как и в «вольной общине — Великом Новгороде», «барыши от торговли доставались не отдельным купцам, а опять таки *всем* — городу» («Хлеб и воля», стр. 33. Курсив наш). Таким образом, отец анархического коммунизма старается использовать в качестве источника возвышенной социалистической веры даже коммунизм торговцев и ушкуйников. При этом, конечно, холопы в Новгороде, пролетарии в средневековых городах оказываются недостойными, при подсчете анархиста, быть включенными в число «всех», т. е. в число человеческих существ, живущих в этих «райских оазисах».

Как показывают последние строки вышеприведенной цитаты, даже Кропоткин, как бы он этого ни желал, не в состоянии мыслить совершенно чистую «государственность», и притом так, чтобы ее можно было наблюдать только в «империях», как требует этого вся цитата. Но идеалистическая формула повелевает «доказать» «не-нужность государства», его маловажность во всем историческом развитии. В силу этого мотива отец анархизма так и решил признать государство на протяжении истории только там, где увидит более или менее похожую на русское самодержавие, деспотию. Поэтому в Средние века государства не существуют, появляются они только в

XVI ст., т. е. тогда, когда возникают крупные, централизованные абсолютные монархии.

Не подлежит, таким образом, ни малейшему сомнению, что анархисты (Кропоткинское учение о государстве признается всеми анархистами) не видят сущности государства, не знают его основы, хотя и взялись быть специалистами в этой области. Анархисты не видят государства, являющегося не волею рабов всех веков, государства, которое возникло, как организация этой неволи, и которое может погибнуть только с прекращением ее. Они не видят государства, тяготеющего над рабами древнего мира и организованного «анархическими» общинами «бесгосударственных» греков. Они не видят государства, тяготеющего над крепостными Средних веков, воздвигнутого дворянами, сеньерами, феодалами еще тогда, когда они обходились, по мнению Кропоткина, без государства, без центральной монархической власти. Анархисты не видят и современного государства, той тюрьмы, в которой большинство человечества рождается рабами, обреченными на пожизненную каторгу ручного труда. Анархисту и в голову не приходит понимать под государством всю сумму гнета, господства, которое проявляет человек над человеком, господствующие над поработенными.

Анархисты объявляют войну лишь тому государственному гнету, которому подвергается само привилегированное общество, который испытывали сами греческие рабовладельцы со стороны македонских царей, римские патриции со стороны своих императоров, средневековая буржуазия и шляхта — со стороны посягающих на их «золотую свободу» абсолютных монархов. Уничтожить государство анархизму не по силам: он, повторяем, не знает его источника, его основы, его сущности.

После всего вышесказанного понятно, что в той «анархистской» революции в России, план которой предложил Кропоткин в рассматриваемой нами его статье 92 года, современное государство, вопреки всем надеждам и уверениям анархиста, не только не разрушается, но даже не ослабляется.

БЛАГОТВОРНАЯ РОЛЬ СТАРЫХ ИДЕАЛОВ

Какое место во всем современном революционном движении России занимает Кропоткин и его последователи?

Прежде всего, «анархические принципы» Кропоткина не указывают и не требуют вовсе от революционера в России какого-либо нового, особого дела. Дело анархиста Кропоткина есть дело рус-

ских революционеров вообще, как оно выражалось и сознавалось ими до тех пор. В строках, непосредственно следующих за вышеприведенными цитатами обсуждаемой статьи, весь анархизм сводится для России самим его основателем до роли простой ф о р м ы, в которой дело русского революционера достигает своего наиболее полного осуществления. Анархизм, по мнению его основателя, есть лучшее средство осуществления стремлений всех русских революционеров.

Кропоткин, доказав, как мы видели выше, необходимость народного восстания для «ослабления и ограничения централизованной государственной власти», т. е. для «скорейшего низвержения царизма», определив это будущее народное восстание, как восстание к р е с т ь я н с к о е, в дальнейшем старается объяснить, насколько для осуществления упомянутых целей гораздо более пригоден анархизм, нежели «государственный социализм». Между тем как последний, рассуждает он, передавая дело земельного преобразования в руки провозглашаемого им земского собора, с самого начала готовит ограничение крестьянского восстания, анархизм вызовет в крестьянах, при отнятии ими земель у помещиков, наиболее «личного почина, личной деятельности», заставит их «ничего не ждать от каких то спасителей», не позволит «новой государственной централизации мешать силе и глубине движения». Для успеха крестьянского восстания, для его наибольшего расширения — «нужно принять анархистскую программу», заключает Кропоткин.

Если после этого поставить вопрос, в чем же заключается сущность того анархического переворота, того пути к «безгосударственности», который предполагался Кропоткиным в 92 г., то приходится ответить, что основная идея анархистской программы для России заключается в... к р е с т ь я н с к о м восстании, в аграрной революции.

До конца 90-х г.г. отец русского анархизма мог радоваться редкому счастью, выпавшему на его долю: не имея в России почти никаких последователей собственной анархической доктрины, он насчитывал бесчисленное множество сторонников основного пункта своей безгосударственной программы — аграрного переворота, — не только в лице антимарксистских революционеров, но и в лице всей народнической интеллигенции. Это замечательное счастье русских анархистов выразилось наконец в том, что сущность, основная идея программы Кропоткинского безгосударственного социализма — аграрная революция — нашла своих усердных и систематических пропагандистов в лице целой партии... самых твердых г о с у д а р с т в е н н и к о в, самых беззаветных конституционалистов — соц.-р.-ов. И ученики Кропоткина искренне радовались такому своему своеобразному счастью. Передовица № 9 «Хлеба и Воли» рассказывает о том, что анархисты с большим удовольствием приветствовали рождение

партии соц.-р.-ов и их «Аграрной Лиги». В то время они были недовольны лишь тем, что соц.-р.-ы замалчивают якобы факт заимствования ими у анархистов и философии, и аграрной программы. (Такой упрек нам случилось слышать со стороны анархистов на одном публичном собрании в Женеве в конце 1903 г.). Но дело, конечно, не в заимствовании, а в том теснейшем родстве, в котором остаются русские анархисты и их отец со всеми элементами объединяющимися в партию соц.-р.-ов.

Мы уже отметили выше, что Кропоткин является лучшим «хранителем идей 70-х г.г.». Последние естественно и составляют непрерывающуюся первоначальную родственную связь между ним и прочими «хранителями». Эти родственные узы почему-то вовсе не ослабляются от того, что Кропоткин выступает, как анархистский проповедник разрушения тех самых культурных форм Запада, обожателями которых является в настоящее время большинство «хранителей идей 70-х г.г.». Дело объясняется тем, что вся анархистская доктрина Кропоткина есть лишь система, распространяющая фикции и иллюзии русского народника 70-х г.г. на всю историю и на весь мир. Таким образом, нападение отца современной анархии на западноевропейский строй не есть нападение настоящего противника этого строя — рабочего класса, рабов цивилизованного общества, а лишь утопическое нападение русского народника. Вот почему родственные узы между Кропоткиным и Михайловским никогда не прерывались и остаются в полной своей первоначальной силе, хотя с виду, формально, развитие идей каждого из них идет как будто в противоположном направлении, и первый отвергает то, что столь высоко чтит второй — европейскую демократию.

Применительно к России, к предстоящему ей перевороту, вся анархистская теория Кропоткина есть лучшее средство сохранения «наследства» в его первоначальном виде, сохранения всех фикций и утопий народничества вместе с тем обманчиво-революционным блеском, которым оно обладало в 70-ые годы. В самом деле, в 92 г. никто уже из русских революционеров не был в состоянии в такой степени, как отец современной анархии, считать Россию абсолютно земледельческой страной, сводить все предстоящее ей преобразование и исключительно к аграрному перевороту, удерживать в неприкосновенности землевольческую программу, по которой «история, поставившая на первый план в Западной Европе вопрос фабричный, у нас его не выдвинула вовсе, заменив его вопросом аграрным».¹⁰ В такой первобытной чистоте формулы и утопии народничества удержи-

¹⁰ «Итоги» Куклина, II, 4

вались в то время, в первой половине 90-х г.г., уже только господами В. В., вполне легальной, а то и верноподданнической интеллигенцией. Да, широка родня отца русского анархизма!

Но Кропоткин так приспособил свою анархистскую теорию, что она спасает веру не только во все народнические сказки о коммунистическом духе русского народа, но и веру в революционные перспективы русского аграрного социализма, веру в бунтовской дух русского крестьянства. Самобытной русской сказке об «общинном духе» «социалистического» «трудового крестьянства» он рассчитывает дать «научное обоснование» таким образом, что, распространив эту сказку на все народы, он получает «учение» о могуществе «народного творчества», которым повсюду «во все времена создавались все формы обществ», уродуемые лишь впоследствии «насевшею на общество властью».¹¹ Из девственной мысли народника, «неискалеченной» ни в малейшей даже доле «классовой точкой зрения», он взялся создать «философию» всемирного социалистического переворота, который прекратит неволю современных рабов, устанавливая «справедливый строй» на основании забытых ныне принципов общечеловеческой «солидарности» и «взаимопомощи».¹²

При помощи таких сооружений «научного анархизма», получается — легче, чем всяким другим способом — тот излюбленный всеми хранителями, всевозможными с.-р.-ами, туман, среди которого в низвергнувшей самодержавие России так легко, без пролетарской, рабочей революции, лишь посредством совместных усилий «социалистической интеллигенции» и «социалистического крестьянства», вырастет славное мужицкое царство, не классовое, не буржуазное государство, а антикапиталистическое общество.

Таким образом, Кропоткин и его ученики отличаются от народоуправцев, с.-р.-ов и т. п. тем, что еще в большей степени, чем эти «хранители наследства», хотят окутать покрывалом из социалистических фикций и анархистских фраз простой процесс революционной европеизации России, процесс совершения ею, по собственному указанию Кропоткина, той самой революции, которая совершена Англией и Францией прошлых столетий. Еще в большей степени чем с.-р.-ы они стремятся придать лишь социалистическое название той буржуазной революции, к которой стремился русский революционер все время, не отдавая себе в этом отчета, и к которой он стремится сознательно со времени нарождения русской с.-д.-ии.

Поэтому от учеников Кропоткина надо ожидать, в качестве первой их заслуги, исполнения в более совершенном виде той функции, кото-

¹¹ «Современная наука и анархизм», стр. 1-6.

¹² Анархистская философия ближе будет рассмотрена во втором выпуске, наряду с марксистской.

рую играли все «хранители» вообще и с.-р.-ы в частности, т. е. прежде всего превращения предстоящих народных восстаний в «революцию земледельческой страны», обуздывания и принижения планов возникающих рабочих восстаний, крестьянским из-за «землицы» движением, результатом которого может лишь быть превращение малоземельного крестьянства в экономически крепкое крестьянство, в «здоровую» сельскую буржуазию.

Действительно в такую именно позицию становится «Хлеб и Воля» в уже указанном нами выше месте, в № 9. Передовица этого номера рассказывает, как мы уже говорили, что соц.-р.-ы создали, казалось, свою программу совсем по формуле Кропоткина, но очень скоро вступили на ложный путь. Анархистский орган, приведя в качестве безошибочной программы ту же цитату Кропоткина, которая помещена выше, на стр. 302, доказывает, что с.-р.-ы поступили вопреки ей, не исходя от экономики к политике, а наоборот. Они начали политикой, и провозглашенному ими земскому собору предназначили дело экономического земельного преобразования, превратив, таким образом, крестьянское восстание в крестьянскую реформу. Анархист же такой ошибки не сделает. Он начнет совершенно чистым экономическим крестьянским восстанием с целью захвата земли (Кропоткин и его ученики также не прочь пококотничать с «чистой экономикой»). Тогда только, посредством такого, достаточно сильного средства, он может рассчитывать на надлежащий успех также и в политике, на солидное «ограничение централизованной государственной власти, т. е. на настоящее», скорейшее низвержение царизма. Одним словом, смысл упомянутой передовицы «Хлеба и воли» таков: ссора между с.-р.-ами и анархистами начинается и может даже обостриться, но лишь потому, что с.-р.-ы изменяют собственному делу, аграрной революции, лишь потому, что они перестают быть с.-р.-ами и становятся с.-д.-ами, что в понимании анархистов значит — «перестают быть настоящими социалистами». Русский анархизм возникает и обособляется в самостоятельную партию для того, чтобы последовательно провести до конца с.-р.-овское дело.

Итак, своим выступлением, в виде рассмотренной выше статьи, отец русского анархизма торжественно записался в один из тех двух лагерей, на которые раскалывалась на протяжении 90-х г.г. русская, как легальная, так и нелегальная интеллигенция, и при этом он выбрал бесспорнее, чем кто-либо другой, лагерь... «хранителей». Анархистское учение, о котором и его сторонники и противники воображают, будто оно представляет собой наиболее смелую, дальше всех идущую идею современности, учение, которым предполагается вывести всемирную борьбу рабочего класса из того болота, куда привела ее соц.-д.-ая политика, это учение не нашло посоветовать русскому рево-

люционеру ничего другого, как только сохранение во всей полноте программы старого движения, с которой он только что претерпел полное фиаско.

Как указано уже выше, глава современного анархизма, в то самое время, когда его фантазия столь легко создавала широкие планы повсеместных анархистских переворотов в духе якобы самого чистого, самого идеального, абсолютного коммунизма в русском общественном движении, где у него не было пока собственных последователей, должен был дарить свою симпатию всем по очереди «хранителям идей 70-х г.г.», как бы далеко не заходила их реакционность. Теоретик безгосударственности, поневоле, душой своей стоял на стороне государственных-народовольцев лавристов, на стороне проповедников конституционного рая — Степняка и его товарищей из лондонской «Вольной прессы» и либералов из «Накануне»; в самой России — на стороне не только подпольной работы либералов-народоправцев и соц.-р.-ов, но и на стороне мирных обывателей — Михайловских, Южачковых, Кривенко, Воронцовых, и пр. и пр. В моменты благородной борьбы за старые идеалы против зловредного новаторства марксистов, все эти элементы, духовно объединяясь, имеют на своей стороне также и полную симпатию анархистского мыслителя. Впрочем Кропоткин довольствовался лишь мимоходом бросаемыми стрелами в разрушителей общины, в экономическую метафизику, в доктринаризм теории стоимости и т. п. Но его ближайший соратник, Черкезов, выступает уже прямо на поле брани. Несколько ниже приведенных строк этого писателя послужат достаточной характеристикой русского анархиста в его роли хранителя:

...«Те из нас, русских социалистов, которые восприняли соц.-д.-ую доктрину и пользовались симпатиями Энгельса, Либкнехта и Ко, сделались непосредственными противниками революции и боролись с революционерами...».

«В то время когда просвещенная и мирная буржуазия восторгалась и прославляла мучеников русского деспотизма..., когда "Подпольная Россия" — эта, вышедшая из-под пера мужественного Степняка, галерея столь живых и привлекательных портретов русских революционеров — на всех языках обошла весь мир, когда честные люди различных общественных положений чувствовали симпатию к ним, когда женщины всего мира умилялись перед этими портретами, Плеханов боролся с ними; он боролся все время, этот храбрый соц.-д.-ат» («Pages d'histoire socialiste», 1, 1896, стр. 60-61. Курсив наш).

Вряд ли известный своим азартом хроникер «Русского Богатства» Подарский, или Комов, этот enfant terrible соц.-др.-ов, которого они очень любят, но в любви к которому им стыдно признаться, вряд ли даже эти мужественнейшие из «хранителей» способны на более наглый задор.

чем вышеприведенная тирада; вряд ли даже Кривенко и Оболенские проявили когда-либо большее невежество и большую неспособность понять социалдемократические стремления, чем наш анархистский «мыслитель». Наконец, призывание в свидетельство против Плеханова всей «мирной и просвещенной буржуазии», «честных людей всех общественных положений» и «умиляющихся женщин» изобличают в анархистском учителе тошно-сентиментального либерала.

Таким образом, русский анархист оказался вполне приспособленным для формулировки той бесконечной обиды, которую нанесло русским «хранителям» соц.-дем.-ое течение вообще, а в частности и главным образом, его основатель; для выражения того негодования, которое просыпается в честной груди всякого «хранителя» при одном воспоминании о марксистах, и которое всегда их объединяло в одно целое для борьбы с зловредным революционным «новшеством».

Какая же это обида? Откуда она проистекает? Какова, наконец, историческая роль негодующих «хранителей»?

Ответ на эти вопросы облегчит нам еще одна цитата из Черкезова, как типичного хранителя:

«Видели мы их (соц.-д.-ов) и у нас в России, призывающими рабочих, во имя социализма и классовой борьбы, воздержаться от участия в революционных манифестациях по делу замученной в крепости Ветровой (1897); а позднее мы читаем в их брошюрах и листках уверения, что "их социализм" может уживаться с безобразным страшилищем императорства, все подавляющего и парализующего умственное и общественное развитие ста миллионов бесправных подданных» (доклад междунар. рабочему конгрессу 1900 г. стр. 28).

Оказывается, что у того же Плеханова, которого Черкезов в предыдущей цитате зачисляет чуть ли не в прямые помощники русского правительства в деле подавления крамолы, у того же Плеханова с тем же Черкезовым есть общие враги, общая с ними борьба для одной общей цели.

Дело не только в общем враге — «императорстве». Об этом, конечно, нечего и говорить — тут анархист лишь непомерно громко почему-то кричит, как все вообще «хранители», рассчитывая этим пустым своим криком чего-нибудь добиться. Гораздо интереснее другой общий враг, свидетельствующий о более интимной близости обоих поссорившихся радикальных сынов отечества. Враг этот не менее общий, не менее несомненный чем первый и называется... «рабочемыслительство», «экономизм» тож.

Можно ли сравнивать средства, а главное успехи борьбы и «хранителя» и «новатора» против этого последнего их врага, против смеющего спорить с идеалами свободолюбивой интеллигенции «рабочемыслительства»?

«Хранитель», неспособный в этом сложном деле ничего понять, ничего предпринять, смешивает без толку своего же брата Плеханова со своим же, не успевшим притом вырасти, врагом — рабочемыслителем и лишь истерически выкрикивает, стараясь как можно сильнее обругать гнусное новаторство, «могущее ужиться с безобразным страшилищем императорства», готовое даже войти в союз с этим страшилищем для подавления прекрасной революции интеллигента, перед которой «умиляются женщины всего мира».

Напротив, умный новатор — соц.-д.-т, который не менее неподвижного «хранителя» следит за опасностью зарождения рабочемыслительства, открывает тайну легализации профессионального и политического движения рабочих и возможность, согласно с ходом буржуазной жизни, перевоспитания русской «дикой черни», способной понять лишь требование хлеба, в культурный пролетариат, готовый всегда бороться за «социализм», прогресс и свободу, европеизацию России, одним словом, за полный идеал либерального общества (Черкезов в том числе). Не одному поколению радикальной интеллигенции, не желавшей, как и Черкезовы, ничего знать, кроме бессильных старых идеалов, ненавистный соц.-дем.-т самым старательным образом разъясняет ее собственные интересы, с мельчайшими деталями излагает и вырабатывает план обуздания «дикой черни» и извлечения из нее послушных либеральному обществу «рабочих батальонов».

По прошествии полутора десятков лет устанавливается в России течение такого характера, каким его предвидел его основатель — Группа. Освобождения Труда; появляется партия, принявшая все до последнего пункты его программы.

Правда, около того времени, когда Черкезов рассказывает анархистскому конгрессу небылицы про русских единомышленников «Либкнехта и Ко», Группа Осв. Тр. переживает кризис: «рабочемыслительство», против ее ожиданий, широко разливается по России. Но верная, не менее Черкезова, патриотическим задачам либерального освобождения «обширной родины», она, в угоду всем хранителям, объявляет непримиримую войну «рабочемыслительству», и скоро собирает вокруг себя целый легион воспитанных ею Мартыновых, Лениных и пр., которые истребляют врага революционной интеллигенции превосходным, «хранителю» совершенно недоступным, оружием: они умеют заставить самих «сознательных» рабочих, «сам пролетариат» учить «дикую чернь» Черкезовским идеям, по которым исключительно рабочие, исключительно экономические требования подобают лишь холопам, буржуазным тредюнионистам.

Но как бы ни росли все эти патриотические заслуги искровцев перед жаждущим конституции обществом, русская соц.-дем.-ия оказывается не в состоянии ни удовлетворить целиком непримиримых хра-

нителей, ни смыть окончательно свой первородный грех перед ними. Хранители в этом отношении ненасытны и неумолимы.

В самом деле, хотя Плеханов, предъявляя Черкезову всю свою полемику с экономистами, «Искру» первых лет и все ее издания за это время, все содержание которых сводится к борьбе с ненавистным Черкезову «рабочемыслительством», отрицавшим участие рабочих в демонстрациях интеллигенции и общенациональную задачу борьбы со «страшилищем императорства», — хранитель все же не перестает считать самого Плеханова изменником этому патриотическому делу до тех пор, пока последний не отречется от соц.-дем.-изма.

Ибо, по убеждению Черкезова, как показывает последняя цитата, именно соц.-дем.-изм накликнул беду: соц.-дем.-ты все время внушали рабочим мысль об особой от прочих революционеров рабочей партии, об особых от интеллигенции и общества рабочих стремлениях, сами попусту болтали о самостоятельности пролетарской борьбы за исключительно рабочие, исключительно пролетарские интересы, о классовой борьбе со всем обществом.

В ответ на такой упрек, Плеханов предъявляет не менее обильные, чем раньше, документы (и старые и новые), свидетельствующие о том, что вся «чисто-пролетарская» проповедь должна была служить и служила лишь средством «вовлечения рабочих в политическую борьбу», «обеспечения обществу поддержки рабочих предместий»; что экономическая стадия всеми марксистами везде устанавливалась с твердым намерением превратить ее при первой возможности в «политическую»; что к «экономизму» соц.-д.-ты прибегли лишь тогда, когда они убедились, что нет у русского революционера другого средства приобретения доверия рабочих и вовлечения масс в борьбу с «императорством».

Но все эти разъяснения не только не успокаивают Черкезова, но напротив вызывают в нем тот прилив ярости, который мы наблюдали выше (стр. 314). С невыносимой болью он вспоминает только об одном — об основном предательстве Плеханова, о разрушении им старых кумиров, старых средств вовлечения рабочего люда в революцию.

В самом деле — был у русского революционера прекрасный самобытный социализм; прекрасно вовлекал он рабочих в политическую борьбу, как показывает история Народной Воли; прекрасно их воспитывал, превращая немедленно в самоотверженных борцов террористов за конституцию; не допускал к ним никаких превратных идей об особых классовых интересах пролетариата, а, напротив, внушал всегда патриотическое единение со всем народом, со всем обществом. И вот изменник Плеханов осмелился святотатственно осмеять это величие идей 70-х годов и, собрав около себя все элементы оппортунизма и

постепеновщины, поставил на это место негодное учение немецких государственников с его метафизической «классовой точкой зрения».

Для настоящего русского революционера, не поддающегося немецкой интриге, не испорченного немецким государственным духом, для анархиста, идеалы 70-х г.г. должны быть, как видно из упомянутой цитаты, неприкосновенной святыней, не подлежащей никакой критике, никакому сомнению. Даже идеи якобинизма, государственности, те самые, которые укрепляет немецкая соц.-д.-ия, наряду с Бисмарками, для истребления революционного «безгосударственного коммунизма»; даже эти идеи, там, в храме 70-х г.г., хотя и нашли своих ярких выразителей в лице Ткачевых, Тихомировых и всех других народовольцев, общего величия не нарушают и даже почему то совсем не обращают внимания нашего столь строго-принципального анархиста.

С другой стороны, как уже отмечено выше (см. стр. 269), критика русского самобытного социализма, проведенная в сочинениях Плеханова, вполне почтительна и очень снисходительна. Она старается показать, что социализм семидесятников не был даже и зачатком реальной борьбы рабочего класса в России, не потому, что он не желал ее, а потому что по объективным условиям исторического развития эта борьба не могла быть предпринятой в тогдашней России. По той же самой причине, а не в силу какого-либо непролетарского интереса, первобытный социализм вводил в заблуждение своею утопией рабочие массы. Это неизбежное заблуждение самого революционера ничуть не подвергает сомнению чистоты его социалистических стремлений и идеалов. Поэтому, как основатель соц-дем-изма, так и все его ученики считают себя, вполне последовательно, продолжателями прошлого социалистического движения, реализаторами его идеалов.

Но даже такое благочестивое отношение соц-дем-ии к идеалам 70-х г.г. представляется в глазах всех неподвижных их хранителей святотатством и изменой. Святотатством является уже присоединение одного слова — «утопический» — к названию самобытного социализма. Изменой является один намек на то, что успех семидесятника не принес бы еще освобождения рабочему классу.

Всякий защитник идеалов 70-х г.г., к какой бы категории хранителей он не принадлежал, — консервативный ли он народник или же прогрессивный радикал, действует ли он в подполье или на глазах царской полиции, — непоколебимо убежден, что он служит делу социализма, делу революции именно своею верностью старым идеалам, своею неподвижностью, своей непреклонной решимостью не допускать «революционного новаторства». Он чувствует, что только перед лицом этих старых идеалов он в состоянии удержать веру в себя, как в настоящего социалиста, непримиримого революционера. Еще в конце 70-х г.г. Михайловский (в статье о марксизме против Жуковского) призна-

вал, что русский радикал попадает в трагическое положение в ту минуту, когда отказывается от надежды удержать движение вперед всего окружающего его мира — ему тогда предстоит не только сделаться обыкновенным марксистом-постепеновцем, но даже собственноручно вываривать мужика в фабричном котле, записываться в ряды Колушаевых и Разуваевых.

Когда появились первые русские соц-дем-ты, превращаясь из самых крайних с виду революционеров, бакунистов в марксистских постепеновцев, а еще более, когда появился легальный марксизм, струвизм, заявивший о своем решении пойти на выучку к капитализму, все приверженцы старых идеалов увидели во всем этом подтверждение верности своего взгляда, по которому лишь неподвижность обеспечивает социалистическую и революционную непримиримость.

И вдруг — среди этой растущей уверенности хранителей в собственной беспорочности — неожиданная участь выпадает на их долю. Великие идеи 70-х г.г., которые должны были радикальнейшим образом предохранить их от марксистской постепеновщины, очутились внезапно в самом фокусе наиболее оппортунистического течения в оппортунистическом марксизме. Голос старых русских идеалов раздался в самом лагере ненавистных марксистов; но голосом этим заговорил мессия того «критического» направления, которое выступило на открытую защиту современного строя против несправедливых якобы на него нападков со стороны ортодоксальных марксистов. Громко возликовали хранители по поводу своей победы; но, увы! — это была победа бернштейнианства, — пречистые идеи 70-х г.г. праздновали свое торжество, как «ревизионизм» марксизма, как открытая защита буржуазного общества.

«Критический» ученик Маркса пропел с соответственными вариациями всю песню самобытного русского социализма, с начала до конца.

Песня эта в России распевалась все время на одну и ту же мелодию:

— Историческое развитие направляется не только сообразно объективно сущему, но и сообразно субъективно желательному. Русское общество не дошло еще до тех уродливых форм развитого капитализма, которые сосредоточивают все богатства в руках горсти плутократов. В России главное орудие труда — земля находится пока в руках большинства населения, среди которого уцелели еще при том, правда в слабой степени, остатки первобытного коммунизма. Такое общество, если только развязать ему руки, прекратит дальнейшее нежелательное усиление капитализма и направит свое развитие к свободе, равенству и братству, к социализму.

В передаче Бернштейна для всего цивилизованного мира та же песня звучит следующим образом:

— Вся история и все будущее современного общества определяется не только материальными, но и идеальными моментами — сознанием права, идейными соображениями целесообразности и проч. Современное цивилизованное общество вовсе не так уродливо, как представлялось Марксу. Оно оказалось в состоянии радикальным образом улучшить положение громадных слоев пролетариата. Не все свои богатства оно передает горсти магнатов капитала, а разделяет их и среди многочисленных средних классов, которых оно вовсе не желает экспроприровать. Такое общество без всякой насильственной революции превратится в своем дальнейшем развитии в социалистическое.

Итак, «Бернштейниада» вполне выяснила роль великих идеалов 70-х годов. Эти идеалы боролись все время с марксизмом не против его оппортунизма, как они старались всех убедить, а ради того, что поставил себе целью ревизионизм, ради окончательного истребления тех пролетарских ноток в марксизме, которые оставались в нем со времен его молодости.

Обогащение марксизма идеями 70-х г.г. давало и дает в результате лишь течения, наиболее враждебные пролетарскому революционизму. Для соглашения с марксизмом, идеи 70-х г.г. выбирают для себя наиболее буржуазные формы последнего. Специальная защитница этих идей в русском подпольном движении, партия с-р-ов, проявляется, как реформистское крыло русского социалистического движения, несмотря на все ее усилия скрыть эту свою позицию производимыми ею от времени до времени нападками на западноевропейских бернштейнианцев. Такие нападки в состоянии делать, конечно, лишь более знающие представители с-р-ов, те именно, которые в свое время, хоть короткий момент, были марксистами. Заучив ортодоксальные фразы у вожakov соц-дем-ии, с-р-ие деятели пускают их в ход смотря по нужде для того, чтобы, закрываясь ими как щитом, неусыпно вести свое дело, дело бернштейнианцев, дело вытравления всех революционных пролетарских ноток в марксизме, или вернее даже воспоминания о них:

Старые идеалы 70-х годов в новом революционном движении 90-х г.г. создали свое обширное течение, чтобы отстоять дело интеллигента — политическую свободу — перед рабочим делом, перед рабочей революцией, которая могла возникнуть при опасных опытах социалдемократии с рабочим движением, могла возникнуть вопреки всей ее осторожности — вопреки всем ее желаниям и планам. И действительно, в движении последних лет были моменты, которые сочли опасными для целей интеллигента даже люди, не столь сильно пугающиеся рабочего движения, как с-р-ы. Так, в конце 90-х годов «Группа Освобожд. Труда» постоянно предостерегала молодых соц-д-ов от опасного «стач-

кизма» и наконец объявила упорную борьбу своей собственной заблудившейся партии.

Русской интеллигенции понадобилась партия, которая, не занимаясь вовсе никакими новшествами, защищала бы старую испытанную программу интеллигента и не делала бы ни малейших попустительств по отношению к самостоятельному рабочему движению. «Измена свободе и социализму — всякий тайный кружок с неполитическими задачами... Рабочим разрешаются лишь кружки рекрутов политического террора». Вот что говорили все время идеалы 70-х годов. Наконец, чтобы основательно предотвратить могущую возникнуть борьбу рабочих против всех хозяев, идеалы 70-х г.г. посоветовали ввести в революцию самих российских хозяев, конечно, «трудовых», коммунистически-крестьянских.

Вот почему наиболее «революционная российская партия» оказалась наиболее бернштейнианской. Желая сильнее других борьбы исключительно за политическую свободу российского буржуазного общества, она должна была для этой цели сильнее всех прочих требовать обуздания чисто-рабочей борьбы. Высшая степень интеллигентского революционизма требует высшей степени оппортунизма на почве рабочего движения. В силу этого же закона отец немецкого оппортунизма является наиболее горячим в своей партии защитником политическо й всеобщей стачки, а Жорес, защитник мирного развития социалистической Франции, упрекает в антиреволюционности ортодоксальную социалдемократию императорской Германии. В силу таких же самых стремлений, русская соц-дем-ия проповедует «сидение по домам» в момент экономической всеобщей стачки, чтобы подготовить возможность объявить вооруженное восстание за конституцию.

Все подобные явления проистекают из одной общей задачи всех современных революционных и социалистических партий образованного общества: предохранить мир от рабочей революции и продолжать дело завоевания демократической свободы, дело незавершившихся буржуазных революций. Все эти явления освещаются лучше всего российскими социалистическими партиями. «Пролетарская» партия соц-дем-ов берет на себя работу переделывания пролетарских бунтов в революционное движение российского либерализма. «Наиболее революционные» партии с-р-ов и анархистов, добившись от соц-д-ии наибольшей степени обуздания экономического стачкизма, чисто рабочих бунтов, надеются с помощью старой революционной традиции вызвать у превращенного в слугу либералов пролетариата наивысшую степень интеллигентского революционизма.

Все российские социалистические партии готовят одну и ту же буржуазную революцию, удовлетворяя своими специфическими программами различные ее моменты, различные ее потребности. «Пролетар-

ская» партия, которая несет самую трудную задачу превращения стихийных рабочих бунтов в либеральную революцию, стоит среди элементов, которые в случае недосмотра, могли бы преподнести интеллигенту нечто прямо противоположное и причинить громадные неприятности — вроде июньского бунта парижских рабочих 48 г. Такая партия обязана для предотвращения опасности избегать всякого авантюризма и нести ясное сознание, что стремится к буржуазной революции. Напротив, партия «революционного социализма» (с. р-ы, анархисты) беспечно проповедуют «антибуржуазную», «социальную» революцию, ибо стоят на почве таких элементов, которые могут совершить именно только буржуазную революцию. Их область воздействия — это интеллигенция, крестьянство, горсть тред-юнионистских рабочих, обузданных, собранных и вышколенных предварительно соц-д-ией и всей буржуазной жизнью.

Все российские партии пользуются социализмом, как единственным в своем роде средством воодушевить массы на буржуазную революцию. Деятельностью российских партий современный социализм более всего демаскируется, как религия для рабов буржуазного строя, как такая проповедь о будущем рае, которая заставляет развивать, укреплять, украшать «свободами» существующий строй грабежа.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ НАУКА КАК
НОВАЯ РЕЛИГИЯ

1905

Печатание настоящего сочинения, II выпуск которого предлагается теперь читателю под заглавием «Социалистическая наука, как новая религия», растянулось на очень продолжительное время, не говоря о прочих задержках, еще и потому, что автор решил дополнить и заново переработать два своих реферата, служащие основой книги.

II выпуск переделан не менее первого. К первоначальному содержанию второго реферата: «Историко-философские основы марксизма» — прибавлена вновь написанная критика «научного анархизма», а объединение этих работ дало в результате ту тему, которая выражена в заглавии настоящего выпуска. Тема эта требует обширной разработки. Но так как автор не надеется на близкую возможность, заняться на более продолжительное время такой работой, он выпускает подготовленные уже материалы и намеченные им до сих пор выводы. «Социалистическая наука, как религия», подобно 1-му выпуску, издается, как

УМСТВЕННЫЙ РАБОЧИЙ

Часть III

ВЫПУСК II.

Это делается потому, что все сочинение, как в первоначальном, так и окончательно переработанном виде, составляет, как сказано в предисловии к I выпуску, «прямое продолжение и развитие положений, установленных в первых двух частях "Умственного рабочего"».

Женева, май 1905 г.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ НАУКА

КАК

НОВАЯ РЕЛИГИЯ

I

Социализм XIX ст., вопреки убеждению всех верующих в него, не есть нападение на основу строя неволи, существующего на протяжении веков в виде всякого цивилизованного общества — государства. Он нападает лишь на одну из форм этой неволи, на господство класса капиталистов. Даже в случае его победы он не упраздняет векового грабежа: он уничтожает лишь частное владение материальными средствами производства — землей и фабриками, он уничтожает лишь капиталистическую эксплуатацию.

Упразднение капиталистической собственности, т. е. частного владения средствами производства, совсем не является еще упразднением семейной собственности вообще. Между тем, этот-то именно институт обеспечивает вековой грабеж; обеспечивает только имущему меньшинству и только его потомству владение всеми богатствами и трудом веков, всем наследием человечества, всей культурой и цивилизацией. Этот именно институт осуждает большинство человечества рождаться неимущими, рабами, обреченными на пожизненный ручной труд. Экспроприация класса капиталистов вовсе еще не означает экспроприации всего буржуазного общества. Одним упразднением частных предпринимателей, современный рабочий класс, современные рабы не перестают быть рабами, осужденными на пожизненный ручной труд: стало быть, не исчезает, а переходит в руки демократического государства-общества создаваемая ими национальная прибыль, как фонд для паразитного существования всех грабителей, всего буржуазного общества. Последнее, после упразднения капиталистов, остается таким же, как и раньше господствующим обществом, образованным правителем, миром белоручек; остается владельцем национальной прибыли, которая распределяется в виде столь же приличных, как и ныне, «гонораров» «умственных рабочих» и, благодаря семейной собственности и семейному укладу жизни, сохраняется и воспроизводится в их потомстве.

Обобществление средств производства обозначает лишь упразднение права частного владения и распоряжения фабриками и землей. Своим нападением на фабриканта социалист ни в малейшей мере не затрагивает "гонорара" его директора и инженера. Социализм истекшего столетия оставляет неприкосновенными все доходы белоручек, как «заработную плату умственного рабочего», объявляет интеллигенцию «незаинтересованной, непричастной к капиталистической эксплуатации». (Каутский).

«Современный социалист не может и не хочет упразднить векового грабежа и неволи».

Во второй половине XIX ст. социализм громогласно объявляет себя общественной наукой. Вслед за пролетарской, политической экономией создается пролетарская социология и социалистическая историософия.

Но общественная наука не может быть врагом того строя неволи, который существует на протяжении всего исторического развития цивилизации. Общественная наука желает быть беспристрастным истолкователем этого исторического развития, — стало быть, она не враг его, а опекун.

Между тем социализм почувствовал непреодолимое влечение стать настоящей общественной наукой. Социалистические ученые, удаляясь все больше и больше от мысли о том, что вся истекшая история цивилизованных обществ есть история неволи большинства человечества, что исторические законы истекших веков, вплоть до нашего времени, суть законы грабежа, *выражение воли господствующего меньшинства*, берутся истолковать эти законы как объективные законы развития человеческого общежития, берутся «открыть их и предугадать для того, чтобы подчиниться им».

Благодаря распространению социалистической веры, социалистическим ученым удастся убедить рабочие массы, что подчиняясь объективно — историческому ходу, они подчиняются, несомненно, милостивым к поколению XIX ст. законам природы, приуготовившим для нас социалистический рай.

На этом пути социалистическая наука оказывается немедленно простым средством усыпления бунтующих рабочих масс; является, несмотря на ее атеизм, простым религиозным мечтанием и молитвою о социалистическом рае; является религией, обуздывающей ум и волю рабов буржуазного строя.

Марксистская социалистическая наука создала настоящее социалистическое провидение, действием которого «капиталистическое про-

изводство само роет себе могилу», само уничтожает себя *собственным развитием*; а неотвратимые экономические законы, независимо даже от воли людей, ведут их прямо в «царство равенства и свободы».

Проходят годы, и марксистское провидение научных социалистов обнаруживает полное тождество с провидением всяких других жрецов и попов. Рабам буржуазного общества оно сулит счастье после их смерти; оно гарантирует социалистический рай их потомкам. Непокколебимая уверенность марксистской научной религии в неизбежном наступлении социалистического царства свободы благословляет вместе с тем буржуазный прогресс, благословляет «прогрессивность», «целесообразность», «законность» современного строя грабежа. Марксистская вера в неизбежное движение капитализма к социализму; вера в капитализм, как необходимую социалистическую предпосылку, становится наконец равнозначной с... высшей степенью любви к буржуазному прогрессу, к развитию полного господства буржуазии, полного буржуазного грабежа. Верующие, настоящие пролетарские социалисты, проникшись марксистской религией, являются лучшими борцами за буржуазный прогресс, самыми горячими апостолами и воинами буржуазной революции.

Но первоначальная «чистота» социалистического евангелия, несмотря на все извращения его соц-д-ими лжеучителями, затеряна и забыта быть не может. Непокколебимые принципы социализма прошлого века во всей их чистоте берется воспроизвести современное учение анархизма. В противовес соц-д-му оппортунизму, который оскандалился и развратил массы стремлением к реформированию и развитию современного строя, анархистское учение вызовет в массах чистое стремление к идеалу, прямое, непосредственное движение к «конечной цели».

Анархисты должны во-первых, помнить, что в этом отношении они не изобретают ничего нового и не выходят из круга идей правоверных марксистов, которые во всех видах ортодоксии никогда не забывали «конечной цели» и беспрестанно с этим добром принуждены были сдаваться перед практиками ревизионистами, пока не доказали, наконец, при решении бернштейниады, что их стремление к «конечной цели» должно составлять единое целое с бернштейнианским реформизмом, для которого "конечная цель" — ничто.

Сами анархисты, поскольку у них появились в последнее время свои «практики» (французский анархистский синдикализм), не могут уже отвергать той сентенции Бернштейна, согласно которой — в «жизни», в «реальной» практической борьбе каждый шаг социалиста не может не быть грехопадением и компромиссом. Анархист — синдикалист уже на одно участие свое в любой стачке не может не смотреть, как на измену принципам, как на грехопадение — ибо он борется «не за конечную цель» а «за уступку», «за реформы».

Повидимому, в области социализма прошлого века так-таки и не найдешь той дороги, на которой не приходится вступать в сделки с существующим буржуазным строем.

Такая дорога лежит целиком и исключительно в подполье современного буржуазного строя. Но социализм XIX ст., даже в самом страшном его виде, в виде анархизма, становится в демократической республике делом совершенно легальным, в виде синдикализма и проповеди «анархистского идеала»; и непримиримые анархисты становятся благонамеренными — наравне с соц-д-ами — гражданами современного общества и не могут уже конспирировать против демократической «свободы слова», «свободы печати» «свободы союзов», которые по их убеждению, так же, как и по убеждению соц-д-ии, дают полную возможность легального подготвления социального переворота.

Подпольная заговорщическая деятельность в демократическом государстве является для анархистов столь же утопической, столь же преступной, бланкистской практикой, как и для любого соц-д-та.

Таким образом, единственный прямой путь к низвержению существующего строя неволи; единственный путь свободный от компромиссов с буржуазным законом — *подпольный заговор для превращения вспырывающих столь часто и столь бурно рабочих стачек в восстание, во всемирную рабочую революцию* — лежит целиком за пределами учения современного социализма.

II.

Социалисты XIX ст. объявляют войну; они непримиримые революционные противники *не по отношению к современному классовому строю неволи, не по отношению к буржуазному строю вообще, а лишь к вырождающейся форме цивилизованного общества*, вырождающейся с первого момента развития капиталистического производства, когда последнее еще не успело, по объяснению марксистов, обнаружить во всей силе своей прогрессивной роли и проявляет лишь свои темные стороны. И именно по мере развития социализма в науку укрепляется и вырабатывается сознание социалистов своей непримиримой враждебности только по отношению к уродливой форме современного общества, которую придала ему капиталистическая эксплуатация.

Как будет показано ниже, социализм как наука не может выражать чего-либо другого, кроме восстания против «болезненных ненормальностей» современного общества, а не против цивилизованного общества вообще.

В самом деле — каковы, по учению социализма, причины, поводы социалистического нападения на современный строй?

Ухудшение положения населения с наступлением капиталистического производства; ухудшение в сравнении с предыдущими формами общественного строя. Беспорядочное ведение хозяйства, «анархия» в производстве — неспособность современного общества обеспечить правильный и постоянный ход хозяйственной жизни страны.

Марксистское учение, предвещающее, независимо от воли людей, крушение капитализма, объективную для самого существования общества необходимость социализма, — марксистский объективизм есть целая система исключительно подобного рода доводов.

Социалистический строй становится необходимостью для всех, ибо кризисы не дают возможности существовать обществу в его прежнем виде. Не для низвержения современного общества, а для и сц е л е н и я его от кризисов — социалисты восстают против капиталистического строя, что совсем не означает низвержения векового строя неволи, а напротив укрепление его.

Дальше капиталистический строй объявляется научными социалистами негодным еще и потому, что он не в состоянии выполнить даже того, что в силах были выполнить прежние эпохи — рабочую силу он не умеет занять, а растрчивает ее в *безработицах*.

В противоположность прошлому, капитализм, как худшая форма цивилизованного общества, все богатства сосредотачивает в руках *горсти магнатов*. Он не только не дает возможности наиболее сильным элементам из низших классов надеяться на улучшение своего положения, он угрожает самому их существованию. Он экспроприрует самих капиталистов. Он *уменьшает число имущих*. Это общеизвестное рассуждение научного социалиста: в Средние века было цветущее крестьянство и ремесло; наиболее трудолюбивые подмастерья имели полную возможность рассчитывать на достижение положения мастеров; наиболее способные личности — добиться привилегированного положения. Прежние формы общества питали у поработенных надежду, что наиболее ловкие, один на сто, один на тысячу — вылезут в господа. Капитализм уничтожил эту надежду и этим обрек себя на гибель. Он неспособен умножать количество господ.

Социалисты — противники существующего строя, потому что он не умеет вести рационального хозяйства, потому что он не способен прогрессировать, потому что правители невежественны и неспособны идти в ногу с нарастающими и развивающимися запросами жизни.

Все это «Коммунистический Манифест» старается представить как можно ярче.

«Все более становится очевидным, что буржуазия неспособна ос- таваться господствующим классом... она неспособна к господству, по-

тому что она не может обеспечить своему рабу даже его рабского существования, потому, что она вынуждена была довести его до такого состояния, в котором она должна кормить его, вместо того, чтобы существовать на его счет. Общество не может более жить под ее властью».

Довольно вспомнить сущность спора ортодоксов с Бернштейном для подтверждения всего вышесказанного нами.

В доказательство того, что нет смысла быть революционером в Западной Европе, что соц-дем-ия, как защитница рабочего класса, должна стать реформаторской, Бернштейну нужно было доказать, что современный капитализм не представляет собою у х у д ш е н и я общественного строя по сравнению с предыдущим. И все ортодоксы сознавали, что существование научного социализма теснейшим образом связано с разрешением этого вопроса в ту или другую сторону. Низвержение современного строя резонно и возможно лишь тогда, когда ему предстоит вырождение и бессилие.

И Каутский признает это в очень наивной форме. Если бы было правдой, рассуждает он, все, что говорит Бернштейн, если бы грозящий промышленному миру кризис навсегда исчез, если бы капитализм не убивал средних классов, если бы число имущих не уменьшалось, то не было бы смысла низвергать существующий строй и вообще быть социалистами (статьи против Бернштейна в «Vorwärts»).

Вырождение господствующих классов для марксиста, да и для всякого современного социалиста, является необходимой предпосылкой уничтожения рабства. Раз буржуазное общество способно к развитию, его ниспровержение немислимо. Нельзя стремиться к насильственному перевороту, если не верить самому и не убедить других, что буржуазия слаба, что буржуазный строй неминуемо завтра же «сам разложится».

Ортодоксы, которые чувствуют потребность удержать непримиримое отношение своей армии лишь к мешающим буржуазному прогрессу законам и властям (в такое положение поставлена русская социем-тия существованием царизма), принуждены создавать веру в неизбежное, немедленное «банкротство буржуазии». И они это делают, какие бы акробатские штуки не приходилось при этом выкидывать. Так, Парвус, тот самый, для которого, как и для всякого бернштейнианца, социалистический переворот так бесконечно далек, что в России возможна пока лишь буржуазная революция; тот же самый Парвус ментально, на цифрах докажет вам, что «катастрофа промышленности и окончательное банкротство буржуазии завтра же случиться обязательно».

Свою революционность, свою непримиримость марксизм надеялся обеспечить за собой не своей действительно непримиримой борьбой со строем грабежа. Он доказывал лишь, что сам исторический момент,

сами законы человеческого общества, от людей независимые и выше людей стоящие, — это воистину социалистическое провидение, — присуждая буржуазное общество к слабости и гибели, дает вместе с тем ему возможность освободить весь мир от неволи.

Но социалистического провидения нет; никаких независящих от воли людей законов развития общества нет. Нет сил природы, которые вознаграждали бы добрых — угнетенных за их испытания и наказывали бы неправедных угнетателей за их злые деяния. Социалисты возмущаются и борются против ухудшения классового строя, и их борьба может уничтожить только это ухудшение, но не самый классовый строй.

И потому, вопреки всем ожиданиям наивных верующих, научный социализм содействовал развитию буржуазного прогресса. И это все более становится его собственным глубоким сознанием. Соц-дем-ия, по ее собственному убеждению, привлекает к себе все жизнеспособные элементы современного буржуазного общества. В «Классовых интересах» Каутский говорит:

...«Если соц-дем-ия сделалась единственной партией, еще борющейся за общественный прогресс, то она должна вместе с тем сделаться партией всех тех, которые стремятся к дальнейшему развитию общества» (стр. 30, изд. Куклина).

...«В настоящее время только пролетариат и его партия представляют интересы общественного прогресса, а вместе с тем и жизненные интересы всего общества» (стр. 31).

...«Пролетарские интересы совпадают в настоящее время с интересами нации» (стр. 11).

Точно так же, как и христианская религия, осудившая мир зла, явилась освящением его, — социалистические партии, присудившие к гибели существующий строй, явились, как ни хотят затушевать это ортодоксы, партиями буржуазного прогресса.

Социалистическая вера вдохновила своих приверженцев на борьбу за буржуазный прогресс, за развитие и укрепление конституционных буржуазных государств. Промышленная и политическая демократия, культурная работа в муниципалитетах, кооперации и синдикаты готовят рабочих к социалистической жизни.

Непримиримые анархисты станут, конечно, утверждать, что буржуазный мир зла развратил только соц-дем-ов, что их падение, их оппортунизм является следствием их участия в современных законодательных органах. Они же, отрицающие участие в политике, предохранены от такого вырождения.

Сказанное нами вначале о сущности всего социалистического учения XIX столетия доказывает всю тщетность надежд и уверений анархистов. Основа социалистического учения, — формула обобществления, как панацея, — в какой бы чистой форме ее ни взять, сама по себе есть

нападение лишь на одну из форм грабежа, а не на сам вековой грабеж. От анархистской доктрины, так как она точно так же старается лишь сохранить давно открытое социалистическое евангелие, ничего другого ожидать нельзя. И действительно, глава современного анархизма зовет всех в революцию по тем же мотивам, что и научные социалисты. В «Распадении современного строя» читаем:

«Бессилие правящих классов становится все поразительнее и очевиднее... Они давно забыли все руководящие начала...» (стр. 4).

«Вечно боясь, вечно дрожа за свое богатство, вечно оглядываясь назад и не смея взглянуть вперед, они оказываются решительно неспособными внести в народную жизнь что бы то ни было прочное и полезное» (стр. 5).

«Всех их гложет одна болезнь: болезнь старчества» (стр. 9).

«Если бы правящие классы могли понять это положение дел, они конечно пошли бы навстречу новым стремлениям. Но, состарившись в преданиях прошлого, не уважая ничего, кроме туго набитого кошелька и не понимая ничего, кроме власти, держащей народ в полном повиновении, — они всеми силами мешают новому течению мысли пробиться наружу» (стр. 10).

«И вот рабочие западной Европы начинают понимать полнейшую неспособность — не только государства, не только королей и парламентов, но всех правящих, богатых и образованных сословий вообще. Они видят их неспособность понять народные нужды, их неспособность обеспечить рабочему благосостояние в уплату за его тяжелый труд» (стр. 8. Курсив наш.).

Как под знаменем научного социализма, так и под знаменем анархизма — «рабочие Западной Европы» делают нападение на «правлящие классы», потому что последние более «неспособны» «управлять промышленностью», потому что они состарились бесповоротно. Позиция анархизма по отношению к вековому строю грабежа, как видит читатель, ничуть не враждебнее позиции столь многогрешных «парламентских социалистов». ¹⁾ Напротив, глава современного анархизма, хоть он и

¹ Единомышленник Кропоткина говорит:... «Даже если бы нашему идеалу не было бы и вовсе суждено осуществиться, он тем не менее полезен для развития общества. Он — путеводная звезда прогресса; он показывает ему и цель, к которой он должен стремиться, и препятствия, которые могут отклонить его от должного пути; личности же он показывает что должна она делать, если она настолько энергична, что желает стать свободной и счастливой» («Будущее общество», неокон. русский перевод, стр. 84).

Если на основании этой цитаты читатель захочет сравнивать степень «социалистичности» и «революционности» анархизма с буржуазными, антиреволюционными социал-демократами, то не окажется возможным поставить анархистского учителя рядом даже с Бердяевым, который в своей книге «Субъективизм и индивидуализм» считает нужным упрекать бернштейнцев в филистерстве за допущение мысли о «неосуществимости социалистического идеала». В действительности, взгляд на роль «конечной социалистической цели», подобный вышеприведенному взгляду известного теоретика анархизма,

противник всякого правительства, обнаруживает по отношению к «правящим классам» такую детскую наивность, какой не найдешь даже у «падших» соц.-дем.-ов. Он думает, что «если бы правящие классы» не «состарились» и «могли понять положение дел», «они, конечно, пошли бы навстречу новым стремлениям», «внесли бы в народную жизнь» много «прочного и полезного», «обеспечили бы рабочему благосостояние в уплату за его тяжелый труд», «поняли бы народные нужды». Приходится прямо недоумевать, — на каком основании Кропоткин объявляет себя и свое учение враждебным *всякому* правительству в то время, как обосновано в его учении возмущение *лишь против состарившихся* правящих классов. Все прогрессивные правительства, выступавшие не раз в историческом развитии, правительства, «понимавшие» новые стремления, понимали, по его мнению, вместе с тем, народные нужды и обеспечивали народным массам благосостояние.

А что если современные «состарившиеся» правящие классы будут заменены новыми, молодыми, не бессильными и не невежественными? Ведь тогда исчезает и резон и возможность делать революцию, свергать правительства, быть анархистом. Этот роковой исход стоит перед анархизмом в той же силе, как перед научным социализмом, как перед всем социализмом истекшего столетия вообще. Не раз в истории низвергались революциями «состарившиеся» правящие классы, для того чтобы дать место новым. Где же гарантия, что правящие классы перестанут существовать вообще?

можно найти только у самых благонадежных буржуазных философов. Если взять книгу Штаммлера «Хозяйство и право», то вышеприведенную цитату анархиста окажется вполне возможным вставить в любое место проповеди немецкого профессора о «социальном идеализме».

Сходство взглядов доходит даже до полной тождественности в выражениях об «идеале — путеводной звезде» в «развитии общества», в преследовании «личностью» «свободы и счастья».

В Штаммлере указанные взгляды никого, конечно, не удивляют; но каким образом учение Жана Грера не удивляет тех его учеников, которые усвоили себе привычку нападать на соц.-дем.-ий оппортунизм, является вопросом очень интересным.

Социалисты и анархисты обещали рабочим в социалистическом идеале — освобождение от рабства. И вдруг учитель анархизма советует тем же рабочим не настаивать чересчур на осуществлении «идеала» и цель свою — освобождение от рабства — превратить как бы в «путеводную звезду, которой моряки руководятся в своих путешествиях, но достигнуть которую могут захотеть лишь в своих безумных мечтаниях (Штаммлер).

Когда вышеприведенный взгляд Жана Грера в лагере антиреволюционеров — соц.-дем.-ов высказал Бернштейн, то «государственники», по крайней мере, хоть шум подняли и решили хоть обуздать Бернштейна. В лагере непримиримых анархистов происходит та же, что и в соц.-дем.-ии — эволюция-легализация, примирение с существующим строем, планы развития этого строя, — но это происходит без всякого шума, без вся-

Гарантией могло бы служить лишь сознательное стремление поработенных масс к низвержению всяких правящих классов, ретроградны ли они, или прогрессивны.

Но ведь восстание современных рабов возникло, по толкованию социалистов, не по поводу существования правящих классов вообще, а их вырождения; значит, пока имеется лишь реальная сила возмущения и борьбы против застоя и вырождения господствующего общества. Где же сила низвергающая вообще господствующее общество? уничтожающая само существование правящих классов? — Это сила нечеловеческая, это историческое предопределение, которое — протест против вырождения и слабости современного строя в наш век обещает превратить в борьбу против господства вообще. Марксисты стараются развить эту веру путем «научных», «экономических» измышлений и обещаний, анархизм — просто религиозной проповедью анархического идеала.

Подобно тому как христианская вера не создает ни иоты царства небесного на земле, а укрепляет лишь и освящает строй грабежа, точно так же и социалистическое вероисповедание не создает социалистического рая, а способствует лишь буржуазному прогрессу, народению тех новых, молодых правящих классов, отсутствие которых вызвало его на борьбу.

Социализм XIX стол. старается вникнуть лишь в явления слабости, в процесс разложения современной формы господства. От этого, понятно, ничуть еще не раскрывается тайна господства вообще. Он доказывает лишь негодность современного правящего общества, — этим еще не доказана «негодность», паразитизм и грабеж всех выступающих

кого скандала, и бернштейнианец, Жан Грав, все еще считается проповедником самой крайней анархистской непримиримости.

Ученики Жана Грава скажут, что их учитель имеет то преимущество перед Бернштейном, что не перестает говорить о революции. Так, непосредственно за вышеприведенным местом мы читаем: «При теперешнем положении дел, революция рождается эволюцией; она роковой фазис, через который нам предстоит пройти»... Но не надо забывать, что в настоящее время, благодаря протесту ортодоксов, даже и Бернштейн сообразил, что «революции из виду упускать нельзя, и все бернштейнианцы и жорестисты в той же мере, как и Жан Грав, угрожают буржуазии революцией. Если начатую фразу прочесть до конца, то увидим, что «революционность» Жана Грава, воздвигнута на том же песке, что и у всех оппортунистов... «и мы можем прибавить, что она (революция) необходима еще для того, чтобы спасти человечество от регресса, к которому влечет его эволюция буржуазного общества». (Курсив здесь и выше наш).

Итак, если анархистский учитель с самого начала сказал нам, что социалистический идеал необходим для развития существующего общества, то теперь он говорит, что революция необходима для спасения его от вырождения.

Ту сущность социализма, которую мы стараемся в нашем очерке раскрыть, Жан Грав высказывает нам самым открытым образом. Он революционер, поскольку буржуазное общество вырождается. Если же оно прогрессирует, он не только не думает его низвергать, а сам же станет его собственными руками развивать с помощью своей «путеводной звезды» социалистического идеала».

в истории господ. Напротив, марксизм ставит главной своей задачей: доказать необходимость для человеческого общежития всех выступавших в истории господствующих классов; а глава анархизма склоняется, как мы видели, к мысли, что правящее общество могло бы «понять народные нужды», «обеспечить народу благосостояние» и, по-видимому, оно это уже делало.

Стало быть, социализм XIX стол. не вскрывает и не хочет вскрыть основы всякого — не только слабого, но и сильного — господства. Он не сознает и не хочет признать и увидеть грабеж в самом существовании господ на всем протяжении истории.

Не в его силах и не в его желании создать настоящие, реальные человеческие предпосылки падения векового строя грабежа и насилия. — А между тем его главная задача — приобрести доверие масс и создать в них непоколебимую веру, что именно социализм есть путь к низвержению строя грабежа. И тут то перед ним вырастает специальная задача — внушить уверенность в наступление социалистического рая, «независимое от воли» людей, predetermined историческим ходом, вытекающее из объективных исторических законов.

Это обычная задача всякой религии, и социалистическая религия выполнила ее блестяще. От изобретения различных сверхъестественных существ, от изобретения нового вида провидения не предохранила социалистов позитивная, атеистическая наука XIX столетия. Напротив — в тот же момент, когда социализм почувствовал непреодолимую потребность стать открывающей и предугадывающей законы общественного развития наукой, в тот же момент и этим же самым он решился создавать религиозные фикции. Социалистическая наука принесла те же плоды, что и наука языческих жрецов и христианских теологов.

Анархисты стараются показать, что наука марксистов оказалась столь губительной для революционного социализма потому, что воспользовалась не истинными основами и методами современной науки, а отжившей метафизикой и, главным образом, похороненным учением гегельянцев. Анархисты, напротив, положили в основу своего учения строгий позитивизм, настоящий научный метод естественных наук, индуктивно-дедуктивный метод, предохраняющий от всякой метафизики и гарантирующий безошибочность социалистическому учению.

Ввиду этого взглянем еще раз на главные выводы «научного анархизма». Мы при этом убедимся, что «метод естественных наук» каким то фатальным образом вводит нас в область мечтаний, фраз и фикций; доходя до тех же, что и марксизм, усыпляющих и обуздывающих выводов, он очень часто увлекает нас в гораздо более туманные сферы, нежели марксизм. Мы еще раз увидим, что с революционной неприемлимостью анархистской доктрины происходит какое-то невероятное недоразумение. Мы убедимся, наконец, что своим стремлением

к «научности», у анархистов так же, как и у марксистов социализм не выходит из области верований, а, напротив, — социалистическая наука, именно своим стремлением к научности, объективности, всеобщности, — выполняет общую всем религиям функцию. Нам придется иметь дело — главным образом, с тем же Кропоткиным, как важнейшим представителем анархистской науки.

III.

Весь анархистский революционизм Кропоткина, стремящийся якобы к непосредственному низвержению вековой неволи, основывается на мечтаниях о чудодейственном *народном творчестве*, которое в один прекрасный день, на основе общечеловеческой солидарности, построит, по анархистским, конечно, принципам, социалистический рай, — лишь бы только свергнуть существующие централизованные правительства и не допустить «властолюбивому меньшинству» занять их место.

«Основанием всякой истинно-революционной программы должны быть народные идеалы, как их создала история в данное время и в данной местности».

Этот главный пункт землеволюческой программы (написанной вероятно Плехановым) — составляет до сих пор основу Кропоткинского учения, в его применении не только к России, но и ко всем цивилизованным странам.

Как показала практика русских революционеров, эти народнические мечтания не в состоянии вызвать *никакого* революционного движения. Но в анархистском учении Кропоткина они играют определенную роль, совершают реальное дело: идеализируют всю истекшую историю и вместе с тем существующий строй неволи.

Дело в том, что «народное творчество» может оказаться чудодейственным в создании будущего идеального строя лишь в том случае, если оно на протяжении всей истории не бездействовало. И действительно —

«Во все времена... народные массы вырабатывали, в виде обычая, ряд учреждений, необходимых для того, чтобы общественная жизнь была возможна... ради обеспечения равенства, мира и взаимной поддержки... Этой созидательной творческой народной деятельностью... вырабатывались в прошлом все учреждения *общезития*». (Кропоткин «Современная наука и анархизм», стр. 6-9. Курсив наш).

Итак, несомненно, во все времена «народ» стремился к «равенству», и, благодаря его «созидательной деятельности», известные нам исторические «учреждения общезития» имеют целью удовлетворение потребностей членов общества.

Для понимания этой исторической перспективы анархистского учения, надо, читатель, непременно не упускать из виду, что речь идет не столько о действительно происходивших событиях, сколько о праздничных мечтаниях всех веков, — причем последние полезно прикрашивать мечтаниями современности. Это необходимо, иначе никакого смысла не получится. В самом деле, если взять для примера то «учреждение общежития», которое составляло на протяжении тысячелетий основу цивилизации древности, то получится, что «созидательная творческая деятельность», напр. греческого народа, «ради обеспечения равенства»... сковала цепи для рабов.

Идеализм, присущий всему социализму XIX стол., выступает в анархистской доктрине в концентрированном виде. Она предлагает для скорейшего достижения социалистического рая целую систему всеобщего самообмана и самоусыпления. В этом отношении, другие теоретики анархизма, Жан Грав, Малатеста и пр., не останутся позади Кропоткина. Анархистское учение ставит себе целью извлечь из всей истории чистый элемент общественности, общественной солидарности, взаимопомощи, найти его происхождение не только в глубине человеческой психики, но и в инстинктах самой животной жизни, доказать, вопреки дарвинистам, что доминирующим фактором в царстве животных, как и в истории человеческих обществ, является не «борьба», а «солидарность».² Эксплуатация и неволя не исчезают потому, что люди не хотят поверить в возможность существования общества на началах противоположных современному индивидуализму. Анархистская проповедь имеет целью укрепить эту веру. И анархистские теоретики не замечают, как они превращаются в истых моралистов и проповедников. Их благочестивая социалистическая вера не дает возможности увидеть весь размер неволи поработанных масс, всю силу господства

² В своей брошюре «Анархия» Малатеста говорит: «Достаточно констатировать, как в человечестве кооперация — вынужденная ли, или добровольная, сделалась единственным средством прогресса, совершенствования, безопасности, и каким образом борьба, как атавизм — сделалась совершенно неспособной содействовать благосостоянию индивидуумов, а напротив, причиняет зло всем, победителям так же, как и побежденным» (стр. 22, курсив наш).

Несмотря на все благочестивые усилия анархиста не дать затеряться добру в человечестве и его истории, мир зла фатально торжествует и увлекает самого прекрасного проповедника. Он считает абсолютным злом «борьбу» и «принуждение». Но так как он, вместе с тем, сторонник всякой, даже «принудительной», «вынужденной» кооперации, как единственного «пути прогресса», то, наперекор своему абсолюту, он тут же прославляет ту борьбу и принуждение, плодом которых является вынужденная кооперация.

эксплуататоров. Последнее является каким-то болезненным извращением человеческой природы, случайным заблуждением всего человечества.³

Религиозное отношение анархистских мыслителей к «солидарности» заставляет их молиться перед этим сокровищем человеческой души даже тогда, когда оно является братством господствующих и эксплуататоров. Как самый заурядный демократ — республиканец Кропоткин восхищается «коммунизмом» купцов «Великого Новгорода и буржуазии средневековых городов»; восхищается «общественностью» древних греков, совершенно забывая, что это солидарность рабовладельцев; смотрит на их республиканские государства, как на безгосударственные общины. И, наконец, в его детской схеме исторического развития, изложенной например в «Современной науке и анархизме», все социалистические и анархические взгляды превращаются в самую обыкновенную демократическую формулку. «Во все времена» у анархистского мыслителя существуют, как у всякого демократа, только такие два основных антагонизма — «правительство» и «народ». Народ творил равенство, «власть, насевавшая на общество», портила хорошее дело. Да и то не всегда, как оказывается, а только в моменты реакции, накануне революций...

«Затем, во все времена происходило так же и то, что учреждения, — даже самые прекрасные по своей первоначальной цели, выработанные сперва людьми ради обеспечения равенства, мира и взаимной поддержки, — с о в р е м е н е м окаменевали, утрачивали свой первоначальный смысл, подпадали под иго властолюбивого меньшинства и становились, наконец, стеснением для личности, в ее стремлениях к дальнейшему развитию» (ор. с. стр. 7).

Тогда наступало время революций. Читатель, знакомый с предисловием Маркса к «Zur Kritik der pol. E.», вспомнит, конечно, при чтении только что приведенной цитаты, фразу основателя научного социализма о том, что накануне политических переворотов общественные формы из форм развития производительных сил общества становятся тормазом их. Общеизвестно, какое значение придают этому положению современные научные социалисты, сводящие всю свою теорию «экономического материализма» к учению о законосообразности исторического развития производительных сил и производственных нужд цивилизованного общества. Книжка Бельтова о монистическом взгляде на историю имеет целью доказать, что это положение, в виде реалистического и материалистического приложения гегельянской правды о том, как все

³ «В настоящее время человек... должен признать, что предки его шли по ложной дороге, когда они избивали, грабили, эксплуатировали друг друга; он должен вернуться к солидарности, зародыши которой не могли вытравить в нем тысячелетия междоусобной борьбы» (Жан Грав. «Будущее общество», стр. 26 русского неоконченного перевода).

хорошо на своем месте и все истинно для своего времени, — что это положение представляет основную мудрость марксистской философии. И вот эта мнимая панацея реалистического мышления, эта гарантия против всякого утопизма оказывается в полной наличности у мыслителя, которого сами марксисты считают идеалистом и утопистом. Кропоткину незачем стараться уяснить себе исторический процесс, как «экономическую» классовую борьбу в человеческом обществе за владение богатствами, о чем он до сих пор никакого понятия не имеет, как свидетельствуют первые страницы его только что упомянутой брошюры. Для присоединения его к современным «материалистическим» научным социалистам от него потребуется лишь побольше болтать по-марксистски о том, что со всеми существовавшими общественными формами дело обстояло точно так же, как со всеми потребляемыми вещами: хороши пока новы, — плохи когда состарятся.

Таким именем путем, по призыву Бельтовых, превратилась повально в марксистскую вся народническая и субъективистская интеллигенция; таким путем выросла воспитанная ортодоксами — Плехановыми и Тулиными — славная плеяда таких пролетарских идеологов, как Струве, Туган-Барановский, Булгаков, Бердяев, объявивших вскоре, когда они сочли это своевременным, о том, что ортодоксальная «классовая точка зрения» есть субъективизм и утопизм. Они согласились на сотрудничество с Бельтовыми не ради развития классовой точки зрения, а ради, проповедуемой Бельтовыми и обуздывающей классовую борьбу, марксистской теории объективизма, теории производственных нужд и законов.

То обстоятельство, что главный вывод этой теории находится в обладании мыслителя и не думающего даже понимать историю, как «классовую экономическую борьбу», возможно только потому, что в основе «материалистической» теории производственных нужд положена та же, чисто идеалистическая фикция, на которой построена и Кропоткинская историческая схема. Как Маркс, так и Кропоткин относительно всех существовавших «форм общежития» единогласно учат нас, что они были достойны низвержения *лишь тогда*, когда «устарели» (Маркс), «окаменели» (Кропоткин). Но в момент возникновения все эти «формы общежития» были «формами развития производительных сил общества», «формами удовлетворения производственных нужд» (Маркс), «воздвигались «ради обеспечения равенства, мира и взаимной поддержки между людьми» (Кропоткин).

Цивилизация, на протяжении всех веков ее развития, не знает никаких «форм общежития» *вне* средневекового рабства, *вне* крепостного права Средних веков, *вне* современного рабства наемных ручных рабочих. Но социалистическая наука, как марксистская, так и анархистская, умеет тем не менее на протяжении этой цивилизации открыть в формах

рабства нужную ей фикцию *единого общества*, развивающегося согласно *общественным* нуждам, согласно нуждам всех членов общества; умеет установить фикцию *единого* человечества, движущегося на протяжении веков согласно *общечеловеческим* потребностям.

Когда благочестивая социалистическая вера со своими сказками о том, как «во все времена» «народ творил» «все формы общежития», сталкивается с рабочим движением, — пытаясь овладеть им, она становится по необходимости марксистской. Перед лицом восстающих рабов современного общества, она принуждена признать, что цивилизованное общество есть «классовое государство». Но раскрыть эту тайну она согласилась лишь тогда, когда оказалась возможность не лишиться при этом фикции *единого общества и единого человечества*, а напротив — перенесением *ее в область бессознательного* — еще более укрепить всемогущество независимых от воли людей законов общечеловеческого производства и непрерываемого исторического хода вещей.

Анархистская теория не спешит вслед за марксизмом компрометировать историю неприличными намеками, будто исторический ход есть непрерывный ряд звеньев, из которых каждое... — классовое господство. Но подчинять, по примеру марксистов, возмущение рабов современного общества научному контролю, историческим законам, анархистская теория, хотя и противник всяких законов, считает делом очень нужным и полезным. Сладкозвучная песня о величественной солидарности, приобретая научную глубину, становясь общественной наукой, работает в том же направлении, как и марксизм, как и вся современная социология.

И вот результаты всех этих научных трудов. Цивилизованное общество — государство из организации неволи превращено в «форму общежития», имеющую целью удовлетворение потребности всех членов общества. Исторический ход, как выражение общечеловеческих нужд и потребностей, как выражение воли человечества, возведен на высоту непрерываемого судилища, перед которым должно смиряться все.

Анархистская теория, хотя ходячее о ней мнение считает ее воплощением непримиримого возмущения против всякого гнета, никогда до сих пор, — так же как и научный социализм, — в бунтах рабов всех эпох не расслышала возмущения против исторического хода, присуждающего большинство человечества к рабству. Она никогда, как и марксизм, не хотела досмотреть, что историческому ходу противостоит подавленная жизнь громадного большинства человеческих существ, рождавшихся в каждом из существовавших доселе поколений. Анархистам, как и марксистам, и в голову не приходит, что существующую неволю может упразднить лишь возмущение и недовольство, рождающее бунт против исторического хода, по законам и велениям которого до сих пор, из поколения в поколение, неволя подлежащая разрушению лишь укреплялась.

Рабочая революция есть нечто отличное и от научного социализма, и от научного анархизма. Рабочая революция есть неотвратимое следствие того факта, что «исторический ход» является выражением воли захватившего все богатства и господствующего меньшинства; это этот исторический ход приговаривает до сих пор большинство человечества рождаться в рабстве, в положении низшей расы. Рабочая революция есть восстание рабов современного общества против исторических законов, которые до сих пор весь земной шар превращают для них в тюрьму.

Но анархистский, марксистский и всякий другой ученый стараются «открыть прежде всего, путем изучения современного общественного строя, — его стремления его направление, свойственные ему в данный момент развития, и указать эти стремления» (Анар. ее фил. и т. д., стр. 58).

«Анархизм представляет собой попытку приложить обобщения, добытые естественно-научным индуктивным методом, к оценке человеческих учреждений, и угадать, на основании этой оценки, дельнейшие шаги человечества на пути свободы, равенства и братства» (Совр. наука и ан., стр. 62).

Рабское положение рабочих масс всего мира, интересы жизни и человеческого существования поработанного большинства — всего этого еще недостаточно, чтобы занять высокий ум ученых опекунов исторического процесса и современного строя; все это, само по себе, недостаточный и недостойный мотив для их мыслей и дел. Они ищут в настоящее время столь же неутомимо, как и во все прошедшие века, достойного предмета своих исследований; они ищут для человеческого общества законов Божеских, законов природы, законов вселенной. И столь же успешно, как во времена языческих жрецов и христианских теологов, из их великих затей получается лишь пустословие паразитов на теле рабов современной каторги ручного труда, лишь краснобаиство и, прежде всего — укрепление существующего рабства, обуздывание мысли и воли масс призрачным величием и авторитетом касты ученых сверх-человеков.

IV

Главная заслуга, которую хочет приписать себе марксистский социализм, состоит якобы в раскрытии им утопичности первоначального социализма, в определении ее источника, в предохранении рабочей программы от утопических заблуждений первых социалистов. Предыдущая наша глава показывает, что эта претензия научных социалистов, по меньшей мере, преждевременна. Марксисты, хотя и объявляют войну тому утопизму, которым отличается всякий анархистский теоретик, не в силах однако упразднить этот утопизм в корне. Открыть его источник

не в состоянии никакой марксист, и все попытки научных социалистов в этом направлении особым успехом похвалиться не могут.

Плеханов, написавший так много об утопизме, — как в своей полемической брошюре против анархизма, так и в своей легальной книге против народников, — пытается не без основания привести и тех и других в идейную связь с первыми утопистами и энциклопедистами. Но общий всем указанным течениям источник утопизма схвачен им очень поверхностно, и удар, наносимый как русскому народническому социализму так и анархизму, так легковесен, что лишь обтесывает утопизм, ничуть не упраздняя его. Напротив, обтесанному и исправленному утопизму предостается спокойное дальнейшее существование и притом, что самое главное, не только у противников Плеханова, но и у самих марксистов.

Источник утопизма, по мнению Плеханова, заключается в том — общем и просветителям и первым социалистам — убеждении, по которому для человечества существует совершенный, идеальный строй, соответствующий человеческой природе, долженствующий быть открытым при посредстве разума и не открытый до сих пор по вине человеческих заблуждений. Этому утопизму только научный социализм в состоянии противопоставить свое единственно верное учение о том, что для изменяющейся человеческой природы нет неизменного идеального строя; что всякий строй хорош в свое время и на своем месте.

Если формулированный Плехановым упрек попадает в энциклопедистов, то, по отношению к анархистам и русским народникам, он попадает чаще всего впросак. Все народники и хранители идей 70-х годов, не только революционные народовольцы, но и просто мирные либеральные господа, после того, как Бельтов провозгласил, как основу пролетарского учения, эту Гегелевскую правду, стали прямо носиться с «историзмом», «исторической преемственностью» и старались показать, что если только в этом вся требующаяся от них мудрость классового учения, то они сами знают ее не хуже «настоящих учеников».

Что касается анархистов и в частности Кропоткина, то, как мы уже видели, он тоже сам знает философскую основу пролетарской историософии. Во все времена, учит он, все учреждения общежития создавались народом, народным творчеством ради обеспечения мира, взаимной поддержки, равенства и свободы. Самые прекрасные при своем возникновении, они с течением времени старились, окаменевали, становились помехой дальнейшему развитию и низвергались в революциях.

В таких словах утопист Кропоткин формулирует во всей полноте, доступную якобы только пролетарскому марксизму, историко-философскую основу научного социализма; враг диалектики формулирует основной пункт диалектического материализма. Это значит, во-первых,

что современные ученые социалисты черпают эту безусловную, признаваемую всеми оттенками социализма, истину не из Гегеля только, как единственного ее источника, а из себя самих, из собственного своего отношения к цивилизованному обществу и его истории; отношения, оказывающегося у них в этом основном пункте тождественным с отношением к этому обществу прусского королевского патриота. Это значит, во-вторых, что формулируя антиутопическую основу реалистического марксизма, глава анархизма ни на иоту не колеблет этим своего утопизма, который в самой этой формуле так и остается во всей своей девственной чистоте, поучая нас о том, что все учреждения в истории создавались ради всеобщего равенства и свободы. Утопизм анархистского учения для премудрой марксистской критики неуловим. Он всегда умеет провести ее, — удовлетворив самым строгим требованиям ее научности; он по-прежнему остается жив и невредим.

Выше мы отметили тот пункт анархистской науки, в котором обнаруживается ее непосредственное схождение с марксизмом. Нам предстоит теперь более подробно остановиться на тех ее пунктах, которые, повидимому, представляют наибольшее с ним расхождение и даже считаются обыкновенно полною его противоположностью, как наиболее яркое проявление утопизма.

«В течение трех последних веков» происходит «развитие индивидуализма»... «Большинство людей думали... что обеспечив себя, каждого порознь, человек сможет вполне освободиться и от капитала». «Деньги, думали люди, дадут мне возможность купить все, что мне нужно, в том числе и свободу», но оказалось, что тут крылась глубокая ошибка» (стр. 33).

И не только новейшие века, но и весь ход истории, все виды порабощения учреждались исключительно вследствие человеческой недальновзоркости.

«Во весь этот период кровопролития, нищеты и эксплуатации, называемой человеческой историей... человек не видел ничего, кроме той работы, которую может произвести порабощенный, и не думал о том, что необходимость подавлять в будущем различные рабочие состояния в конце концов потребует столько же труда и что выгоднее было бы работать вместе, помогая друг другу... Таким образом установилась власть и собственность» (Жан Грав, Умирающее общество и анархия, стр. 12-13).

Итак, государство и капитал существуют в силу человеческих заблуждений и недомыслия.

«К принуждению люди прибегали в течение целого ряда веков и так безусловно, что мы находимся теперь в положении, из которого не можем выйти иначе, как разрушив и уничтожив принудительные учреждения нашего прошлого» (Кропоткин — «Анархия, ее философия и ее идеал», стр. 52. Курсив всюду наш).

Итак, вся история — одна сплошная ошибка. Все жившие доселе на земном шаре миллиарды человеческих существ, в определении своих взаимных отношений, беспрерывно заблуждались, ежечасно действовали во вред самим себе.

Обыкновенный смертный, если случайно дойдет до подобного вывода, вероятно протрет глаза, оглянется вокруг себя и подумает прежде всего, что уж верно он сам, а не все человечество, залез в непролазные дебри.

Но анархистский мыслитель слишком велик для подобного рода ощущений. Он непоколебимо убежден, что в нем, впервые за все века, родилось существо с нормальной логикой, с верным взглядом на вещи.

Свое невероятное положение анархистский мыслитель старается сделать более правдоподобным тем, что ошибка, в которой он уличает человечество, следует у него не из природной близорукости людей, а из их морального помрачения. Грубый, элементарный эгоизм не позволяет людям, в особенности рабовладельцам, разглядеть свой собственный интерес. И анархист серьезно огорчен, как мы видели, тем, что рабовладельцы всех веков устроили себе несчастную жизнь, что они принуждены были затрачивать столько тяжелого труда «на надзор» за порабощенными, «на подавление различных их восстаний».

Укрепляясь в своих взглядах, анархист начинает все более ненавидеть грубый элементарный эгоизм людей, грубые материальные стремления, как виновников всех несчастий человечества. Это не что иное, как обычный злой дух, изобретаемый всеми религиозными системами; злой дух, который всякий человек должен подавить в себе, иначе счастье никогда не будет достигнуто на земле.

Действительный мир, между тем, не перестает быть низменным, и смертные попрежнему все упорствуют в своих заблуждениях. На всем земном шаре все чаще вступают массы людей в «чисто-эгоистическую» борьбу за «копейку», за грубый материальный интерес. Нечего доказывать, что на эту борьбу рабов современного общества, несущую в своем развитии всемирное восстание рабов против строя грабежа, учение добродетельных Гравов может оказывать лишь такое влияние, какое оказывает учение о том, что «не одним хлебом жив человек».

Анархист, поскольку соглашается на участие в экономической стачке за конкретные требования рабочих, видит в ней лишь воспитательное средство для масс и норовит всегда формулировать всеобщую стачку лишь как акт солидарности, протеста, как стремление к идеалу,

как демонстрацию, которыми в конце концов не преминут, конечно, воспользоваться соц.-дем.-ты для реальных, земных целей участия во власти, как это случилось в Италии прошлым летом.

Если же анархист решит оставаться непременно верным своей доктрине, не изменять идеалу, и не поддаваться искушениям низменного мира, тогда он сознательно и бесповоротно вступает в ряды профессиональных проповедников, которых, по его собственному убеждению, невежественным массам не скоро еще удастся сбросить со своих плеч.⁴

В этой фазе анархистская доктрина становится уже вполне религиозной проповедью, которая должна научить чернь, живущую грубыми материальными интересами, жить согласно возвышенному идеалу. И тут анархистская доктрина соприкасается непосредственно то с толстовщиной, то с неокантианством и бердяевщиной, дошедшей по пути «строгой науки» до сознания необходимости метафизики и религии.

Когда проповедник, с призывом ко всеобщей любви, входит в ту тюрьму, которая называется цивилизованным обществом, — он своею проповедью лишь поддерживает и укрепляет эту тюрьму, зовет поработенных из рабов подневольных стать рабами по совести.

Нет никакого основания предполагать, что получатся другие результаты из анархистской проповеди в строе неволи — солидарности, мира, сотрудничества и осуждения в нем эгоизма, борьбы и насильственного принуждения.

Анархистская доктрина не угрожает падением вековому строю грабежа потому, во-первых, что она, как мы видели, не соглашается признать его основным фактом жизни цивилизованного общества.

Конечно, «предки» наши «избивали, грабили, эксплуатировали друг друга». Но ведь это была ошибка, заблуждение, наносившее вред им самим. Их грабеж и эксплуатация не следовали неизбежно из их природы, а были лишь случайным, ошибочным проявлением дурной стороны их души.

Стало быть, насилие, грабеж и эксплуатация в развитии человечества явление не существенное. Наряду с ними происходит нечто более важное и существенное — проявление человеческой солидарности, следствием которой является общественное развитие, совершенствование человеческого сотрудничества и прогресса (см. выше ст. 338, Малатеста). Не грабеж и эксплуатация, а это именно развитие человеческого сотрудничества есть основное начало исторического развития. Вот почему «все учреждения общежития» создавались путем «народного твор-

⁴ Жану Граву представляется время, необходимое для того, чтобы, по его выражению, «вдолбить толпе в башку» «наши идеалы» и подготовить для коммунистической жизни, не менее продолжительным, чем самому оппортунистическому бернштейнианцу (См. ниже).

чества» «для обеспечения равенства»; вот почему вся история есть непрерывное движение к «свободе, равенству и братству» (См. выше у Кропоткина, стр. 337).

Предки наши грабили и эксплуатировали. Но это вовсе не значит, что они и в основание построенного ими цивилизованного общества положили грабеж и эксплуатацию. Как раз наоборот. В основание развивающегося общества положено ими нечто прямо противоположное, а именно (Малатеста, стр. 338) — сотрудничество. Да! в основе существующего до настоящего времени цивилизованного общества лежит не борьба, а «кооперация», это «единственное средство прогресса совершенствования и безопасности».

Анархистская доктрина сделает, пожалуй, уступку и согласится признать это сотрудничество «принудительным». Но ведь все равно, даже принудительная ассоциация — средство прогресса, совершенствования и безопасности, и только открытая борьба является негодным, для всех вредным атавистическим началом.

Итак, анархистская доктрина в современном обществе видит прежде всего проявление солидарности. Носителями этой солидарности, продуктами сотрудничества являются для нее все современные «страны», «нации». Тут антигосударственник умеет совсем забыть, как мы видели (Вып. I), что эти нации — это государства, которым он будто бы объявляет войну.

Своими социалистическими исследованиями и вычислениями Кропоткин фатальным образом является советником европейских наций — государств. Он дает им социалистические советы по вопросу о том, на каком пути они могли бы достигнуть наибольшего благосостояния и успеха» (Fields, Factories and Workshops).

Чем больше анархизм развивает свою науку, т.е. чем больше углубляется в тайны «солидарности», этого священного начала и абсолютного блага в природе и человечестве, тем больше и легче цивилизованное общество, эта тюрьма для рабов всех веков, выступает перед ним, как проявление сотрудничества. С этим обществом, с его судьбою он соединяет все свои мысли; в заботы этого общества он вкладывает всю свою анархистскую душу.

Он болеет его болями, болеет о том, что оно, — эта организация господства, — «зашла» «по тожному пути» «в тупик»; болеет за всех членов общества, даже за ошибки тех, кто копит деньги (Кропоткин, выше, стр. 344).

Анархистский теоретик, даже в ту минуту, когда строит свои разрушительные планы, не в состоянии разорвать своего единения с современным обществом; не в состоянии ни на минуту стать вне рядов строителей и опекунов его.

«И если буржуазное общество гибнет, если мы находимся в настоящую минуту в тупике, из которого мы не можем выйти иначе, как разрушая топором и огнем учреждения прошлого, то это происходит именно оттого, что мы слишком много считали; оттого что мы приучили себя давать только с целью получить, оттого, что мы захотели сделать из общества коммерческую компанию, основанную на приходе и расходе»⁵ (Кропоткин «Хлеб и воля», стр. 225, курсив наш).

«Топором и огнем анархист принужден действовать для того, чтоб возвратить цивилизованному обществу его обычное здоровье. Клевета, будто общество в основе своей — «коммерческая компания» и общество паразитов. Сам страшный анархист клянется, что каторга рабочих в этом цивилизованном обществе — лишь временный момент, результат лишь временного вырождения, лишь случайного заблуждения правящих классов.

Глава современного анархизма на каждой своей странице претендует на звание прямого советчика современного общества. Он старается быть в этом отношении гораздо радикальнее соц.-дем.-ии, но он становится этим лишь более комичным.

...«Во всяком случае, не будем же терять из виду цели всякого производства — удовлетворение потребностей.* Если самые существенные потребности человечества остаются неудовлетворенными... то посмотрим... не происходит ли это, между прочим, оттого, что производство совершенно потеряло из виду потребности, приняло ложное направление?»** И если мы увидим, что именно в этом лежит причина наших недостатков, то поищем же средства преобразовать производство так, чтобы оно на самом деле удовлетворяло потребностям» («Хлеб и воля», стр. 233).

Это место как будто целиком выхвачено из сочинения любого русского народника, призывавшего общество устыдиться и не превращать своей счастливой до тех пор родины в капиталистическую коммерческую компанию.

Глава анархизма, как и русские народники, наивен до комизма, когда «неудовлетворение существенных потребностей человека» он считает простым промахом, вредной ошибкой со стороны существующего общества, со стороны организации, и м е ю щ е й ц е л ь ю э т о н е у -

⁵ В последних строках язык главы современного анархизма становится почти однозвучным с проповедью русских легальных народников: «Мы не только не воспрепятствовали развитию капиталистических форм производства, несмотря на то, что они основаны на экспроприации крестьянства, но, напротив всеми силами постарались содействовать коренной ломке всей нашей хозяйственной жизни, ломке, приведшей к году 1891 года» (Ник — он «Очерки пор. хоз.»).

* Подчеркнуто в подлиннике.

** Курсив наш.

довлетворение, имеющей целью грабеж рабочих масс. Только наивность или лицемерие проповедника моралиста может рассказывать сказки о том, как целью всякого производства является удовлетворение потребностей в том цивилизованном обществе, в котором на протяжении веков производство имеет целью лишь паразитное потребление господствующих классов и лишь самый необходимый корм для рабов.

В самых резких нападках на современное официальное общество Кропоткин не перестает себя чувствовать частицей этого общества, несущей ответственность за все его акты, за действия всех членов его, даже правителей и плутократов. «Мы», — восклицает он — «превратили общество в коммерческую компанию», «мы "возлюбили власть, принуждение и насилие"». С наивным доверием он убеждает современных руководителей производства и их ученых слуг — экономистов — «не упускать из виду цели всякого производства» — благосостояние всех членов общества. Каждая страница его сочинений свидетельствует о том, что он, несмотря на свои, якобы всеразрушительные планы, в глубине души не умел обособить себя, своих мечтаний от забот и задач правящих имущих классов. Его психология, его душа, это душа проповедника, который, несмотря на все анафемы, бросаемые обществу, любит это общество, — это душа моралиста, который карает пороки любимого им общества. Эта психология ни в малейшей степени не похожа на психологию бунтующего раба — пролетария.

Между тем такая психика свойственна не только главе современного анархизма, Кропоткину, но и всем вообще теоретикам анархизма. Из этой их психики, т. е. из их любовного отношения к современным обществам, нациям — государствам, как к фазам развития общечеловеческого сотрудничества, общежития, как к форме проявления человеческой солидарности, — вытекает также и вся анархистская философия, тот утопизм, который пытались, но не сумели вскрыть марксисты.

Утопизм этот получает свое завершение в нижеследующих парадоксальных сентенциях «научного анархизма». О современном законе, о современной «политике», основанной на представительном правлении, анархистская доктрина, в своих научных потугах, выражается нередко таким образом:

...«Чуждая разуму, она не может дать разумных результатов. Политика, нелогичный метод, не могут служить для установления логических регул поведения» (Paraf-Javal, Libre Examen page 7).

«Закон . . . формула произвольная, антинаучная»... (стр. 8). «...Современная общественная организация противна всякой логике, всякому здравому смыслу...» (Ж. Грав, «Умир. общ.», стр. 1).

Прекраснодушная мораль объявляет всех грабителей и все их историческое творение лишенными не только «благородного разума», но даже логики и всякого здравого смысла. Моралист, обещающий

своими нравоучениями переделать природу человека, совершенно отрывает всякий путь к реальному пониманию неприкрашенной действительности; уничтожает возможность посмотреть с открытыми глазами на всю истекшую историю, высказать правду о ее неумолимой, страшной логике.

«Цивилизованное общество лишено всякой логики», «всякого здравого смысла!» Между тем, с неумолимой, непреклонной логикой оно строит в настоящий момент повсюду ту же тюрьму для рабов, как и сто, тысячу, две тысячи лет тому назад; оно обрекает, как и тогда, большинство человеческих существ, еще до рождения, на пожизненную неволю, на рабский ручной труд.

И сколько уже раз тюрьма эта под ударами угнетаемых, казалось, бесследно разбивается вдребезги! С железной логикой «народное творчество» вновь восстанавливало ее; с безошибочным здравым смыслом, среди победных ликований над старыми господами новые грабители, в братских объятиях с народом, в чаду песен о завоеванной свободе, воздвигали ее еще более прочной.

Современная общественная организация лишена здравого смысла!

С дьявольским смыслом, на бесчисленных своих пунктах, во всех своих органах, она ежечасно, ежеминутно работает на протяжении веков все с тою же целью — вырвать из рук раба плоды его трудов.

А наука анархистов рассказывает свои красивые басни о беспомощности, вечных ошибках и отсутствии логики у господствующих!

На борьбу с железной логикой вековой неволи, с безошибочным здравым смыслом грабителей, она приодевает рабов в панцырь из фантазий и иллюзий, наивности, детского доверия и мечтаний. Наука анархистов учит рабов не цепи свои рвать, а усыплять себя.

ПРИЛОЖЕНИЕ

РАБОЧАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

1918 г. Июнь-Июль. № 1

К РАБОЧИМ

Рабочие! Своей борьбой вы превратили русскую революцию в великий бунт против старого мира грабежа и диких звериных войн. Вы обуздали эксплуататоров-капиталистов и вырвали русский народ из заколдованного круга бесконечной международной бойни.

Но недостаточно укротить грабителей. Их необходимо, пока еще не поздно, сокрушить захватом их богатств. Плоха политика советской власти свести октябрьский переворот только к ограничению хозяйского самовластья в производстве. Безрассудно пытаться обуздать грабителей, оставляя в их руках богатства, источник их господства.

Советская власть оставила контр-революционной буржуазии достаточно времени и средств для создания белогвардейских и офицерских организаций на Украине, на Дону, в Сибири, а теперь и в Поволжье. Недодушенная буржуазия манит и вводит в Россию иноземных разбойников. С их помощью на Украине, на Дону, в Финляндии она уже восстановила свое господство и топит революцию в крови защитников октябрьского переворота. Железным кольцом контр-революция окружает советскую республику и грозит задушить великий русский бунт против грабежа и войны.

Способна ли советская республика защитить свое существование? Увы! в роковой момент коммунистическая власть не верит более в единоклубный порыв рабочего населения к самозащите и назначает принудительный набор.

Тяжелое положение советской власти проистекает из ее нежелания покончить с буржуазией. Большевистская партия, которой рабочие так глубоко верили в октябре, когда она обещала низвергнуть грабительский строй, сделав несколько шагов, трусливо остановилась, позорно попятилась назад. Она объявила приостановку атак на буржуазию и в то же самое время диктаторской советской власти поставила задачей введение дисциплины и усиленного труда рабочих в пролетарском государстве. Этой своей политикой большевики вырвали почву из под советской республики и русской революции. Своим поворотом они вдохновили всех прочих социалистов на контр-революционную работу. Эсэры и меньшевики, боящиеся, как огня, рабочей революции, обнагтели до такой степени, что смеют вызывать голодные бунты, рабочие волнения и организовывать политические забастовки за учредилку, за возвращение всех прав буржуазии. Чего им бояться? Ведь сами коммунисты решили не допускать немедленной рабочей революции и диктаторским режимом подавлять рабочие бунты.

Большевики усыпили рабочих своими уверениями, что больше не нужны стачки, не нужна экономическая борьба рабочих с буржуазией за повышение заработной платы, за обеспечение от безработицы, ибо все будет сделано декретами и приказами «рабочей» власти. Голод и безработица измучили рабочих, разочарование в большевиках многих совершенно сбilo с толку. Социалистическим контр-революционерам удалось вложить в уста некоторых рабочих позорящие рабочий класс лозунги: Назад! Вернуть буржуазии учредилку, а капиталистам фабрики!

Рабочие! Пора очнуться от многомесячной бездеятельности, пора вернуться к рабочему делу. Как только вы подымете свою борьбу за наивысший заработок, социалистические контр-революционеры сразу присмирят: ваша экономическая борьба против эксплуатации разрушит их контрреволюционные заговоры скорее большевистского террора и красногвардейских расстрелов.

Пора рабочим массам перестать быть пешками в руках интеллигентских партий, стремящихся вырвать друг у друга политическую власть. Довольно гнаться за какой то идеальной властью, лучшей, чем советская. Своей собственной власти, собственного рабочего правительства вы не дождетесь никогда: перед всякой властью придется упорной борьбой отстаивать свое рабочее дело.

Пора наконец подумать о *собственной рабочей революции*, о захвате фабрик и заводов, о захвате капиталистической прибыли для наибольшего увеличения своей заработной платы. Для этого дела требуется такое же единодушие масс, как в октябрьские дни. Захват рабочими всего производства будет постольку удачным, поскольку он будет произведен одновременно. Поэтому *прежде всего надо принудить советскую власть объявить всеобщую одновременную экспроприацию крупной и средней буржуазии*. Всякая собственность, приносящая доход выше установленной нормы (примерно 10 тысяч в год), должна быть конфискована; все доходы интеллигенции должны быть сведены до той же максимальной нормы.

Всеобщая экспроприация буржуазии лишит ее возможности содержать белогвардейские отряды и оплачивать бастующих служащих. Интеллигенция под угрозой голода принуждена будет отказаться от стачек и саботажа.

За счет той прибыли, которую потребляют капиталисты и сытая интеллигенция, должна быть повышена заработная плата рабочих, в особенности неквалифицированных, ныне обреченных на голодный паек. Но прежде всего должны быть обеспечены безработные. Для них надо добиться, не дожидаясь окончательной экспроприации буржуазии, немедленного открытия по всей России страховых касс, субсидируемых государством.

Рабочие! Всеобщая экспроприация буржуазии это начало той рабочей революции, которой с октября ждут от России рабочие всех стран. Они надеются, что там, где буржуазную власть удалось низвергнуть, рабочий класс покажет всему миру, как можно жить без грабителей, как преступно бороться за грабительское отечество и в братоубийственной войне приносить ему в жертву миллионы жизней. После уничтожения буржуазного строя в России никакому кайзеру не удастся удержать рабочие массы в адской бойне, не удастся спасти буржуазный строй от мировой революции.

Москва, 24 июня.

ВТОРОЙ ГОД БОРЬБЫ

За что борется рабочий народ после того, как рухнул царский трон? Где тот враг, которого он так упорно преследует и осаждает, пытаясь его доканать? Чего хотят, к чему стремятся русские рабочие массы?

По низвержении царского самодержавия социалистические спасители пролетариата, вкупе со всей прочей буржуазией, всячески старались убедить рабочих, что единственной их заботой должно быть преобразование России в «свободное» демократическое государство на манер западноевропейского, укрепление его и защита от внешнего врага. Но рабочие массы скоро показали, что царскую власть они разрушали не для того, чтобы кровью своею попрежнему защищать российских грабителей и их богатства, не для того, чтобы вернуть им утерянные и завоевывать новые владения, а для того, чтобы защитить себя от эксплуатации, избавиться от голодовок и двинуть вперед борьбу с грабителями.

Когда при новом правительстве стали гнать в окопы не менее усердно, чем при царе, рабочие массы убедились, что новая власть, хоть она и республиканская и демократическая, и опирается на захваченные социалистами-оборонцами рабочие советы, есть тем не менее власть буржуазная, все та же, что при царях, господская власть, повелевавшая рабам охранять своих угнетателей, принуждающая миллионы гибнуть на войне, защищая богатства тех самых грабителей, против которых рабочий народ поднял свое восстание.

Рабочие массы объявили непримиримую борьбу новому демократическому государству. Но этот вызов неизбежно бил не только по русской республике, но и по всем государствам, затеявшим зверскую бойню, и прежде всего задевал почтенные демократии, которые для ведения войны заключили союз с царем. Этот вызов был брошен всему старому миру, всем высококультурным грабительским державам, которые опустошают мир, истребляют наилучшие силы человечества, обрекают на голод и вырождение целые народы.

Русский рабочий разгадал злодейские замыслы великодержавных разбойников, которые, пользуясь продолжительным упадком революционной борьбы рабочих, затеяли бойню, чтобы в крови утопить грядущую рабочую революцию. Тех самых рабочих, что клялись в единении и верности всемирной борьбе с эксплуатацией — заставили истреблять друг друга. Тех самых рабочих, которые мечтали о низвержении грабительского строя, принудили спасти этот строй ценою миллионов

загубленных жизней. Коронованные и республиканские разбойники решили разъединить народы морями крови, непреодолимыми стенами племенной ненависти предохранить грабительский мир от грозящей ему гибели, вернуть ему средневековую крепость.

Русский рабочий разбивает дьявольские планы угнетателей и призывает к восстанию рабочих всего мира. На фронте, вооруженные для борьбы с внешним врагом, рабочие массы совершают невиданную измену разбойничьему государству, топчут безбоязненно священнейшие заветы грабительского отечества, подают руку его врагам, начинают братание с целью немедленно прекратить варварскую бойню. В тылу, по всей стране с каждым днем растет нападение на эксплуататоров: рабочими завоевывается высшая плата, восьмичасовой рабочий день, обезудываются капиталисты в их самодержавии на фабриках и в мастерских.

Напрасны усилия социалистических опекунов пролетариата укрепить буржуазную власть против бунтующего народа своим собственным участием в правительстве. Выдвинутый ими социалистический диктатор своей злодейской и бессмысленной политикой наступления вызывает лишь контр-революционную корниловщину, приводящую в негодование всю Россию. Попытка демократического совещания образовать правительство исключительно из социалистов кончается фарсом и дает лишь возможность вернуться к власти заядлым локаутчикам.

Гнев рабочего народа растет. Вспыхивают повсюду аграрные бунты с обычным кличем рабов русской деревни: долой с земли помещиков! Но к этому стародавнему кличу присоединяется в городах новый могучий клич, общий рабочим всех стран: долой с фабрик и заводов всех буржуазных пиавок! **Р а с п р а в а с г р а б и т е л я м и !** — в этом стихийном стремлении объединяется рабочий народ всей России.

Большевистская партия верно учла силу назревшей революционной стихии и постаралась овладеть ею. Своим лозунгом: «вся власть советам!» — она определила по своему цель всенародного восстания и убедила массы, что советская власть будет властью рабочего класса и беднейших крестьян. Восторженно приветствовали рабочие захват большевиками центральной правительственной власти, крутые меры против буржуазных правителей, против богачей и саботирующей интеллигенции, решительные шаги к заключению мира, свержение господской офицерской касты, закрытие лживой буржуазной прессы, разгон учредительного собрания.

— Эти уж наверно расправятся со всеми эксплуататорами! Так думали массы и беззаветно доверились большевикам.

Буржуазия почувствовала смертельную опасность и двинула в бой все свои силы. Они оказались гораздо многочисленнее, гораздо внушительнее, чем предсказывала социалистическая, а значит и больше-

вистская программа. Врагами рабочего народа оказались не только капиталисты и помещики, не только явно буржуазные партии, но и все демократы, все социалисты, за исключением небольшой группы большевистской интеллигенции. Социалистические опекуны народа, эн-эсы и эс-эры, оказались свирепыми убийцами народа. В Москве, в Питере, в ставке, на Дону они вооружали и вдохновляли на борьбу с рабочими буржуазных сынков, белогвардейцев, юнкеров, офицеров.

Перед рабочим предстал новый, до сих пор укрывавшийся за социализмом, буржуазный класс, самый заядлый, самый цепкий паразит, образованный, надменный враг рабочей революции, саботирующая интеллигенция.

Не раз поколебались большевистские вожди при столкновении с организованным отпором буржуазного образованного общества. Но рабочие массы не дрогнули. Напротив, вырастающие всюду новые вражеские силы вдохновляли их лишь на более упорную борьбу, ибо становилось очевидным, что идет борьба всех ограбленных против всех грабителей, всех рабов ручного труда против господствующего мира белоручек.

Рабочий народ в течение зимы по всей России обеспечил победу большевикам, дал полную возможность советской власти расправиться с эксплуататорами.

И что же? Оправдали ли большевики ожидания столь беззаветно верившего им народа? Увы! уже после двух, трех месяцев большевистского хозяйничанья рабочие заметили, что расправа с эксплуататорами не подвигается вперед. С капиталистами, хозяевами фабрик и заводов большевики не думали спешить, как со старыми чиновниками, судьями, офицерами.

Большевики наносили подчас жестокие обиды богачам, лишили помещиков и капиталистов голоса в управлении государством, но богатства буржуазии были затронуты лишь в незначительной степени. Так напр., советская власть разорила часть банкиров, т. е. тех капиталистов, у которых прибыль не создается, а лишь загребается и распределяется, часто в ущерб самим промышленникам и буржуазному обществу. Но те источники богатств, где прибыль непосредственно выкачивается из рабочих, за очень малыми исключениями, остается собственностью капиталистов. Советская власть не решается посягнуть на эту собственность и лишь ищет отговорок, чтобы оттягивать как можно дольше экспроприацию промышленников. Таким образом, основа буржуазного хозяйства, капиталистическая промышленность, не нарушалась: буржуазный строй не переставал существовать в России.

Но, может быть, все-таки, благодаря большевистской диктатуре и «рабочему контролю» на фабриках, стало улучшаться материальное положение рабочих масс? Ничуть! Зарботная плата совсем не поднялась. При бешено растущей дороговизне, оплата труда значительно ниже, чем до октябрьского переворота. Даже самый влиятельный из профессиональных союзов, союз металлистов, не мог дожидаться в течение трех месяцев затребованного им еще 1 октября обычного повышения ставок. И так, даже прибавки по случаю дороговизны достаются рабочим в советской республике ничуть не легче, чем в республике Керенского и локаутчиков.

После февральского буржуазного переворота рабочая плата сильно повысилась и завоеван восьмичасовой рабочий день. После октябрьской пролетарской революции рабочие не получили ничего. Капиталистов локаутчиков зависть брала при виде железной хозяйской руки коммунистов, которые ловким маневром предохранили себя от рабочих стачек и волнений.

Не в меньшей мере «пролетарская власть» показала свою железную хозяйскую руку по отношению к безработным. Согласно изданному декрету безработные должны были получать пособие из страховых касс, куда капиталисты обязаны были делать регулярные взносы. Но всю зиму никто об исполнении декрета не заботился, а пролетарская власть не считала нужным отпустить в кассу безработных из государственной казны ни гроша. Таким образом, до самой весны безработные никакого пособия ниоткуда не получали.

Когда на Россию обрушился голод, картина в «социалистическом отечестве» получилась та же, что и в отечестве буржуазном, что и при царе: рабочий народ пухнет с голоду, в столицах и в провинции среди бедноты свирепствуют эпидемии, а тут же о бок богачи и все привилегированные люди хоть немного и стеснены, все же голода не ощущают, ибо для них всегда находится достаточное количество дорого стоящих продуктов, которыми можно заменить недостающий хлеб и другие дешевые продукты, без которых не может обойтись рабочая семья.

Рабочий народ ждет терпеливо месяц за месяцем, но в «социалистическом отечестве» равенство ничуть не приближается, подлинная расправа с богачами и господами не наступает.

— Вероятно, трудно наладить все сразу! — думают одни, а другие уже успели совершенно разочароваться и махнули на все рукой.

Вдруг раздается грозный окрик коммунистического хозяина: Железная дисциплина на фабриках! усиленный труд! трибуналы для «саботажников» рабочих! Вот из-за чего дело стоит: социалистическая власть делает все возможное, но при озорстве и лени рабочих итти вперед на верный провал нельзя.

Этот грубый хозяйский окрик, эти благочестивые поучения «революционного» правительства о том, что вместо «додушения буржуазии» надо заняться «самодисциплинированием», весь этот скандальный «поворот» в марте месяце был предподнесен Москве, как подарок, с приездом совета народных комиссаров. Подарок этот, очевидно, не мог быть оставлен на прощание питерским рабочим, давно уже разочарованным и озлобленным; его надо было сохранить для более спокойных московских рабочих.

Не только рабочие с недоумением слушали неожиданный нагоняй своих коммунистических освободителей. Вся буржуазия ушам своим не верила. Но факт несомненный. Большевики бьют генеральный отбой. За своими вождями вся партия, все коммунистические ораторы и чиновники преподносят рабочим выговоры за леность. И буржуазия громко, весело расхохоталась. Увы! она хохотала над грозной большевистской революцией, перед которой недавно трепетала.

Большевистские правители в один прекрасный день пришли к выводу, что Россия совсем разучилась работать. И, словно самая обыкновенная буржуазная власть, коммунисты обрушиваются первым делом... на рабочих. Рабочие — это первые, которых надо подхлестнуть и заставить усиленно работать. Ну, а все белоручки, образованная буржуазия совсем не лодырничают? Не их ли первых следовало бы подхлестывать и подгонять? Но образованных, ученых людей разве можно принуждать в их «работе мысли», в их умственном труде?

Своими стачками против рабочей диктатуры интеллигенция выторговала у большевиков привилегированное положение и свои жирные доходы. Теперь коммунисты больше не смеют, даже при желании, задобрить рабочих, заикаться об уравнивании доходов интеллигента и рабочего. Теперь, напротив, за в о с ь м и ч а с о в о й труд рабочему полагаются выговоры за леность, а легкая ш е с т и ч а с о в а я работа белоручек в теплых и чистых конторах, бюро и всяких учреждениях, при жирных, за счет труда рабочего, окладах не заслуживает никакого упрека. Это труд честный, безупречный.

Труд рабочего должен быть усилен, интенсифицирован, оплачивается сдельно, чтобы лишняя копейка, упаси Бог, ему не досталась. Для чего? Чтобы оставленные большевиками на фабриках капиталисты исправно получали прибыль? Чтобы рабочий щедро, по старому кормил все образованное общество, всю буржуазию, благополучно продолжающую существовать в «социалистическом отечестве»?

Для свержения и подавления буржуазии рабочие вручили большевикам сильную диктаторскую власть. Теперь эта власть заявляет, что она нужна для введения порядка и д и с ц и п л и н ы в среде самих рабочих. Та привычка к труду, которую привили массам помещики своим кнутом, а капиталисты — угрозой голода и безработицы, еще

недостаточна для успешного ведения рабочего хозяйства. Твердая власть большевистской диктатуры должна завершить эту выучку, которая, по уверению Ленина, является благороднейшей задачей рабочей советской власти. Самодисциплинирование во имя якобы товарищеской солидарности при жизни буржуазного строя есть самая настоящая дисциплина, вводимая большевистскими комитетчиками, комиссарами и судьями во славу «отечественной промышленности».

Коммунисты совершенно забыли то недавнее время, когда вовсе не были нужны диктаторы-комиссары над рабочими для того, чтобы вести городское хозяйство Москвы в труднейших условиях, при упорном саботаже интеллигенции, когда рабочие прекрасно исполняли труд не только свой, но и бастующих служащих. Тогда рабочие верили, что идет борьба за их дело. Теперь никакими коммунистическими уверениями рабочих не убедишь, что их делом является «самодисциплина» в таком производстве, которое дает прибыль капиталистам, и повышение производительности труда в таком обществе, которое состоит по-прежнему из голодного народа и сытой буржуазии. Без принуждения нельзя заставить раба прилежно работать на своего эксплуататора. Голодный не станет добровольно носить на своей спине сытых паразитов.

Не помогут большевистскому правительству его убеждения и разъяснения, что дисциплина вводится самими рабочими, их собственной ими выбранной рабочей властью: рабочие массы будут чувствовать палку «рабочего» правительства, и такой власти выражением своей воли не признают, на ее защиту не поспешат.

Кто же, в таком случае, будет защищать советскую республику от ярости и мести иностранной и своей буржуазии? Уже в марте, при нашествии кайзеровских полчищ, оказалось, что рабочие массы не идут на защиту «социалистического отечества» большевиков. Не помогут уверения, что война «справедлива» и «священна» с тех пор, как большевики достигли власти, призвали к миру все страны и обнародовали тайные империалистические договоры. Рабочий народ рассуждает не по-большевистски. Он потребовал прекращения войны в тот самый момент, когда объявил расправу со своими «отечественными» грабителями. Он показал, что за грабителей, за сохранение их богатств он больше драться не желает.

Большевики все это чувствуют и, не полагаясь на добровольческую армию, объявляют принудительный набор. Такая армия, как и красногвардейская, сумеет, пожалуй, защитить советскую власть от чехословаков и внутренней контр-революции, но перед нашествием немцев или японцев она не устоит.

Советское правительство не может не чувствовать, что обещанное октябрьским переворотом уничтожение грабительского

строю одно лишь могло бы спасти революцию; что только захват фабрик, заводов и прочих богатств буржуазии в пользу рабочих мог бы возродить октябрьский единодушный порыв рабочих масс к упорной защите рабочей революции. Большевики должны понимать это и все-таки выбрали путь противоположный. Они объявили приостановку атак на буржуазию и направили свою диктаторскую власть на обучение рабочих прилежанию. Почему? — Такова уж природа социализма.

Всякий социалист обязательно назначает рабочим, раньше их освобождения, предварительную выучку под палкой. Соц.-дем.-ты меньшевики никогда не хотят расставаться с капиталистической палкой. Их родные братья, соц.-дем.-ты большевики, раньше чем отказаться от нее, сооружают палку коммунистическую.

Большевики уверяют, что советская власть, избранная самими рабочими, без участия капиталистов, не может не быть истинным выражением воли рабочих. Но год тому назад советская власть, избранная на тех же основах, что и большевистская, уж несомненно не была рабочей волей, а под руководством меньшевиков и эсеров защищала буржуазный строй и призывала к участию в грабительской войне. Таким образом, советская власть сама по себе не есть святая святых, не дает еще гарантии и теперь, что в руках большевиков она выражает волю и нужды рабочего класса.

Почему же год тому назад рабочие не выбрали своих истинных представителей? Почему и теперь волею рабочих масс и властью выбранных ими депутатов лежит глубокая пропасть?

Не будем говорить в данный момент о разнице в интересах и нуждах наемных рабочих и тех крестьян, что мечтают лишь о приобретении и владении собственным клочком земли. Рабочих не менее интересует и другой вопрос: почему между рабочими массами и их собственными депутатами раньше или позже возникает рознь?

К советским выборам допускается наравне с рабочими и интеллигенция, которая в октябре яростно восстала против всеобщего стремления рабочих низвергнуть власть локаутчиков; та самая интеллигенция, которая оказалась вернейшим защитником буржуазии, упорнейшим врагом рабочей революции. Несмотря на такие выступления интеллигенции, социалисты и большевики в том числе, заставляют смотреть на нее, как на солидарный с рабочими отряд единого «пролетариата». Между тем интеллигенция, за исключением низших ее слоев, выгоден демократический буржуазный строй, в котором она возвышается над ручными рабочими, и опасна рабочая революция, которая грозит ей уравнием с рабочими. Вот почему она удерживает рабочих от нападения на буржуазное общество и сочиняет социалистические программы, только ей выгодные.

Большевики в октябрьском перевороте провозгласили демократическую сказку, будто рабочие массы обреченные на пожизненный ручной труд и невежество, станут вдруг сами управлять государством. Для управления, уже на местах, требуются люди интеллигентные, а в центрах сплошь и рядом просто необходимы ученые специалисты. Не рабочие массы правят в советской республике, а их депутаты. Рабочие массы выбирают образованных социалистов, которые обещают борьбу с грабителями, но потом, получив власть, в угоду интеллигенции эту борьбу приостанавливают. Если рабочая масса, в лучшем случае, выбирает своих более интеллигентных товарищей, рабочих «передовиков», то они должны иметь в руках ясно выраженную и обоснованную программу, которой вдруг не создашь, которую они берут готовой у социалистов. Рабочие-передовики вступают в социалистические партии, отрываются от массы, становятся пропагандистами интеллигентских программ, а не выразителями рабочих масс.

В большевистской диктатуре рабочие «передовики» из революционеров, выражающих волю масс, превращаются в государственных чиновников, которые по большевистской указке строят в буржуазном обществе новое демократическое государство. Они становятся обыкновенными правителями, командирами, надсмотрщиками, уходят от рабочей массы и пристают к низшим слоям буржуазного образованного общества. Теперь они с особенным рвением вводят рабочую дисциплину и вырабатывают на съездах и в профессиональных союзах разные системы прижимок, в виде сдельной оплаты труда, расчетов «малопроизводительных» рабочих и даже черных списков.

Такие явления происходят во всех странах. Рабочие массы своим депутатам и представителям довериться не могут. Они должны, не поддаваясь социалистическим басням, беспрестанно и громко заявлять о своих нуждах, о своей воле.

Рабочие не будут иметь своего «рабочего правительства» даже тогда, когда исчезнут капиталисты. Пока рабочий класс обречен на невежество, править будет, в лице его депутатов, интеллигенция, которая, защищая себя, а не рабочих, будет всегда отстаивать привилегии старого грабительского мира. После экспроприации капиталистов рабочим предстоит уравнивать свои доходы с доходами интеллигентов, иначе они обречены на ручной труд, невежество и неумение управлять жизнью страны. Итак, даже после падения капиталистического строя, рабочие не будут носителями государственной власти, не будут иметь послушного правительственного аппарата в своих руках.

Когда рабочий класс стремится к своему господству, это значит, что он стремится к революционному господству над государственной властью. Революционным давлением,

изъявлением воли миллионных рабочих масс он должен диктовать законы государственной власти.

Уже больше полугода большевистская диктатура усыпляет рабочие массы сказкой, будто в России существует коммунистическое рабочее правительство, которое выражает волю рабочих, которое само уничтожает их рабство. И вот это большевистское «рабочее правительство» оставляет при жизни буржуазный строй, приостанавливает нападение на грабителей, приостанавливает рабочую борьбу раньше, чем она разрослась в настоящую рабочую революцию. Мало того. Рабочие были так отуманены, потом так разочарованы, что всякий контр-революционер, всякий меньшевик легко тащит их назад и смеет призывать к возвращению грабителям всех прежних их прав.

Не низвергать советскую власть, на радость всем соглашателям и контр-революционерам, должны рабочие массы, а толкать ее вперед своими рабочими экономическими требованиями, которые после захвата советами власти не должны были замолкнуть, а напротив, подняться до требования экспроприации буржуазии в пользу рабочего класса.

БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ДИКТАТУРА И ЭКСПРОПРИАЦИЯ БУРЖУАЗИИ

Сто лет социалисты поучают рабочих, каким образом низвергнуть грабительский буржуазный строй. Написаны по этому предмету горы книг, научных исследований, журналов, брошюр, газет, воззваний. Несмотря на громадный труд целых социалистических поколений, русские большевики, захватив удачно власть, очутились в полном неведении: как же все таки «додушить буржуазию», как низвергнуть окончательно буржуазный строй? Они бродили впотьмах почти так же, как сорок семь лет тому назад парижские коммунары, как 70 лет тому назад в том же Париже социалисты, низвергнувшие буржуазную монархию и беспомощно метавшиеся перед вопросом: что же им дальше делать с рабочими восстаниями? Сами большевики могли теперь убедиться, и своей беспомощностью засвидетельствовать, что вся социалистическая наука, особенно за последние полвека, занималась лишь вопросом, как подготавливать рабочих к социализму, как развивать демократический буржуазный строй, и вовсе не думала о том, как буржуазию в момент революции низвергнуть.

Большевикам для проведения «пролетарской» революции пришлось искать указаний не в новейшей, а в самой старой, первоначальной фазе развития марксизма, в литературе, возникшей в эпоху, отдаленную от нас на целых 70 лет. Малейшие указания Маркса того времени большевики старались в точности выполнить вплоть до переименования себя из «социалистов» в «коммунистов».

Затем они приступают к частичным национализациям в таком порядке, как указывал Маркс, но к великому несчастью похвалиться хорошими результатами своих экспериментов не могут, ибо не умеют преодолеть сопротивления буржуазного общества. Буржуазный строй не перестает существовать. Стесненный, искалеченный, он все же не лишен возможности, в случае ослабления революции, залечить свои раны и возродиться к новой жизни.

Как же доканать буржуазный строй? Продолжать ли частичные национализации, которые уже обнаружили свою немощность? Как преодолеть живучесть старого строя, новые способы сопротивления буржуазного образованного общества?

Важнейшие шаги социальной революции, основные проблемы социалистического переворота большевики принуждены решать теперь ощупью, в первые принуждены, однако, решать их немедленно,

среди невероятно быстрой смены событий революционного момента, под ураганным огнем своей и иностранной буржуазии. В продолжение истекшего полувека ни один из многочисленных марксистских ученых не ставил себе задачей развить, дополнить марксову формулу революции, созданную в 1847-50 г.г.

И не удивительно. В эпоху, следовавшую за февральской революцией, социализм, и в частности марксизм, стремился не к рабочей революции, а к распространению социалистической веры в развитие буржуазного строя, в то, что капиталисты сами роют себе могилу, что будущий строй вырастет из лона буржуазного общества, только бы не нарушать естественного процесса развития попытками вызвать «преждевременные роды», преждевременную рабочую революцию.

ОКТЯБРЬСКИЙ ПЕРЕВОРОТ

Во все периоды развития марксизма положение, что первым шагом в освобождении рабочего класса является завоевание власти, оставалось незыблемым, неизменным. Социал-демократия опошшила это положение своей политикой, учившей, что достигнуть государственной власти рабочий класс может вернее всего путем мирной парламентской борьбы. Теперь всякий большевик, вероятно, признает, что не «господство пролетариата» достигается законной мирной борьбой, что на этом пути лишь сама социалдемократия становится мирной законной партией, которая в настоящий момент всюду помогает правительствам вести грабительскую войну и вдохновляет рабочие массы разных стран истреблять друг друга. Большевизм не только в пропаганде, не только на словах, но и на деле восстановил в первоначальной революционной «чистоте» Марксову формулу о захвате власти.

Власть завоевывается не мирным, а насильственным путем, путем всенародных восстаний. Вот что доказал большевизм всему социалистическому миру, доказал, никто спорить не станет, с блестящей наглядностью и несомненностью. Но утверждения большевиков, что их захват власти есть диктатура, господство рабочего класса, является одной из тех многочисленных басен, которые сочиняются социализмом на протяжении всей его истории.

Хотя большевики отвергли соглашательство социал-демократии, однако, господство рабочего класса достигается у них так же скоро и просто, как парламентское господство у Шейдемановцев. И те и другие обещают рабочему классу господство в его ничем ненарушенной неволе, при существовании буржуазии, владеющей всеми богатствами.

Накануне 1903 г. большевизм, будучи сам соглашательским, вместе со всей социалистической и демократической братией уверял, что свержение самодержавия делает рабочий класс хозяином страны. В 1917 г., через несколько дней после октябрьского переворота, как только большевики заняли в советах места соц.-рев. и меньшевиков, Ленин — место Керенского, а Шляпников — Гвоздева, — рабочий класс уже по одному этому сделался владельцем всех богатств Российского государства. «Земля, железные дороги, фабрики — все это, рабочие, отныне ваше», — говорится в одном из первых воззваний Сов. Нар. Комиссаров.

Марксизм, очищенный, якобы, от социал-демократического оппортунизма, все же обнаруживает старую склонность, свойственную всем социалистическим красноречивым склонностям, кормить рабочих вместо хлеба — баснями. Марксизм революционный, коммунистический, извлеченный из-под мусора долгих десятилетий, представляет все ту же демократическую утопию о самодержавии народа в его неволе, в его невежестве, в его экономическом рабстве.

Достигнув своей диктатуры и решив осуществлять социалистический строй, большевистский марксизм не отделался от старой марксистской повадки заглушать «политикой» рабочую «экономику», отвлекать рабочих от экономической борьбы, и задания экономические подменять политическими. Напротив, сотворив счастливо свой шедевр, большевики не преминули опутать рабочие массы самым неудержимым славословием «рабоче-крестьянского правительства».

Оттого только, что большевики захватили власть, моментально исчезла буржуазная Россия, родилась Россия социалистическая, Российское «социалистическое отечество», хотя до сих пор «пролетарская диктатура» не только не приступила, но и не думает, очевидно, приступать к обобществлению фабрик и заводов.

Капиталисты потеряли свои фабрики, хотя они не отобрали у них; они больше не собственники своих капиталов, хотя по-прежнему живут по-барски. С октября собственником всех богатств является рабочий, тот самый рабочий, плата которого, при всей растущей дороговизне, становится голодной платой; тот самый «владелец фабрики», что при малейшей заминке в транспорте обрекается на все ужасы еще не виданной в России безработицы.

Да, чудотворна большевистская диктатура! Она дает рабочим власть, она дает им господство и освобождение, оставляя все богатства в руках буржуазного общества.

Однако, говорит марксистская коммунистическая наука, история не знает другого пути освобождения: до сих пор все классы освобождались путем захвата государственной власти. Этим путем и буржуа-

зия достигла своего самодержавия в эпоху великой французской революции.

Маленькую подробность забыли коммунистические ученые: все освобождавшиеся в истории классы были классами и мущими, а рабочей революции предстоит обеспечить господство за классом не и мущим. Буржуазия приступила к захвату государственной власти лишь после того, как в течение столетий накопила богатства, размерами своими не уступавшие богатствам ее угнетателей, дворянской знати; и только по этой причине голый захват власти являлся для нее действительным установлением ее владычества, закрепление ее господства.

Рабочий класс не может следовать по пути освобождающейся буржуазии. Для него немислимо накопление богатств, на этой почве он не может преодолеть силу буржуазии. Рабочий класс не может сделаться владельцем богатств до своей революции. Поэтому захват государственной власти, произведенный какой угодно революционной и архикоммунистической партией, сам по себе не дает рабочим ничего, кроме той призрачной власти, призрачного господства, каким до сих пор не переставала быть большевистская диктатура.

Большевики не двигаются вперед, и рабочие массы, уже давно начавшие разочаровываться в них, признают в конце концов большевистскую диктатуру бесполезной для себя и уйдут от них, как ушли от меньшевиков и эсэров. Обнаружится, что нынешняя власть — не власть рабочего класса, что она защищает интересы «демократии», низших слоев буржуазного общества: мелкой городской и сельской буржуазии, интеллигенции, так называемой народной интеллигенции, выходцев из мещанской и рабочей среды, которых советская республика призвала к управлению государством, производством и всей жизнью народа. Окажется, что большевистская диктатура была лишь крайним революционным средством, необходимым для подавления контр-революции и утверждения демократических завоеваний. Окажется, что октябрьское восстание большевики подняли затем, чтобы спасти от полной гибели развалившееся буржуазное государство путем создания «рабоче-крестьянского отечества», чтобы предохранить от разгрома уже не дворянские поместья, а целые города, целые области, которым угрожали с одной стороны голодные массы города и деревни, а с другой — миллионы бегущих с фронта солдат.

Все, что остается от большевистской революции, мало чем отличается от скромных планов, какие строили большевики за два-три месяца до октябрьского переворота. В брошюре «Уроки революции» Ленин несколько раз заявляет, что задачей большевиков является осуществление того, что хотят, но не умеют сделать эсэровские министры, — спасение России от развала, что лишь буржуазные клеветники

могут приписывать большевикам стремление создать в России рабочую, социалистическую диктатуру (стр. 26, 27).

В двух более поздних брошюрах — «Удержат ли большевики власть», и «Грозящая катастрофа», объясняется, что задачей большевистской диктатуры и рабочего контроля будет замена старого бюрократического механизма новым народным государственным аппаратом и изыскиваются самые фантастические способы, при помощи которых можно было бы, не отнимая у буржуазии ее богатств, принудить ее подчиняться и служить новому народному государству.

Итак, большевистская диктатура была задумана, как диктатура демократическая, которая не должна была подрывать основ буржуазного строя. После октябрьского переворота некоторые предприятия были объявлены национальными путем декретов, исполнение которых, как известно, не обеспечено. Несколько десятков банкиров лишились своих богатств, но в общем и целом богатства России остаются в руках буржуазии, как основа ее силы и владычества.

Окопавшись на завоеванных позициях, новые коммунисты сыграют роль французских буржуазных демократов времен великой революции, роль славных якобинцев, карьера которых так сильно прельщает большевистских вождей и которых они не прочь копировать, как в лицах, так и в учреждениях.

Французские якобинцы в свое время создали почти такую же призрачную диктатуру французских бедняков, как русские большевики. Чтобы уверить народ в том, что «аристократы» и прочие «контр-революционеры» подавлены, что столица и все государство в руках бедноты, якобинцы отдали богачей и аристократов под надзор масс, и сами (например министр юстиции Дантон в сентябрьские дни) организовали кровавые расправы с врагами народа.

«Революционные трибуналы» парижских санкюлотов (бедняков) ежедневно приговаривали к смерти несколько десятков врагов народа и парижскую бедноту усыпляли видом падающих на эшафоте голов, заставляя ее забыть о своем рабстве и голоде, подобно тому, как в настоящее время в России усыпляют рабочие массы арестами буржуев, захватом дворцов, зажиманием рта буржуазной прессе и тому подобными террористическими зрелищами.

Несмотря на ужасы якобинского террора, просвещенная буржуазия скоро признала, что именно это крайнее течение спасло ее, закрепило завоевания революционной буржуазии, спасло буржуазную революцию и государство от натиска всей контр-революционной Европы, возбудив беззаветную преданность «отечеству свободы, равенства и братства».

До тех пор, пока богатства остаются в руках буржуазии, Россия не перестает быть государством буржуазным, сколько бы ни величали его

большевики «социалистическим отечеством», какие бы архинародные формы управления ни придумывали. Все, что они сделали до сих пор, это работа якобинцев, укрепление демократического государства, стремление привить массам глубочайший самообман, будто с октября владычеству эксплуататоров положен конец и все богатства принадлежат рабочему народу, попытка разжечь в демократической России патриотизм французских санкюлотов.

Об этом мечтали большевики еще будучи пораженцами, еще до октябрьской революции, когда объявили, что они лишь одни в состоянии вызвать необходимый для обороны энтузиазм (Ленин «Грозящая катастрофа»). Об этом они не переставали думать, став оборонцами, хотя им и не удалось зажечь патриотический огонь в «заболевшей» армии; об этом они думают теперь, провозглашая новую «отечественную» войну.

ГОСПОДСТВО РАБОЧЕГО КЛАССА

Власть, выпавшая из рук буржуазии, никоим образом не может перейти и удержаться в руках такого неимущего класса, каким остается рабочий класс. Класс неимущий и в то же время господствующий — полнейшая нелепость. Это основная утопия марксизма, благодаря которой большевистская диктатура так легко и быстро становится демократической формой завершения и укрепления буржуазной революции, становится российской копией якобинской диктатуры.

Власть, ускользающая из рук капиталистов и помещиков, может быть захвачена только низшими слоями буржуазного общества, мелкой буржуазией и интеллигенцией, которая, как обладатель знаний, необходимых для организации и управления всей жизнью страны, приобрела и прочно обеспечила за собой право на барские доходы, право на долю награбленных богатств, на долю национальной прибыли. Но эти низшие слои буржуазии, вынудив у богачей демократический строй, очень быстро возвращаются к союзу и единению с ними. Власть возвращается к совокупности имущих. Ибо власть не может быть отделена на продолжительное время от источника всякой власти — от накопленных богатств.

Не следует ли из всего сказанного, что рабочим вообще надо отказаться от мысли о своем господстве? Ни в каком случае? Отказаться от господства значило бы отказаться от революции. Победная революция рабочего класса и есть его господство.

Дело лишь в том, что рабочий класс не может копировать буржуазную революцию, как это ему советует соц-дем-ская наука, по той простой причине, что класс, обреченный на рабский паек, уже этим

самым лишается возможности накапливать, подобно средневековой буржуазии, богатства и знания. У рабочих есть свой особый путь освобождения от рабства. Чтобы сделать свое господство возможным, рабочий класс должен раз навсегда уничтожить господство буржуазии, одним ударом выбить у нее из рук источник ее владычества, лишить ее фабрик, заводов, всего накопленного имущества, низвести богатых до уровня людей, принужденных трудиться.

Вот почему экспроприация буржуазии есть первый неизбежный шаг рабочей революции. Но экспроприация лишь первый шаг на пути освобождения рабочего класса. Экспроприация буржуазии еще не приводит к полному уничтожению классов, не несет еще полного равенства.

После экспроприации крупной и средней собственности остается еще мелкое хозяйство в городе и деревне, на обобществление которого потребуются не один год. Остается, что еще важнее, интеллигенция. Хотя ее крупные барские доходы будут урезаны в момент экспроприации буржуазии, она все же не лишается возможности удержать для себя высшую оплату труда.

Так как интеллигенция остается по-прежнему единственным обладателем знаний, так как в ее руках, в силу этого, остается управление государством и производством, рабочему классу предстоит упорная борьба с интеллигенцией за повышение рабочей платы вплоть до уравнения ее с интеллигентским жалованьем.

Полное освобождение рабочих наступает лишь тогда, когда появляется новое поколение равно образованных людей, неизбежно вырастающее, раз завоевана равная оплата ручного и умственного труда, раз интеллигент и рабочий обладают одинаковыми средствами на воспитание своих детей.

Господство рабочих не может предшествовать экспроприации богатей. Только с момента экспроприации буржуазии начинается господство рабочего класса. Рабочая революция принудит государственную власть провести экспроприацию крупной и средней буржуазии и узаконить произведенный рабочими захват фабрик, заводов и всех накопленных богатств.

МАРКСИСТСКАЯ ДИКТАТУРА

Поскольку в октябрьском перевороте дело шло о «рабоче-крестьянской» буржуазной революции, о демократической диктатуре, старая большевистская телега, хоть с трудом, но все же выбралась из демократического болота и вступила на новый путь. Но дальше дорога идет

все круче в гору. Предстоит «немедленное введение социализма», громкогласно возвещенного в разогнанной учредилке. Социал-демократическая телега на крутых подъемах трещит, пассажиры все чаще направляют тоскливые взоры в сторону покинутого болота. Против этого соблазна не может устоять и сам возница. Коммунисты возвращаются назад с громкими криками: Довольно бунтов! Да здравствует отечество! Усиленный труд рабочих! Железная дисциплина на фабриках и заводах!

С диким ликованием встречает их старая родня, сподвижники буржуазной революции, с новожиженцами и меньшевиками во главе.

— Вернулись, голубчики! Вздумали бунтовать против «объективного хода вещей», против буржуазной выучки! Захотели «немедленного осуществления»! Вот и доказали сами, наипрекраснейшим образом, «невозможность».

Напрасно, однако, постоянные обитатели демократического болота так не в меру ликуют. Отказ большевиков от дальнейших «социалистических экспериментов» доказывает лишь невозможность для социализма и низвергнуть буржуазный строй, а не объективную невозможность вообще, точнее говоря, невозможность для рабочего класса успешной революции против грабительского строя.

Большевики взяли на себя дело, превосходящее их силы, и их ресурсы. Они задумали низвергнуть буржуазный строй, опираясь на соц-дем-ское учение. Но ведь это марксистское учение исповедуют вместе с ними «соглашатели» меньшевики в России, «императорские соц-дем-ты» в Германии и Австрии, «социал-патриоты» всех стран. Это учение во всем мире является гасителем революции, усыпителем рабочих масс, крепчайшими сетями, которые опутывают ум рабочих, опаснейшим оружием образованной буржуазии в ее борьбе с рабочей революцией.

Когда мировая соц-дем-тия дошла уже до того, что миллионные армии рабочих, набранные для социалистического освобождения, спокойно отдавала на истребление военным разбойникам, тогда два-три вождя большевизма решились объявить соц-дем-тию «гнилым трупом». Но учение социализма, ее марксистский социализм, породивший этот «гнилой труп», остался для большевистских бунтарей святым, незапятнанным. Соц-дем-тия, оказывается, лишь «изменила» своему учению. Правда, «изменники» насчитываются миллионами, а «верных» последователей, в момент русской революции, один только Ленин да, может быть, Либкнехт. Все-таки — да здравствует святой марксистский социализм, истинный социализм!

Это обычная история социалистических раскольников всего истекшего столетия. Новатор вынырнет из социалистического болота, но

совсем не для того, чтобы найти выход из него для себя и для других, а для осуществления старых заветов, для проведения, напр., якобинской революции. Поэтому болото испытывает лишь легкое местное колебание и скоро обретает свой блаженный застой. Социалистические сети, опутывающие ум рабочих, удерживающие их от рабочей революции, не слабеют от новшеств «революционных» коммунистов, а лишь испытываются и крепнут.

Лет двадцать тому назад большевики, как известно, составляли вместе с Плехановыми, Гедами, Вандервельде и всеми прочими нынешними социал-патриотами единую солидарную социал-демократию. Тогда и было разработано для России марксистское учение: марксистская философия, социология, политическая экономия, словом, тот марксистский социализм, который хоть и превратил соц-дем-тию в «гнилой труп», однако, воплощенный в большевизм, должен, каким-то чудом, низвергнуть буржуазию и осуществить полное освобождение рабочего класса. Разработанный общими усилиями Плехановых, Мартовых, Лениных русский марксизм никогда не мыслил социалистический переворот, как свою реальную задачу. Он считал низвержение буржуазного строя невозможным в наши дни и целиком передавал эту задачу будущим поколениям.

Русский марксизм, как и западноевропейский, занимался не вопросами низвержения буржуазного строя, а его развитием, демократизацией, совершенствованием. Но в отсталой царской России марксистская любовь к буржуазному строю достигла последних своих пределов. С началом нового столетия нынешние большевики и меньшевики до того, как раскололись на два конкурирующих течения, приняли следующее непоколебимое решение, одобренное социалистами всего мира: верховная задача социализма в России — проведение буржуазной революции. Это значило: все напряжение сил, на какое только способны русские рабочие, их кровь, пролитая у Зимнего дворца, на улицах Москвы, все жертвы карательных экспедиций 1905-6 гг. должны иметь целью создание обновленной прогрессивной буржуазной России.

Провозглашенная Лениным еще в прошлую революцию «рабоче-крестьянская» диктатура, это соглашательское соединение марксизма с эс-эровщиной, ничуть, конечно, не нарушает соц-дем-ской заповеди о недопустимости социалистической революции. Провозглашалась рабоче-крестьянская диктатура потому, что господство одного рабочего класса признавалось невозможным. Провозглашалась, в духе нынешних новоженцев, диктатура буржуазной демократии потому, что считалось недопустимым низвержение буржуазного строя.

Таким оставался марксизм почти вплоть до октябрьской революции. Своим могучим светом он озарял путь как творцов буржуазной

революции 1905-6 г., так и социал-патриотов февральской революции. Он представлял для них неисчерпаемое море драгоценнейших указаний. Но наивно искать в марксистском учении подобных указаний для низвержения буржуазного строя, для рабочей революции. Там не найдешь ничего, кроме перечня всех трудностей, всей опасности и преждевременности социалистических "экспериментов"; оттуда выносят лишь суеверный страх перед социалистическим переворотом, как величайшей в мире катастрофой; тот страх, который так ярко выразили Плехановы, Потресовы, Либерданы и, наконец, сами большевики, испугавшиеся Ленина, когда он бросил лозунг: немедленный социализм.

Поистине, надо было совершиться чуду, чтобы Ленинская затея была осуществлена его партией и не сделалась грандиознейшей в истории революций демагогией. Надо было, чтобы буржуазный строй низвергали люди, всю свою жизнь внушавшие себе и другим, что такой переворот невозможен. Надо было, чтобы все большевистские работники, усвоившие социализм по учебникам Плеханова, Каутского, Бернштейна, которые требуют многолетнего демократического воспитания рабочих масс, — вдруг, в огне революции, создали новое учение, которое показало бы, что такая подготовка излишня. Надо было, чтобы многолетние усилия, направленные на использование рабочей борьбы для политических буржуазных переворотов, на предотвращение рабочей революции, вдруг превратились в стремление вызвать эту революцию.

Но история таких чудес не знает. Развертывающаяся в настоящий момент измена большевиков лозунгам, которые были ими провозглашены в октябрьской революции, для них, как марксистов, вполне естественна.

«Научный социализм», побеждающий и впитывающий в себя все прочие социалистические школы, достиг глубокой дряхлости, не дав в результате всех своих битв ничего, кроме прогресса и демократизации буржуазного строя. Большевизм решил воскресить коммунистическую юность марксизма, но лишь показал, что и в этом издании марксизм ничего больше создать не в состоянии. Допускать противное, верить большевикам, что они на самом деле решили низвергнуть грабительский строй, который защищают их родные братья, социал-патриоты всего мира, — оказывается величайшей наивностью. Большевики сами такую наивную веру в их бунтарство грубо, жестоко уничтожают.

Что же это за враги буржуазного строя, которые укрепив свою самодержавную власть, по собственной воле от низвержения буржуазии отказываются? Если они почувствовали «объективную невозможность» «додушить буржуазию», как же они могут оставаться на занятом посту? Им стало-быть все равно — быть ли выразителями воли рабочих,

или исполнителями воли оставленного при жизни буржуазного общества?

Объяснять поведение большевиков простой нечистоплотностью политиканов было бы очень поверхностно. Дело в том, что верховной целью, от которой люди никогда не отказываются, которой никогда не изменяют, за достижение которой они побеждают или гибнут, такой верховной целью для марксистов, даже для большевистских коммунистов, является лишь демократизация существующего строя, а не его разрушение.

Дело у большевистских и соглашательских марксистов одно. Разница между ними лишь в том, что вторые идут к демократизации буржуазного строя проторенными путями западно-европейских конституционных государств, в то время, как первые решились вызвать революцию даже против республиканского режима. Разница эта, однако, могла возникнуть только в России, когда величайшая в мире держава, вследствие своей отсталости, дошла до такого развала, что в текущей войне оказалась неспособной даже отстоять свое существование. Здесь завоеванная социалистами-соглашателями республика оказалась неспособной защищать себя ни от ударов внешнего врага, ни от контр-революции. Перед большевиками предстала грандиозная задача — перестроить государство на совершенно новых, народных началах, которые явились бы источником силы — необходимой для защиты демократии от ее внутренних и внешних врагов.

В поисках за самым сильным оружием для спасения демократической революции, русским социал-демократам пришлось перерыть весь марксистский арсенал. Это оружие было, наконец, найдено большевиками в идее Марксовой диктатуры времен революции 1848-50 гг.

Шестимесячная диктаторская власть большевиков успела доказать неопровержимо, что возрожденная коммунистическая диктатура, как и весь столетний социализм, не умеет и не желает низвергнуть грабительский строй. Торжественно провозгласив в учредительном собрании немедленное осуществление социализма, вырвав у кайзера специально для этой цели «передышку», большевистская диктатура, подойдя вплотную к «экспроприации буржуазии», инстинктивно останавливается и пятится назад перед задачей, противоречащей всему ее существу.

Что же такое большевистская диктатура, неотказывающаяся жить после своего коммунистического позора? Только демократическое средство спасения буржуазного общества от грозящей ему гибели под развалинами старой государственности; лишь его перерождение в новых народных формах, создать которые могла только революция. Эта диктатура есть революционное вторжение в русскую государственную жизнь самых низших народных слоев буржуазного отечества, ныне ос-

вобождаемых, в виде мелких хозяйчиков в деревне, в виде интеллигенции народной и рабочей в городе.

В качестве первого и неотвратимого шага для полного освобождения рабочего класса, для окончательного низвержения тысячелетнего грабительского строя, изобретатели коммунистической диктатуры подсунили рабочим средство, при помощи которого, в его наиболее классическом виде, буржуазные демократы великой революции, французские якобинцы, спасли и укрепили грабительский строй. То обстоятельство, что средство якобинцев пускают в ход социалисты, не дает ничего сверх таких же буржуазных плодов, ибо первая задача всякого современного социалиста — не допустить немедленного низвержения буржуазии, не допустить рабочей революции.

Уже в начале третьего месяца большевистской диктатуры наиболее умные представители русских богачей (Рябушинские в «Утре России») заявляют, что большевизм опасная болезнь, которую, однако, надо терпеливо изжить, ибо она несет их возлюбленному грабительскому отечеству спасительное перерождение и могущество. Те же умные буржуа предпочитают Ленина, разнуздавшего «чернь», Керенскому, защищавшему их от «взбунтовавшихся рабов». Почему? Потому что Керенский расшатанную власть своим лавированием и нерешительностью ослаблял еще более, между тем как Ленин прежнюю слабую скомпрометированную власть, как негодную, уничтожил с корнем и открыл источник новой сильнейшей власти, за которой русский рабочий признал самодержавные права.

Рябушинские, которые хорошо знают и высоко ценят марксизм, очень скоро убедились, что диктатура «черни» не сойдет с пути этого почтенного социал-патриотического учения и поняли, что сильнейшая большевистская власть может рано или поздно стать их достоянием, хотя и разделенным со вновь выросшими властителями, с освобожденными низами буржуазного общества.

Рябушинские давно могли отметить следующие несомненные и радостные для них явления: 1. В руках большевистских диктаторов социализм не перестает быть той песней, под звуки которой массы идут на борьбу за возрождение буржуазной родины. 2. Социалистическая диктатура есть лишь агитационное, демагогическое средство для проведения диктатуры демократической. Подобие первой допущено коммунистами лишь на короткий момент для утверждения второй, для укрепления и украшения ее рабочими мечтаниями и иллюзиями. 3. Демократической диктатуре и рождающейся в ней новой русской государственности сообщается доля того революционного могущества, к которому стремятся массы в своих рабочих восстаниях. Означенные выводы следуют неотвратимо из всей истории большевистской «рабоче-крестьянской» диктатуры.

Большевизм целые годы, еще со времени прошлой революции, готовил свою партию к диктатуре заведомо мелко-буржуазной, в которой миллионы крестьян, стремящихся к положению мелких хозяйчиков, должны парализовать стремление рабочего класса к немедленной рабочей революции, к скорейшему уничтожению всякого частного хозяйничанья. Эту мелкобуржуазную диктатуру большевики установили октябрьским переворотом, призвав к власти не только рабочие, но и крестьянские, и солдатские советы депутатов, включающие в достаточной мере мелкобуржуазные элементы. Да и рабочие советы получили власть лишь тогда, когда предварительно сами оказались во власти большевиков, утверждающих демократическую диктатуру.

Построив советскую власть на заведомо мелкобуржуазном основании, большевики, подобно всем прочим демократам, стремятся заполучить от рабочих признание этой власти чисто рабочим господством, рабочей диктатурой. С этой целью безбоязненно разжигаются рабочие восстания по всей России. Это, как теперь объясняют сами коммунисты, «агитационный», а проще говоря демагогический период большевистской диктатуры. Беспощадно разрушаются все старые и новые буржуазные формы: офицерская каста, армия, суды, «самоуправления», даже учредилка. По анархистски, бок о бок с анархистами производятся экспроприации, налагаются контрибуции, терроризируется буржуазия. Под конец такого «агитационного» периода большевикам удается водрузить над своей демократической лачугой широковещательную вывеску: социалистическое отечество.

Рабочие массы, которые геройски дрались по целым неделям во всех более значительных пунктах России, не могли, конечно, догадаться, что они переживают лишь «агитационный» период своей диктатуры, что скоро он сменится «деловым» периодом сотрудничества с фабрикантами и промышленниками, что ими лишь играют, что им лишь позволили «погулять».

В рабочих восстаниях рождалось и крепло стремление к полному подавлению буржуазии, к утверждению рабочей воли, которая в своем могуществе, в своем самодержавии низвергает старый грабительский мир. Всемогущество, самодержавие рабочей воли присвоила себе мелкобуржуазная большевистская диктатура и строит теперь новую, крепкую «народную» государственность для буржуазного образованного общества.

С этого момента в России родился истинный выразитель воли рабочего класса, большевистский коммунизм, завоеватель государственной власти, воплотившейся в центральной советской власти.

Рабочим массам нечего беспокоиться: по уверениям большевиков все их достижения и требования и пожелания советское государство, исполнитель их воли, немедленно осуществит.

Но отныне должна исчезнуть всякая борьба рабочих с государством и его законами, ибо советское государство есть рабочее государство. Борьба с ним была бы преступным бунтом против воли всего рабочего класса. Такую борьбу могли бы затеять только хулиганские, зловредные, преступные элементы рабочей среды.

Так как рабочий контроль, по мнению большевиков, вручает рабочим полную власть на фабрике, то забастовки теряют свой смысл и поэтому запрещаются. Запрещается вообще всякая борьба против рабочей оплаты ручного труда.

Воля рабочих, если она проявляется помимо или против советских учреждений, преступна, ибо не признает воплощенной в советской власти воли всего рабочего класса. Так все слои рабочих с нищенским, голодным заработком, если они объявят советскую власть властью сытых, — будут элементом хулиганским; так безработные, если они не пожелают дальше терпеть муки голода и ждать безропотно голодной смерти — будут элементом преступным и поэтому уже теперь лишаются права на особую организацию.

Перед лицом, с одной стороны, богачей, ведущих по-прежнему сытую жизнь паразитов, с другой — безработных, обреченных на муки голода, советская власть утверждает свои верховные права, стремится обеспечить безусловное подчинение существующим законам, преследует всякое нарушение «общественного порядка и безопасности». Всякие волнения, бунты, восстания объявляются контр-революционными и подлежат беспощадному подавлению вооруженной советской силой.

Верховные права советской коммунистической власти очень скоро ничем не будут отличаться от верховных прав всякой государственной власти в существующем грабительском строе. Разница лишь в названии: во всех "свободных" странах — государственная власть именуется господством «воли народа», а в России — господством «воли рабочих». Пока буржуазный строй не разрушен, коммунистическая «воля рабочих» такой же звук пустой, такая же ложь, как демократическая «воля народа». Пока грабители существуют, их воля, воля всех имущих, а не рабочих, раньше или позже воплотится в большевистскую государственность. Этот процесс воплощения коммунисты уже начинают, откровенно заявляя, что железная диктатура нужна не для дальнейшей «ломки капитализма», а для дисциплинирования рабочих, для завершения их выучки, начатой, но не законченной капиталистами, повидимому, вследствие «преждевременного» взрыва социалистической революции. Усмирив при помощи рабочих контр-революцию, большевистская диктатура обращается теперь против рабочих масс.

Верховные права, принадлежащие всякой государственной власти, должны обладать абсолютной силой закона, опирающегося на военную

силу. Демократия, вырастающая из большевистской диктатуры, и в этом отношении не окажется позади прочих государств. Она будет, наравне с ними, распоряжаться не только свободой, но и жизнью всех своих подданных, будет усмирять как отдельных бунтовщиков, так и бунты масс.

Создаваемая большевиками «социалистическая» армия обязана защищать советскую власть, независимо от всех поворотов, какие заблагорассудится проделать заправилам большевистского центра. Прекращается ли совершенно экспроприация богачей, как решено в настоящий момент, наступит ли еще более тесное примирение с буржуазией; пойдет ли большевистская диктатура вперед к социализму или назад к капитализму, она одинаково считает себя вправе налагать военную повинность на рабочий класс.

Рабская обязанность, которая возложена на рабочий класс всеми грабительскими государствами, обязанность защищать на войне своих угнетателей и их богатства — не исчезла в советской республике. Здесь рассчитывают к этой рабской обязанности заново приучить рабочих, выставляя ее как особое доверие, оказываемое рабочему классу, который, мол, один заслуживает чести проливать свою кровь за государство, украшенное пустой, лживой кличкой «социалистического отечества». В награду за столь великую честь социалистические солдаты, как надеются большевики, проявят в ближайшем будущем против захватчиков российских земель такой же воинственный пыл, как армия конвента, директории, Наполеона.

На внутреннем фронте социалистические войска обязаны защищать советскую власть не только от контр-революционных белогвардейцев, калединцев, корниловцев, рады. С первых же дней октябрьского переворота они учатся «кровью и железом» защищать собственность, расстреливая на месте воров и громил. Коммунистические вояки теперь упражняются в наведении дисциплины и порядка, зверски расправляясь со вчерашними своими товарищами, анархистами, с матросами, которым не дано даже времени сообразить, что при новом курсе коммунистическое правительство не нуждается больше в красноармейском разгуле и расстреливает сегодня за то, что поощряло вчера. Социалистические воины, пройдя такую школу, повинувшись изменчивым приказам своего начальства, не откажутся, повидимому, насаждать «трудовую революционную дисциплину» на фабриках, усмирять голодные бунты, подавлять волнения рабочих и безработных.

Пока рабочая масса не подыметя вновь на борьбу, предъявляя свои определенные рабочие требования; пока, таким образом, не будет положен конец всем «новым курсам» и уверткам большевистских диктаторов, буржуазная демократическая государственность будет

беспрепятственно развиваться, быстро выращивая все орудия гнета и насилия над голодными, ограбленными и порабощенными.

Итак, марксистская диктатура в России, разрушив до основания старое, бессильное государство, создает новую, крепкую народную государственность для буржуазного общества.

Все революционные опыты русских марксистов доказали, что «научный социализм», вдохновитель социалистического движения всего мира, не умеет и не хочет низвергнуть буржуазный строй. Мало того — в глубокой социальной революции, которая стала неизбежной для России, и, как эпилог мировой войны, может сделаться неизбежной во всех странах, марксистский социализм указывает буржуазной демократии всего мира испытанный путь спасения грабительского строя, дает ей неоценимое средство предохранения его от рабочих революций.

ИНТЕЛЛИГЕНТСКАЯ КОНТР-РЕВОЛЮЦИЯ

Захват государственного аппарата является для соц-дем-тии до такой степени решающим моментом в рабочей революции, что одним этим актом буржуазный строй уже низвергается. Раз большевистский переворот признан рабочими, и советская власть всюду утверждена, уже этим самым вся Россия со всеми ее богатствами становится достоянием рабочих. Так как с разгоном учредительного собрания и всех прочих демократических учреждений, выбранных всем населением, капиталисты лишаются даже элементарнейших прав и какого бы то ни было участия в законодательной деятельности государства, стало быть, убеждают большевики, буржуазия совершенно обезоружена и лишена всякой силы и возможности оказать сопротивление «диктатуре рабочего класса».

Однако, уже на второй день после октябрьского переворота буржуазия убедительным образом напомнила, что у нее отнимается лишь частица власти, что никакой политической переворот не в силах отнять у нее всю власть, что никакая государственная власть рабочих, никакими политическими средствами, никакими гонениями и террором сломить ее не может, не может лишить ее силы и средств успешно сопротивляться.

Удар, полученный большевиками в первые же дни диктатуры, был для них совершенно неожидан. Он был тем более чувствителен, что не сами капиталисты его наносили, а тот особый класс буржуазного общества, который до сих пор причислялся всеми социалистами, и большевиками в том числе, к лагерю «трудящихся»; который ими всегда защищался от «клеветнических», «злостных» обвинений в буржуазности.

В защиту буржуазного строя, против Ленинских угроз низвержения его, выступила интеллигенция. Она выступила как армия «рабочников» со своими «трудовыми» профессиональными союзами, с «рабочим» орудием борьбы, забастовкой, и огласила весь мир воплями и жалобами на банду большевиков, которая угнетает и терроризирует их, «честных труженников».

Отпор интеллигенции был так силен, что чуть было не расколол большевистскую партию, чуть не провалил всю их диктатуру: сердобольная большевистская интеллигенция отказывалась пускать в ход крутые меры по отношению к столь близкой ее сердцу «трудящейся массе» саботирующих служащих.

Рабочих, напротив, не удивила интеллигентская забастовка, ибо они считают сытую интеллигенцию той же буржуазией. Им не надо доказывать, что интеллигенция буржуазный класс. Они хорошо видят и чувствуют, что привилегированные, часто барские доходы интеллигенции проистекают из той же эксплуатации ручного труда, держатся на рабском голодном пайке рабочих. Рабочие знают, что господские доходы интеллигентов составляют часть прибыли, выкаченной из них предпринимателем и предоставляемой управляющим, директорам, инженерам, часть труда их, выкаченного государством в виде налогов для обеспечения господского содержания всех привилегированных служащих. Нет ничего удивительного в том, что вся эта буржуазная братия забунтовала вместе с капиталистами и помещиками против рабочей революции, первым делом которой является уничтожение всех барских доходов. Что же касается интеллигентской мелюзги, то она пошла за сытой интеллигенцией просто в силу глупого чванства и буржуазных предрассудков, как оборванный хозяйчик лезет за богачем.

Совершенно ошеломляющее действие интеллигентский саботаж оказал на большевистскую интеллигенцию. Ведь интеллигенты большевики всю свою жизнь вместе со всеми прочими социалистами учили, что социализм есть освобождение всего «пролетариата», не только рабочих, но и интеллигенции. Каким же образом теперь осуществлять социализм против единодушной воли всей интеллигенции и объявить ей такую же войну, как капиталистам и помещикам?

Октябрьский переворот, поднятый большевистским призывом к немедленному осуществлению социализма, достиг в могущественном народном восстании невиданной глубины и представлял для буржуазии смертельную опасность. Правда, власть очутилась в руках марксистов, известных своим умением удерживать рабочие бунты в безопасных для буржуазии рамках. Но эти большевистские марксисты словно были подменены. Они беззаботно раздувают пожар восстаний, не думая о всей трудности потушить его. Их ближайшие товарищи меньшевики

уверяют, что ленинцы из марксистов превратились в настоящих анархистов.

В самом деле, большевистские вожди так смело, так превосходно сыграли первые акты своего «агитационного» периода, что нагнали немало страху на буржуазное общество. Невольно рождалась мысль: не поддадутся ли диктаторы революционной стихии, не употребят ли захваченной власти для действительного уничтожения буржуазного строя?

Социалисты этого не знают, а богачи инстинктивно чувствуют, что возможен удар, смертельный для грабительского строя. Предохранить себя от такого удара, не дать революционным массам нащупать его сделалось для буржуазии вопросом жизни. Эту задачу целиком выполнил саботаж и забастовки интеллигенции.

Если некоторые большевики искренне увлеклись неслыханным революционным подъемом рабочей стихии и стали иногда вырываться из пределов марксистского кругозора, если от времени до времени они действительно задумывались над вопросом, как «додушить буржуазию», то интеллигентский саботаж окончательно подрезывал крылья их исканиям, воскрешал в их памяти заученные формулки о «невозможности немедленного осуществления социализма», толкал их мысль к обычной марксистской постепенности «социалистического строительства».

Сильно напуганная в первый момент октябрьской революции, буржуазия скоро заметила, что нет оснований отчаиваться. В самом деле. Лишенная государственной власти, оглушенная всенародным восстанием, она в ужасе ждала конца; и вдруг ей объявляют, что конец ее ни в каком случае не будет мгновенным, а напротив, очень продолжительным, постепенным, по всем социалистическим правилам, согласно безошибочным методам научного социализма; что конец ее наступит почти безболезненно в виде постепенного социалистического строительства. Но и само это строительство начнется не сразу; необходима, согласно безошибочной марксистской практике, предварительная подготовка в «рабочем контроле».

У современного научного социалиста для низвержения буржуазного строя нет другой программы, кроме постепенной национализации орудий производства. Начать надо от наиболее отвечающих всем требованиям «концентрации», созревших для обобществления отраслей, на них научиться, проверить и доказать правильность социалистического метода строительства, и потом уже приступить к дальнейшим национализациям. Эта программа, выдуманная соглашательским социализмом для того, чтобы упразднение капиталистического производства произошло без насилия, без восстаний, путем «врастания» капитализма в социализм, эта научная программа оказывается де-факто беспомощной

В момент революции. Подходят со всеми научными предосторожностями к гигантскому организму буржуазного производства и, после долгих колебаний, отсекают один сустав. Ждут пока рана заживет, чтобы приступить с той же постепенностью к ампутации следующих по очереди членов. Но вековое грабительское общество даже в момент разоружения его стража, государственной власти, не арена для социалистических строителей, не лаборатория для научных опытов. Это арена вековой классовой борьбы, социальной войны, и бесконечно наивен тот победитель, который не лишает побежденного, первым делом, источников его могущества.

Научная программа постепенного социалистического строительства — это программа опутывания и дурачения рабочих масс, социалистическая красная тряпка, толкающая рабочих к буржуазным и мелкобуржуазным диктатурам; это усыпитель масс, гаситель рабочей революции. Такова роль социализма во всем мире; такова роль большевистского коммунизма в октябрьском перевороте.

На третьем месяце большевистской диктатуры интеллигентские забастовщики и саботажники стали отступать. Но лишь самые правые большевики могли по этому поводу трубить победу. Интеллигенция перестала бунтовать потому, что большевизм оказался совсем не столь страшным, как представлялось в октябрьские дни. Все стали понимать, что объявленное уравнение доходов интеллигента и рабочего, что все подобного рода декреты и угрозы — не более, как демагогия для привлечения рабочих масс. Все увидели, что большевистские национализации не обнаруживают твердого непреклонного стремления упразднить буржуазный строй; что это лишь «социалистические эксперименты», которые образованное общество своим разумным принятием большевистской власти может замедлить и даже приостановить. Вот почему буржуазия сочла излишней дальнейшую оплату забастовщиков, вот почему саботажники проявили готовность примириться с советской властью.

Но отступление саботажников вовсе не значит, что в случае возобновления большевистских социализаций, особенно при национализации важнейших отраслей крупной промышленности, составляющей основу буржуазного хозяйства, интеллигенция не будет больше бунтовать. Всякий большевик, вероятно, понимает, что при первой попытке экспроприировать промышленников и урезать высокие доходы специалистов в любой отрасли крупного производства; при попытке, обнаруживающей стремление низвергнуть капиталистический строй, несомненно вновь вспыхнет забастовка служащих, с тою же целью — вызвать полнейший провал «хозяйничанья рабочих». Что же делать? Как приступить к национализациям в виду такой опасности?

Для подавления интеллигентского саботажа социал-демократическая программа большевиков ничего не в состоянии выдумать. Интеллигентской массы забастовщиков не сломить грозным террором или наивной неосуществимой угрозой лишения продовольственных карточек.

Вся суть вопроса заключается в том, что борьба с интеллигенцией вообще противоречит всякой социалистической программе. Социалисты обязаны защищать интеллигенцию, а не бороться с ней. Как бы враждебно ни выступала она против рабочих, у социалистов, и у большевиков в том числе, она должна оставаться «частью пролетариата», которая лишь развращена и опутана буржуазными предрассудками.

Несмотря на то, что в решительные моменты интеллигенция всегда оказывалась, как в октябрьские дни, не менее жестоким и упорным врагом рабочей революции чем сами капиталисты, она, по убеждению социалистов, лишь и з м е н я е т своим пролетарским интересам, лишь временно заблуждается, но не может быть объявлена классовым врагом рабочих. Большевик может лишь урезонивать интеллигенцию, но никогда не смеет объявить ей непримиримую борьбу. Большевик, как «настоящий» «истинный» социалист, как защитник и выразитель интересов интеллигенции, никогда не сделается ее врагом. Волю капиталистов он позволяет себе подавлять, с волею интеллигенции он должен считаться. Раз вся интеллигенция единодушно протестует против «социалистических экспериментов», большевик обязан принять во внимание эту интеллигентскую волю и приостановить, или, по крайней мере, замедлить борьбу с капиталистическим строем.

Марксистская мысль большевиков, ищущая пути к дальнейшим национализациям, под давлением непреодолимого для нее интеллигентского саботажа, фатально обрекается на беспомощное барахтанье в заплесневелых социалистических утопиях.

Распропагандировать и перетянуть на свою сторону всех нужных инженеров и техников? Или создавать на всяческих рабочих курсах кадры необходимых для производства специалистов? Но ведь русская или иностранная буржуазия, раньше чем дожدهшься плодов от подобного рода затей, задавит революцию.

Выжидать пока рабочие комитетчики, выполняя рабочий контроль, попутно, быть может, усвоят науку инженеров, химиков и других специалистов? И эта сказка хороша, когда дело идет о пустых обещаниях и приманках, но не о действительном ведении высоко развитого производства. В октябрьской революции большевики надеялись, как надеются всегда при своих «атаках» на капитал все социалисты, оторвать интеллигенцию от буржуазии. Но интеллигенция со всеми эн-эсами, эс-эрами, меньшевиками стояла горой за буржуазный порядок и подняла дикий вопль против рабочей революции. В результате, конечно, больше-

вики интеллигенцию за собой не потянули, а сами отступили перед ней, перед ее родителем и кормильцем — буржуазным строем. Вслед за каждым новым отпором со стороны интеллигенции, большевик растерянно повторяет: очевидно мы слишком быстро мчимся вперед. В замедлении шага, в еще большем ослаблении натиска на буржуазию он видел исход и залог успеха. Он думал найти решение, удаляясь от него все больше.

Как ни растягивай экспроприацию буржуазии, при каждом серьезном шаге в этом направлении неизбежно вспыхнет забастовка интеллигентов, в силу очень простого обстоятельства, в силу наивнейшего способа экспроприации буржуазии в рассрочку. Большевистские экспроприаторы лишают имущества одну группу собственников, оставляя нетронутыми богатства всей буржуазии. Эти то богатства и служат вполне достаточным фондом для содержания интеллигентов-саботажников в течение целых месяцев.

Социалист никак не может догадаться, что полной экспроприацией буржуазии отколоть интеллигенцию от капиталистов невозможно. Все дело в одновременном нападении на тех и других, в одновременной всеобщей экспроприации, которая одним ударом прекращает существование крупной и средней буржуазии и тем самым пресекает возможность сопротивления интеллигентов, возможность их продолжительных забастовок за счет капиталистов.

Итак, для соц.-демократа большевика, натолкнувшегося на сопротивление интеллигенции, низвержение буржуазного строя представляет непреодолимые трудности. Теперь он вновь, после октябрьских увлечений, согласится с меньшевиками и эс-эрами, что «немедленное осуществление социализма невозможно». Коммунист большевик принужден вернуться к вульгарнейшей социалистической басне о том, как рабочие массы, оставаясь в неволе пожизненного ручного труда, в отдаленном будущем несомненно сравняются в знаниях с интеллигенцией, путем усиленного развития культурно-просветительных организаций и народных университетов.

Большевизм бросил буржуазии смертельную угрозу, но исполнить ее не сумел и не захотел. Он отступил перед волей интеллигенции.

Российская интеллигенция, известная своим бунтарством, чуть ли не сплошь социалистическая, руководимая недавними революционерами в мученических венцах, благородная русская интеллигенция спасла буржуазию от гибели, спасла ее от рабочей революции.

Но интеллигенция не желает прославлять этой своей победы. Ей надо, чтобы рабочие поскорей забыли о ее буржуазных заслугах, ибо она хочет остаться по-прежнему вернейшим другом рабочего класса и

мечтает о том, чтобы на протяжении столетий буржуазного прогресса вести его к «разумному социализму».

Равным образом и большевики не особенно склонны вспоминать о буржуазных подвигах интеллигенции в октябрьской революции. И для них, как видно, интеллигенция должна остаться частью пролетарской армии. Сколько бы рабочих ни перестреляла интеллигентская белая гвардия, сколько бы интеллигенция ни бастовала против рабочей революции, большевики ее буржуазным классом никогда не сочтут.

С вдохновителями белогвардейцев и саботажников, со всякими э-н-эсами, эс-эрами, меньшевиками, со всем «социалистическим фронтом» большевики всегда останутся в неразрывном родстве, какие бы потоки крови ни проливал рабочий класс, защищая тех же большевиков от их социалистических противников.

В силу неразрывной связи с интеллигенцией большевики предприняли генеральное отступление и, несмотря на грызню с меньшевиками и эс-эрами, конечно, вернутся в лоно общей социалистической семьи и постараются собственными руками засыпать ту пропасть, которая образовалась в результате кровавой борьбы между соглашателями и большевистскими массами в течение минувшей зимы.

Зачем, скажут они, вспоминать о ненависти, жестокости белогвардейцев и саботажников, раз они теперь раскаялись и идут на службу к рабоче-крестьянскому правительству? Почему не постараться забыть злобные выкрики интеллигенции: долой «мякинный» социализм! долой господство рабочих!

С другой стороны, следует ли настаивать на требованиях, в пылу борьбы преувеличенных? Ведь нельзя же было серьезно думать о немедленной рабочей революции в России! Дело шло о рабоче-крестьянской диктатуре, вспомнит большевик, о диктатуре демократической, которая признается и новожизненцами и всякими другими «интернационалистами». Разве рабочие могли ожидать немедленного исчезновения буржуазии? Нет, дело шло только о рабочем контроле, обуздывающем самодержавие капиталиста. Нельзя было также думать о немедленном и полном осуществлении социализма. Отстоять надо лишь возможность, через Ленинский «государственный капитализм» строить социалистическое отечество. А разве эс-эры и меньшевики станут отвергать такое социалистическое отечество? Напротив, рабоче-крестьянское строительство слишком уж похоже на крестьянско-буржуазное строительство Черновых и рабоче-буржуазное строительство Либерданов, этих несомненных социалистов.

Когда оценка рабочих восстаний и побед выражена в той фальшивой монете, которая называется социализмом, рабочие всегда оказываются обсчитанными, к общему удовольствию всех интеллигент-

ских партий. Рабочие, поверив интеллигенту, всё ещё считают социализм самым ценным чистым золотом, в то время, как в лучшем случае, это простейшая медь.

ЭКСПРОПРИАЦИЯ БУРЖУАЗИИ

С первых шагов рабочей революции — в обществе должны исчезнуть дармоеды, все члены общества должны работать. Рабочая революция достигает этого результата не теми грубыми, примитивными мерами, которые затекает большевистское правительство, не «всеобщей трудовой повинностью», за исполнением которой должна следить та или иная полиция, в данном случае красногвардейцы.

Рабочая революция заставит богачей работать, отняв у них богатства, дающие им возможность бездельничать.

Советская власть, чувствуя, что рабочие ждут от «своей рабочей диктатуры» принуждения богачей к труду, не находит другого средства, как принудительная трудовая повинность; умеет лишь подражать воюющим государствам, которые вводят трудовую повинность для защиты, в грозный час буржуазного отечества. Но это доказывает, что советская власть вовсе не имела и не имеет в виду в ближайшем будущем отнять богатства у всех богачей, у всей буржуазии.

Октябрьская борьба показала, что врагом рабочей революции и защитником грабительского строя является не только капиталист, владеющий фабрикой, но также и интеллигент, обладающий знаниями, которые он продает за господский доход. Сытая интеллигенция, защищая свое господское положение, решила не допустить господства рабочих; она отказалась от технического руководства без которого рабочие вести производство не в состоянии.

Но успех и продолжительность интеллигентских стачек были возможны только благодаря нерешительности и нежеланию советской власти наложить руку на все накопленные богатства.

Большевики обратили очень мало внимания на тот факт, что интеллигентские забастовки были оплачены богачами. Платили за забастовку в банках, в думах и пр. Почему не отдохнуть, получая жалованье, решили саботажники. Притом, раз богачи могут платить, раз богатства в их руках, значит они попрежнему сила, способная меряться с большевистской диктатурой, и хозяйские капиталы легко могут оказаться сильнее большевистской власти. Если бы саботажники не были оплачиваемы, интеллигентская мелюзга скоро начала бы голодать. Но ей рабочая революция, урезающая господские доходы высших служащих, ничем не грозит. Стало быть, при первом ощущении нужды

вся масса мелких служащих станет на работу, и все учреждения и предприятия пойдут своим обычным ходом.

Если только удалить возможность оплаты богачами интеллигентской забастовки, она или не возникнет вовсе, или, возникнув, прекратится после одной, двух недель. Но предотвратить такую оплату можно только одной мерой: одновременной конфискацией всех средств производства, всех капиталов, всех накопленных богатств. Одновременная всеобщая экспроприация буржуазии делает невозможной интеллигентскую забастовку и вообще попытки интеллигенции расстроить производство, переходящее в руки рабочих.

Служащие принуждены остаться на своих местах и работать по-прежнему в новых условиях, в национализированных предприятиях. Нет выхода и для высших служащих: они принуждены согласиться на низведение их жалованья до той нормы, которая устанавливается при всеобщей экспроприации, как максимум, выше которого никакие доходы подниматься не могут.

Только при экспроприации, организованной одновременно по всей стране, не будет никаких крупных препятствий к тому, чтобы все фабрики и заводы продолжали работать по-прежнему.

Если на первых порах удовлетвориться прежними размерами производства, то промышленность в большинстве случаев не претерпит никакого застоя, никакой заминки.

Предположим, что советская власть под давлением рабочих объявляет одновременную всеобщую экспроприацию. Тогда, даже без участия специальных комиссаров и инструкторов, сами рабочие на местах захватывают все фабрики и заводы с их конторами, складами и кассами, и в самом непродолжительном времени рабочими комитетами будет налажено производство в каждом предприятии. Советской власти непосредственно пришлось бы производить экспроприацию лишь в более сложных предприятиях, как например: банки, акционерные общества, кооперативные предприятия, в тех заведениях, где мало рабочих, а много служащих, противников экспроприации. Если в настоящий момент, в России признать все доходы, превышающие примерно 10.000 рублей в год, подлежащими конфискации, то все фабрики и заводы, все промышленные и торговые предприятия, всякое имущество, дающее высший доход, должно быть конфисковано и перейти в руки рабочих и служащих. К этой же максимальной норме должны быть низведены все высшие доходы интеллигентов.

Всеобщая экспроприация, проведенная таким образом, прекращает одним ударом само существование крупной и средней буржуазии. Ясно, что такая экспроприация вызвала бы со стороны буржуазии еще более сильную жажду борьбы, нежели «социалистические

эксперименты» большевизма. Но в ее руках не было бы тех средств защиты, которыми она располагает сейчас в борьбе с большевистской диктатурой. В каждой местности, при первом отражении буржуазного сопротивления, при первой победе рабочего восстания, буржуазия лишается своих богатств, т. е. всякой возможности продолжать свою борьбу. Если бы ей и удалось организовать где либо белогвардейские отряды, у нее не оказалось бы средств для продолжительного их содержания; вызвать во всей стране продолжительную гражданскую войну, после всеобщей экспроприации, для буржуазии немислимо. Вся контр-революция буржуазии парализуется одновременной конфискацией всех награбленных богатств.

Таковы преимущества рабочей революции перед революциями демократическими и мелко-буржуазными, в том числе и перед большевистской. В буржуазных, демократических революциях рано или поздно неизбежна реставрация, ибо они, стремясь приобщить низшие классы к господству высших, оставляют при жизни старый грабительский класс и дают ему возможность организовать реставрацию изнутри в самой среде революции. Этой участи не избегают и большевики, отвернувшиеся окончательно от рабочей революции. Одна только рабочая революция, экспроприрующая грабительский класс, прекращающая его существование, предохранена от реставрации внутри объятой революцией страны.

Одновременная всеобщая экспроприация, парализуя в корне сопротивление буржуазии, предотвращая саботаж и забастовку интеллигенции, гарантирована от того провала, до которого неизбежно доходит большевистская и вообще социалистическая программа постепенных, поочередных национализаций. Одновременная экспроприация доводит до минимума, а в благоприятных условиях может и совсем предотвратить, тот кризис и развал промышленности, который неизбежно несет с собой большевистская программа экспроприации, растянутой на месяцы и годы.

Частичные национализации, проведенные большевистской властью, являются, конечно, сигналом для всей буржуазии. Она старается превратить в деньги как можно большую долю своего имущества, сокращает производство, чтобы припрятать как можно больше денег. Многие, захватив все оборотные капиталы, бросают свои фабрики на произвол судьбы. Большевистская власть, не желая оставлять рабочих на улице, принуждена финансировать из государственной казны брошенные предприятия. Капиталисты ухищряются прикарманивать порядочную долю даже тех субсидий, которые рабочие выхлопотали у правительства.

Советская власть занесла меч над головой всех капиталистов, но пока она решится опустить его, неизбежный саботаж и хищничество

капиталистов окончательно парализуют производство, вызовут еще более ужасную безработицу, доведут до самых крайних пределов всю ту экономическую разруху, которая создана продолжительной войной, а потом демобилизацией армии и промышленности. Ввиду таких результатов отстаивать программу постепенной экспроприации, расстроенную на месяцы и годы, просто нелепо, преступно. Это значит упорно готовить все более глубокий провал для попыток нового анти-капиталистического хозяйства.

Советская власть принуждена тратить громадные деньги на финансирование предприятий, которые были конфискованы или брошены капиталистами. Бюджет достигает фантастических цифр; печатный станок работает на всех парах. А каждая новая национализация просто тянет капиталистов к саботажу: спасайтесь все остальные, выхватывайте деньги из обращения, сколько каждый может. И несмотря на горы выпускаемых бумажек, денег нет в стране: они упорно, систематически прячутся. Одновременная всеобщая экспроприация буржуазии сразу прекращает это систематическое исчезание денежных знаков.

Основательно упрощается и «финансирование» фабрик и заводов. Для снабжения их необходимым сырьем и вспомогательными средствами очень больших денег не надо: все товары доставляются из своих же, принадлежащих государству, предприятий и складов. Лишь в немногочисленных случаях они покупаются за границей и у мелких производителей.

Всякий продукт, всякий материал, долженствующий пройти различные ступени обработки, переходит с одной фабрики на другую без посредства денег, по записям и распискам, отмечающим нарастающую на каждой ступени обработки новую стоимость. Таким образом, вся государственная промышленность функционирует вне зависимости от денежного рынка и в значительной мере избегает тех заминок, которые вызываются ныне недостатком денежных знаков.

Наконец, в связи с вышеуказанными моментами, расширение производства, даже в самых грандиозных размерах, для социалистического государства гораздо доступнее, чем для буржуазного, без всякого участия заграничных капиталов, займов и проч.

Социалистическое государство, экспроприрующее среднюю и крупную буржуазию, но оставляющее миллионы мелких производителей, будет конечно, выпускать большое количество денежных знаков для оплаты национальной рабочей силы. Но деньги эти перестанут исчезать и припрятываться: в большей своей части они от рабочих будут регулярно возвращаться в государственную казну. Вместе с тем выпуск бумажных денег не будет понижать курса, который будет обеспечен, с одной стороны, всей громаднейшей национальной собственностью, всеми богатствами страны, а не только одним-двумя миллионами зо-

лотого запаса, с другой стороны — производительным расходом национальных средств на оплату рабочей силы.

Программа постепенной экспроприации буржуазии сама обрекла себя на неудачу, громоздя перед новым способом ведения хозяйства совершенно ненужные, непреодолимые препятствия. Не доведенная до конца экспроприация вызывает небывалое беспрецедентное расстройство и развал всего хозяйства страны. Спасать существование промышленности большевистская власть может лишь доведением государственного бюджета до совершенно чудовищных размеров. Предпринимать новые частичные национализации — это значит взваливать на бюджет новое бремя расходов по финансированию предприятий, опять выпускать миллиарды на такие нужды, которые при одновременном полном обобществлении не требуют никаких денег. Умножение социализированных элементов хозяйства лишь умножает все опасности финансового краха, которым подвержено капиталистическое государство, и не достигает ни в малейшей доле той простоты, устойчивости и могущества, которые приобретаются сразу национальным производством при одновременном обобществлении.

Большевистскому хозяйству остается одно из двух: или приступить к окончательной всеобщей экспроприации, или прекратить всякую дальнейшую национализацию и через промежуточный этап «государственного капитализма» восстановить старое капиталистическое хозяйство.

Почему же большевики не решились на всеобщую одновременную экспроприацию буржуазии? Ведь к этому перевороту они подошли вплотную в то время, когда еще говорили, что надо «додушить буржуазию»? Ведь это дело, при неслыханном единодушии рабочих масс всей России, было не труднее, а легче осуществить, нежели большевистскую затею создать призрачное господство рабочих при существовании богачей.

Большевики не предприняли экспроприации буржуазии потому, что им нужна не настоящая рабочая революция, а революция демократическая, мелкобуржуазная. Они не борцы за освобождение рабочего класса, а защитники низших слоев существующего буржуазного общества и интеллигенции прежде всего. Как таковые, они просто не хотят всеобщей экспроприации буржуазии. Но не потому, чтобы им было жалко капиталистов. Нет, они не хотят всеобщей экспроприации, боясь за судьбу интеллигенции, ибо всеобщая экспроприация урежет одновременно господские доходы интеллигенции, положит начало борьбе рабочих против белоручек за уравнение оплаты физического и умственного труда. Большевистская партия в той же мере партия интеллигентская, как и все другие социалистические партии, меньшевистская,

эсэровская, энэсовская и пр., как и все социалистические партии всего мира.

Всякий социализм стремится прежде всего освободить интеллигенцию, а не рабочих. Он учит, что капиталисты единственный господствующий класс в обществе, эксплуатирующий не только ручных рабочих, но и интеллигентов, что те и другие в одинаковой мере поработены, как наемные рабочие.

Ни одно социалистическое течение, даже самое крайнее, как анархизм, например, или революционный синдикализм, не нападает на барскую жизнь умственных рабочих, хотя высшие слои интеллигенции, в лице крупных ученых, высших правителей государства, ученых специалистов производства и т. д. загибают доходы, неуступающие прибылям крупной буржуазии. Напротив, социализм дает возможность мечтать о том, что при устранении капиталистов, при введении социалистического строя, привилегированные доходы интеллигенции останутся нетронутыми. Некоторые представители социализма откровенно об этом говорят. Нетрудно догадаться, что т а к о е социалистическое отечество ничем не отличается от буржуазного: вся национальная прибыль распределяется между интеллигенцией, а рабочие остаются в своей неволе ручного труда, становятся рабами ученого мира.

Итак, забота всех социалистов и коммунистов заключается не в том, чтобы устранить буржуазию вообще, а в том, чтобы при экспроприации капиталистов не пострадала интеллигенция. Дело это не легкое. Социалисты скоро убедились, что рабочие, поднявшие «социальную революцию», очень требовательны и не желают понимать ее иначе, как немедленное уравнивание. Социалисты второй половины прошлого столетия решили, что рабочих надо предварительно «перевоспитать», вышколить, вымуштровать, развратить продолжительной буржуазной выучкой так, чтобы неравная оплата различных видов труда им казалась необходимым условием существования человеческого общества, чтобы господские доходы интеллигенции оправдывались высшей оплатой квалифицированных рабочих; чтобы привилегированное положение интеллигенции гарантировалось той рознью между квалифицированными и чернорабочими, без которой не может существовать грабительский строй.

Боясь борьбы рабочих с интеллигенцией и всем ученым миром, социалисты всех стран поневоле оставляют в покое капиталистов, отсрачивают экспроприацию буржуазии и превращают свою грядущую социалистическую революцию в поповскую сказку о наступлении царства Божия на земле.

Экспроприация буржуазии, согласно социалистическим планам, не должна, во-первых, уменьшать высшие доходы интеллигенции и, во-вторых, не должна возбуждать чрезмерной требовательности ручных

рабочих, не должна увеличивать их заработную плату за счет национальной прибыли, причитающейся интеллигенции. Таковы заботы социалистов.

У рабочих задачи прямо противоположные: сократить по возможности больше доходы интеллигентов; перевести в свой доход, в свою заработную плату всю ту прибыль, которую взимают капиталисты. Но которую потребляют не только они, но и их директора, управляющие, ученые специалисты.

Социалистам, защитникам интеллигенции, для их целей более подходит постепенная национализация фабрик, заводов и всех средств производства. Рабочим же нужна одновременная всеобщая экспроприация.

При частичных национализациях социалистам легче провести свою линию. Как, например, производится передача советской властью в руки рабочих конфискованных предприятий, скажем, какого-нибудь металло-обрабатывающего завода? Дело сводится исключительно к устранению капиталистов. О заработной плате рабочих и речи не заходит. Рабочие обязаны, как и при прежнем хозяине, работать за плату, установленную тарифами, которые выработаны большевистским профессиональным союзом для всех предприятий данной отрасли вообще, которые признаны и частными предпринимателями. Тарифные ставки, как известно, очень скромны; они даже не пытаются хотя бы поспевать за ростом дороговизны. Большевистские тарифы таковы, что ничуть не сокращают хозяйской прибыли, а в национализированных предприятиях должны, повидимому, обеспечить эту прибыль за государством.

Если бы большевики решили национализировать целую отрасль, например металлообрабатывающую, все занятые в ней рабочие были бы, очевидно, поставлены в такое же положение, как на отдельном конфискованном заводе. Большевистский профессиональный союз и комиссариат труда постарались бы не допустить никакого повышения заработной платы. Прибыль, взимавшаяся хозяевами, должна по их расчетам принадлежать государству, а не рабочим, т. е. должна пойти на содержание привилегированных государственных чиновников и всяких руководителей, просветителей рабочего класса.

Высшие служащие, специалисты обобществляемой отрасли производства, равным образом, постарались бы выторговать для себя прежние высокие жалованья, в чем им теперь большевики всецело готовы уступить.

Подобный способ уничтожения грабителей вызвал бы, конечно, негодование рабочих. Как? Изгнаны грабители из целой отрасли производства и после этого никакой выгоды для рабочих масс, никакого увеличения их рабочего пайка?

Вот почему социалисты решаются приступить к экспроприациям лишь в крайних, исключительных случаях, а вообще стараются от них увернуться и всячески отсрачивать их. Вот почему, объявив в октябре «немедленный социализм», большевики стали проводить по фабрикам вместо экспроприации пустой утопический «контроль». Теперь они доказывают, что контроль этот должен быть доведен до совершенства; должен стать (по Ленину) «точнейшим» учетом производства и потребления, на что потребуется еще очень много времени, а без этого «точнейшего» контроля национализация, якобы, совершенно невозможна.

Если большевики могут еще рассчитывать, что недовольство и возмущение рабочих одной отрасли промышленности возможно успокоить пустяками, то при всеобщей экспроприации буржуазии подобная надежда неосуществима. Тут уже рабочие наверно добьются своего, т. е. повышения своей заработной платы. Вся прибыль капиталистов, все привилегированные доходы высших служащих должны пойти на повышение дохода рабочих. Прежде всего, конечно, должна быть повышена плата низших категорий, оставленных ныне на голодном пайке.

Всякая рабочая борьба сводится всегда к борьбе за более высокую оплату физического труда, за облегчение каторги ручных рабочих. Таковой она была и в течение истекших ста лет. Социалисты всевозможных толков старались весь этот век отвлечь рабочих от их «низменной» борьбы «за пятак», призывая их к «возвышенной» борьбе за «чистый светлый социалистический идеал», а иногда к борьбе «за все», «сразу». Но социалистические призывы оказываются в большинстве случаев простым надувательством, их ученые программы — пустыми баснями.

Единственным, неизменным, безошибочным путем рабочей борьбы во всем мире остается борьба за наивысшую оплату ручного труда, то именно, что отстаивали всегда и везде рабочие массы, наперекор своим социалистическим воспитателям, проповедникам, опекунам и депутатам.

В буржуазном строе, при неприкосновенности хозяйской прибыли, при самовластии капиталистов, повышение заработной платы лишь в редких случаях не вызывает вздорожания производимых рабочими товаров. Поэтому повышение заработка часто сводится на нет вздорожанием предметов потребления.

Совершенно иначе обстоит дело с повышением заработной платы в связи с экспроприацией буржуазии. Тут вся прибыль и высшие доходы должны быть экспропрированы в пользу рабочих, должны войти целиком в доход рабочих. Стало быть, заработная плата может и должна быть высоко поднята без повышения цен на товары, на предметы потребления.

Грядущая рабочая революция сведется к борьбе за наивысшую оплату ручного труда. Когда в последнем ее натиске оплата ручного труда сравняется с оплатой труда умственного, — вековая неволя рабочего народа безвозвратно погибнет. Ибо уже под конец революции рабочие и интеллигентские семьи будут обладать почти одинаковыми средствами для воспитания своих детей; и в подрастающем поколении уже нельзя будет больше найти тех миллионов людей, ограбленных еще до рождения, которые ныне невежественны и способны только к ручному труду, которые ныне рождаются рабами буржуазного образованного общества.

Рабочая революция в первом и последнем своем этапе точно так же, как и на всем своем протяжении — есть экспроприация имущих классов в пользу ограбленных, для повышения заработной платы рабочих. Сначала собственник созданных веками материальных богатств, средств производства, затем интеллигенция, владеец знаний, должны быть лишены своих прибылей и привилегированных доходов для того, чтобы богатства и цивилизация, при полном имущественном равенстве, сделались достоянием всех.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Экспроприация буржуазии для интеллигенции опасна. Поэтому ни одна социалистическая программа не говорит ясно и твердо, что капиталисты должны быть устранены путем экспроприации. Все социалисты предпочитают более мягкие выражения: обобществление, национализация, социализация средств производства, упразднение класса капиталистов, а иногда не стесняются упоминать и о «выкупе». В результате, во всех современных социалистических учениях исчезает совершенно представление о захвате рабочим классом источников капиталистической прибыли, о захвате накопленных богатств, как о первом неременном шаге рабочей революции.

Каков, по мнению социалистов, должен быть результат победоносного восстания рабочих? Что должны они сделать немедленно по низвержении капиталистической власти, чтобы свою победу учесть наилучшим образом, чтобы извлечь из нее все возможное, чтобы не упустить исключительного момента поражения буржуазии?

На эти основные в рабочей революции вопросы, вместо твердого, определенного ответа: экспроприации буржуазии — социалисты дают всегда одинаково туманные ответы, сотканные из фраз: получив полную свободу устроиться «как хотят»; рабочие должны немедленно приступить к «введению социалистического строя», к «организации обобщественного хозяйства», к «уничтожению эксплуатации человека че-

ловеком», «к переустройству общественной жизни на социалистических началах».

Эти пустые формулы социалистических планов дают возможность большевикам увертываться в настоящий момент от низвержения буржуазного строя; дают им возможность утверждать, будто октябрьская революция ими учтена безошибочно; что с укреплением советской «рабочей власти», рабочим не с кем больше бороться, что у них нет больше врагов и угнетателей; что винить надо объективную невозможность и отчасти разгильдяйство» самих рабочих, если капиталисты не исчезли, если существуют голодные миллионы и, рабочий класс остается на том же рабском пайке.

Но может быть а н а р х и с т ы, слывущие большими революционерами, в корне преобразовывают социализм?

Русские анархисты, создавшие за время революции довольно широкие организации, ни на шаг не подвинули рабочее дело дальше большевизма. Анархисты призывали, правда, рабочих к немедленному захвату фабрик. Но только впервые после октябрьского переворота некоторые из них сообразили, наконец, и то с грехом пополам, что это дело много сложнее, чем им всегда представлялось в их пропаганде; что, между прочим, нельзя пустить в ход отдельные захваченные фабрики без специальных «субсидий», без оборотного капитала», словом, без тех «проклятых денег», которые находятся в государственной казне, в руках центральной государственной власти, обращаться к которой с требованиями анархисту не подобает. Так как анархистам дороже их детский принцип о немедленном упразднении денег, государства и власти, нежели захват рабочими фабрик и заводов, то они принуждены всеобщую экспроприацию буржуазии отложить в сторону, по примеру всех прочих социалистов, и по меньшей мере отсрочить ее до того далекого момента, когда рабочие сделаются всюду анархистами. Тогда уж они обязательно захватят все фабрики и заводы, наладят, сообщая с крестьянскими коммунами, по анархистски, непосредственный обмен продуктов и перестанут нуждаться в услугах государства, в большевистских субсидиях, в деньгах.

В настоящий момент большевики и сочувствующие им революционные социалисты только то и делают, что морочат рабочие массы всевозможными социалистическими утопиями, усыпляют их на лоне балаганного «социалистического отечества», удерживают от мысли о рабочей революции.

Анархистское учение ничуть не мешает такому усыплению. Напротив, мнимо-революционная программа анархистов всемерно содействовала распылению революционной мысли, силы и энергии рабочих.

На большевиков анархисты не оказали ни малейшего революционного давления даже в тот момент, когда сами, по наивности своей,

называли их «анархистами меньшевиками». Не признавая центральной государственной власти, желая ее немедленного исчезновения, анархисты принуждены были все-таки восхищаться разрушительной деятельностью большевистского правительства, его удачной борьбой с контрреволюцией. Анархистское отрицание власти свелось к уговариванию рабочих не обращать внимания на центральную власть, для которой такое отношение анархистской оппозиции было очень удобно. Большевистский центр беспрепятственно становился самодержавным: рабочие, пошедшие за анархистами, не думали беспокоить его ни своим контролем, ни требованиями. Большевистской власти предоставлена была возможность разрушать старый строй лишь в той мере, в какой ей захочется, и приостановить свое нападение на буржуазию, когда ей заблагорассудится.

По мнению анархистов не существует более могучего революционного рычага, нежели принцип «самодетельности масс» в социалистическом строительстве, нежели социалистическое самоуправление, даже самоуправление «кварталов, улиц и домов». Они горячо приветствовали, как истинно анархистские, призывы большевиков к социалистическому строительству и самодетельности в государственной жизни и в производстве. Они даже не подозревали, что такие призывы к «строительству» всегда выдвигались как тормаз революции, и у большевиков означали прежде всего увиливание от взятой на себя, а теперь ставшей для них очень трудной, задачи экспроприировать буржуазию. Анархисты не видели ничего плохого и в том, что социалистическое строительство и самодетельность породили у большевиков «дисциплину» и «самодисциплину». Они очнулись лишь в тот момент, когда социалистическая дисциплина обрушила на их собственную голову зверскую жестокость дружественных им социалистических строителей. Но и после того они все еще не разглядели предательскую сущность «социалистического строительства».

У большевиков «социалистическим строительством», «процессом освобождения рабочих» — сделалось теперь просто-напросто все, что предпринимается в их социалистическом отечестве. Социалистическим строительством является, например, простое упорядочение транспорта на любой железнодорожной ветке (П р а в д а № 60: «Диктатура пролетариата»), введение железной дисциплины и черных списков на фабриках и заводах, наконец, «порядок» в государстве и обществе. Стало быть, к социалистическому строительству надо отнести и то наведение порядка в анархистских особняках, которое так быстро подняло курс большевиков и их денег на европейских биржах.

Чтобы замаскировать свое генеральное отступление и прекращение атак на буржуазную собственность, большевики назвали себя более революционным, более грозным именем «коммунистов», и при по-

мощи старых социалистических утопий приступили к генеральному усилению рабочих масс. Брошен лозунг вернейшего сокрушения буржуазного строя путем развития истинно-социалистических начал сотрудничества, кооперации. Реалисты-марксисты стали воскрешать все утопические затеи, как современных анархо-толстовцев, так и миролюбивых социалистов всех эпох. Большевизм решил стать пионером новых коммун в пустынях Сибири, решил использовать для социалистического строительства «честные» кооперативы объединенных группировок буржуев и рабочих. Такое социалистическое строительство должно вернее, чем экспроприация, разрушить буржуазный строй.

Сотрудничество, кооперативы, коммуны — это не только социалистическое, но и анархистское строительство. Таким образом, анархисты дождались удачи. Большевики почти одновременно разоружили их во всех отношениях: они не только распустили черную гвардию, воплощение анархистского бунтарства, но лишили их значительной части идейного вооружения, их мирной теории коммунистического строительства. Обезоруженным анархистам не остается ничего, как вместе с меньшевиками искать спасения в «едином революционном фронте».¹

Вождь большевизма счел все старые утопии недостаточным средством усиления и удержания в должных рамках той революционной стихии, которою он овладел в октябрьскую революцию. Для данного исторического момента, для воздвигнутой им диктатуры, он изобрел особую формулу подготовки социалистического строя: «всенародный учет и контроль производства и распределения продуктов». Эту формулу Ленин подготовил и противопоставил в октябрьские дни стремлению российских рабочих к немедленному захвату фабрик и заводов; ею он старается теперь обосновать приостановку большевистских атак на буржуазию.

Ленин превратился за время войны из социал-демократа постепеновца в крайнего коммуниста, согласно его собственному объяснению,² не только потому, что предчувствовал нарастающий во всем мире бунт рабочих, но, главным образом, в силу теоретических марксистских соображений. Буржуазное хозяйство, которое, как известно, беспрестанно подготавливает социализм, — по уверениям Ленина, окончательно его подготовило в текущей войне. Буржуазия, главным образом германская, создала последнюю переходную ступень к социализму, в виде «государственного капитализма»; создала почти социалистическое регулирование хозяйства, в виде принудительного трестирования и синдицирования. Лишь бы только германским рабочим удалось захватить

¹ (Гордин в Анархии, № 57).

² («Грозная катастрофа», стр. 28).

по большевистски власть, у них будет в руках почти готовый социалистический строй.

Когда грабители, для осуществления своих империалистических замыслов, своего патриотического разбоя, объединяются в братские синдикаты, это безмерно вдохновляет сочинителей социалистических утопий: сама мол буржуазия не может найти другой дороги, кроме социализма. Марксистский объективист радуется росту «социалистического зародыша» в буржуазном мире, росту «обобществления», точно так же, как утопист кропоткинец — развитию начала «ассоциации, сотрудничества в современном обществе»; и, таким образом, марксистский материализм вдруг оказывается братом-близнецом анархистского идеализма.

Государственное синдицирование вводится в Германии и других западноевропейских странах с целью наилучшего приспособления промышленности к потребностям мировой войны, а также для обеспечения всем эксплуататорам, в неизбежных производственных потрясениях, их собственности и «справедливого» распределения громадной военной прибыли. Много ли следов останется в рабочем хозяйстве от буржуазного регулирования, военного трестирования промышленности после того, как рабочие прекратят войну и экспроприруют капиталы и прибыль. Но Ленин убежден, что буржуазия непременно подготовит обобществление производства до последних деталей и преподнесет рабочим чуть ли не готовые сметы распределения и производства продуктов.

Когда вождь большевизма начинал свою социал-демократическую деятельность 20 лет с лишним тому назад, он еще усердно повторял марксистскую сказку о том, что социализм не может наступить раньше, чем крупное капиталистическое производство в городе и деревне не поглотит в достаточной мере мелкого и среднего. Хоть эта сказка прекрасно усыпляла рабочих Германии и других стран в продолжении долгих десятилетий, однако, от нее пришлось отказаться и прежде всего в отношении к земледелию. Большевизм даже чересчур решительно, по эс-эровски, отбросил ее. Ныне существование миллионов мелких хозяйчиков ничуть не мешает большевистским попыткам осуществления социализма, до такой степени не мешает, что марксистская власть собственными декретами в десятки раз умножает численность мелких хозяйств в русской деревне, без малейшего опасения противодействия законам капиталистической концентрации производства и скорейшему наступлению социализма. Оказалось, одним словом, что попусту рабочие откладывали свою революцию до момента гибели мелкого производства.

Марксистский объективизм не так беден, чтобы, отказавшись от старой сказки, не суметь сочинить новую. В самом деле, новая утопия в формулировке Ленина уже совершенно готова. Раньше чем по-

гибнуть, капиталистическое производство должно непременно перейти в «государственный капитализм», должно выработать систему синдицированной промышленности, механизм регулирования и точного учета производства и распределения труда. Иначе социализм не осуществим. В доказательство Ленин ссылается на результаты большевистского хозяйства: передали рабочим регулирование и распределение, а те не сумели с этим справиться. «Рабочему» правительству приходится теперь обращаться за помощью к буржуазии, которая, к счастью, еще не погибла.

Ленин с глубоким убеждением повторяет, что «обсоюзывание» промышленности и точный учет производства и потребления не есть утопия, а реальнейшая действительность, необходимейшие реформы капиталистического хозяйства, уже осуществленные, в большей или меньшей мере, в западноевропейских странах. Несомненно! С этим спорить нельзя. Но каким образом эти реальные явления, эти преобразования играют решающую роль в судьбах рабочего класса, в его революции, в его освобождении?

Ответ будет в конце концов такой: происшедшие за время войны изменения в капиталистическом хозяйстве представляют некоторое несомненное... обобществление производства, своего рода... социализм, хотя и буржуазный, кайзеровский, все же социализм. А социализм — кто же в этом сомневается — есть полное освобождение рабочих.

Таковы социалистические сети, которые опутали рабочий класс. В них его научили одним и тем же именем социализма называть: как свое собственное стремление к низвержению вековой неволи, так и усилия буржуазии спасти свое грабительское отечество и усилия кайзера ограбить весь мир. Эти сети социализма плетет с первого же дня своего рождения, и уже Коммунистический манифест (70 лет тому назад) преспокойно перечисляет все виды социализма: поповский, государственный, буржуазный и пр. Эти закабаляют рабочих, но есть также «настоящий», «истинный», «пролетарский», «коммунистический» социализм, который рабочих освободит.

Так социалисты прожили сто лет, сохранив чистую совесть и глядя спокойно, как «светлым» знаменем социализма, в корне испошленным и истрепанным, всевозможные попы, министры, буржуи размахивают в случае нужды для лучшего закабаления рабочих:

Социалистические сети сооружены по тому же методу, что и религиозные. Социализм не допускает разрыва между ограбленными и их грабителями. Он, наоборот, объединяет их в одной мечте о будущем рае, о царстве святого братского сотрудничества.

На основании того несомненного положения, что созданные веками богатства и необходимые для жизни людей средства производства

могут быть захвачены рабочими и сделаться их достоянием только в обобществленной форме, социализм сочинил и внушил миллионам лживую религиозную веру в то, что обобществленное хозяйство есть с а м о по с е б е уничтожение рабства рабочих, переход богатства в их руки. «Грубое» стремление рабочих к захвату богатств, к экспроприации грабителей в корне подменено «чистым» религиозным стремлением к социалистическому идеалу, к благочестивому «сотрудничеству» людей. Только бы создать обобществленное производство, только бы дожидаться обобществленного хозяйственного сотрудничества, и грабители сами исчезнут. Точно так же «настоящие», «истинно-христианские» проповедники две тысячи лет морочат бедноту: только бы распространить христианскую любовь по всему миру, и в «царствии Божиим» на земле не будет места грабителям.

В религиозном ожидании братского сотрудничества, верующие рабы отказываются от немедленной расправы с грабителями. В то самое время, когда грабители множатся, и в среде самого «пролетариата» развивается и крепнет паразитизм интеллигенции с господскими доходами белоручек; когда новейшая «пролетарская» интеллигенция с каждым днем все прочнее пристраивается к буржуазному пирогу и умножает ряды буржуазии, рабочих усыпляют «научными» утопиями, будто буржуазия, становясь все меньшей «кучкой», «сама роет себе могилу». Социализм внушает рабочим массам ложь, будто одни только капиталисты, одни только собственники средств производства — паразиты, живущие на счет рабочего труда. Социализм — это щит, прикрывающий интеллигенцию, которая беспрестанно размножается и в высших своих слоях, наравне с капиталистами, загребает национальную прибыль. Социализм скрыл от рабочих рост грабительского общества и песенкой об уменьшающемся количестве грабителей, о гибели буржуазии от ее собственного развития, удерживает рабочих от низвержения буржуазного строя.

Социалисты, согласно своему религиозному учению, обязаны только «подготавливать» рабочих для будущего строя, подготавливать без конца, всюду и всегда, но не освобождать их немедленно, не низвергать буржуазию. И вот, в то время, как рабочих социалисты лишь «подготавливают», интеллигенцию и буржуазные низы они доподлинно освобождают. Так царское самодержавие социалисты низвергали якобы для того, чтобы рабочие при демократической свободе могли воспитываться, организоваться, подготавливаться к социализму; интеллигенция же сразу получила в свои руки правительственную власть, государственную казну, все многочисленные местечки, которые были для нее недоступны при царских жандармах, генералах, бюрократах.

Наконец, даже тогда, когда, социалисты в лице большевиков обещают немедленное разрушение буржуазного строя, когда рабочие завоевывают для них полную, неограниченную власть во всем государстве, даже тогда рабочему классу не суждено получить ничего больше кроме все той же вечной подготовки к социалистическому строю. В этот исключительный момент «диктатуры пролетариата» пущены в ход необычайные социалистические мероприятия, которые, однако, фатально оказываются лишь обычными социалистическими утопиями.

К рабочим массам, полуграмотным и совсем безграмотным, остающимся на рабском пайке, в их неволе рабского ручного труда, обращаются, после победы над буржуазной властью, с пламенным призывом учиться искусству управлять государством и производством.

Это обычная демократическая утопия социалистов и анархистов, не имеющих ни малейшего понятия о всей глубине рабства рабочих масс, обреченных на невежество. Она уверяет, что надо лишь прогнать старых чиновников, и «трудящиеся классы», путем свободного «народного творчества», на основе неограниченного самоуправления «коммун» и их свободного федерирования, наилучшим образом наладят хозяйство и всю жизнь страны. Но уже после трех-четырёх месяцев в этом сверхдемократизме наступает неизбежный крутой поворот: самоуправление, самодеятельность, выборное и федеративное начало признаются очень часто нежелательными, вызывающими всеобщую неразбериху и заменяются своею противоположностью — принципом диктаторским. В конце концов, рабочая масса, призванная, словно для издевательства над нею, к управлению государством, сама же и ответственна за глупость и демагогию командиров революции: это, мол, ее неспособность, эгоизм, грубость и лень довели до развала «рабочее» государство.

В результате всех призывов к «самодеятельности» народилась... новая «народная» бюрократия. Конечно, не массы, осужденные на невежество и ручной труд, пошли управлять государством, а интеллигенты и полунинтеллигенты из рабочих; те «передовики», которые раньше были революционерами, а после октябрьского переворота сделались государственными чиновниками. Массы могли лишь наклеить этой новой бюрократии ярлыки народных рабочих комиссаров, депутатом и пр.

Анархисты никогда не задумывались над тем, что в действительности выйдет из их «народного творчества», и выйдет ли вообще что-нибудь. Подобным же образом левые коммунисты до сих пор восхищаются «прекрасным» лозунгом Ленина: «научить каждую кухарку управлять государством». Но Ленина нечего заподозривать в преуве-

личении роли и значения «самодеятельности» масс в «государственном строительстве». Он красивыми лозунгами вовлек массы в большевистскую революцию, но еще до октября старательно объяснял, что задачей демократической самодеятельности будет замена старой бюрократии бюрократией новой, народной и рабочей. Таким образом, он имеет теперь полное право возмущаться «левым ребячеством» своих партийных товарищей, которые до сих пор не изучили в совершенстве акробатского искусства социал-демократии, умеющей, сообразно различным «объективным» моментам, то возвеличивать до небес «личную инициативу», то строго ее карать.

Рабочим массам не нужны «прекрасные лозунги» слашавого демократизма и демагогические призывы к «самодеятельности» в т ю р ь м е рабского ручного труда. Пока рабочие не доведут свой рабский паек — за счет буржуазных богатств — до уровня дохода свободных и полноправных интеллигентов, они не могут быть свободными людьми, не в состоянии заниматься строительством жизни. В момент рабочей революции народ не станет, согласно социалистическим утопиям, готовить своих собственных «рабочих» чиновников и специалистов; не станет «по большевистски» вскармливать и умножать в своей среде бюрократов. Рабочий класс, экспроприировав буржуазию, завладев всеми накопленными богатствами, достигнет революционного господства над государственной властью, которая с этих пор ему повинуетя, и принудит всю интеллигенцию, под угрозой голода, работать в рабочем хозяйстве так же прилежно, как у капиталистов.

Ясный прямой путь рабочей революции, связанный с одновременной всеобщей экспроприацией, с бесповоротным разрушением буржуазного строя, для социализма — и марксизма в частности — недоступен, не желателен, ибо, как показано выше, путь этот есть в то же время начало борьбы со всем образованным обществом, на которую никакой социализм не решится.

Для устранения капиталистов марксистам нужен путь медленной, окольной, осторожной борьбы без сжигания мостов за собою; такой путь, чтобы при малейшей опасности для интеллигенции можно было увильнуть назад.

Экспроприация буржуазии допускается марксистами не в виде всеобщего захвата самими рабочими фабрик и заводов, а самое большее, в виде разрозненных национализаций, проводимых исключительно государством. Но даже такая экспроприация является в марксистском социалистическом перевороте делом второстепенным, можно сказать, делом самого ничтожного значения. В написанных накануне октября брошюрах, где, между прочим, разъясняется, что при национализации банков миллионеры не потеряют ни копейки («Грозящая катастрофа»,

стр. 8), Ленин многократно заявляет, что сущность социалистической революции не в экспроприации. «Не в конфискации гвоздь дела», говорит он («Удержат ли большевики власть?», стр. 17). И бурный октябрьский переворот, когда, по его выражению, «достаточно наломано и наконфисковано», очевидно, не переменял его отношения к этому вопросу. Как же, в таком случае, объяснить две-три сотни национализированных советской властью предприятий? Национализация служила лишь «агитационным средством». Эта была необходимая дань «низменным, грубым» чувствам невоспитанных рабочих масс, упорно мечтающих о захвате богатств буржуазии. Иначе нельзя было вдохновить рабочих на социалистическое строительство и поставить их перед «благороднейшей», по убеждению Ленина, задачей «самодисциплинирования» рабочего класса.

Путь Ленина — это выдержанная марксистская тактика. Мартов никак этого не может понять и попусту обвиняет товарища в измене только потому, что на смерть перепуган «немедленным социализмом». Но разве первым русским социалистам четверть века тому назад не приходилось уже маскироваться, временно замалчивать политику, и, уступая некультурным рабочим, вести узко экономическую борьбу «за пятачек». Это приходилось делать затем, чтобы достигнуть заветной цели, чтобы вовлечь рабочие массы в буржуазную революцию. Вождь большевизма за все время революции ни на минуту не изменял марксизму, его теории и практике. Он слишком хорошо знает бесконечную ценность его для демократии, чтобы не оставаться ему верным.

В теории, в своем мышлении Ленин ни на минуту не перестает быть марксистом объективистом, который обязан не отрываться от «реальной экономической почвы». Что же должен означать большевистский «немедленный социализм»? Может ли это быть что-нибудь похожее на немедленное уничтожение буржуазии и полную ее экспроприацию? Конечно, нет! Это значило бы «выдумывать» социализм «из ничего». До таких заданий экономика буржуазного хозяйства не доросла, да и вряд ли дорастет когда-либо.

Ленинский немедленный социализм — это предпринятое марксистом объективистом социалистическое строительство, поскольку буржуазная экономика для такого строительства созрела и сама в нем нуждается. Экспроприация буржуазии, конфискация ее имущества, — это не строительство. Здесь нет присущего социализму «элемента организации» («Удержат ли большевики власть?», стр. 17). Это лишь то «разрушение», то «ломание», которое, по мнению Ленина, пора прекратить.

Ленин настолько «истинный марксист», до такой степени безгрешный и совершенный объективист, что в своем социалистическом

строительстве старается осуществить лишь то, что уже создала буржуазная экономика в «передовых культурных» странах.

Ленин — коммунист восхищен не менее Шейдемана результатами, достигнутыми за время войны западно-европейской и в особенности германской «экономикой». По его уверениям, германское хозяйство — столь же созревший социалистический зародыш в экономике, как российское советское государство — в политике (П р а в д а, № 89, «О левом ребячестве»). Остается лишь слить эти два зародыша воедино, создать кайзеровскую экономику в советской России, и засияет рай полного обобществления, падет рабство рабочих и буржуазный грабеж.

Хорошая сказка! Как всякая другая, которую порождает марксистский объективизм, она усыпляет рабочих, но в то же время выражает реальнейшую политику, насущнейшую потребность демократического буржуазного общества.

Регулирование промышленности, «точнейший учет» производства и потребления, с хлебной монополией, твердыми ценами и карточной системой, эта, доведенная в Германии до совершенства, «социалистическая экономика» сделалась необходимостью во всех государствах, прямо или косвенно затронутых войной. Регулирование производства и потребления является для них спасением от массового голода и развала в эпоху опустошительнейшей мировой бойни. Только в социалистических утопиях эта система государственной регламентации подрывает буржуазный строй. Но буржуазные правительства приступают к ней без малейшего опасения, что делают какую-либо уступку или играют на руку революционным антибуржуазным стремлениям рабочих.

Марксисты-объективисты, все равно, немецкие ли шейдемановцы, или русские коммунисты, морочат рабочих пустыми баснями. Будто регулирование производства и потребления есть материальная подготовка социализма, освобождения рабочих. Одной и той же марксистской утопией социал-патриоты вовлекают рабочих в кайзеровские грабежи и разбой, а большевики — в демократическую революцию.

Регулирование производства и потребления есть простая обязанность всякого правительства, желающего сохранить свое государство, как самостоятельное политическое целое. Эту обязанность, которую добровольно взяли на себя большевики, принуждена была бы исполнять всякая власть, будь то Керенский, Милюков или царь. Между тем, рабочим без стеснения рассказывают бредни, будто регулирование промышленности, «точнейший учет производства и распределения продуктов» есть необходимое, предварительное условие низвержения буржуазии; будто строгое проведение хлебной монополии есть настоящая коммунистическая задача, «последний решительный бой» с капитализмом (Ленин: «О голоде». П р а в д а, № 101). Вот уже и последний бой, когда не сделан даже первый шаг в рабочей революции!

Понятно, что Ленинская утопия об уничтожении буржуазии, путем регулирования производства и потребления, крепче приковывает рабочего «передовика» к делу демократии, заставляя его забыть совершенно о рабочем деле, о захвате богатств буржуазии.

Пока советская власть не успела укрепиться, в большевистских рядах раздавались голоса о необходимости «углубления» революции, ее дальнейшего развития, о необходимости «додушить» буржуазию. Но когда, месяца два тому назад, контр-революция была повсюду подавлена, большевики стали бить отбой и с особенной настойчивостью усыплять рабочие массы своими социалистическими утопиями.

Правда, в большевистских рядах возникла оппозиция левых коммунистов, но родилась она не из стремления вести вперед революцию, а из желания объявить немцам «священную войну» немедленно, не дожидаясь октябрьской революции. Такое выступление левых коммунистов приветствовали даже все русские патриоты. С тех пор левым удалось, пожалуй, несколько попридержать рвение правых большевиков к отступлению, но, повидимому, этим они и удовлетворились: на твердое, непреклонное движение вперед они, старые социал-демократы, неспособны. Что касается анархистов, то даже жестокий урок, полученный ими от большевиков, не был в состоянии толкнуть их вперед. Напротив, они быстро попятнулись назад, еще дальше большевиков.

Итак, самые крайние, наиболее передовые социалистические революционные партии перестали думать о дальнейшей борьбе со старым миром грабежа. Между тем, в советской республике существует буржуазный строй; капиталисты остаются собственниками фабрик и прибылей; неволя рабочих, обреченных на пожизненный ручной труд, не нарушена, плата стала, полуголодной; низшие слои рабочих живут на нищенской голодной плате, сотни тысяч безработных и их семьи терпят муки голода и гибнут. При таком положении все социалистические партии решили покончить с «углублением» революции. Все они по собственной воле остановились, ибо считают достигнутые результаты революции вполне достаточными; что же касается эсеров и меньшевиков, то они, как известно, считают их даже чрезмерными и зовут «назад, к капитализму».

Такое отношение социалистов к задачам революции доказывает неопровержимейшим образом, что социализм не есть сознательное выражение стремления рабочих масс низвергнуть свою неволю. Он еще раз выразил стремление народных элементов, уже поднявшихся над рабочей массой, занять привилегированное положение в грабительском обществе. Эти низы буржуазного общества, под руководством революционного марксизма, решили, что достаточно истреблено помещиков, офицеров и старых бюрократов, что богачи, капиталисты достаточно обузданы и напуваны для того, чтобы все оставшиеся до сих пор

в черном теле интеллигенты и полуинтеллигенты прочно пристроились в новом буржуазном обществе.

С нашествием кайзеровских полчищ на советскую республику представлен нож к горлу русской революции, и, кто знает, не суждено ли ей погибнуть под ударами культурных разбойников запада и востока. Это, однако, не образумило русских социалистов. Им, как видно, безразлично, что поднятой коммунистами революции грозит опасность перейти в историю под знаменем обыкновенной буржуазной революции, которая, как таковая, не в состоянии оказать никакого действия на европейских рабочих, давно знакомых с плодами буржуазных и демократических революций. Коммунистов не смущает и то обстоятельство, что, отказавшись, по низвержении правительства капиталистов, от низвержения буржуазного строя, они предоставили социал-патриотам всего мира новое орудие борьбы — наилучшее доказательство «объективной невозможности» рабочей революции. Такое «объективное» доказательство несомненно послужит для всех империалистических разбойников поощрением к бесконечной мировой войне.

Рабочим массам предстоит самим, вопреки усыпителям социалистам, поднять свою революцию. Рабочая революция идет дальше всех социалистических планов и задач. Освобождение рабочих, низвержение рабочей неволи, существующей испокон веков, есть дело покрупнее социализма. Социализм собирает силы для низвержения одних только капиталистов, но хочет заместить их классом наследственных белоручек, оставляющих в прежней неволе класс ручных рабочих и их потомство. Социализм сто лет противодействует рабочей революции. В страхе перед ней и большевики теперь остановились. Очутившись волею стихии у порога рабочей революции, они отказываются идти дальше вперед, ибо там их ждет немедленная борьба рабочих с интеллигентами, борьба открытая, непримиримая, которой социализм ни за что допустить не хочет.

Рабочий класс должен принудить советскую власть уступить его воле: объявить и провести всеобщую экспроприацию буржуазии, употребив ее прибыли и доходы на улучшение положения рабочих.

Русская революция давно ждет отзвука на Западе, давно ждет помощи от рабочих других стран, их международного бунта против войны. Но напрасно меньшевики ждали помощи от западно-европейских социал-патриотов; напрасно и большевики ждут помощи от каких-то «революционных» социал-демократов, «истинных марксистов». Социализм не способен прекратить войну точно так же, как не был в состоянии ее предотвратить.

Международный бунт против войны может возникнуть только как рабочая революция. Между тем современный социализм загубил, со-

вершенно вытравил всякую мысль о непосредственной рабочей революции. Обещая рабочим, организованным в миллионные партии, освобождение на пути постепенной мирной борьбы в демократическом государстве, он отучил их от бунтов против мира грабежа. При содействии всей образованной буржуазии социалисты до такой степени развратили рабочие массы, научили так сильно любить собственную тюрьму — грабительское отечество, что сделали их безропотной, беспомощной добычей военных разбойников, которые давно не имели таких сознательно-патриотических солдат, как те, что прошли многолетнюю социалистическую выучку.

В России социализм проявил все, на что он способен. Социалисты легко становятся пораженцами в царском, никуда негодном государстве, наперед обреченном на гибель в мировой войне. Они умеют добить царизм, когда его уже повергло иноземное оружие. Напрягая все свои силы, они умеют здесь провести социальную революцию для того, чтобы в демократии возродить свое отечество и сделать его беспособным, как об этом заботятся Керенские и мечтают Ленины («Г р о з я щ а я к а т а с т р о ф а», стр. 29). Социалисты только тогда находят в себе решимость призывать весь мир к прекращению войны, когда для их собственного отечества продолжение войны становится невозможным.

На Западе вся революционность и искусство русских социалистов недостаточны для прекращения мировой бойни. Там, для усиления демократии и укрепления отечества нет смысла поднимать восстания. Там пораженчеству всюду пришлось бы посягать на безопасность «здоровых», «прогрессивных» государств, умеющих отстоять в войне свое существование. Там может быть речь только о рабочей революции, а не о демократической. Наконец, чтобы, подтачивая одно государство, не усиливать тем самым его военного противника, необходимо организовать р а б о ч и й з а г о в о р в воюющих странах. Но рабочий заговор, тайно подготовляющий рабочую революцию в демократическом государстве — величайшее преступление, по учению современных социалистов, как и по буржуазным законам. Если мысль о рабочем заговоре не явилась у социалистов до войны, для ее предотвращения, то может ли она возникнуть хотя бы у самых революционных, самых «истинных» марксистов теперь, в несравненно более грудных условиях?

Пока русские марксисты ждут помощи своих западноевропейских товарищей; последние, в свою очередь, ждут достаточной проверки и успеха «экспериментов» русского большевизма. Так обыкновенно социалисты разных стран вину за неумение двинуться вперед к рабочей революции сваливают друг на друга.

Русский рабочий класс немного дождется от западноевропейских социалистов, даже от самых крайних, самых «истинных». Рабочий бунт против войны, рабочая революция против грабительского мира может быть поднята и на Западе лишь самими рабочими массами. И они уже поднимались не раз в Италии, Австрии, Германии. Но эти вспышки, которые под руководством социалистов размениваются на мелочи, не способны охватить даже одного государства, не говоря уже о других воюющих странах. Между тем, без одновременного восстания хотя бы в двух, друг против друга стоящих государствах, стремление прекратить войну почти безнадежно.

Октябрьская революция всколыхнула рабочих всего мира лишь потому, что от большевиков ждали немедленного прекращения войны и низвержения буржуазии. Раз это не осуществляется, голый призыв к созданию советской власти перестает для них быть чем-нибудь большим, нежели существующая у них демократия.

Только низвержение буржуазного строя в России, только экспроприация буржуазии в пользу рабочего класса может стать искрой для мирового пожара рабочих восстаний. Из рук социал-патриотов и соглашателей всего мира выпадает тогда самое сильное их оружие — буржуазное суеверие об объективной невозможности низвержения буржуазии; рабочие всех стран поднимутся на защиту своего дела, война сделается невозможной и международная рабочая революция неизбежной.

Апрель — Май.

БЕЗРАБОТИЦА

Перед лицом безработных прекрасные слова о существующей в России с октября диктатуре рабочих, о господстве рабочего класса над буржуазией — уже не только пустые бредни, но прямое издевательство над голодными людьми. Рабочий класс господствует таким удивительно странным образом, что сотни тысяч его членов вместе со своими семьями гибнут с голоду в то время, как капиталисты и все прочие буржуа, над которыми рабочий класс якобы господствует, по прежнему сыты. В руках рабочего класса государственная власть и казна, а сотни тысяч голодных рабочих не могут найти заработка!

Когда диктатура большевиков еще только утверждалась, они как будто понимали, что немисливо уверовать в такое господство рабочего класса, которое предоставляет рабочих всем ужасам безработицы и голода. «Рабочее» правительство издало декрет о страховании от безработицы за счет капиталистов. Но когда власть большевиков упрочилась, они в продолжение нескольких месяцев считали излишним принимать надлежащие меры к осуществлению даже этого декрета, не говоря уже о более серьезных шагах для борьбы с безработицей.

В некоторых провинциальных городах советы, под давлением безработных, прибегали к контрибуциям и обложению буржуазии для обеспечения голодных. Большевистское правительство, которому его декрет в первые месяцы не давал ни копейки, и не подумало практиковавшуюся местными советами систему обложения буржуазии в пользу безработных, распространить на всю Россию. Между тем, сейчас после октябрьской революции это был надежнейший и вернейший путь обеспечения безработных, даже при отсутствии аппарата для взимания налогов. Под угрозой ареста, напуганные повсеместными победами рабочих, богачи безропотно делали взносы в советские кассы. В Одессе безработные потребовали в начале января 10 миллионов от местных богачей. В тот же день было доставлено полмиллиона, с обещанием в непродолжительный срок собрать остальную сумму.

Система контрибуций в пользу безработных, проведенная совдепами во всех городах и промышленных местностях, могла дать в первые же месяцы сотни миллионов в кассы безработных. Таким образом, даже не говоря о всеобщей экспроприации буржуазии, до чего мысль социалистов никак добраться не может, была возможность обеспечить рабочих от растущей безработицы. Впрочем, как известно, рабочим позволено было забавляться контрибуциями, реквизициями, конфискациями и пр. лишь непродолжительное время, лишь для создания иллю-

зии господства рабочих над капиталистами, для укрепления за большевистской диктатурой названия «рабочей» и «социалистической».

Страховая касса безработных могла собрать сразу после октябрьского переворота очень крупные суммы и, финансируемая одновременно государством, дала бы возможность покрыть всю Россию сетью общественных работ. При такой борьбе с безработицей советская республика приобрела бы совершенно другой характер: она навсегда связала бы себя с низами рабочего класса такими крепкими узами, что даже в настоящий момент страшнейшего голода никаким предателям и контр-революционерам не удалось бы перетянуть их на свою сторону. Обо всем этом большевистские вожди совсем не думали. До сих пор нигде не организованы общественные работы даже элементарного характера, как заготовка дров напр., которыми необходимо было бы заменить теперь уголь в некоторых производствах и прежде всего на железных дорогах.

Конечно, широкая постановка общественных работ, обеспечение от безработицы — обошлись бы государству в миллиарды. Но, даже по мотивам, доступным пониманию большевиков, стоило это делать. Сколько тяжелых, роковых последствий, роковых для самих большевиков, было бы избегнуто. Спасение сотен тысяч людей от ужасов безработицы есть в то же самое время самый верный путь спасения русской революции. Большевики ждали очевидно весны, которая должна была разогнать назойливую массу безработных, разбросать ее по всей России, распылить по глухим деревням. Но раньше чем уйти, эти массы почувствовали глубокую злобу к «пролетарской диктатуре», предоставляющей им помирять с голоду, и разнесли эту злобу по всей России. Возвращающиеся с фронта изголодавшиеся солдаты приезжают на родину и, не находя никакого заработка, никаких средств к существованию, никакой поддержки от «рабочей» власти, — из горячих большевиков превращаются в тех мешечников, спекулянтов, уличных торговцев, которых вылавливает, развращенная ремеслом полицейских, красная «рабочая» гвардия.

Отношение большевиков к страшной, невиданной до сих пор в истории, безработице, вполне согласно с духом их октябрьского переворота. Большевистский переворот, как и все предыдущие революционные выступления русских социалистов, был сведен к перевороту политическому. Главной задачей большевиков было завоевание рабочими нового политического права создать «свою» советскую власть, а не изменение экономического, материального положения рабочего класса. Поэтому большевики стараются связать рабочие и безработные массы с советской властью лишь агитацией, просвещением, проповедью, а не улучшением материального положения рабочих, не обеспечением безработных.

Большевики полагали, что для безработных всей России, при закрытии предприятий, более чем достаточно уплаты за три месяца. Поэтому большевистская власть оставляла у рабочих лишь полуторамесячную плату, а другую половину удерживала в кассе безработных; но не для раздачи другим безработным, давно остававшимся без всяких пособий, а, повидимому, для самых острых случаев безработицы, выливающих в крупные волнения. Так в Петербурге только в марте брошена милостыня стотысячной армии безработных: на три месяца — 4 миллиона, что означало бы меньше полтинника в день на душу, если бы не пришло на помощь хитроумное распоряжение о выдаче 15 тысячам бесплатных обедов, а остальным — ни гроша.

Советское правительство вспомнило о своем декрете и сделало первые шаги по пути частичного его осуществления лишь к весне, после четырех месяцев полнейшего бездействия, когда возвратившиеся с фронта солдаты, как элемент более требовательный, вызвали во многих местах волнения и «эксцессы». Поскольку капиталисты на это соглашались, начинают поступать взносы согласно установленной декретом нормы. Ц. И. К., «для предотвращения могущих возникнуть эксцесов», призывает все совдепы и рабочие организации к изысканию средств для страховых касс. Капиталисты теперь, после известного поворота к большевистской политике и прекращения «красногвардейских атак» на эксплуататоров, стали совсем неуступчивы и к уплате взносов не склонны. Местным совдепам, сильно ограниченным в применении прежних принудительных мер, приходится думать об обложении и с а м и х р а б о ч и х.

В Москве, для обеспечения совнаркому спокойствия, после многократных обещаний, начинается, наконец, выдача пособий, конечно, не всем безработным. Пособия выдаются с очень большими ограничениями и в размерах, далеко не соответствующих обещанной декретом обычной плате рабочего. Можно ли назвать выдаваемые 4 руб. холостым и 7 руб. семейным иначе, как нищенской подачкой!

«Профессиональный Вестник» от 20 апреля в следующих словах передает доклады с мест на 2-м областном съезде комиссаров труда Московского промышленного района и бирж труда:

«Почти во всех более или менее крупных городах области присутствует к организации касс для безработных, но только в Иваново-Вознесенские она уже функционирует; во всех же других местах кассы или находятся в процессе организации, или же не могут быть открыты, вследствие отсутствия денежных знаков. Этот же мотив служит препятствием везде при организации общественных работ и устройстве столовых. Вообще, отсутствие денежных знаков является большим вопросом на местах. Следует также отметить, что при организации касс безработных нигде не

намечается выдача пособий согласно декрета в размере среднего заработка, что считается невозможным, но устанавливается определенный минимум и максимум. Взносами в некоторых местах облагаются не только предприниматели, но и рабочие, как напр., в Вязниках, Туле, Рыбинске. Взносы поступали по большей части туго. Причем делегаты отмечают резкий антагонизм между безработными, особенно солдатами, организовавшимися в Советы безработных, и всеми существующими рабочими организациями. Везде, где существуют советы безработных, за исключением одной только Калуги, они выступают с угрозами вооруженного воздействия, с явно недопустимыми требованиями снять рабочих с работы и предоставить свободные места безработным; снимают женщин и подростков, требуют выдачи им на содержание, требуют посылки на работы вне очереди и т. п.» (стр. 16).

В резолюции, принятой на съезде, говорится:

«В виду того, что до сих пор на местах сделано очень мало для проведения закона о страховании от безработицы, съезд поручил Комиссарам Труда в самом срочном порядке созвать совещание рабочих организаций для образования страховых касс»...

«Съезд считает вредными попытки создания особых организаций безработных, противопоставляющих себя всем другим рабочим организациям и вносящих раскол в рабочее движение, единство которого теперь важнее, чем когда бы то ни было. Безработные, как все рабочие, должны входить в профессиональные рабочие Союзы, могут образовать при этих союзах свои секции и осуществлять мероприятия по борьбе с безработицей в соответствии с интересами всего рабочего движения в целом».

«В связи с этим съездом высказывается пожелание, чтобы профес. союзы устранили препятствие к вступлению в их состав безработных» (стр. 17. Курсив наш).

Итак, в момент съезда безработные еще не имеют права вступать в профессиональные союзы, а особая организация безработных вредна. Очевидно, по мнению представителей съезда, наиболее подходящим состоянием для безработных было в тот момент совсем не организоваться, а молча, безропотно голодать для сохранения спокойствия в «пролетарском государстве». Однако, голодных людей так легко и просто не усыпишь. Безработные прекрасно поняли, что только при их настойчивых требованиях они могут рассчитывать на какую либо помощь. Если бы не возникли особые организации безработных с их громкими требованиями помощи и работы, дело страхования от безработицы стояло бы до сих пор на той же мертвой точке, что и всю

зиму, и безработные не получали бы даже той мизерной поддержки, которую кое-где сейчас получают.

Государственная власть, даже и та, что назвала себя «пролетарской», «социалистической», не выражает воли рабочих масс, а тем более масс безработных. **Особая организация безработных необходима.** Только она может отстоять требование немедленного и полного обеспечения безработных; только она будет за это требование бороться; только она добьется обеспечения безработных от голода. «Пролетарская власть» не только не обеспечит никогда, по своей собственной воле, безработных, но, напротив, будет всегда отвечать, как и всякое другое правительство, что для полного обеспечения безработных нет средств, что таковое возможно лишь после окончательного введения «социализма», и пр. и пр.

Из приведенных выше докладов на съезде видно, что обеспечение от безработицы в необходимом масштабе невозможно по очень понятной причине, по недостатку денег. И это для такого дела и в такой момент, когда они нужны немедленно! После всех предостережений и напоминаний центральной власти большевистские совдепы на местах конечно не решаются на принудительные меры при взимании страховых взносов; они не могут больше, по той же причине, прибегать к экстренным мерам в виде контрибуций на богатых. А совнарком и не заикается, что в этом деле можно рассчитывать на авансы и субсидии из государственной казны. Что же большевистским совдепам остается делать? **Облагать самих рабочих.** В борьбе с невиданной безработицей рабочие должны сами себе помочь. Деля с безработными свой рабский, голодный паек, они должны спасти сотни тысяч гибнущих с голоду товарищей.

В «пролетарской», «социалистической» республике «права» рабочих на голодание во время безработицы те же, что в буржуазной республике Керенского, что в буржуазных государствах всего мира. Зачем же было, думают вполне резонно безработные, завоевывать власть над государством и его казной, когда ни одной копейки из этой казны получить нельзя даже тогда, когда помираешь с голоду? Да, не помешало бы, как видно, рабочим заранее, до октябрьского переворота, поторговаться с большевиками и обязать их, по достижении власти повысить рабочую плату и обеспечить безработных.

Центральная большевистская власть выдерживает свою линию неуклонно. Из тех денег, которые печатаются миллиардами, на спасение безработных от голодной смерти не должно быть отпущено ни копейки. Страховая касса может выдавать пособия лишь постольку, поскольку поступают взносы. Миллиарды печатаемых денег могут, по мнению власть имущих, идти лишь на «государственные нужды»: на содер-

жание красногвардейцев, охраняющих спокойствие и порядок в государстве и большевистскую власть; на содержание просветительных учреждений, воспитывающих население в большевистском духе; наконец, на содержание ненационализованной и национализованной промышленности, которая должна не только прокормить рабочих, но еще, во что бы то ни стало, давать прибыль сытому привилегированному обществу. Спасение сотен тысяч людей от ужасов безработицы — это совсем не считается государственной необходимостью, точно так же в «пролетарском» государстве, как и в буржуазном.

Особая организация безработных, особая борьба безработных неизбежна и необходима в советской республике в той же мере, как и во всяком другом государстве. Она имеет своей задачей добиться от государства немедленного, полного обеспечения всех безработных; добиться основного, общегосударственного закона, в силу которого каждый безработный получает пособие в размере, приближающемся к обычному его заработку. Такой закон принудит государственную власть немедленно приступить к повсеместной организации общественных работ. Пока существует буржуазный строй, государственный фонд для страхования от безработицы и для организации общественных работ должен быть создан путем обложения имущих классов, крупной и мелкой буржуазии, интеллигенции, получающей привилегированные доходы, но ручные рабочие от такого налога должны быть безусловно свободны.

Редактор А. ВОЛЬСКИЙ

О Г Л А В Л Е Н И Е

Albert Parry. Jan Waclaw Machajski: his life and work	7
Р. Н. Редлих. Ослепленный утопией	25

УМСТВЕННЫЙ РАБОЧИЙ

Часть I.	ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИАЛДЕМОКРАТИИ	
	Предисловие	41
	Эволюция социалдемократии	61
	Заключение	137
	Приложение. Майская стачка	153
Часть II.	НАУЧНЫЙ СОЦИАЛИЗМ	
	Предисловие к первому изданию	165
	Глава I. Чего требует для рабочих экономическая доктрина Маркса	168
	Глава II. Учение Робертуса о национальном капитале	178
	Глава III. Марксова теория общественного постоянного капитала	187
	Глава IV. Государственный социализм	205
	Глава V. Марксизм в России	223
Часть III.	ВЫПУСК 1. СОЦИАЛИЗМ И РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ	
	Предисловие	251
	Продолжительная агония самодержавия	252
	Первая забота современного революционера	259
	Удивительный плод социализма	265
	Счастливая гармония признанных противоположностей	276
	Призрачная непримиримость	289
	Благотворная роль старых идеалов	309
Часть III.	ВЫПУСК 2. СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ НАУКА КАК НОВАЯ РЕЛИГИЯ	
	Предисловие	325
	Социалистическая наука как новая религия	326
		417

Приложение. РАБОЧАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

К рабочим	353
Второй год борьбы	356
Большевистская диктатура и экспроприация буржуазии	365
Октябрьский переворот	366
Господство рабочего класса	370
Марксистская диктатура	371
Интеллигентская контр-революция	380
Экспроприация буржуазии	387
Социалистическое строительство	395
Безработица	410

В МАГАЗИНАХ РУССКОЙ КНИГИ
ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ
ПРОДАЮТСЯ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:

Принятые сокращения:

МЛС — Международное Литературное Содружество (Inter-Language Literary Associates), Нью-Йорк.

РК — Издательство «Русская Книга», Вашингтон.
ТЗП — Издательство Товарищества Зарубежных Писателей. Мюнхен.

УМСА — Издательство Союза Христианских Молодых Людей, Париж.

ИР — Издательство И. Г. Раузена, Нью-Йорк.

ИВК — Издательство В. П. Камкина, Вашингтон.

Цены даны в долларах.

- АВТОРХАНОВ А. *Технология власти.* 1959, 418 стр. Цена 2.00.
- АДАМОВИЧ Георгий. *Единство.* Стихи разных лет. Обложка Н. Сафонова РК, 1967, 55 стр. Цена 1.50.
— » — *Комментарии.* Литературные очерки. ИВК, 1967, 211 стр. Цена 3.00
- АЛЕКСЕЕВА Лидия. *В пути.* Стихи. Изд. 2-ое, Нью-Йорк, 1962, 60 стр. Цена 1.00.
— » — *Прозрачный след.* Стихи, Нью-Йорк, 1964, 60 стр. Цена 1.00.
- АНДРЕЕВ Г. *Трудные дороги.* Повесть. ТЗП, 1959, 156 стр. Цена 1.75.
- АННЕНКОВ Юрий. *Дневник моих встреч.* Цикл трагедий. В двух томах. С портретами работы автора. Вступительные статьи — издательства, Вальдемара Жоржа, Алексиса Ранни-та и Евгения Замятина. Обложка и переплет С. Голд-лербаха. МЛС, 1966:

- Том первый. Горький, Блок, Гумилев, Ахматова, Хлебников, Есенин, Маяковский, А. Ремизов, С. Прокофьев, Замятин, Пильняк, Бабель, Зощенко, Репин, Г. Иванов. 33 портрета. 346 стр. Цена 4.75, в коленкор. переплете — 5.75.
- Том второй. Мейерхольд, Евреинов, Б. Пастернак, Пудовкин, К. Малевич, Татлин, Н. Гончарова, М. Ларионов, С. Маковский, А. Бенуа, Ал. Толстой, Ленин, Троцкий и др. 33 портрета. 337 стр. Цена 4.75, в коленк. переплете — 5.75.

АРЖАК Николай.

— » —

Искушение. Рассказ. МЛС, 1964, 71 стр. Цена 1.00.
Говорит Москва. Повести и рассказы. (Говорит Москва, Руки, Человек из Минапа, Искупление). Предисловие и послесловие Б. Филиппова. Обложка Н. Сафонова, портрет автора. МЛС, 1966. 167 стр. Цена 2.25.

АРОН Р.

Опиум для интеллигенции. 1960, 236 стр. Цена 2.00.

АРСЕНЬЕВ Н. С.

Из русской культурной и творческой традиции. Изд. «Посев», Франкфурт, 1959, 300 стр. Цена 3.00

АХМАТОВА Анна.

Сочинения. Том первый. Редакция, вступительные статьи и примечания Г. П. Струве и Б. А. Филиппова, с портретами и факсимиле Ахматовой. Обложка и переплет работы С. Голлербаха. МЛС, 1965, 453 стр. Цена 4.50, в холщевом переплете — 5.75.

Издание 2-е, дополненное. 1967, 466 стр. Цена 5.50, в холщев. переплете 6.50.

— » —

Реквием. Русский текст и перевод на эстонский язык Марии Ундэр. Вступит. статья А. Раннита. Послесловие Ф. Мориака. Художник С. Голлербах. Портреты А. Ахматовой и М. Ундэр. МЛС, 1967, 77 стр. Цена 1.75, в переплете 2.25.

- БАБЕЛЬ И. *Конармия*. Фотокопия изд. ГИЗ, 1928, 176 стр. Цена 2.00
- БАШКИРЦЕВ И. *Жизнь измятая*. Роман. Часть 1-я. Мюнхен, 1963, 168 стр. Цена 2.00.
- БЕЛЫЙ Андрей *Серебряный голубь*. Изд. В. Финк, Мюнхен, 1967, 249 стр. Цена 9.00.
- » — *Петербург*. Изд. В. Финк, Мюнхен, 1967, 271 стр. Цена 9. 00.
- » — *Котик Летаев*. С немецк. вступ. статьями Д. И. Чижевского и А. Хёнига. Изд. «Эйдос», Мюнхен, 1964, XVI + 293 стр. Цена 4.50.
- БЕРДЯЕВ Н. *Истоки и смысл русского коммунизма*. УМСА, 1955, 157 стр. Цена 1.50.
- БОГДАНОВ Л. *В стороне от большой дороги*. Вашингтон, 1964, 28 стр., цена 0.60.
- БРОДСКИЙ Иосиф. *Стихотворения и поэмы*. Редакция и вступ. статья Г. Стукова. МЛС, 1965, 239 стр. Цена 2.25.
- БУЛГАКОВ Михаил. *Иван Васильевич. — Мертвые души*. Пьесы. ТЗП, 1964, 145 стр. Цена 2.50.
- БУШМАН Ирина. *Поэтическое искусство Мандельштама*. Мюнхен, 1964, 75 стр., с портретом Мандельштама. Цена 0.75.
- Воздушные Пути*. Альманахи. Ред.-изд. Р. Н. Гринберг. Нью-Йорк. В альманахах помещены произведения Г. Адамовича, А. Ахматовой, И. Бабеля, И. Бродского, В. Вейдле, Г. Кузнецовой, А. Лурье, О. Мандельштама, Ю. Марголина, В. Маркова, В. Набокова, Б. Пастернака, Л. Ржевского, А. Седых, Е. Тагер, Н. Ульянова, Б. Филиппова, В. Ходасевича, М. Чехова, Л. Шалапиной, Л. Шестова, Эрге и др. Портреты Ахматовой, И. Бабеля, О. Мандельштама, Ф. Шалапина и др.

- Альманах второй, 1961, 269 стр. Цена 3.50.
 Альманах третий, 1963, 302 стр. Цена 4.00
 Альманах четвертый, 1965, 302 стр. Цена 4.75.
 Альманах пятый. 1967, 314 стр. Цена 5.75
 (М. Цветаева. Перекоп. Стихи М. Кузмина, И. Бродского, И. Елагина, В. Набокова, Е. Тагер, И. Чиннова, статьи Г. Адамовича, В. Вейдле, А. Лурье, М. Цветаевой, А. Белого и др.)
- ВОЛОШИН Максимилиан *Демоны глухонемые*. Фотокопия изд. 2-го, Берлин, 1923. 1967, 74 стр. Цена 1.00.
- ВОЛЬСКИЙ А.
 (В. Махайский). *Умственный рабочий*. Вступ. статьи А. Перри и Р. Редлиха. МЛС, 1967, 417 стр. Цена 7.00, в переплете — 8.50.
- ВЫЩЕСЛАВЦЕВ Б. П. *Кризис индустриальной культуры*. Марксизм. — Нео-социализм. — Неолиберализм. Изд. им. Чехова, Нью-Йорк, 1953, 352 стр. Цена. 2.75.
- ГУМИЛЕВ Н. *Собрание сочинений в 4-х томах*. Под ред. Г. П. Струве и Б. А. Филиппова. ИВК. С портретами автора, факсимиле и т. д.:
 Том первый. Стихи. Вступ. статья Г. П. Струве, 1962, 2+56+349 стр. Цена 5.00.
 Том второй. Стихи. Поэмы. Вступ. статья Г. П. Струве, 1964, 2+40+378 стр. Цена 5.00.
 Том третий. Стихи. Драматические произведения. Вступ. статья В. М. Сечкарева, 1966, 2+38+360 стр. Цена 5.00.
- ГУНДУЛИЧ И. *Слезы блудного сына*. Перевод Л. Алексеевой. Вступ. статья ред. и комментарии Р. В. Плетнева. МЛС, 1965, 81 стр. Цена 1.25.
- ДОСТОЕВСКИЙ
 Ф. М. *У Тихона*. Пропущенная глава из романа «Бесы». Ред. Е. Жиглевич. Вступ. статья А. Козина. МЛС, 1964, 141 стр. Цена 2.00

- ЕМЕЛЬЯНОВ В. *Свидание Джима*. Повесть. Изд. 2-ое. Париж, 1964, 118 стр. С портретом автора. Цена 2.00.
- ЗАБОЛОЦКИЙ Н. *Стихотворения*. Под. ред. Г. П. Струве и Б. А. Филиппова. Вступ. статьи А. Раннита, Б. Филиппова и Э. Райса. С портретами автора. Рисунок обложки и переплета Евгении Жиглевич. МЛС, 1965, 71+368 стр. Цена 4. 74, в коленкор. переплете — 5.50.
- ЗАЙЦЕВ Борис. *Далекое*. С портретом автора работы С. Иванова, МЛС, 1965, 203 стр. Цена 3.00.
- ЗАМЯТИН Е. *Повести и рассказы*. Вступ. статья М. Слонима. Мюнхен, 1963, 320 стр. С портретом автора работы Б. Кустодиева. Цена 3.00
- ЗАМЯТИН Е. *Мы*. Вступ. статья Е. Жиглевич. Послесловие В. Бондаренко. Портрет работы Ю. Анненкова. Обложка Е. Жиглевич. МЛС, 1967, 10+224 стр., Цена 2.80
- ЗОЩЕНКО Михаил. *Перед восходом солнца*. Повесть. Вступ. статьи В. фон Вирен-Гарчинской и Б. Филиппова. Ред. Е. Жиглевич. Переплет и обложка Н. Сафонова. МЛС, 1967, 199 стр. Цена 3.00, в переплете — 3. 80.
- ИВАСК Юрий. *Хвала*. Стихи. ИВК, 1967, 63 стр. Цена 1.50.
- КАНДИНСКИЙ Василий. *О духовном в искусстве*. Предисловие Н. Кандинской. Перевод А. Лисовского, пересмотренный Н. Н. Кандинской и Е. В. Жиглевич. Гравюры и репродукции картин В. Кандинского. Редакция Е. Жиглевич. МЛС, 1967, 151 стр. Цена 3.50, в тверд. переплете 4.50
- КЛЕНОВСКИЙ Дмитрий. *Разрозненная тайна*. Стихи. Мюнхен, 1965, 56 стр. Цена 1.00.
— > —
Стихи. МЛС, 1967, 216 стр. Цена 3.00.
- ЛЕОНГАРД В. *Революция отвергает своих детей*. Изд. «Кондор», 1960, 578 стр. Цена 3.50.

- Литературное
Зарубежье.* Сборник-антология. 1958, 356 стр. (произведения Г. Андреева, О. Анстей, Ю. Большухина, И. Елагина, О. Ильинского, А. Кашина, Д. Кленовского, М. Корякова, С. Максимова, Н. Моршена, Н. Нарокова, Л. Ржевского, В. Свена, Б. Филиппова, Б. Ширяева, А. Шишковой, С. Юрасова). Цена 2.00.
- МАКОВСКИЙ С. *На Парнасе серебряного века.* Воспоминания. Мюнхен, 1961, 370 стр. С портретами. Цена 3.00.
- МАНДЕЛЬШТАМ
Осип. *Собрание сочинений.* Редакция Г. П. Струве и Б. А. Филиппова. Том первый. Вступ. статьи К. Брауна, Г. П. Струве и Э. М. Райса. МЛС, 1964, 4+105+577 стр. С портретами автора. Первый портрет и рисунок переплета и обложки С. Голлербаха. Цена 5.50, в переплете — 6.25.
Том второй: Стихотворения, — Проза. Вступительная статья Б. А. Филиппова. 1966, 4+18+637 стр. Цена 5.75, в переплете — 6.25.
- МЕЙЕР Георгий. *Свет в ночи.* («О преступлении и наказании»). Вступ. статья Н. Тарасовой. Изд. «Посев», Франкфурт, 1967, 517 стр. Цена 6.00.
- МИХАЙЛОВ Михайло. *Лето московское 1964.* — *Мертвый дом Достоевского и Солженицына.* Перевод Я. Трушновича. Изд. «Посев», Франкфурт, 1967, 184 стр. Цена 3.00.
- МОРШЕН Николай *Двоеточие.* Стихи. ИВК, 1967, 68 стр. Цена 1.75.
- «МОСТЫ». Альманахи. Мюнхен. Книги 11 и 12 — ТЗП. В альманахах помещены произведения:
Г. Адамовича, Л. Алексеевой, Г. Андреева, Ю. Анненкова, О. Анстей, Аргуса, Н. Арсеньева, А. Бахраха, Н. Берберовой, Н. Бердяева, П. Бобринского, Ю. Большухина, В. Бондаренко, о. Сергия Булгакова, И. Буркина, И. Бушман, Ив. Бунина, В. Варшавского, В. Вейдле, А. Величковского, Г. Газданова, З. Гиппиус, О. Гэксли, М. Джиласа, В. Дукельского, Г.Евангулова, И.

Елагина, Г. Ермолаева, А. Есенина-Вольпина, Б. Жабинского, Н. Заболоцкого, В. Завалишина, Б. Зайцева, Е. Замятина, Л. Зандера, В. Зубова, Вячеслава Иванова, Ю. Иваска, О. Ильинского, А. Камю, А. Кашина, Ю. Клайна, Д. Кленовского, В. Корвина-Пиотровского, М. Корякова, Г. Кругового, А. Кторовой, Г. Кузнецовой, С. Левицкого, Б. Литвинова, В. Литвинского. О. Мандельштама, Т. Манна, В. Маркова, Д. Мережковского, Е. Модестова, О. Можайской, Н. Нарокова, А. Неймирока, Ю. Одарченко, И. Одоевцевой, Д. Орвелла, Б. Пастернака, С. Ж. Перса, Н. Полторацкого, К. Померанцева, С. Прегель, А. Присмановой, Г. Раевского, А. Ремизова, Л. Ржевского, Л. Сабанеева, А. Седых, В. Сержа, В. Смоленского, Ф. Степуна, Странника, Г. Струве, Е. Таубер, Ю. Терапиано, А. Терца, А. Тойнби, А. Тургеневой, Б. Филиппова, В. Фолкнера, В. Франка, С. Франка, Э. Хемингуэя, В. Ходасевича, Марины Цветаевой, Д. Чижевского, И. Чиннова, Л. Шестова, А. Шика, И. Шмелева, В. Юрасова, Е. Юрьевского, В. Яновского и др. С портретами, репродукциями картин и рисунков и т. д.

- № 1, 1958, 430 стр. Цена 2.00.
№ 2, 1959, 462 стр. Цена 2.00.
№ 3, 1959, 433 стр. Цена 2.00.
№ 4, 1960, 330 стр. Цена 2.00.
№ 5, 1960, 346 стр. Цена 2.00.
№ 6, 1961, 382 стр. Цена 2.00.
№ 7, 1961, 398 стр. Цена 2.00.
№ 8, 1961, 350 стр. Цена 2.00.
№ 9, 1962, 367 стр. Цена 3.00.
№ 10, 1963, 426 стр. Цена 3.00.
№ 11, 1965, 404 стр. Цена 4.00.
№ 12, 1966, 408 стр. Цена 4.00

- «МОСТЫ» *Сборник к 50-летию русской революции.* ТЗП, 1967, 233 стр. Цена 3.00 (Статьи С. Франка, В. Вейдле, Н. Ульянова, Н. Осипова, Д. Анина, И. Курганова, К. Померанцева, Н. Отрадина, Ю. Иваска, Г. Ермолаева, П. Струве, Г. Струве, В. Засулич).
- НАРЦИССОВ Борис. *Память.* Третья книга стихов. РК, 1965, 47 стр. Цена 1.00.
- ОРВЕЛЛ Дж. *Скотский хутор.* Перевод с англ. Г. П. Струве и М. С. Кригер. Изд. «Посев». Франкфурт-на-Майне, 1950, 79 стр. Цена 0.50.
- * — 1984. Перевод с англ. Изд. «Посев» Франкфурт-на-Майне. 298 стр. Цена 1.00.
- ПАСТЕРНАК Борис. *Сочинения в 4-х томах.* Тома 1-3 под ред. и с комментариями Г. П. Струве и Б. А. Филиппова. Вступ. статьи к 1-3 тт. В. В. Вейдле, к 1-му тому — Жаклины де-Пруаяр. Изд. Мичиганского университета. Анн-Арбор:
- Том первый. Стихи и поэмы 1912-1932; 1961, 2+44+504 стр. Цена 8.50.
- Том второй. Проза 1915-1958; 1961, 2+14+363 стр. Цена 8.50
- Том третий. Стихи 1936-1959. Стихи 1912-1957, не собранные в книги автора. Статьи. 1961, 2+16+330 стр. Цена 8.50.
- Том четвертый. Доктор Живаго. Роман. 1959, 4+567 стр. Цена 6.50.
- РАЙС Эммануил. *Под глухими небесами.* Из дневников 1938-1941. Обложка Г. Петрова. МЛС, 1967, 104 стр. Цена 2.40.
- РЖЕВСКИЙ Л. *Двое на камне.* Повести и рассказы. ТЗП, 1960, 131 стр. Цена 1.75.
- САМАРИН Владимир. *Тени на стене.* Рассказы. Обложка Н. Сафонова. РК, 1967, 75 стр. Цена 1.50.

- Сборник статей, посвященных творчеству Бориса Леонидовича Пастернака.*
Мюнхен. 1962, 253 стр. (Б. Пастернак, Б. Зайцев, Д. Оболенский, Л. Ржевский, И. Бушман, Г. Струве, В. Франк и др.). С портретом Пастернака. Цена 2.50.
- СЕВЕРЯНИН Игорь. *Собрание поэм.* Том I. Громокипящий кубок. Изд. В. Пашуканиса, М., 1915 (Фотоиздание ИВК, 1966). С портретом автора. 203 стр. Цена 2.50.
Том 2. Златолира. ИВК, 1967, 215 стр. Цена 2.50.
- Синявский и Даниэль на скамье подсудимых.* Процесс. Последние слова Синявского-Терца и Даниэля-Аржака. Со вступительными статьями Елены Замойской и Бориса Филиппова. МЛС, 1966, 129 стр. С портретами Синявского и Даниэля. Цена 1.50.
- Советская потаенная муза.* Антология. Редакция и предисловие Б. Филиппова. Изд. И. Башкирцева. Мюнхен, 1961, 159 стр. (Ф. Солонгуб, Марина Цветаева, В. Кривич, В. Р., А. Николев, А. Котлин, А. Есенин-Вольпин, анонимы и др.). Цена 1.50.
- СОЛОГУБ Федор. *Одна любовь. Стихи.* Фотокопия изд. «Алконост», 1921, ИВК, 1962, 53 стр. Цена 1.00.
- СТАВАР Анджей. *Избранные статьи о марксизме.* Перевод с польского В. Петрова. Вступительная статья Г. Петрова. Изд. «Окно», Хайаттсвилл, 1964, 309 стр. Цена 1.75.
- СТЕПУН Федор. *Встречи.* ТЗП, 1962, 206 стр. (Бунин, Б. Зайцев, А. Белый, Л. Леонов и др.). Цена 3.00
- СТРУВЕ Глеб. *Угловое жилье.* Стихи. МЛС, 1965, 124 стр. С портретом автора. Цена 1.50.
- ТЕРАПИАНО Юрий. *Избранные стихи.* ИВК, 1963, 112 стр. Цена 1.50.
- » — *Паруса.* Стихи. РК, 1965, 38 стр. Цена 1.00.

- ТЕРЦ Абрам. *Фантастический мир Абрама Терца*. Повести, рассказы, очерки (В цирке. — Ты и я. — Квартиранты. — Графоманы. — Гололедица. — Пхенц. — Суд идет. — Любимов. — Что такое социалистический реализм). Вступительная статья Б. Филиппова. Портрет автора. Обложка Н. Сафонова. МЛС, 1967, 459 страниц. Цена 3.80.
- * — *Мысли врасплох*. Вступительная статья А. Филда. Обложка работы Н. Сафонова. ИР, 1966, 147 стр. С портретом автора. Цена 2.00.
- ТЫНЯНОВ Юрий. *Архаисты и новаторы*. Изд. В. Финк, Мюнхен, 1967, VI + 596 стр. Цена 13.00.
- ФИЛИППОВ Борис. *Сквозь тучи*. Повесть в 4-х рассказах. Вашингтон, 1960, 191 стр. Цена 1.85.
- * — *Пыльное солнце*. Рассказы. Вашингтон, 1964, 47 стр. Цена 0.85.
- » — *Тусклое оконце*. Рассказы, стихи, очерки. Обложка Н. Сафонова. РК, 1967, 87 стр. Цена 1.80.
- ФОРШ Ольга. *Сумасшедший корабль*. МЛС, 1964, 256 стр. Цена 3.00
- ФРАНК С. Л. *Из истории русской философской мысли конца 19-го и начала 20-го века*. Антология. Под ред. В. Франка, МЛС, 1965; обложка и переплет по рис. С. Голлербах, 286 стр. Цена 4.00, в коленк. переплете — 4.75.
- * — *Душа человека*. Опыт введения в философскую психологию. Изд. 2-ое. УМСА, 1964, 328 стр. Цена 4.00.

Перечисленные выше книги можно приобрести в магазинах русской книги Европы и Америки.

Издания Международного Литературного Содружества (Inter-Language Literary Associates) и «Русской Книги» в Европе — ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО через генерального представителя Содружества (и «Русской Книги») — и в тех европейских магазинах, которым он передает наши книги —

A. NEIMANIS

BUCH-VERTRIEB

8 München (Munich) 2, Linprunstrasse 11. West Germany

Эти же издания — и издания И. Г. Раузена в США, Канаде, Южной Америке и Израиле можно приобрести исключительно через генерального представителя Содружества (и «Русской Книги») — и в тех американских, канадских, южноамериканских и израильских книжных магазинах, которым он передает наши книги —

RAUSEN PUBLISHERS & DISTRIBUTORS

3637 Broadway, New York, N.Y. 10031. U.S.A.

Tel.: 212—286-7419

ТРЕБУЙТЕ НАШИ КАТАЛОГИ:
КАТАЛОГИ ВЫСЫЛАЮТСЯ БЕСПЛАТНО.

В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ ВЫЙДУТ ИЗ ПЕЧАТИ:

- АХМАТОВА Анна. *Сочинения*. Том второй. «Поэма без героя», стихотворения, воспоминания, статьи о Пушкине, литературные статьи и рецензии. Редакция Г. П. Струве и Б. А. Филиппова. Вступит. статьи и послесловие А. Раннита, В. Франка, Б. Филиппова и Н. Струве. Художник С. Голлербах. Портреты Ахматовой. Около 500 страниц. МЛС.
- » — *Реквием*. Русский текст и латышский. Двухязычное издание. Перевод и вступительная статья Петериса Айгарса. Редакция Е. Жиглевич. Послесловие Ф. Мориака. Художник С. Голлербах. Портрет Ахматовой. 76 стр. МЛС.
- БРОДСКИЙ Иосиф. *Стихотворения*. Второе дополненное издание под редакцией и со вступит. статьей Г. Стукова. Художник Н. Сафонов. Около 270 стр. МЛС.
- ГУМИЛЕВ Н. *Собрание сочинений* в 4 томах. Под ред. Г. П. Струве и Б. А. Филиппова. Том 4. Проза. Вступ. статьи В. В. Вейдле и К. Ф. Тарановского. Ок. 500 стр. ИВК.
- ЗАЙЦЕВ Борис. *Река времен*. Повести и рассказы. С портретом автора. Ок. 400 стр. МЛС.
- МАНДЕЛЬШТАМ Осип. *Собрание сочинений* в 3 томах. Редакция Г. П. Струве и Б. А. Филиппова. Художник С. Л. Голлербах. С портретами автора: МЛС:
- Том первый. Стихотворения. Издание 2-е, исправленное и дополненное. Вступ. статьи К. Брауна, Г. Струве и Э. Райса. Около 720 стр.
- Том третий. Статьи литературные. Переписка. Вступит. статьи Ю. Иваска и Н. Струве. Около 640 стр.

